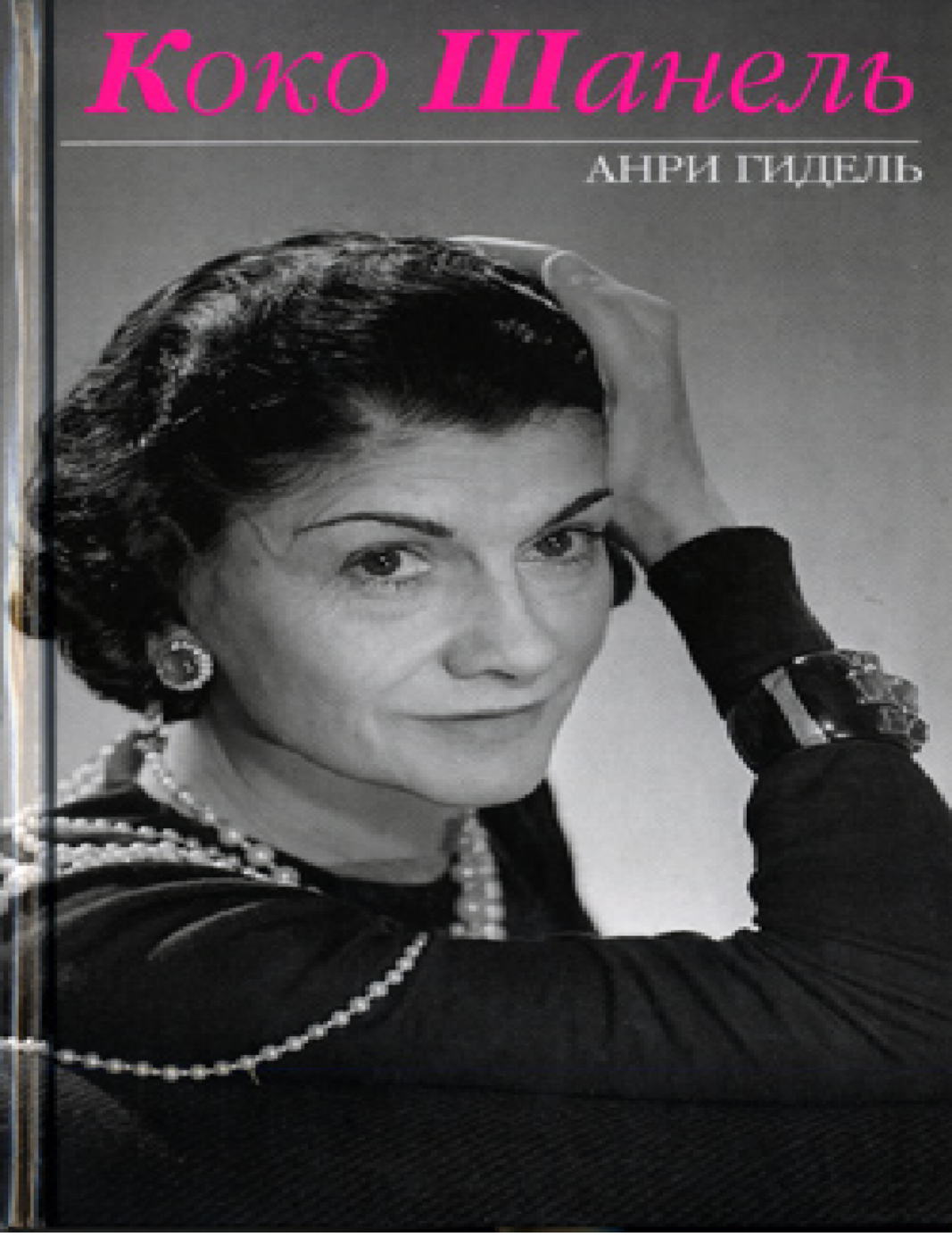
Коко Шанель

АНРИ ГИДЕЛЬ



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Коко Шанель – одна из ярчайших звезд на небосклоне высокой моды, просиявших в XX столетии. Ее яркая личная жизнь, Кокто, Жаном Маре, Игорем Стравинским, страстная увлеченность своей профессией – сделали биографическое повествование Анри Гиделя захватывающим «высоким чтением».

- Анри Гидель
  - ПРЕЛЮДИЯ
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19

- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63

- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73

Анри Гидель
Коко Шанель

Это одна из самых умных и приятных женщин и самая сильная женщина, с которой мне когда-либо приходилось иметь дело.

Уинстон Черчилль

Ее элегантность потрясает воображение даже непосвященных!

Кристиан Диор

Коко Шанель говорила мне: «Человек-легенда обречен растворить себя в мифе – и тем самым укрепить миф». Сама она так и поступила. Выдумала себе все – семью, биографию, дату рождения и даже имя.

Сальвадор Дали

Все в наших руках, поэтому не стоит их опускать!

Бедность – не противоположность роскоши.

Истинная элегантность предполагает беспрепятственную свободу движения. Элегантность не в том, чтобы надеть новое платье. Элегантна – потому что элегантна, новое платье тут ни при чем. Можно быть элегантной в юбке и в хорошо подобранной фуфайке. Было бы несчастьем, если надо было бы одеваться у Шанель, чтобы быть элегантной. Это так ограничивает!

Чтобы великолепно выглядеть, необязательно быть молодой и красивой.

Своей манерой одеваться я вызывала насмешки окружающих, но в этом и состоял секрет моего успеха. Я выглядела не так, как все.

Коко Шанель

ПРЕЛЮДИЯ

…Март 1895 года. Петляя, взбирается на холм дорога из Брива в Туль. Она узка, эта дорога, гораздо уже, чем в наши дни. Кое-где по вершинам соседних холмов еще белеют пятна снега, которые зимнему солнцу было не под силу растопить. Вихляя из стороны в сторону, в гору с трудом взбирается влекомая жалкой клячонкой двуколка под серым брезентом. Возница – одетый в складчатую рубаху красивый черноусый брюнет лет сорока. В немудреном экипаже сидят, прижимаясь друг к другу, три девчушки с худыми грустными личиками; их головки повязаны бахромчатыми платками.

Час спустя двуколка останавливается перед сиротским приютом в Обазене. Заведение помещается в старинном аббатстве, вокруг которого сгрудились городские домишки. Здесь заканчивается путь трех юных пассажирок. Привязанная за недоуздок к одному из платанов, служащих украшением площади, кляча ржет и фыркает в ожидании хозяина.

Вскоре массивная, обитая гвоздями дверь отворяется, и возница выходит один. Шаг его непринужден; похоже, он даже слегка улыбается.

Возницу зовут Альберт Шанель, он ярмарочный торговец. Три девчушки, отданные им в приют, – его собственные дочери. Несколько дней назад они потеряли мать, и родной отец решил избавиться от них. Никогда больше им не суждено его увидеть…

Старшую из юных барышень зовут Джулия, ей тринадцать лет; среднюю – Габриель, ей двенадцать; и наконец, младшей, Антуанетте, всего восемь.

Двадцать лет спустя о Габриель – под именем Коко Шанель – узнает весь мир.

1
СЕМЬЯ ЯРМАРОЧНЫХ ТОРГОВЦЕВ

Отец Габриель увидел свет в Ниме, она сама – в Сомюре, и тем не менее всегда невозмутимо твердила: «Я из Оверни!» И этот парадокс – еще не самый существенный из тех, что можно было слышать из уст Габриель! В действительности же все гораздо сложнее.

Корни семьи Шанель следует искать в севеннской земле, на севере департамента Гар. Здесь, в деревушке Понтейль, затерявшейся среди суровых, подолгу укутанных зимними снегами земель, можно выйти на след предков Коко. Источником существования местным жителям служил главным образом сбор каштанов, которые они продавали осенью на ярмарке; но в ту эпоху, в начале XIX века, каштаны значили для них нечто большее, чем просто хлеб насущный. Они любили собираться по вечерам, и по воскресеньям, засиживаясь допоздна, в единственном на всю округу кабачке – здесь пили, ели, рассказывали старинные местные легенды и обменивались свежими сплетнями. Кабачок располагался в бывшей ферме – солидной каменной постройке с толстыми стенами и узкими, словно бойницы, окнами. Казалось, будто это сооружение само выросло из севеннской земли, богатой древними корнями и преданиями, о которых шепчутся вековые каштаны, тысячами произрастающие на окрестных холмах, уходящих в бесконечность.

Владельцем кабачка, утолявшим жажду местных пейзан, наполняя им кувшинчики кисловатым вином (каковое их вполне удовлетворяло, ибо лучшего им ни при какой погоде не доводилось пробовать), был не кто иной, как прадед Габриель, Жозеф Шанель, родившийся в этой же деревне в эпоху Революции, в 1792 году. Кроме сего местного деликатеса, Жозеф и его благоверная продавали своим клиентам водку, вызывавшую пожар в глотке, превосходный домашний хлеб, выпеченный в печи, выходящей прямо в общий зал, а также масло и чесночную колбасу, вызывавшую всеобщее одобрение.

Но было бы напрасным думать, что хозяйство процветало. Семья Шанель была только нанимателем части дома, примыкавшей к общему залу (где и принимали клиентов), – там были камин с прокопченной чугунной доской, кровать за занавеской да свисавшая с потолка шарообразная керосиновая лампа. Также имелась плохо освещенная комнатка, где на соломенных тюфяках спала детвора, да погреб, своды которого

блестели от сырости.

Жозеф собственноручно соорудил сундук, в котором его половина держала белье и одежду. Им же были изготовлены длинный стол и стулья для посетителей кабачка. Исполненный наивной гордости за свое столярное мастерство, образцом которому послужили творения краснодеревщиков минувшего столетия, он не колеблясь ставил собственное клеймо на своих скромных произведениях. Но, как добрый католик, он почитал бы святотатством ставить инициалы «J.C.» (совпадающие с инициалами господа нашего Иисуса Христа!), и потому он вырезал просто двойное «C» (разве мог он тогда знать, что в будущем этому знаку уготована удивительная, славная судьба!).

С 1830 по 1842 год Жозеф Шанель произвел на свет пятерых детей, из них одну дочь. Что касается сыновей, то нас интересует второй, Анри-Адриен Шанель, дедушка Габриель. Родился он в 1832 году, в начале правления Луи-Филиппа. Но чем он, «ле Шанель», как уважительно называли его местные пейзане, будет существовать впоследствии? Доходами от кабачка? Об этом не могло быть и речи: традиция обязывала, чтобы коммерческое предприятие наследовал старший сын в семье. Что ж! Как и остальные братья, он станет сельскохозяйственным рабочим, поденщиком, будет продавать крестьянам свою силу, свои руки, свой опыт, которые нынче так ценятся! Землю он знает хорошо. Жаль только, что не обучен ничему другому…

К несчастью, в 1850-е годы на регион обрушился суровый кризис: каштаны, служившие местным жителям источником существования, оказались поражены некоей серьезной болезнью, иссушавшей их стволы и листву. Представьте же себе тысячи умирающих деревьев, в агонии простерших к небу свои оголенные ветви! Каких агрономов заинтересовала бы эта несчастная земля? А может, зло пройдет само собою, как дурной сон? Напрасная надежда! Люди устраивали крестные шествия, призывая на помощь всех святых… Все вотще! Небо оставалось глухо к их мольбам.

И начался массовый исход.

Первыми уезжали молодые. Жозеф остался при своем кабачке, а вот сыновья покинули здешние леса и горы в поисках работы. Анри-Адриен снялся с места в 1854 году. Ему было тогда двадцать два. Но город пугал его: в местечке Алес, что в семи-восьми часах езды от родной деревушки, требовались рабочие для угольных шахт, однако ехать туда он не решился. Лучше уж устроиться где-нибудь поближе, в Сен-Жан-де-Валерискле. Он нанялся в питомник шелковичных червей, который держала семья Фурнье, отдавая свою заботу шелковицам, червям, коконам. Ему

по нраву этот труд, вполне соответствующий его нехитрой крестьянской выучке, а хозяин не мог нарадоваться такому ревностному работнику. Так бы все шло и дальше, да вот беда: приглянулась новому работнику хозяйская дочь, юная Виржини-Анжелина, которой едва исполнилось шестнадцать лет. Опасная связь раскрылась очень скоро; бедная Анжелина, скомпрометированная в глазах сельчан, рисковала навсегда остаться без жениха. И главное, кто соблазнитель – бродяга, оборванец, все добро которого помещается в котомке из серого сукна, которую он принес с собою! Вот это бесило чету Фурнье более всего. Неважно, пусть он покроет грех! Родители соблазненной девушки так и объявили виновнику: если он откажется на ней жениться, то его тут же передадут в руки жандармов: ведь девушка не достигла совершеннолетия. Молодых поспешно обвенчали в маленькой деревушке Ганьер близ Бесежа; случилось это все в том же, 1854 году.

Но оставаться в краю, где пересуды и не думали утихать и где все показывали на них пальцем, молодые не могли. Решили – самым правильным будет податься в Ним, в пятнадцати лье к югу отсюда, и обосноваться там. В конце концов, большой город, где их никто не знает и легко затеряться. Прошения четы Фурнье не следует ждать ни сейчас, ни в будущем, отношения с ними разорваны навеки. Таковы были суровые нравы в крестьянской среде.

Однако вопрос, на какие средства кормить Анжелину, оставался открытым. Город Ним был выбран нашим героем еще и вот по какой причине: он рассчитывал встретить там многих своих односельчан, ранее бежавших сюда от нищеты и сумевших устроиться. Как, например, родной брат Эрнест, сделавшийся торговцем рыбой. Наверняка не без его помощи Анри-Адриен поселился в старой части города, на улице Ба д'Аржан, неподалеку от самого крупного в Ниме рынка, где надеялся преуспеть в роли торговца. Но вскоре его постигло разочарование. Выходец из крестьянской среды, он не умел продавать горожанам разные там галстуки, шарфы, береты и рабочую одежду – все это беспорядочно грудилось у него на прилавке: он был далек от тонкостей и навыков, которых требовала профессия. Лучше уж он сделается торговцем вразнос, возя свой товар по всему краю от ярмарки к ярмарке – туда по крайней мере съезжаются крестьяне, с которыми он сумеет найти общий язык. И что же? Очень быстро оказалось, что выбор сделан верный и это ремесло сможет его прокормить. К тому же оно как нельзя лучше соответствовало его бродяжнической натуре – ему по сердцу странствовать, спасаясь от монотонности бытия. И вот

его можно встретить на всех ярмарках департамента – в Сен-Жандю-Гар, в Андузе, в Ремулене, в Юзее, не говоря уже о Пон-Сент-Эспри или Эг-Морте. Его тряскую тележку узнают на всех дорогах Гара – то она пересекает пустошь, прокладывая колею, то взбирается по петляющим тропам на холмы Эгюйя. В любую пору катит тележка – то под знойным полуденным солнцем макушки лета, то среди пушистых снегов долгих севеннских зим.

Шатаясь по городам и весям, Анри-Адриен умудрился обзавестись многоголосой оравой детей – общим числом девятнадцать, если быть точным. Тогда, в XIX столетии, столь многочисленные семьи не были таким, как сейчас, исключением – взять хотя бы Адольфа Тьера, который сам был девятнадцатым ребенком у своего отца. Первенец Анри-Адриена, появившийся на свет в 1856 году, был не кто иной, как Альберт, будущий отец Габриель. Его мать Анжелина, которой едва исполнилось девятнадцать, одна отправилась в нимский родильный приют – муж задержался на ярмарке, опасаясь, что прогорит, и не приехал поддержать свою супругу. Также не пришел поддержать роженицу никто из остальных членов семьи – такие нравы царили в этой среде, и правило «каждый сам за себя» никого не шокировало.

Среди многочисленных братишек и сестренок (почти все из которых появлялись на свет волею случая, от ярмарки к ярмарке) Альберт оказывал некоторое предпочтение родившейся в 1863 году крошке Луизе, будущей тетушке Габриель. Оба ребенка вместе вносили свой вклад в прокорм семьи: родители сдавали их «напрокат» крестьянам на время сенокоса и сбора винограда. Очень часто им также приходилось переносить на голове до рынка тяжелые тюки предназначенного для продажи белья и одежды.

Вполне естественно, будущий отец Габриель унаследовал от отца профессию, позволявшую избежать нищеты. Отслужив положенный срок в армии, Альберт еще несколько лет жил бок о бок с родителями, осваивая ремесло торговца вразнос. Словоохотливый Альберт всегда привлекал публику неистощимым красноречием, и потому дела у него неизменно шли на лад. И вот в один прекрасный день он решил расправить собственные крылья и посвятить себя бродячей жизни, как и его родители.

Обладая более дерзким, чем у отца, темпераментом, Альберт отваживался выезжать с товаром и в соседние департаменты – он торговал, помимо всего прочего, также и галантереей, сладостями, пряниками и даже вином. Предлагая покупателю в качестве «приложения», скажем, к розовому платью стаканчик гарского вина с колечком колбасы и краюхою хлеба, он нередко

вдохновлял его на приобретение нескольких бутылок, а то и бочонка.

Однажды, в ноябре 1881 года, когда устраивается сен-мартенская ярмарка, Альберт слез со своей двуколки и установил лотки на площади маленького городка Курпьер,[1] что на севере департамента Пюи-де-Дом, невдалеке от Тьера, овернского центра по изготовлению ножей. Курпьер, который в описываемую эпоху насчитывал едва 2000 жителей, возвышался над долиной чудесной и богатой рыбой реки Доу,[2] куда по воскресеньям со всей округи радиусом в пять-шесть лье съезжались любители поудить форель. В центре городка высилась возведенная еще в каролингскую эпоху церковь Св. Мартина, вокруг которой теснились многочисленные средневековые домишки, образуя узкие и извилистые улочки. Население городка составляли крестьяне, ремесленники (гончары, портные, сапожники, мастера по изготовлению деревянных сабо и разные прочие), а также коммерсанты – свидетельством их высокой активности служили несколько рынков, расположенных в центре города. Помимо традиционных торговых рядов, здесь имелись также рынок каштанов, рынок пряжи, гончарный рынок и даже рынок деревянных сабо…

Видя, что жизнь здесь бьет полным ключом, Альберт поддался искушению спокойно переждать здесь мертвый сезон. Остановился он у некоего Марена Деволя, потомственного плотника и сироты с малых лет. Этот молодой человек пользовался столь серьезной репутацией, что ему было доверено попечительство над младшей сестрой Жанной, 19 лет. Она обучалась ремеслу швеи и жила у своего дядюшки – местного виноградаря по имени Огюстен Шардон, который тринадцать лет назад, по смерти матери девочки, взял ее к себе.

Нетрудно догадаться, что сердцееду Альберту, любившему быстрые приключения без продолжений, не стоило ни малейшего труда совратить юную сестру своего хозяина. Неопытная в науке жизни девушка, которой не случалось бывать даже в Клермон-Ферране, не говоря уже о Тьере или Риоме, была так обольщена ласковыми речами, что частенько оказывалась у двери соседнего амбара и одним прыжком ныряла в мягкий, душистый сеновал, где балдахином служила густая паутина. Кстати сказать, это была не единственная женщина, соблазненная нашим ловеласом в Курпьере; но она оказалась единственной, имевшей несчастье забеременеть.

Дни текли за днями, Жанна лила потоки слез и задавала себе вопросы: что ждет ее, как отреагирует брат, когда узнает? Но и для Альберта ситуация выглядела достаточно сложной. Конечно,

это был далеко не первый случай подобных «подвигов» бродячего торговца во время поездок по ярмаркам. Но будем смотреть на вещи просто! На этот случай нашему герою был ведом только один выход, столь же эффективный, сколь и неджентльменский – бежать, бежать без оглядки! И в будущем исключить Курпьер из своих маршрутов. Вот и все.

Однажды июльским утром 1832 года ничего не подозревавший Марен постучал в дверь к своему постояльцу и обнаружил, что комната пуста. Кровать была застелена, а комната тщательно убрана. Марен стал теряться в догадках, что же послужило причиной такого необъяснимого бегства. Прошло еще несколько недель, и дядюшка Огюстен Шардон заметил, как у его племянницы округлился стан. Какой скандал! Рыдая, бедняжка созналась во всем, но дядюшка был неумолим: сама согрешила, сама и отвечай! Безжалостно изгнанная из дядюшкиного дома, несчастная Жанна нашла пристанище у брата. Семья Деволь была крайне возмущена поведением Альберта – это ему, негодяю, с рук не сойдет, его найдут во что бы то ни стало! На поиски беглеца устремился весь клан Деволь; на помощь пришел мэр городка Виктор Шамерла, как если бы была задета честь не только семьи, но и всего Курпьера! Но отыскать Альберта оказалось не так-то просто: всякий знает, бродячий торговец нынче здесь, а завтра там. После нескольких месяцев расспросов удалось вычислить местопребывание родителей Альберта: Анри-Адриена и его жены Анжелины, временно проживавших в Клермоне, в полусотне километров от Курпьера. Напуганные угрозами, которые во множестве обрушили на них члены семьи Деволь, они выдали адрес, по которому скрывался их отпрыск: Обен, департамент Ардеш. Жанна не колебалась ни мгновения. Хотя беременность уже была на последнем сроке, она одна, без спутников, отважно пустилась в путь до Обена. Там она узнала, что Альберт поселился в местной гостинице на правах пансионера и живет припеваючи: сладко ест, сладко пьет и охотно принимает деловых партнеров из разных мест.

Представьте же себе смятение Альберта, когда он увидел на пороге гостиницы отнюдь не тонкий силуэт той, которую он соблазнил несколько месяцев назад! Для него это была уже история минувших дней. Но реальность предстала перед ним во всей своей суровости. Как принял вошедшую ярмарочный торговец? Об этом мы никогда не узнаем. Известно только, что вечером следующего дня Жанна разрешилась от бремени в скромной комнате все той же гостиницы, где ей непрерывно приносили тазы с горячей водой и меняли белье. Теперь уж Альберту потруднее будет смыться, избежав скандала!

Имевшееся-таки у него понятие о приличии да крохи совестливости довершили дело – молодой папаша согласился признать свою плоть и кровь, крошку Джулию, которая только что появилась на свет.

Джулия будет старшей сестрой Габриель. Но связать себя с Жанной брачными узами – это совсем другая история. В глазах Альберта это значило повязать себя по рукам и ногам на всю жизнь – ведь развода тогда еще не существовало.[3] При одной мысли неисправимого 26-летнего бродягу прошибал холодный пот. Тем не менее мэрия, чтобы спасти честь мундира, записала крохотную Джулию «рожденной от родителей, состоящих в законном браке». Обенский трактирщик, неспособный отказать в просьбе даже такому клиенту, как вертопрах Альберт, скрепил своею подписью эту ложь во спасение.

Теперь молодой чете требовалось выбрать для себя место жительства. Альберт не такой человек, чтобы подчиниться мнению подруги или хотя бы прислушаться к нему, – он все будет решать сам! Остаться в Ардеше? Об этом не может быть и речи: край беден, клиенты редки и не внушают доверия. В любом случае нужно искать счастья где-нибудь в другом месте. Но где? В Курпьере? Под бдительным оком клана Деволь? Нет, боже упаси! Равным образом следует избегать Оверни, где жили его родители: такая близость заставит его почувствовать себя скованным. Начнут еще читать мораль… Нет, лучше держаться от них подальше! Он выбрал Сомюр. Жанна последовала за ним. А что еще она могла сделать, кстати сказать? Но почему выбор Альберта пал на Сомюр? Возможно, ему пришло на ум, что богатые урожаи винограда, которым славится эта местность, позволят ему целиком посвятить себя высокодоходной торговле престижными марками вин. Ведь случалось же ему, торгуя трикотажем, продать бочонок-другой севеннского кислого винишка! Этот прожект еще долго будет будоражить его мысли…

В январе 1883 года Альберт, Жанна и Джулия прибыли в Сомюр. Стоит ли удивляться, что не прошло и трех месяцев после рождения первой дочери бродячего торговца, а его подруга снова понесла под сердцем ребенка?

Сомюр произвел на Альберта и Жанну благоприятное впечатление. Над городом, раскинувшимся по берегам величественно-широкой в этом месте Луары, вознесся массивный замок, возведенный на вершине нависшего над рекой утеса; уже много веков он смотрел с высоты на людскую суету; а жизнь в городе в описываемый период била ключом, хотя население не превышало шестнадцати тысяч. Такое оживление было обязано главным образом наличию в городе появившейся еще в эпоху

Реставрации знаменитой Школы кавалерии. Любо-дорого было смотреть на учащихся и их наставников, на строгую элегантность униформ – кепи, венгерки с бранденбурами,[4] скроенные по фигуре, изящно облегающие, украшенные золочеными пуговицами, стеки с серебряными ручками. Воспитанники щеголяли с бахвальством денди… Апофеоз наступал в августе – на площади Шардонне устраивались конные состязания, привлекавшие толпы людей. Здесь, в городе, где царила лошадь, собиралась обосноваться семья Шанель. Как обычно, Альберт избрал местом проживания старинный квартал в непосредственной близости от того места, где он намеревался начать свою коммерцию. В данном случае это был старинный, XVI века дом с узким фасадом по адресу: улица Сен-Жан, 29. На этой улице было множество лавок, и находилась она по соседству с двумя рынками – на площади Биланж, обращенной к мосту Пон-Кассар, и на площади Сен-Пьер. Но, понятное дело, он часто покидает Сомюр, разъезжая по ярмаркам в таких местах, как Анжу или Турен. Однако, несмотря на все усилия, дела у него шли явно не блестяще – он снимал лишь убогую комнатенку в мансарде – здесь, в этой пропахшей сыростью берлоге, в тесноте и большой обиде приютилась его еще покуда маленькая семья.

В этих условиях Альберт дает понять Жанне, что пора и ей самой заняться делом и зарабатывать себе на жизнь. Но где работать? На рынках? Беременность уже не позволяла ей этого. Что ж, будет заниматься чем бог пошлет: будет гладильщицей, судомойкой в отеле «Бельведер» или даже горничной в одном из тех домов, которые, как заметил Гитри, всегда на замке, ибо их хозяйки не отличаются особой приветливостью. И так до самого срока родин бегала по городу бедняжка Жанна, предлагая свои услуги по хозяйству – то обходя дом за домом в кварталах близ набережной, где над Луарой выгнулись в дугу мосты, то взбираясь по крутизне ведущих к замку мощенных грубым камнем переулков, неизменно таская на руках старшего ребенка, которого не с кем было оставить.

Тогда, в 1883 году, уклад жизни в старых кварталах Сомюра, по которым в поисках куска хлеба ходила изнуренная, осунувшаяся Жанна, мало чем отличался от эпохи Бальзака, который поселил в этих же кварталах меланхоличную Эжени Гранде.

2
ДЕТСТВО И ОТРОЧЕСТВО ГАБРИЕЛЬ

Сомюр. 19 августа 1883 года. Четыре часа пополудни. У входа в приют, возле треугольного, как у античного здания, портала останавливается молоденькая женщина. Ей не более двадцати лет от роду, и с первого взгляда ясно, что она на сносях. Она звонит в большую дверь, обитую огромными гвоздями. На звук колокольчика дверь отворяется и впускает поникшую гостью. Это не кто иная, как Жанна. Здесь, окруженной заботами сестер Провидения, чьим рукам вверено попечительство над приютом, ей предстояло родить.

Новорожденную нарекли Габриель – просто Габриель Шанель, никаких других имен ей не давали.

А что же отец? Возможно, дела задержали его где-нибудь вдалеке от Сомюра, и он просто не мог приехать поддержать свою подругу? Этого нам узнать не дано. Во всяком случае, на следующий день, когда нужно было зарегистрировать рождение ребенка в мэрии, отец опять-таки отсутствовал. За него это сделали три пожилые служительницы приюта, внеся в казну несколько грошей. Как и в предыдущем случае, удалось схитрить – Жанна была записана как «проживающая со своим мужем», хотя Альберт прихо-дился ей всего лишь сожителем, а в графе «род занятий» было отмечено «купчиха», каковою она к тому моменту не являлась, но, очевидно, это звание представлялось более почетным, нежели титул «приходящая домашняя прислуга», куда точнее соответствовавший действительности.

21 августа состоялось крещение Габриель. Таинство было совершено в приютской капелле; никто из родственников на церемонии не присутствовал. Альберт, понятное дело, обретался неведомо где.

Еще для ритуала требовались крестные мать и отец. Их отыскали тут же, на месте, и, естественно, ни он, ни она не были знакомы с родителями крестницы. Отслужив маленький обряд, о котором их попросили, восприемники бесследно исчезли.

В течение еще нескольких месяцев семья Шанель жила в Сомюре, но Альберт, как известно, не любил подолгу засиживаться на одном месте. Больше того, мечты о торговле винами, которая должна была принести ему состояние, со временем улетучились у него из головы. Мало-помалу даже сам Сомюр стал приводить его в ужас – не оттого ли, что постоянно напоминал ему о неудачах в делах? Итак, неисправимый бродяга

Альберт снова позвал семью в дорогу. Семья Шанель миновала Шательро, ненадолго задержалась в Бурганёфе и Эгюранде, провела несколько месяцев в городе Пюи-де-Дом. Известно, что на ярмарках и рынках лучше всего сознаешь, сколь тесен мир – в одном из таких мест случай столкнул его с членами семейств Деволь и Шардон. Сперва, как водится, минутное замешательство, затем по кружке красного – и мало-помалу атмосфера разрядилась, и стороны примирились. В конце концов, разве Альберт, пусть и под некоторым нажимом, не проявил добрую волю, признав детей? И все-таки очаровательные крошки! Почему бы Шанелям не приехать в Курпьер? Кстати сказать, тетушку и дядюшку Шардон постигло несчастье – у них умерла любимая дочь, а было ей всего двадцать один год. Опустел их дом теперь… Почему бы семье Шанель там не поселиться? Альберт и Жанна согласились, это их вполне устраивало, но семья Жанны поставила условием: пусть Альберт сочетается со своей спутницей законным браком. Скрепя сердце Альберт согласился и 20 мая 1884 года известил мэрию о смене местожительства.

В июле были опубликованы оглашения о предстоящей свадьбе. Но последовал акт, достойный театральной сцены. В последний момент жених, напуганный перспективой брака, заартачился, как упрямый мул: никакая сила не могла затащить его в мэрию. Невеста проливала потоки слез. Скандал разразился грандиозный: никогда еще Курпьер не видывал ничего подобного! И тогда Альберт, преследуемый родней Жанны, требовавшей от него сдержать слово, измученный оскорблениями и угрозами, решил бежать. Видимо, заварушка надолго запечатлелась в сознании горожан – и сейчас еще, столетие с лишком спустя, предание о ней переходит в Курпьере из уст в уста.

Но всякой войне приходит конец. После шести месяцев перипетий удалось разрешить и этот конфликт, правда, главную роль сыграли деньги. По результатам многочисленных сделок было достигнуто соглашение о нижеследующем: Альберт заключает брачный союз с Жанной при условии, что та принесет ему – и это в дополнение к своим личным вещам и мебели – приданое в размере 5000 франков. Сумма эта, равняющаяся 80 тысячам франков нынешних, была весьма существенной для весьма скромной здешней среды, и семья Жанны устроила складчину, чтобы купить ей мужа… При этом была сделана существенная оговорка, внесенная в заверенный нотариусом документ: Альберт не прикоснется к этим деньгам, пока брак не будет оформлен должным образом.

Церемония состоялась 17 ноября 1884 года… Оба супруга официально признали рождение у них двоих детей – Джулии и

Габриель. Присутствовали дядюшка Шардон, брат Жанны Марен Деволь и даже родители Альберта – Адриен и Виржини, которые не очень-то и стремились встретиться со своим повесой после тех хлопот и невзгод, которые он им доставил. Пользуясь случаем, Адриен объявил молодожену, что у него родилась сестренка Адриенна, девятнадцатый ребенок в семье.

Итак, Габриель Шанель оказалась старше своей тетушки, которая впоследствии станет ее лучшей подругой…

Имея в руках капитал в пять тысяч франков, принесенных ему семейством Деволь, Альберт, не оставлявший мечтаний поправить свое положение, вознамерился приобрести пакет торговых акций на юге Франции – в департаменте Тарн-и-Гаронн, а точнее – в Монтобане. Для начала он заказал в типографии свою коммерческую афишу, на которой, помимо имени и будущего адреса (Рыночная площадь, 4), значился и будущий род деятельности: «Торговля различными видами трикотажа и белья». Но, увы, это оказалось не более чем химерой: операция так и не состоялась, и следует предположить, что деньги Альберта растаяли, как снег на солнце, растраченные на малоприглядные спекулятивные сделки, а то и на женщин…

Наконец, через несколько месяцев после свадьбы, в сентябре 1885 года, Альберт решает покинуть Курпьер. Возможно, он чувствовал себя стесненным под неусыпным оком семейств Деволь и Шардон. А может быть, соображения были чисто коммерческие – о том нам не дано узнать. Но, как всегда, он решает выбрать в качестве опорного пункта какой-нибудь маленький город, откуда он сможет ездить по окрестным ярмаркам. Сперва он отправился в путь один – посетил ряд городков на юге департамента Клермон-Ферран: Шампье, Вейр, Викле-Комт, Сен-Жермен-Лемброн – ни один ему не подходит! Наконец наш отпетый бродяга решает обосноваться в Исуаре, субпрефектура Пюи-де-Дом, в 35 километрах от овернской столицы. Исуар – старинный город, изборожденный узкими и очень темными улочками; здесь многие дома ведут свою летопись еще с XVI века. Но при всем при том этот город – вовсе не сонное царство, а шумливый субботний базар – вселял в Альберта надежду, что здесь у него дела пойдут на лад. А это ему было бы ой как не лишне, ибо пока что средства позволяли ему снимать только жалкие лачуги, готовые вот-вот рассыпаться в прах от старости и лишенные самого элементарного комфорта. Располагались эти жилища за пределами старого города, по другую сторону бульварного кольца, разбитого на месте старинных оборонительных стен. Таковых адресов у него было последовательно два; второй дом, в котором он жил несколько

долее, находился на улице Мулен-Шар-рьер, в нищем квартале, протянувшемся вдоль заваленной отбросами речки Куз-де-Павен. Эта река кое-как приводила в движение колеса нескольких мастерских, влачивших жалкое существование; особенно отравляли все вокруг кожевенные цеха, окрашивавшие воду в реке в мерзостный ржавый цвет и распространявшие по всей округе тошнотворный запах.

Если не считать внешней смены декораций, уклад жизни четы Шанель не претерпел в ходе этих странствий абсолютно никаких изменений. Альберт, в крови которого бурлила жажда приключений, с равным аппетитом набрасывался на вино, вкусную еду, отдавал себя игре и женщинам. Конечно, такой стиль жизни не мог не наносить ущерба его деловой активности, но зато всегда поддерживал в нем – во всяком случае, когда он бывал не дома – доброе настроение и жизнерадостность, которую так ценили его дружки-приятели. Одно только омрачало картину: необходимость хоть изредка возвращаться к родному очагу. Бедная Жанна разонравилась ему давным-давно. Конечно, теплота, с которой она принимала своего блудного благоверного, не была ему безразлична, равно как и мордашки его родных доченек – Джулии и Габриель; но проходило всего два-три дня, и его опять охватывал зуд бродяжничества. Ремесло ярмарочного торговца служило ему в этом великолепным оправданием – в конце концов, он же должен наведываться то в Лимузен, то в Юсель, то в Меймак, то в Эглетон… Ему же нужно кормить детей, объясняет он жене, а та – что ей еще остается? – понимающе кивает: мол, верю. И вот, наскоро поцеловав супругу, он снова срывается из дому! В дорогу, в дорогу, да здравствует свобода! И вот он уже катит галопом, насвистывая популярный мотивчик, тогда как Жанна долго стоит на пороге, глядя вослед благоверному, пока его двуколка не скрывается за углом.

Постоянные длительные отсутствия, однако же, не мешали Альберту исправно выполнять христианскую заповедь плодиться и размножаться. 15 марта 1885 года у него рождается третий ребенок – сын, которому дали имя Альфонс, в 1887-м – еще одна дочь, крещенная Антуанеттой.

После ее появления на свет Альберт решает вернуться в Курпьер. Такое решение может на первый взгляд показаться удивительным, но объяснение сему найти нетрудно. Сельский климат лучше подойдет отнюдь не крепкой от природы Жанне, изнуренной постоянными беременностями и жестокими приступами астмы. К тому же в Курпьере Альберту, преследуемому финансовыми затруднениями, не нужно платить за найм жилья – хоть на этом удастся сэкономить! И наконец,

можно испытывать меньше угрызений совести по поводу постоянного отсутствия у домашнего очага, зная, что Жанне хорошо в родном краю, уютно в родных стенах, в окружении любящей родни. Тем меньше будет у нее повода таскаться за ним по городам и весям, думал он. Ну что ж, решение принято. Всех устраивает.

Одного только Альберт не мог предвидеть. Жанна, по-прежнему влюбленная в него, по-прежнему испытывающая чувство ревности и боязнь его потерять, предпочтет неотвязно сопровождать его в странствиях. Ничто не могло обескуражить ее. Она, как и прежде, безропотно сносила холод, трясясь в повозке по заснеженным дорогам Центрального массива, леденела за прилавком, выставленным на пронизывающем ветру где-нибудь на рынке в полусотне, а то и сотне километров от родного дома.

Она покорно сносила его дурное настроение, грубые окрики, оскорбления и ярость – неважно, главное, что она у него под боком, с нее довольно. Беременности – вопреки надеждам Альберта – не мешали ей упрямо сопровождать его в поездках до самого момента родов. Дошло даже до того, что своего пятого ребенка, которого назвали Люсьеном, она произвела на свет вдалеке от родных мест, в убогой гостинице деревушки Гере. Родила – и поспешила за мужем в Крёз, на ежегодную городскую ярмарку. Таким образом, Люсьен появился на свет в таких же рискованных условиях, как и Джулия. Шестой ребенок, Огюстен, родился в 1891 году в Курпьере, но прожил на свете всего лишь несколько недель. Однако, едва возвратившись с кладбища, Жанна – изнуренная, но по-прежнему упорная – вновь пустилась в дорогу, чтобы воссоединиться с мужем.

Габриель попала в Курпьер четырех с половиной лет от роду и провела здесь свое раннее детство. Ее товарищами по играм была старшая сестра Джулия и младший брат Альфонс – остальные дети в семье были еще совсем крошки. Семья Шанель жила у дядюшки Огюстена Шардона и его жены Франсуазы в старинной части Курпьера в доме, приобретенном за несколько лет до того взамен прежнего дома отца Огюстена.[5]

Туда, как и в Исуар, Альберт наведывался лишь от случая к случаю, задерживаясь чуть долее в мертвый сезон – январь и февраль. Что касается Жанны, то в те дни, когда она не уезжала с мужем на ярмарки, ее часто видели встревоженной и без конца жалующейся на безденежье. Но есть вещи потяжелее. Ее все более мучили приступы астмы, особенно часто случавшиеся ночью; тогда просыпался весь дом, давно уже привыкший к запаху эвкалиптового порошка, который курпьерский доктор предписал сжигать у нее в комнате на маленькой печке из листового железа.

Но стоило недугу немного отступить, как Жанна снова исчезала на несколько дней. Ее семье, отнюдь не одобрявшей такого поведения и осуждавшей столь болезненную привязанность к мужу, который того не стоил, ничего не оставалось, как помогать чете Шардон и заниматься детьми.

Что до Габриель, то годы, проведенные здесь, в Курпьере, станут светлою, счастливою полосою ее детской жизни. Вместе с Джулией и Альфонсом она помогала дядюшке ухаживать за садом, который располагался у городской черты. Как все это было не похоже на жизнь в Исуаре, где ничего не видишь, кроме каменных стен и мостовых!

А здесь, за городом, все ей так близко – ароматы полей, щебетанье птиц, тихий рокот реки, струившей свои воды мимо старинных укреплений, под осенявшими ее плакучими ивами. Дети научились удить рыбу – из орехового прута получалось отличное удилище, из шпильки для волос – заправский крючок. Сооружали из камней, по которым струилась река Дор, миниатюрные порты и помещали туда бумажные кораблики, которые затем пускали вниз по течению. А главное, в этом краю острее чувствовалась разница между временами года – рождественская пора была, как ей и положено, белой, снега и льды укутывали землю, а знойным летом воздух словно дрожал, поднимаясь от растрескавшейся почвы.

Уже в столь юную пору Габриель выказывала независимость и своенравность в поведении. Скажет мать: «Поди поиграй с братом и сестрой!» – она проводит их метров за полсотни, а потом оторвется от них и пойдет своей тропинкой. Частенько тропинка приводила ее на старинное кладбище, обнесенное ветхой стеною, где среди разросшейся буйной травы виднелись замшелые, вросшие в землю надгробные камни. Это был ее любимый уголок. Здесь – с чего это ее в столь юном возрасте заинтересовало ремесло могильщицы? – она хоронила своих старых кукол, закопала (а это еще зачем?) маленькую ложечку и перо с костяной ручкой – подарки отца, сувенир о Париже, где, если поглядеть сквозь крохотное отверстие, можно было с одного боку увидеть собор Парижской Богоматери, а с другой – Триумфальную арку. Да вот беда – в тот день за нею увязалась Джулия, нашпионила, наябедничала матушке; о, как же влетело в этот день бедняжке Габриель за то, что так поступила с подарком отца! И все же отца она любила, при всех его недостатках. Но никому – и в первую очередь ей самой – не дано было понять в высшей степени символичное значение ее поступка. Закапывая в своем заповедном саду самые дорогие ее сердцу вещицы и беря в свидетели мертвецов – составивших ей компанию избранников, –

она становилась единственной обладательницей своих драгоценных сокровищ, спасенных от непрошеного постороннего взгляда! Ей приглянулись две могилы, и она выказала свою симпатию к обитателям сих подземных жилищ, принося к ним цветы с полей. Здесь, на этом позабытом погосте, она чувствовала себя независимой. Здесь было ее собственное царство, бесконечно удаленное от всего, что его окружало; здесь у нее были друзья, которых никому не отнять.

Но слишком высока цена, которую приходится платить за это. До конца своих дней она не перестанет считать эту цену чрезмерной. В реальном мире она ощущает полное одиночество. Играющая на улицах Курпьера девочка в свои шесть-семь лет не осознает, что в ее детском поведении закладывается сущность ее женской судьбы. Игры запечатлелись в ней навсегда.

Так бы и дальше течь счастливым годам маленькой Габриель, но одно решение отца поставило этому предел. В 1893 году Жанна, которая засиделась в Курпьере несколько недель, неожиданно получает письмо от супруга. В нем он сообщает, что неожиданно встретил сводного брата по имени Ипполит, о существовании которого даже не подозревал. Они прониклись такой симпатией друг к другу, что решили совместно содержать гостиницу в Коррезе, в городе Бривла-Гайард. Он нашел в городе жилье на проспекте Эльзаса-Лотарингии и просил супругу воссоединиться с ним.

Брив находился в двух сотнях километров от Курпьера. Жанна, по-прежнему ослепленная страстью, не колебалась ни мгновения. Еще бы – ведь Альберт рисовал ей перспективу наконец-то стабильной жизни, в которой благодаря доходам от гостиницы не будет места безденежью. Напрасно домочадцы молили ее быть поосторожней, тем более что Жанна согласилась взять с собою только двух старших дочерей.

Прибыв с Джулией и Габриель к месту назначения, Жанна мигом обнаружила, что беспутный супруг обманул ее самым бессовестным образом. Никакими владельцами заведения они с братом не были, а за гроши работали в прислугах и, главное, по уши увязли в долгах. А выписал ее Альберт только затем, чтобы она помогала ему по хозяйству… О самом заведении говорить не будем – это был тесный, темный вертеп, завсегдатаями которого были почти исключительно пьяницы, приходившие сюда горланить свои песни… Бедняжка Жанна поначалу было разгневалась, обрушив на голову мужа поток упреков; но, с рождения готовая на жертвы, покорно склонила голову, повязала фартук, взяла в руки метлу и тут же принялась за работу…

Нетрудно догадаться, какое разочарование испытали

Габриель с Джулией. Пришел конец безмятежным радостям сельской жизни, беготне по лесам, сбору лакомых ягод на живых изгородях из ежевики… Оборваны узы детской дружбы, сложившиеся за несколько лет. В новой школе и дети, и учителя были совершенно незнакомыми, все приходилось начинать сначала. А главное, в этом сугубо городском учебном заведении напрочь отсутствовала та добродушная атмосфера, какая царствует в сельских школах. Девочки проплакали все глаза. Губительным образом сказался переезд в Брив и на Жанне – изнурительная работа и в гостинице, и по дому, непрестанная борьба со все возрастающей нуждой усугубили ее недуг. Приступы астмы участились, особенно к зиме, длясь по часу, по два, особенно ночью. Больная не могла лежать, ее затрудненное дыхание становилось свистящим. Теснило грудь; на лбу выступали капли пота. Затем приступ утихал, и несчастная снова обретала покой. Ее ночные приступы кашля не раз будили дочерей, приводя их в смятение, и нарушали покой самого Альберта, не лучшим образом сказываясь на его настроении, – он, разумеется давал понять бедняжке, что это она виновата в его страданиях.

Правда, за лето 1894 года состояние здоровья Жанны несколько улучшилось, что вселило в нее некоторую надежду. Ее лицо иногда вновь оживляла улыбка, и она снова – на несколько месяцев – обрела силу сопровождать мужа в поездках, пусть и не слишком дальних. Но с первыми осенними холодами кризисы возобновились с новой силой; больная подолгу просиживала в прострации в кресле на кухне, уставив угрюмый взор в пол; потом, делая над собою усилие, механически принималась за заботы по хозяйству, не имея силы даже на то, чтобы при случае выбранить дочек надоедливым, крикливым голосом. Все, кто видел ее по прошествии времени, замечали, как она переменилась…

В декабре к астме добавились тяжелые бронхиальные осложнения. Но она отказывалась и от помощи врачей, и даже от услуг сочувствующих соседей. Это означало бы признать себя больной.

На такое она ни за что не пойдет. И это при том, что все видели, как ее бил озноб, как она задыхалась. Иногда ей случалось даже падать в обморок. И вот одним февральским утром 1895 года Габриель, удивляясь, что мать еще не встала, вошла к ней в комнату – и закричала от ужаса.

Матери больше не было в живых. Ей едва исполнилось 33 года.

* * *

Нужно ли говорить, что Альберта рядом не было? Публикацией объявлений о смерти и похоронами занялся Ипполит. Похороны состоялись на кладбище в Бриве; день был холодный и серый, народу пришло немного, что сделало атмосферу еще более скорбной. У свежей могилы вырисовывались хрупкие силуэты пятерых детей покойницы. Присутствовали также Ипполит, хозяин гостиницы да несколько членов семьи, которые успели приехать, будучи заблаговременно извещенными.

Альберта там и духу не было. Он, как всегда, находился «в пути». Когда наконец он появился, то оказался в сложной ситуации. Как быть с сыновьями и дочерьми? В те времена было не редкость, чтобы вдовец, оставшийся с детьми на руках, искал себе преданную женщину, желательно бездетную вдову, которой было бы не в тягость воспитание детей своего нового супруга. Не надо объяснять, что такой вариант решительно не подходил Альберту, превыше всего ценившему независимость. С другой стороны, дедушка сироток Анри-Адриен, у которого, как мы помним, было девятнадцать детей, не в силах был взять к себе еще пятерых – у него в доме и так повернуться было негде. В этих условиях у Альберта не нашлось ни мужества, ни привязанности к своим детям – он попросту утратил к ним всякий интерес. Двоих мальчиков – десятилетнего Альфонса и шестилетнего Люсьена – городская администрация приписала к разряду «покинутых детей» и передала под опеку Ассоциации публичной помощи, каковая поместила их в «сельскую местность, в честные семьи землевладельцев, каковым по сему случаю начисляется ежемесячное пособие». На практике «семьи честных землевладельцев» видели в пасынках дармовую рабочую силу и эксплуатировали их самым бессовестным образом; вечно голодные, такие дети делили с домашними животными сырые соломенные подстилки в продуваемых всеми сквозняками сараях. И так до тринадцати лет, когда их определяли в обучение какому-нибудь ремеслу. В случае же с Альфонсом и Люсьеном груз прошлого оказался столь велик, что они не могли не пойти по стопам отца и тоже сделались ярмарочными торговцами, каковому занятию посвятили большую часть своей жизни.

Оставалось пристроить Габриель, Джулию и Антуанетту. После того как семьи родичей отказались их принять, Альберт, со своей стороны, ничего не сделал для поиска выхода из ситуации. Ему хочется жить своей жизнью, не обременяя себя ни сантиментами, ни детьми. Ему всего только тридцать девять лет! Эта мысль воодушевляла его… Что ж, к черту совесть! У него есть

тетушка, которая замужем за бривским нотариусом, который состоит в превосходных отношениях с начальницей конгрегации Сен-Кёр-де-Мари, попечительствующей над сиротским приютом в Обазине, что между Бривом и Тюлем. Лучшей доли для дочерей и не придумаешь.

Он ведь из тех краев, где в воздухе витает мысль. Таков Обазин. Склоны долины реки Коррез, текущей между Бривом и Тюлем по ущелью меж высоких скал, в средние века были покрыты густыми лесами, которые не пересекала ни одна дорога, ни одна тропинка. Под их густою сенью пробегали разве что кабаны, олени и лани. Посередине одного из склонов помещалось плато, хорошо защищенное от северных ветров, дующих с соседних вершин. В начале XII столетия в этом краю появился худой как щепка бородач в сопровождении малорослого спутника, который следовал за ним, словно тень. Это были лиможский священник по имени Этьенн и один из его братьев по вере – оба решили удалиться от сует мира сего, посвятив себя служению господу. Вот это место и было избрано ими для жизни в отшельничестве… Впоследствии сюда потянулись и другие люди, влекомые притяжением личности Этьенна и приобретенным им ореолом святости. Следуя его примеру, они также стремились посвятить свою жизнь служению богу вдали от мирской суеты. К 1159 году, когда Этьенн предстал перед очами божьими, уже существовала обитель, населенная монахами из ордена цистерцианцев.[6] Строилась церковь. В шестистах метрах от этой обители (так далеко – чтобы не допустить кривотолков, которые неизбежно вызвало бы более близкое соседство) на берегу горловины, где пенятся воды реки Куару, впадающей несколькими километрами ниже в реку Коррез, был построен женский монастырь.

Перейдем теперь к истории этой обители в последующие столетия. В 1860 году в ее стенах был устроен сиротский приют для девочек под попечительством конгрегации Сен-Кё'р-де-Мари. Сюда-то и сплавил своих дочерей в 1895 году беспутный Альберт. Внешне обстановка, в которой разыгрывался новый этап их жизни, была великолепна. Квадратные газоны монастырского сада, обрамленные живой самшитовой изгородью, с вечно журчащим фонтаном в центре, исполненные суровой красоты древние монастырские здания с головокружительными скатами черепичных крыш. Но что могло значить все это великолепие в глазах детей, насильственно оторванных от родного очага? В их доверчивых глазах эти стены были попросту тюрьмой, особенно для Габриель, чья чувствительность и независимость характера были известны всем. Как это было не похоже на Брив, где,

несмотря на юные годы, она все же пользовалась некоторой свободой! И пусть терзаемая недугом мать вечно ныла, пусть она устраивала отцу сцены, отравлявшие домашний климат, но, несмотря на все это, она ее любила! И пусть отца она видела все реже и реже, но каким радостным событием бывало для нее, когда она слышала за стеной цокот копыт его кобылы, когда его силуэт вырисовывался в дверном проеме и когда он заключал ее в свои объятия!

И еще были у нее любимые сестры – особенно старшая, Джулия, которую она ласково называла Жужу, и маленькие подружки по школе, с которыми она не упускала повода похохотать всласть.

Все это теперь было отнято у нее. Годы спустя, говоря о жестоких ударах, подчас насылаемых судьбою людям, она скажет: «Я сама познала, что это такое! В двенадцать лет у меня отняли все. Я чувствовала, что я умерла». Не следует сомневаться, что она имеет в виду происшедшее с нею злосчастным февральским днем 1895 года.

Возможно, тяжелее всего была первая ночь, проведенная в дортуаре на третьем этаже. Дортуар представлял собою длинную галерею, в которой стояли впритык десятки кроватей. В девять часов вечера надзирательница с иссушенным морщинистым лицом гасила свет и объявляла полный покой. В дальнем конце галереи у нее была крохотная комнатенка, вроде кельи, снабженная скользящим окошечком, которое она открывала без предупреждения, чтобы застать врасплох нарушительниц тишины. Долго еще будет слышаться бедняжке Габриель сухой щелчок этого дьявольского приспособления.

Через несколько недель по прибытии в приют Габриель, к своему удивлению, получила большой пакет. Она судорожно развернула его… Там было роскошное, отделанное кружевами платье для причастия, к нему вышитый кошель, каковой обыкновенно бывает у монахинь для сбора пожертвований, а в нем – дорогие четки; также там была огромная вуаль и венчик из роз. Этот пышный и помпезный подарок отца говорил о его поверхностном мышлении и неистребимой любви к бахвальству, но девочка, конечно же, была очарована.

Постойте, а вдруг этот дар – знак обещания? Наступит, наступит день, когда он приедет и заберет из приюта ее и сестер. Она уже воображала, как он останавливает свою двуколку под сенью густой листвы, как он звонит в обитую гвоздями дверь… Мало-помалу эти мечтания, не находя подтверждения ни в чем конкретном, рассеялись как дым. Но не исчезли светлые воспоминания об Альберте. Семейные скандалы, сцены, слезы

матери – все это позабылось…

Между тем безвестное отсутствие отца, которого Габриель вспоминала по каждому поводу, начало казаться странным для ее маленьких подружек.

– Что-то долго не видать твоего папаши! – говорили они с нарочитой иронией.

И тогда Габриель сочинила сказку. Американскую. Мол, рад бы приехать, да дел невпроворот. Он владеет огромными виноградниками и проживает в Нью-Йорке, куда экспортирует вино. Кстати, блестяще знает английский, и сколотить состояние в Америке для него – раз плюнуть. Но, понятное дело, он слишком поглощен своей работой, чтобы приехать в жалкую деревушку на берегу реки Коррез.

– Океаны по пустякам не переплывают! – заключила она тоном, не допускающим возражений.

Эти легенды, в которые девочка вкладывала неутоленные мечтания об отце, служили красноречивым доказательством ее дочерней любви к человеку, который того не стоил.

Как же реагировали старшенькая Жужу и крошка Антуанетта на фантазии своей сестры? Далекие от того, чтобы ставить их ей в упрек, они смутно чувствовали, что эти сказки слишком красивы и слишком утешительны, чтобы можно было дерзнуть их разрушить. Остальное было делом семейной солидарности.

Текли недели, месяцы, шла своим чередом приютская рутина. Школьные занятия велись в основном монахинями – понемногу истории, географии, арифметики, зато много закона божьего. Ну и, конечно же, нужно позаботиться о будущем сироток. Их обучали готовке и особенно шитью. В этой последней сфере дела у Джулии и Антуанетты шли довольно неплохо, тогда как Габриель, по крайней мере в первое время, не испытывала к тому особой охоты, чем вызывала раздражение наставниц-монахинь:

– У тебя, крошка, неровно легла кайма. Ну-ка начинай все заново!

– Эй, послушай! И это, по-твоему, шов через край?

Больше того, девочка была неловкой – постоянно колола пальцы, теряла иголки и проводила больше времени под столом в их поисках, чем за шитьем… Воистину, бывает же ирония судьбы!

Как и другие воспитанницы, сестры Шанель исполняли множество религиозных обрядов: молитвы перед каждым уроком, бесконечные поклоны, участие в таинствах святого причастия, в вечерних мессах, в повседневных службах в приютской капелле, а иногда и в церкви. Маленькие пансионерки поднимались туда гуськом, не выходя из аббатства, по огромной каменной лестнице, которая спускалась справа от опочивальни монахинь к одной из

перекладин поперечного нефа. Как рассказывали наставницы, когда-то встарь по этой лестнице поднимались монахини для участия в ночных службах, со свечами в руках…

Участвуя в мессах, Габриель не переставала размышлять об этих ночных церемониях, приобретавших в ее сознании романтический ореол. Она представляла себе, как трепещет на гранитных плитах отражение огоньков свечей. Часто взгляд ее устремлялся к прозрачным витражам, свинцовая арматура которых сплеталась в таинственные рисунки. Бог весть почему, но один из них привлек ее неотвязное внимание. Он походил на две переплетенные буквы С. Но пройдет еще немало лет, прежде чем ее будут знать под именем Коко…[7] Разве могла она тогда предположить… Случается же, что хитросплетения судьбы ведут от загадочного рисунка витража XII века к одному из самых знаменитых логотипов нашей эпохи.

Конечно же, в аббатстве можно было отыскать еще немало загадочных, мистических знаков, и Габриель будет размышлять над ними все те годы, что она здесь проведет. Так, например, на втором этаже здания, где жили монахини, пол большой галереи выложен бесчисленными белыми булыжниками; в центре этой мозаики маленькие черные камешки образуют таинственные фигуры, напоминавшие каббалистические числа. Ей казалось, что узор слагается в цифры «5» – которые, безусловно, предвещают доброе будущее. Воображение девочки воспламеняла странная красота запечатленных в камне эмблем аббатства, выложенные на полу изображения митр, епископских крестов, звезд, луны и солнца. Случайно ли, что годы спустя знаменитая женщина-кутюрье даст имена этих небесных светил двум своим самым любимым собакам?

И пусть Габриель ни в малейшей степени не сознавала это, мир Обазина мало-помалу формировал, шлифовал и объяснял многочисленные аспекты ее будущей личности, вплоть до ее эстетики. Не тот ли мир, что окружал ее здесь, привил ей хорошо известный вкус к контрасту черного и белого? Тому живая иллюстрация – не только мозаики пола большой галереи, но и униформа монахинь и самих воспитанниц.

В продолжение этих лет отношения Габриель с монахинями далеко не всегда складывались лучшим образом. Это уже вопрос характера. Если две других сестры Шанель мало-помалу свыклись с приютской жизнью (а может, просто покорились судьбе), то отношения Габриель со своими наставницами подчас бывали натянутыми, ведь свой бунтарский дух она издавна проявляла еще в родной семье. Не раз за дерзостное поведение ее оставляли по воскресеньям без сладкого или усаживали переписывать,

страницу за страницей, пассажи из «Подражания Иисусу Христу», посвященные покорности, терпению, кротости и повиновению – как раз тем добродетелям, которыми она не особенно блистала.

Но и это не все – она, как никто другой, страдала от царившего в приюте неравенства. Дело в том, что сюда брали не только сироток из милости – таких, как она. Часть девочек принималась сюда, как в пансион, за плату – их так и называли «платными» без малейшего понятия о такте… Среди последних была упоминавшаяся выше младшая тетушка Габриель – Адриенн и ее кузина Марта Костье. Так вот, если униформу сироткам делали из чего бог пошлет, то униформа «платных» девочек была сшита по мерке, из лучших тканей и была лучшего покроя. Габриель остро переживала столь унизительную ситуацию.

Злопамятство и обман – вот какие чувства питала она к наставницам-монахиням. Она не скоро и с трудом приучила себя называть их принятым обращением «матушка», так как оно плохо сочеталось с равнодушием, а то и враждебностью, которые ей внушали большинство из них. И то сказать, многие из этих женщин, приучавших себя сдерживать эмоции, с годами приобрели строгую маску суровости, которая препятствовала даже искре какого бы там ни было чувства привязанности. Если иные из них и проявляли некоторую симпатию к девочке, последняя была склонна читать в их глазах лишь чувство сострадания, что выводило ее из себя.

С трудом находила она некоторое утешение, общаясь с крепкими, здоровыми служанками из коррезских крестьянок. За их внешне грубой наружностью часто скрывалась человечность, родственная той, что была у нее в душе.

Нет, утешение она отыщет в другом месте. Из всех святых в этой обители более всего – даже чрезмерно – внушали почтение к св. Этьенну. Этьенну-строителю, Этьенну-чудотворцу, Этьенну милосердному. В трапезной ученицам зачитывали пассажи из его жизнеописания, в церкви непременно водили поклониться его гробнице. Здесь, под каменной крышей стрельчатой раки, мирно покоилась лежащая каменная фигура его изящно высеченного надгробного памятника с безмятежно сомкнутыми глазами. Какое спокойствие! Какое блаженство! Пребывая в смятении, девочка обращалась к нему в своих молитвах. Она думала, что нашла святого, который поймет и успокоит ее. Тогда, в годы пребывания в Обазине, он явится в ее глазах первым и единственным, кто поддержал ее в отчаянии. Впоследствии ей случится привести в смущение Этьена Бальсана, поведав ему без дальнейших объяснений: «У меня уже был другой покровитель по имени Этьенн. Он тоже творил чудеса…»

* * *

Площадь в Обазине. Воскресным днем отворяется тяжелая романская дверь аббатства, выпуская вереницу построенных в пары учениц. Шествие, сопровождаемое двумя-тремя монахинями в черном с развевающимися на ветру белыми капорами, пересекает площадь и в том же порядке направляется к дорожке, которая спускается в долину реки Куару. Счастливые, что представилась возможность на несколько часов вырваться из серости повседневной жизни, девочки наперебой болтают и смеются, удостаивая потемневшие от времени руины женского монастыря разве что взглядом, брошенным вскользь. Между тем монахини призывают пансионерок восторгаться удивительным каналом, построенным монахами. Этот канал, беря воду из бурного потока, несет ее к монастырским живорыбным садкам, благодаря чему воспитанницы имеют возможность круглый год питаться свежей рыбой. Наставницы желали, чтобы их воспитанницы взяли за образец монахов-цистерцианцев XII века, которые не раз и не два вступали в бой со скалами, но довели до завершения свой грандиозный проект. Прекрасная школа энергии и целеустремленности для юной Габриель, которая в своей профессиональной жизни и до самого смертного часа будет ненавидеть праздные воскресенья, почитая труд своим единственным божеством…

Находя тысячи оправданий бросившему ее отцу, она затаила неприязнь ко всем остальным членам семьи. У нее в голове не укладывалось, как это дедушка с бабушкой, не говоря уже о дядюшках, тетушках и кузинах, отказались взять к себе ее и сестер. Но, право же, могла ли она, в свои двенадцать детских лет, понять далеко не столь простые мотивы их поведения?

…Несмотря на все, через три года после приезда в Обазин в затворнической жизни Габриель наступил перерыв. Тетушка Луиза и ее супруг Поль Костье, служивший на железной дороге, пригласили ее и двух сестричек провести каникулы у них в Варенн-сюр-Алье, в компании маленькой сестры Луизы – Адриенн и своей дочери Марты.

Варенн-сюр-Алье! Звучит приятно на слух, но этому городишке всего-то с тремя тысячами жителей далеко до живописных красот Обазина или до бьющей ключом жизни Мулена. Вокруг городка только несколько невысоких холмов скрашивают монотонность пейзажа. Здание мэрии сооружено без всякого вкуса, вокзал, где служит дядюшка, по-настоящему отвратителен, улицы почти всегда пустынны. На всем печать серости и смертной тоски, даже на домике, который занимает

тетушка Луиза, – впрочем, по каким-то непонятным соображениям, ее здесь называют тетушкой Джулией. Эта банальная каменная постройка, крытая фабричной черепицей и с двумя куртинами цветов, призванными внести сколько-нибудь поэзии во все это обескураживающее убожество, ничем не отличается от многих тысяч обывательских домов, разбросанных по французской земле, а садик кажется перенесенным сюда прямо с парижской окраины.

К счастью для Габриель, каникулы в Варение оказались не такими тусклыми, как того можно было бы ожидать в столь бесцветной местности. Правда, свободы, отнятой у нее в Обазине, она не обрела и здесь – надзор четы Костье за каждым шагом и поступком трех отроковиц был почти столь же строгим, как и неусыпный взгляд монахинь в обители. Но все же дни, проведенные в Варение, подарили девочке и свою светлую сторону. Прежде всего тетушка Джулия поселила ее в одной комнате с Адриенн, что позволило девочкам открыть друг другу самое сокровенное – сколько тут было веселой болтовни, тихого смеха (чтобы тетушка не услышала!), разговоров о своем, о девичьем, которые затягивались до глубокой ночи, а порой и до первых лучей зари! И не надо бояться, что щелкнет окошечко-шпион, выйдет суровая надзирательница и пресечет милый треп, как бывало в Обазине…

Девочка обрела теперь пусть не жизнь в родной семье, которая была так дорога ей в Бриве и которая никогда больше не вернется, но, во всяком случае, что-то похожее на нее. И, хотя в ее отношении к тетушке и дядюшке еще сквозил налет недоверия, ближе родни у нее не осталось. Пусть этот дом не был ее домом, но здесь она все же чувствовала себя раскованнее, чем в суровом каменном интерьере средневекового аббатства. И еще – здесь, в Варение, Габриель время от времени слышала разговоры о том, о чем в аббатстве не могло быть и помину: о моде.

Шитье, которому ее учили в обители, было самого утилитарного свойства – расшить скатерть, окаймить салфетку, раскроить сукно, расширить или заузить юбку… Подобной работы было много и у тетушки Костье, и Габриель научилась сравнительно ловко с нею справляться. Но, кроме шитья вещей для повседневных нужд, тетушка интересовалась шляпами. Она никогда не приобретала их в готовом виде. Покупая в расположенном неподалеку большом городе Виши фетровые заготовки, она перекраивала их на свой фасон, моделировала, как ей подсказывала фантазия, украшала согласно своему вкусу. Под ее ловкими пальцами бесформенные болванки превращались не в те безликие головные уборы, которые мы видим по сто раз на

дню, но в оригинальные модели, не встречавшиеся ни в Варение, ни в Сен-Пурсене, ни даже в Виши. Понятное дело, этим скромным изделиям далеко было до неподражаемого шика парижской моды… Ну и что! Представляется весьма правдоподобным, что именно в свете опыта, приобретенного у тетушки Луизы, в душу девочки запала мысль, что шитье – это нечто гораздо большее, чем нитки и иголка… Чем просто применение рутинных технических приемов в скучных повседневных занятиях.

В такие моменты Габриель ненадолго забывала о своей участи оставленной сироты, переставала завидовать судьбе своих более благополучных кузин.

К несчастью, в один прекрасный день кто-то в ее присутствии обронил в разговоре, что Альберт время от времени навещает тетушку Луизу, свою любимую сестру. Нетрудно понять, какую моральную травму причинило ей это открытие. Родной отец, который, оказывается, находит возможность наезжать в этот край, не предпринимает ни малейшего усилия, чтобы повидать собственную дочь!

Вот теперь она действительно почувствовала себя забытой-заброшенной круглой сиротой. Воспользовавшись первым же предлогом, она вбежала к себе в комнату и бросилась на постель, захлебываясь от рыданий.

Эта рана не затянется у нее никогда.

Вернувшись в Обазин, она также не найдет утешения. Даже искренняя привязанность со стороны Адриенн была бессильна успокоить ее.

Впрочем, проведя в Варение всего несколько дней, она нашла себе другую утеху – в чтении, уединяясь для этого на душном чердаке тетушкиного дома. Там, под раскаленной на летнем солнце черепичной крышей, в старинных запыленных чемоданах доживали свой век пустяковые брошюрки, пожелтевшие газетные фельетоны, неумело переплетенные тетушкой. Здесь же она открыла для себя сочинения иных романистов, как, например, Пьера Декурселя и Рене де Пон-Жеста,[8] повествовавших с буйной, утрированной страстью о наивных мелодрамах эпохи. Вот каким слогом описывается, к примеру, попытка насилия молодого богатого вертопраха над бедной фабричной работницей:

«– Клянусь, что не переступлю через этот порог, пока ты не утолишь тот адский жар, что бушует в моем сердце.

Затем денди, точно змей, сжал ее в своих объятиях и прижал к груди.

– На помощь! На помощь! – вскричала Мария. – Пощадите!

Пощадите!

– Не будет тебе пощады! Я слишком настрадался!

Опьяненный безумным сладострастием денди уже собрался осуществить свой исполненный цинизма замысел, но Мария, сломленная нахлынувшими на нее эмоциями, мгновенно испустила дух в его объятиях!..»

В свои восемнадцать лет Габриель сложилась в милую юную барышню с белой матовой кожей и очень худощавую. Согласитесь, что в эпоху, отдающую предпочтение дамам в теле и с пышным бюстом, не всегда чувствуешь себя уютно, если у тебя плоская грудь и талия лишь чуть толще, чем у госпожи Полер.[9] Но и у Габриель были свои козыри физической привлекательности. Она обладала особой, самобытной красотой, которая изумляет, возбуждает и побеждает сердца подчас даже в большей степени, чем классические типы красоты.

По мере того как она росла и формировалась ее личность, Габриель все более выказывала, что в Обазине она не на своем месте.

Она все чаще и все более демонстративно закусывала удила. Ее непокорный дух становился все очевиднее. Со своей стороны, ее сподвижница Адриенн взбунтовалась против родной семьи. Ее проживавшая в Бриве тетушка – та самая, которая поместила ее в Обазин – нашла ей выгодную партию. А согласитесь, найти хорошую партию девушке без гроша в кармане, пусть и очаровательной – задача не из легких. Когда ей показали фото жениха – нотариуса, который вот-вот должен был вернуться из поездки, бедняжка Адриенн не смогла сдержаться и отпихнула карточку от себя прочь. Что касается Габриель, то ей с полным основанием дали понять: она ничего не теряет, пускай ждет… Не колеблясь ни минуты, обе девочки улизнули из приюта. Но куда податься без единого франка? Выбора не было – обе, сгорая от стыда, отправились в Варенн, к чете Костье… Нетрудно понять, какой их там ожидал прием. Как только буря улеглась, их попытались водворить обратно в Обазин. Не вышло: настоятельница отказалась обременять себя новыми хлопотами. Она дала понять, что оставит у себя только тех воспитанниц, которые посвятят себя послушничеству в монастыре. Едва ли две маленькие бунтарки годились для такой карьеры…

Тогда тетушка из Брива нашла решение. В городе Мулен, что в местности Алье, имеется монастырское заведение, пользующееся безупречной репутацией, – институт Богоматери, который содержат женщины-канонинки. Помимо «платных» воспитанниц, как Адриенн, туда берут и бедных девочек, причем по окончании учебы монахини заботятся об их устройстве в

жизни. Преимущество Мулена заключается в том, что расположен он всего только в двадцати километрах от Варенна – чете Костье будет легче влиять на Адриенн и Габриель, которые, в свою очередь, смогут часто бывать у них. Более того, только что в Мулен перебрались дедушка Габриель – Анри-Адриен – и его супруга Анжелина, где сняли скромное жилье в мансарде по улице Фосс-Бра. Они также смогут, со своей стороны, принять участие в заботе о девочках.

Годы, которые Габриель провела в пансионе Богоматери – с 18 до 20 лет, – покажутся ей вечностью: в 1900-е годы монахини не выпускали воспитанниц из стен заведения, кроме как на каникулы. По такому случаю тетушка Костье приезжала за Адриенн и тремя сестрами Шанель и забирала их в Варенн. В Мулене, точь-в-точь как в Обазине, девочки участвовали в процессиях и в мессах в соборе, куда они шли, выстроившись попарно и в сопровождении наставниц. Сам город Мулен Габриель видела только мельком. Этот центр департамента насчитывал в те времена двадцать тысяч жителей; берега широкой и ленивой в этом месте реки Алье выглядели довольно унылыми, зато мощеные улицы центра, застроенные особняками XVI, XVII и XVIII веков, со множеством торговых лавок, и укрытые в тени раскидистых каштанов и платанов проспекты были очень оживленными – не в последнюю очередь потому, что в городе было расквартировано несколько полков, в том числе 10-й егерский.

То немногое, что Габриель удавалось увидеть в городе, только разжигало в ней любопытство, а еще больше – желание удрать.

Ну когда же наконец она обретет свободу? Более терпеливая и рассудительная Адриенн пыталась ее успокоить… Что станется с нею, если она снова попытается сбежать?

– А на что ты жить будешь? Об этом ты подумала?

3
ВСТУПЛЕНИЕ В ЖИЗНЬ

В 1902 году Габриель и Адриенн навсегда покинули обитель. Было им тогда около двадцати лет. Но институт Богоматери никогда не бросает своих воспитанниц на произвол судьбы: он располагает разветвленной сетью связей, которые помогут им найти работу, спутника жизни…

Так уж было угодно провидению, чтобы монахини определили Габриель и Адриенн продавщицами в специальный магазин по продаже приданого для невест. Кроме того, магазин торговал также и юбками, мехами, вуалетками, боа и разными горжетками, не говоря уже о «фурнитуре для портних». Заведение беспорочное, если судить по благочестивой вывеске: «Святая Мария». Это название призвано было рассеивать у покупателей малейшие сомнения относительно честности его коммерсантов. Итак, двенадцати лет от роду Габриель впервые попала под крыло конгрегации Сен-Кёр-де-Мари, потом – в институт Богоматери, и вот теперь она в третий раз оказалась под покровительством Пречистой Девы! И, конечно же, она, ничуть не сомневаясь, но и не без доли иронии поздравила себя с выпавшим на ее долю шансом.

Более всего она ценила то, что хозяева заведения, чета Грампэр, поселили ее в одну комнату с юной тетушкой, дражайшей Адриенн. Можно было вволю поболтать, обменяться самым сокровенным… Другая причина для радости – жить в самом центре Мулена, на углу Часовой улицы и рю д'Алье, невдалеке от квартала Жакмар. Это – самый центр коммерческой активности, наиболее оживленный квартал во всем городе. Много лет мечтала она о том, чтобы познать жизнь, мир – все то, к чему ее столько лет не допускали, что от нее столько лет прятали. Теперь-то она прекрасно понимала своего отца, его вечную жажду движения, стремление повидать далекие края. Вот именно из-за жажды странствий он меня оставил, а вовсе не из-за того, что он меня не любит, утешала себя девушка, кажется, готовая оправдать своего беспутного родителя…

В магазине работа двух юных барышень состояла в том, чтобы привечать клиенток, продавать им товар, выставленный на полках, принимать заказы, подгонять платья – и в этом они проявили такой необычный талант, что вскоре сделались притчей во языцех у муленских дам. Клиентура повалила валом…

Поскольку Адриенн, а иногда и Габриель продолжали

посещать рукодельню института Богоматери, монахини направляли своих учениц в магазин «Святая Мария», что вполне устраивало его владельцев.

Кто побывает в краю Бурбонов, удивится, сколько же здесь замков, которые – возможно, в еще большем количестве, чем в Турене – рассеялись по всей округе. Многие из них более древние, более строгие, но при этом находятся в большем упадке, чем замки долины Луары. Чаще всего они принадлежат дворянским фамилиям, которые поколениями живут там со времен постройки. Среди них такие семейства, как Бурбоны, Ла-Палисс или Нексон. Большинство из членов этих семейств посещали исключительно магазин «Святая Мария», владельцы которого гордились столь престижной клиентурой. При каждом таком визите они, стоя за кассой, рассыпались в любезностях и не уставали повторять, как они счастливы. Но Габриель, к их удивлению, не разделяла подобного энтузиазма. Эта клиентура ей не импонировала, и раболепие, которое выказывали высокопоставленным гостям хозяева, раздражало ее. Эта юная бунтарка обладала неумолимою ясностью взгляда, удивительной у девочки, которую с ранних лет так долго держали в изоляции от внешнего мира.

Эта независимость мышления быстро вызвала в ней потребность убраться из мансарды, где их поселили, и жить где-нибудь в другом месте.

– Я больше не могу здесь оставаться, – говорила она.

Напуганная подобной дерзостью, Адриенн не решилась последовать за подругой. Но Габриель сняла скромную меблированную комнату в простонародном муленском квартале, на улице Пон-Гинге, которая выходит к реке.

Оставшаяся в одиночестве, Адриенн быстро заскучала. Прошло всего несколько недель, и она капитулировала.

Но будущая Коко на этом не остановилась. Тайком от хозяев заведения она, по просьбе иных клиенток, в часы досуга выполняла их заказы. Конечно, свободного времени у нее оставалось немного – приходилось проводить по десять часов в день за прилавком. Но коль скоро жалованье у нее оставалось смехотворным, а потребности все возрастали, она, не колеблясь, бралась украшать платья и юбки; у нее уже сложилась собственная клиентура. Адриенн также не оставалась в стороне. Клиентки Габриель не могли нарадоваться на качество выполненных заказов – она была усердна и старательна, и такой останется всю жизнь. К тому же благодаря работе в свободные часы ей удалось кое-что скопить.

Само собой разумеется, две юные барышни, ныне более

свободные в своих передвижениях, чем в институте Богоматери, тратили выпадавшие им редкие и короткие мгновения отдыха отнюдь не на скучные прогулки по угрюмым берегам реки. Эти прогулки, привычные у муленских обывателей, мало чем отличались от выходов обазинских пансионерок. Итак, они решили (грешным делом!), что лучшее место для проведения досуга – центр города, и в особенности площадь Алье, являвшаяся средоточием муленских удовольствий вечером по субботам и по воскресеньям. Наших героинь стали частенько видеть вместе в «Гран-кафе» – новейшем шикарном заведении, созданном по образцу парижского «Максима», снискавшего в 1899 году мировую славу благодаря водевилю Жоржа Федо. Стиль nouille, [10] зеркала со скошенными краями в обрамлении затейливой резьбы по дереву придавали ему псевдопарижский шик, который никак не мог оставить равнодушными наших барышень. Иной раз они захаживали в старом городе и в чайный салон с названием «Искушение»; но где бы они ни появлялись, они не поддавались искушению и являли собою образец поведения: ведь они не забывали своего монастырского воспитания – во всяком случае, до поры до времени…

Как о том уже ведомо читателю, Мулен – гарнизонный город, в котором было расквартировано несколько полков, в том числе 10-й конный егерский. Офицеры и унтер-офицеры этого полка нередко принадлежали к аристократии или к богатой буржуазии. Многим из них бросилась в глаза красота Габриель – ее восхитительные, цвета воронова крыла волосы, заплетенные в косу, которую она обвила вокруг чела; робкий и вместе с тем пылающий взгляд, который то гас, то вспыхивал под влиянием эмоций. Ничего общего с теми девицами, которые в гарнизонных городах служат утехой военным!.. Итак, Габриель и Адриенн быстро сделались любимицами молодых людей в военной форме, которые находили в их лице компанию более достойную, чем привычные девицы. Но… Эта дружба может оборваться в любой момент. Труба позовет, выступаем в поход – и все, конец дружбе, конец отношениям! Потому что они – всего лишь две скромные швеи, и личное достоинство и шарм, которых у них никому не отнять, не могли заставить забыть о скромности их социального положения.

Несколько недель спустя их видели в компании элегантных офицеров в ярко-красных брюках, сапогах и голубых венгерках с бранденбурами за стаканчиком вина в «Ротонде» – одном из двух в городке кафешантанов (второе называлось «Ле Бодар», по фамилии владельца). Упомянутое здание циркулярной формы, сооруженное в правление Наполеона III, по своей архитектуре

напоминало шляпу-котелок; оно было выкрашено в зеленый цвет и надстроено сверху стеклянной будочкой. Вокруг, для приличия, разбит садик – всего-то несколько чахлых кустов; внутри – сцена, на которой выступали «артисты», а к низу от рампы – место для музыкантов: фортепьяно и одна-две скрипки. Публика грудилась вокруг мраморных столиков на одной ножке, на которых громоздились бокалы с пивом и лимонадом – для дам; паркет усыпан толстым слоем опилок, что было обычным делом в большинстве тогдашних кафе. То тут, то там мелькали неизбежные неприглядные тряпки, коими гарсоны равнодушно протирали столики для новых клиентов; а клиенты эти – «господа офицеры» (заведение Бодара посещалось главным образом нижними чинами; их командиры именовали его не иначе как «кабак»)…

Конечно же, нельзя сказать, чтобы певцы, выступавшие в «Ротонде», принадлежали к лучшим голосам Европы. На эту сцену выходили «звезды» провинциального масштаба, которых столичная публика безжалостно освистала бы, порою – юные дарования, которым молодость, впрочем, не извиняла острую нехватку таланта.

Сохранилась фотография того времени, на которой Габриель с робеющим взглядом и кроткой улыбкой снята в компании молодого кавалерийского офицера – без сомнения, одного из тех. кто приглашал ее в «Ротонду». Конечно же, юная барышня еще не могла почувствовать убожество здешних зрелищ и посредственность исполнителей, ведь она столько лет провела в изоляции от остального мира!

Но и того, что она видела, оказалось достаточным для понимания абсолютной необходимости перемены своего положения, пленницей которого она оказалась… Ведь не собиралась же она на всю жизнь оставаться швеей! И, конечно же, она поспешила поделиться своими мыслями с Адриенн, которой была предана как никому на свете.

Но как изменить свою участь? Сколько Габриель себя помнила, она всегда обожала петь. В Обазине она вместе с другими воспитанницами пела в хоре в капелле, затем участвовала в хоре в институте Богоматери, да и теперь, когда она покинула стены этого заведения, начальница не раз обращалась к ней, прося заместить охрипшую хористку…

И вот ей пришла в голову мысль: почему бы не попробовать себя в «Ротонде»? Кто знает – а вдруг она станет новой Иветт Гильбер и наконец-то вырвется из этого прозябания, на которое ее обрекало, казалось, все вокруг! Она поспешила поведать об этих планах своим «галантам», как их называли в ту эпоху. Какая

блестящая мысль! – воскликнули они. Перспектива аплодировать Габриель на сцене родного кафешантана мгновенно соблазнила всех. К тому же привычные муленские развлечения порядком приелись, и любая, даже самая незначительная новинка неизменно принималась с энтузиазмом.

Но этот порыв скорее вогнал в краску, чем воодушевил бедняжку Габриель. Она-то высказала эту идею легкомысленно, не помышляя всерьез, что она осуществится на деле. Прожив столько лет в изоляции, она не очень-то чувствовала себя готовой выступать на публике. В какой-то момент она даже понадеялась, что директор «Ротонды» мосье Шабассьер откажется пригласить ее. Какое там! Неплохо осведомленный о популярности Габриель среди офицеров гарнизона, он понимал, что ничем особенно не рискует, приглашая ее – пусть не в качестве профессиональной певицы, чье имя пишут большими буквами на афише, но в качестве статистки. В белльэпок, да и в более раннее время, в кафешантанах существовал обычай рассаживать в глубине сцены с полдюжины барышень, изображающих дамский салон. Пока выступали «звезды», эти барышни делали вид, что болтают между собою, представляли, будто занимаются рукоделием – вышиванием, вязанием… А в антракте наступал их черед. Эти певицы «второго плана», нередко презираемые, друг за дружкой исполняли свои куплетцы, чтобы только разогнать тишину, пока выйдут настоящие артистки. Коль скоро «статистки» не считались достойными контрактов и гонораров, одна из них потом ходила между столиками, собирая чаевые. Уж на что гордой была Габриель, а и то согласилась выйти на сцену! Вскоре она втянула в это приключение и Адриенн. Ведь она столько лет разделяла ее судьбу, почему бы не продолжить в том же духе? Адриенн уступила: перед таким упорством устоять было невозможно. Впоследствии решительная воля Габриель заставит склониться еще стольких и стольких!..

Легенда, которой овеяно имя нашей героини, предполагала, чтобы она с первого же выхода на сцену обрела в «Ротонде» настоящий триумф. Ну и что же, что у нее вовсе не было голоса? Но зато у нее была, как это и предвидел мосье Шабассьер, своя публика, которая принимала ее такой, как есть. Более того, Габриель была для этой публики своеобразным талисманом… И публика эта была многочисленна – практически весь корпус кавалерийских офицеров муленского гарнизона. Но, как это часто бывает, если простая статистка срывает больше аплодисментов, чем профессиональные певицы, тут уж ей не избежать их ревности! И началось! Под дверь ее артистической уборной стали подсовывать язвительные и оскорбительные записочки, начали

распускаться слухи на ее счет… И в особенности – насчет ее нравственности… А так как они с юной тетушкой были не разлей вода, нетрудно догадаться, что тень клеветы падала и на Адриенн… Будучи в высшей степени целомудренной, Габриель запиралась в своей уборной на ключ всякий раз, когда переодевалась, – так даже это было истолковано как притворство. (А мало ли, вдруг за этой запертой дверью творится что-нибудь этакое постыдное?!)

Завистницы не упускали случая пройтись и по поводу физических данных юной соперницы. Эпоха, ценившая в женщине пышные формы, позволяла толковать субтильность как «худобу», которой быстро нашли объяснение: «Кутит со всеми напропалую, вот и отощала!» Ей пророчили судьбу Дамы с камелиями… С другой стороны, ей придумали прозвище «Голодающая из Индии» по аналогии с публиковавшимися тогда в журналах и газетах актуальными фотографиями вовсю исхудавших людей из голодных местностей, в высшей степени поражавшими воображение.

В действительности же Габриель, сама того не осознавая, положила начало – сильно опередив свое время – новому стилю, который позднее воцарился и с ее легкой руки распространился по всему свету.

Так что же она пела там, в «Ротонде»? Ее репертуар не был таким уж богатым, всего каких-нибудь три-четыре песенки, среди которых – «Ко-ко-ри-ко», считавшаяся высшим шиком парижских кафешантанов и имевшая большой успех даже в театре «Ла Скала». В этой песенке ей приходилось подражать петушиному крику, что ей удавалось далеко не всегда – в частности, по причине слабости ее голоса, который иногда слегка дрожал. Но что за беда! Ее публика, состоявшая по большей части из безоговорочно преданных слушателей, готова была простить ей вольности интерпретации и воодушевляла ее, как могла: в конце концов, мы не в «Гранд-опера», а она так очаровательна со своей робкой и вместе с тем такой смелой улыбкой!

Габриель выбрала эту песенку отчасти из-за того, что написана она была для госпожи Полер, обладавшей почти таким же сложением. Госпожа Полер была ее идеалом и живым доказательством того, что можно добиться успеха, даже будучи далекой от идеалов красоты, которым отдает предпочтение твоя эпоха.

Аплодисменты еще не успели смолкнуть, а она объявила песенку, которая стяжает ей еще больший успех – «Кто видел Коко в Трокадеро?», – о горе молодой девушки, потерявшей в парке свою любимую собачку. Эта песня давно запала в ее

сердце… И оказалось, что выбор сделан не зря! Это поистине был триумф! В глазах посетителей, исполнительница обладает самобытным шармом, чем-то неведомым, что чарует с первого же взгляда! Ее вызывают на бис. Одарив поклонников робкой улыбкой, она исполняет песенку снова.

Конечно, успех этих двух песенок повторится еще не раз. И, конечно же, вызывая свою любимицу на бис, публика будет дружно скандировать: «Ко-ко! Ко-ко!» Так она и останется Коко и будет защищать эту свою марку всю жизнь. По правде говоря, она не могла терпеть эту свою насмешливую кличку. Но что поделаешь, в этот раз судьбе нужно покориться.

Адриенн между тем оставалась в тени своей племянницы. Пусть она тоже была красавица, но красота ее была более «правильной», менее пикантной и менее самобытной, да и голос – не столь приятным. Именно ее подружки будут посылать за чаевыми. Их просьбу она будет выполнять с улыбкой и без малейшего оттенка горечи…

Нетрудно догадаться, что репутация Коко – отныне и впредь мы будем ее звать именно так – быстро вышла за пределы «Ротонды» и гарнизонных казарм. Весть о том, чем занимаются в часы досуга юные швеи, быстро дошла до владельцев магазина «Святая Мария». Те негодовали!.. Как же так – такое серьезное заведение и дает у себя приют двум кабацким певицам! Что подумает мадам де Бурбон-Бюссе? Что скажут графиня де Шабанн или баронесса де Нексон? Не много ли вы на себя взяли, несчастные сиротки?

И обеих мигом выставили за порог магазина.

Для других случившееся явилось бы трагедией. Для Габриель трудности служили границами этапов жизни, побуждая двигаться вперед. Ясно, что она не собирается оставаться швеей до конца своих дней. Инцидент побудил ее к поиску средств для преодоления своего нынешнего положения.

Но покамест надо было на что-то жить. К счастью, последующие недели показали, что старые клиентки остались ей верны. Более того, они стали приводить к ней своих подруг; те не могли нарадоваться на двух замечательных кутюрье, шивших такие прекрасные вещи за сравнительно умеренную цену. Но при этом от их глаз не ускользнула непонятная обстановка скрытности, в которой работали девушки: пустынная улица, дверь без всякой вывески, скромная лестница, ведущая в мансарду, которая выходит на двор…

Но как бы там ни было, вскоре эта деятельность позволила девушкам жить ничуть не хуже, чем прежде, когда они работали в магазине «Святая Мария». А главное, они обрели – вернее сказать,

завоевали – независимость, которой так долго жаждали. Они обязаны ей своей волей и своим трудом. Таков первый урок, который преподала им жизнь и который Габриель не забудет до последнего дня своей жизни…

Нужно ли говорить, что известия о том, чем занимаются в Мулене Габриель и Адриенн, дошли и до Варенна. Поначалу тетушка Костье остолбенела, будучи не в силах поверить своим ушам, а затем вспыхнула негодованием, клянясь отказать от дома двум юным бунтаркам. «Да их бы надо в исправительный дом!» – бушевала она. Но тут, на счастье, появились дедушка Адриен и бабушка Анжелина. Ведь девушки уже достигли совершеннолетия, сказали они, и вольны беспрепятственно избирать подходящий им способ существования.

Ввиду такого ошеломляющего успеха Коко директор «Ротонды» мосье Шабассьер предложил ей годичный контракт, который она рада была подписать. Адриенн, не удостоившаяся такой чести, тем не менее не выказывала ни малейших признаков ревности. Она знала, что не обладает ни тем дарованием, ни тем самобытным шармом, которым природа наградила ее племянницу, ни той силой духа. Что из того! Она ее обожает и преклоняется перед нею! В ее глазах вознаграждение заслуг Габриель явилось долгожданным торжеством справедливости.

Но после нескольких месяцев эйфории, в течение которых Габриель видела себя на пороге блистательной карьеры, она вдруг заскучала. Ограниченность ее успеха вставала перед нею во всей очевидности, опустошая душу… Да, конечно, ее хорошо знают в Мулене, возможно, даже слишком хорошо. Но то ли это будущее, о котором она мечтала? И в конце концов, это всего-навсего Мулен.

Она решила попытать счастья в Виши. Тогда, в белль-эпок, этот город становился в курортный сезон настоящим сколком Парижа, а для выступавших здесь артистов – подчас этапом на пути к покорению столицы. «Король городов на водах», как его называют и теперь, привлекал к себе богатую космополитическую публику. «Кажется, что вы на берегах Нила, а не на берегах Алье», – заметил один из хроникеров «Фигаро». После принятия лечебных процедур и ожидания у киосков с водой, которую им разливали в стаканы-мензурки мадемуазели в фартучках и белых чепчиках, страдальцы печеночными коликами жаждали развлечений. Хворь не мешала им с энтузиазмом аплодировать комедиям, операм, опереттам, представлениям мюзик-холлов и ревю… Одних только театров варьете в городе никогда не бывало менее четырех – таких, как, например, «Альказар» или «Элизе-Палас», экстравагантный фасад которого, выдержанный в

чистейшем стиле nouille, игриво контрастировал с классической мудростью окружавших его буржуазных особняков.

Воистину, только происки дьявола смогут помешать Габриель получить ангажемент певицы в ревю или опереттe! И, разумеется, она увлекла за собой Адриенн. Зимою 1905 года Габриель объявила поклонникам, что покидает Мулен. Услышав это, молодые люди разом потускнели – ведь малышка Коко была для них яркой звездочкой на небосклоне ночного Мулена, каждый ее выход на сцену был осенен дуновением поэзии, а ее немного странного, но красивого лица не дано забыть никому! Как же грустны без нее будут теперь вечера!

– Так приезжайте поглядеть на меня в Виши! – ответила она.

Они пообещали… И сдержат свое слово.

* * *

Габриель и Адриенн сняли скромную комнату в старом квартале близ церкви Сен-Блез. Приехали и сразу распаковали чемоданы, достали оттуда платья, которые сами себе сшили, шляпки – плоды их неуемной фантазии, и отправились знакомиться с городом, который, как они думали, вскорости ляжет к их ногам. Понаслаждались тишиной аллей раскинувшегося вдоль реки парка д'Алье с английскими садами и причудливо отделанными виллами, где живали На-полеон III и его ближние. Затем направили свои стопы в Парк источников – побродили в тени гигантских платанов, каштанов и буков, нырнули под крытую галерею, поддерживаемую литыми колоннами. Эта галерея, ставшая гордостью местного муниципалитета, была перевезена сюда прямо из Парижа, после демонтажа Всемирной выставки 1900 года. Представьте себе – можно в самый сильный дождь, не раскрывая зонта и не опасаясь испортить свою невообразимых размеров шляпу (что поделаешь, такая была в ту пору мода!), пройти целый километр – на других посмотреть, себя показать. «В каком еще городе сыщется подобное удобство?» – расхваливали местную достопримечательность путеводители по Виши.

Однако энтузиазму наших юных особ суждено было быстро рассыпаться. Сезон уже давно начался, все контракты с артистами подписаны, и единственное, на что могли надеяться юные барышни, – вдруг срочно понадобится заменить кого-то из артисток, но вероятность этого была слишком призрачной. Куда бы они ни обращались с предложениями, везде импресарио, режиссеры и директора зрелищ грубо отмахивались от них с

порога, бросая лицемерное: «Вам напишут!»

Ко всему прочему Габриель неизменно ставили в упрек то, что сама она называла субтильностью. «И откуда вы взялись такая, тощая как жердь? Вам же все ребра пересчитать можно!» – говорили ей без смущения. «Вам бы, мадемуазель, надо кушать поплотнее», – сочувственно добавляли другие.

Вдобавок она дурно танцует, у нее напрочь отсутствует гибкость и нет даже намека на голос… Да она не соберет ни сантима!

Неудачи не подрезали ей крылья. Она решила брать уроки пения и танца. Сбережения ее таяли, как снег весной. Но все ее усилия оставались тщетными. Все же она продолжала упорствовать, невзирая на советы рассудительной Адриенн. Кстати, об Адриенн… Красивая, высокая, стройная, с походкой принцессы – ее-то почему отвергали директора зрелищ? Да говорили, будто она чересчур изысканна для публики, перед которой собиралась выступать… Быстро поняв, что настаивать бесполезно, она в горьком разочаровании возвратилась в Мулен, несмотря на уговоры Коко.

…Есть фотография, раскрывающая интересную грань личности нашей героини в тот период ее существования. Коко *снята* на террасе «Кремери» – одного из тогдашних самых шикарных кафе в Парке источников, смиренно сидящей за стаканчиком в компании сестры Антонии. Ласковый, робкий взгляд с оттенком меланхолии… Это уже не прежняя амбициозная Коко, но молодая мечтательная женщина, не слишком уверенная в том, что ее ждет в будущем…

Среди поклонников Габриель, которые приезжали в Виши повидать ее, был один, который, в отличие от остальных, не побуждал ее ждать контракта и не поддерживал эту идею. Звали его Этьен Бальсан.

Он не обладал ни выправкой, ни элегантностью офицеров 10-го егерского. Он не был титулован, как большинство его товарищей. Хуже того, он был всего-навсего сержантом. Среднего роста брюнет, с круглым, довольно обыкновенным лицом, с небольшими усиками, весьма банальный… Но у него была масса друзей среди офицеров. Добрый, честный малый с широкой натурой, любитель поесть и не дурак выпить, он был влюблен в жизнь и стремился взять от нее максимум возможного. Он был без ума от беговых лошадей, и его мечтою было выставлять их под своим вымпелом на самых престижных ипподромах парижского региона.

Он происходил из богатейшей семьи, жительствовавшей в Шатору и владевшей текстильной фабрикой с полутора тысячами

рабочих, которая выполняла среди прочих и поставки для французской армии. Наш повеса пристрастился к кутежам еще с отроческих лет и намеревался продолжать в том же духе, тем более что он унаследовал огромное состояние родителей. Назначенный для прохождения службы в 90-й пехотный полк гарнизона Шатору и сообразив, что там ему не будет так вольготно, как ему хотелось бы, он перевелся в Мулен, придумав для этого благовидный предлог: мол, в этом городе есть военная секция по изучению восточных языков. Вдруг в один прекрасный день родине потребуются специалисты в этой области, и тогда он, Этьен, ответит: «Я!» В действительности же преподавание индусского диалекта, который он будто бы собирался изучать, существовало только на бумаге, ибо так и не нашлось никого, кто бы знал этот диалект. Вот потому и выбрал молодой *человек* этот редкостный язык, потому что во всей Франции его никто не знает… Этот лукавый маневр, точнее сказать, фарс, снискал ему заметную популярность среди товарищей.

* * *

Несмотря на советы Этьена и грубые отказы директоров зрелищ, Габриель продолжала упорствовать в своем желании сделать карьеру певицы. Но какой певицей она хотела бы быть? Амплуа артистов в этой области (как и в театре) давно и четко определены. Есть «романсьерки», в забытом ныне значении слова – исполнительницы сентиментальных романсов. Но ее педагог (как видно, молодая француженка не считалась с расходами) советовал представлять себя в амплуа певицы-«гоммез». Артистка такого амплуа, традиционно облаченная в широченное, усыпанное блестками платье, не столько поет, сколько танцует, скачет и выделывает на сцене самые головокружительные экзерсисы. В таком случае публика может и не обратить внимания на то, что у нее нет голоса. Габриель приобрела (или взяла напрокат) дорогостоящие аксессуары – но, увы, ее показы, в частности в «Альказаре», не убеждали работодателей, которые ставили ей в упрек все ту же самую «худобу», не замечая того самобытного шарма, что излучала ее персона.

– А как же Полер? – пыталась возражать она.

– Так у Полер же есть голос, – отвечали ей. Бедная Габриель! Крыть ей было нечем…

* * *

Виши. Октябрь 1906 года. Большинство курортников разъехались по домам. Иные пансионы закрыли ставни, а вековые каштаны в парках приобрели меланхолический ржавый оттенок. У источников с названием «Гранд-Гриль», куда по-прежнему приходило много посетителей, среди барышень, подносящих воду, можно было увидеть и хрупкий силуэт Коко. Улыбаясь, она наливала клиентам в стаканы-мензурки целебную воду, согласно предписанной дозе: 40, 25, 30 граммов… Публике запомнилась ее робкая и вместе с тем горделивая улыбка и природное изящество, с которым она носила полагавшийся ей белый передник, хотя не было похоже, чтобы она гордилась им, как ее товарки – крепкие розовощекие крестьянки.

Таковым было теперь амплуа Коко, чему ей пришлось посвятить себя, когда иссякла та небольшая сумма, что она с трудом скопила для жизни в Виши.

В конце сезона, когда закрылись все павильоны при целебных источниках, она, разочарованная, но по-прежнему храня в душе надежду сделаться настоящей певицей, возвратилась в Мулен.

* * *

Но Адриенн там уже не было. Теперь она жила близ Сувиньи, в двенадцати километрах от Мулена, у некоей Мод Мазюель. Курьезная особа была эта Мод – поперек себя шире, выступает величаво, точно броненосец, входящий в порт, а ее широкое лицо, лишенное малейшего проблеска мысли, отражало некую безмятежную величавость, которую подчеркивала также ее манера носить широченные рединготы.[11] Она также любила заказывать себе эффектные шляпы a la mousquetaire.[12] Будучи скромного происхождения и мало обласканная природой, эта дама тем не менее нашла себе покровителя – пусть и без особых капиталов, зато испытанного на верность. У себя на вилле она держала своеобразный салон, который посещали и офицеры из Мулена, и сыновья представительных семейств, и мелкие окрестные помещики, и соблазнительные мамзели, не всегда принадлежащие к высшему свету… Но именно они обеспечивали успех вечеринкам, которые она организовывала в гостиной своей виллы или в небольшом парке, примыкающем к ее ограде. И если она приютила у себя прелестницу Адриенн, так это потому, что видела в ней самое ценное украшение этих встреч, устраивать которые она была мастерица. Провинциальная сваха, компаньонка для девушки, дуэнья и близкая подруга, которой можно поведать обо всем, что на душе, – она была всем этим как

одновременно, так и последовательно. Трудно было признать за ней церемонность. Исполненная отъявленного цинизма, она ловко маскировалась под женщину, снисходительную к чужим слабостям. Никогда не забывая о своих интересах, она любила лишний раз напомнить человеку, что сыграла решающую роль в его судьбе, намекая при этом, что ждет вознаграждения.

Вернувшись в Мулен, Габриель вновь обрела свою клиентуру и скромно жила шитьем, стараясь как можно чаще отзываться на приглашения Мод – это давало ей возможность повидать дражайшую Адриенн. Надеялась ли она, как другие посещавшие тот салон молодые женщины, найти себе спутника жизни, бросить бесплодные попытки сделать настоящую карьеру певицы? Что-то не похоже, чтобы она уже отказалась от этого.

Ей едва исполнилось двадцать четыре года, и она не из тех, кто так легко сдается. Разумеется, она продолжает бывать у молодых офицеров, которые столько раз устраивали для нее праздники; а во второй половине дня – обыкновенно в пять вечера – ее часто можно встретить в только что открывшемся в центре города чайном салоне «Делис», лакомящейся булочками с чаем или с горячим шоколадом в тесном кругу молодых поклонников. Среди них и наш знакомый Этьен Бальсан, срок службы которого в Мулене еще не закончился. Но, как ни настаивала Коко, он наотрез отказывался сопровождать ее на вечеринки на вилле Мод. У той нет ни ума, ни шарма, говорит он. И вообще она похожа на жирную индюшку, хоть сейчас на рождественский стол. К всеобщей радости, он начинает передразнивать ее походку, ее забавные ужимки… Да, право, это у него здорово получается! В заключение он сообщает, что на хваленых вечеринках у Мод царит смертная скука, совершенно в стиле самой хозяйки салона.

– Там загнешься с тоски! – утверждает он.

Коко, которая была рада любому поводу съездить туда и повидаться со своей милой Адриенн, высказала мнение, что Этьен преувеличивает. Кстати, Мод часто брала свою теплую компанию на ипподром в Мулен или Виши и нередко сталкивалась там лицом к лицу с Этьеном – все знают, как он помешан на лошадях.

До нас дошел ряд фотографий, запечатлевших Мод, Адриенн и Габриель на конских ристалищах. Вот импозантная Мод в величественном жабо (очевидно, носить его обязывала та псевдоофициальная функция, которую она себе приписывала) гордо восседает меж двух юных прелестниц, подавляя их своим ростом, но в еще большей степени – шириною, которая внушительнее, чем у обеих вместе взятых. Кажется, сам объем ее внушительной фигуры диктовал ей менторскую роль. Зато на этом фоне еще более оттенялась деликатная красота ее

очаровательных протеже. На обеих – платья и гарнитуры, сработанные собственными руками. Но их выбор подчеркивает различие двух натур. Если Адриенн предпочитает фасон, строго соответствующий тогдашней моде – взять хотя бы широкое кружевное жабо, – то Коко, напротив, уже отдает предпочтение белому воротничку, тому самому, что позднее станет типичным для стиля «рю Камбон» и контрастирует благодаря своей счастливой простоте со вкусами белль-эпок. Ну и, конечно, никак не соотносятся между собою лихо скошенный набок белый капор Коко и пышная, громоздкая шляпа Адриенн.

* * *

Завлеченная на бега чуть ли не насильно, Габриель поначалу не слишком-то интересовалась конным спортом. Но под влиянием Этьена ее суждение сделалось более утонченным, а затем переменилось в корне. Еще вчера лошади были для нее только средством передвижения, которое она не очень-то жаловала – тем более что еще свеж в памяти был день, когда непутевый отец свез ее на лошади в Обазин. Но теперь ей полюбилась их в высшей степени элегантная походка, манера, с которой они в галопе выбрасывают ноги, гордость, с которой они держатся, тонкость их привязанностей, грустная нежность их взгляда. Разумеется, эти чистокровные скакуны не имели ничего общего с тяжеловозами-першеронами, которые по вечерам в Курпьере медленно и понуро брели к себе в стойло, или с той бедной скотиной, которая катила под непрестанными ударами кнута жалкую повозку папаши Альберта по большакам и тропкам Франции.

И ей не показалось такой уж смешной курьезная история маркиза Б"*, которую поведал ей Этьен. Этот аристократ (которого семья в конце концов поместила в сумасшедший дом) был в буквальном смысле слова влюблен в свою кобылу и нашептывал ей на ухо речи, полные страсти.

Отныне Коко не могла налюбоваться и на чудесных маленьких жокеев в белых штанишках и шелковых куртках, которые они укладывали на седла, и весь начальный ритуал, который вносил в зрелище поэтическое и драматическое начало: удар в колокол, взвешивание жокеев (о, этот роковой барьер в 55 кило!), взмах флажка – и вот уже жокеи, слившись воедино со своими скакунами, точно кентавры, несутся вперед с невообразимой скоростью. Напряжение в публике растет… А для Коко это самый настоящий праздник, который вырывал ее из куцего существования.

Одно только омрачало картину: нашей героине не полагалось места на трибуне среди владельцев скакунов, их жен и друзей. Причиной тому – ее социальное положение. Нетрудно вообразить, какой бы разразился скандал, если бы кто-нибудь из важных господ увидел своего отпрыска в компании этих нахалок, которые – а как иначе? – из кожи вон лезут, чтобы выскочить замуж за богатого и титулованного, а лучше – то и другое вместе. Кокотки, потаскухи, «камелии», гетеры – вот такой лексикон припасен матерями благополучных семейств для этих барышень, пусть даже в действительности их поведение в высшей степени безупречно. Чем больше страх перед возможным мезальянсом, тем грубее лексика…

Несмотря на все, молодые аристократы ничтоже сумняшеся играли с огнем. Бдительное око родителей только воспаляло в них желание вкусить запретного плода. Так, за Адриенн одновременно начали ухлестывать экстравагантный граф де Бейнак, его друг – маркиз де Жамилак и кто-то из их молодых протеже. Она не выйдет замуж ни за кого из этих мосье, но годы спустя сочетается законным браком с бароном де Нексоном, в которого была влюблена с 1908 года.

Не такой оказалась судьба Габриель, которая, как мы знаем, на всю жизнь осталась незамужней. Хотя и она могла похвастать своими женскими козырями – было в ней нечто необычное, выдававшее в ней неукрощенный задор; она любила пошутить, блистала мыслью, подчас бывала язвительной – все это било в ней ключом и могло проявиться самым неожиданным образом; такое не столь привычно у других девушек. Если последние успокаивали, внушали надежность, то Габриель, напротив, могла приводить в замешательство, быть возмутительницей спокойствия…

Вот эту-то из ряда вон выходящую личность и ценил в ней Этьен Бальсан, что и продемонстрировал во время ее пребывания в Виши: хоть он и смотрел скептически на все ее прожекты, но тем не менее оказал ей тьму мелких услуг.

Впрочем, Этьену вскоре предстояло покинуть Мулен – заканчивался срок его службы. За дватри года до того ушли из жизни сначала его отец, затем мать. И вот он вместе с братьями Робертом и Жаком оказались наследниками огромного состояния, в том числе фабрик в Шатору. Кто теперь станет командовать ими? Роберт не претендует на большее, чем роль управляющего, а Этьен вообще не хочет возиться – для него это «каторга». В такой ситуации потирать руки от радости будет Жак. Он, по примеру Этьена, стал настоящим спортсменом, только страсть его не конный спорт, а воздухоплавание. Заядлый аэронавт, он побил в

1900 году рекорд, проведя в гондоле своего воздушного шара «Сен-Луи» ровно тридцать пять часов. В том же году он принял участие в гонке Париж – Санкт-Петербург. Как и многие другие отпрыски состоятельных семей, он проявил живейший интерес к нарождавшейся в ту пору авиации и сделался заправским пилотом – можно без преувеличения сказать, что именно ему родина обязана победой под Марной. В сентябре 1914 года, патрулируя в одиночку на своем «Моране» регион к северу от Парижа, он стал свидетелем необдуманного маневра германской армии, которой командовал фон Клук: вместо того чтобы прямым маршем наступать на Париж, до которого оставалось каких-нибудь семнадцать километров, она повернула на восток и подставила свой фланг под неизбежную контратаку французов. Едва приземлившись, Жак Бальсан тут же помчался к военному коменданту Парижа, который был его личным другом, и доложил о ситуации. Остальное вы знаете: красные такси, задействованные для переброски солдат, неожиданная победа – Париж и Франция спасены! Но вернемся к Этьену. Он волен жить как хочет и решил всецело посвятить себя любимой страсти, то бишь лошадям. Он все чаще посещает в Уазе расположенную на западной кромке Компьенского леса тренировочную площадку Лакруа-Сен-Уан, которая обладает неоценимым преимуществом – близостью к Шантильи, где происходят известные на весь мир конные состязания и где выращивают блестящих чистокровных однолетних жеребцов. В 1904 году он узнает, что в непосредственном соседстве с Компьенем некая вдова тренера по конному спорту выставляет на продажу прекрасное имение, именуемое Руалье, со многими гектарами великолепных лугов и лесов – как раз то, что нужно его лошадям! Он покупает его не торгуясь. Первоначально здесь располагался основанный в 1303 году монастырь, куда ездил на богомолье Филипп Красивый – отсюда и название. Впоследствии, в XVII веке, его занимали монахи-бенедиктинцы из ордена Сен-Жан-де-Буа, изгнанные оттуда в годы Великой французской революции.

Тогда, в 1907 году, самая древняя часть монастыря представляла собою красивую паперть с романским сводом, закрытую массивным дубовым порталом и окруженную зданиями, поросшими диким виноградом. Позади располагался обширный парк с вековыми деревьями, в глубине которого приютилось главное здание монастыря. Переделанное в XVII веке, оно венчалось крышей а-ля Мансар.[13] Высоченные окна в мелкую клетку давали свет созданным здесь при Людовике XIII многочисленным комнатам, которые полностью сохранили свое деревянное убранство. Когда Этьен приобрел Руалье, оно было в

не слишком-то хорошем состоянии, но новый владелец, вознамерившийся провести здесь остаток жизни, не скупился – десятки художников и строительных рабочих, засучив рукава, трудились над реставрацией достопримечательностей имения и приданием ему комфорта, которого здесь недоставало катастрофически. Так, требовалось устроить здесь многочисленные роскошные ванные комнаты, причем выдержанные именно в стиле той эпохи, когда гигиена отнюдь не считалась *первостепенной заботой* даже у высших слоев общества, если верить знаменитому изречению графини де Панж: «Они вообще никогда не мылись!»

Вполне естественно, Этьен не забывал о самом существенном: расширял конюшни, увеличивал количество стойл – он рассчитывал вырастить не один десяток чистокровнейших скакунов и даже основать конный завод. Он тщательно подобрал и нанял на работу лучших работников, прислуживающих в конюшне, и самых опытных конюхов.

Отныне он мог лелеять самые дерзновенные мечты: участвовать в ливерпульском «Гран насьональ» или в кроссе По.

* * *

Однажды в Виши Этьен пригласил Коко на тренировку. Представим ей самой поведать о полученных там впечатлениях:

«Мы договорились о встрече на следующий день. Перешла мостки через Алье, ступила на луг и очутилась подле стойл. Хорошо пахло быстро текущей водой: слышно было, как шумит запруда. Параллельно реке протянулся правый путь недавно спрямленной железной дороги; песок, белые шлагбаумы и горы Бурбонне вдали. Солнце золотило побережье Ганна. Жокеи и конюхи шагом ехали друг за дружкой, прижав колени к подбородку.

– Какая чудесная жизнь! – вздохнула я.

– Я веду такую жизнь круглый год, – ответил Этьен. – Она могла бы быть и вашей».

Габриель сделала вид, что не расслышала, но мысль о том, чтобы враз покончить с осточертевшим прозябанием, мало-помалу закрадывалась ей в душу. Но совершенно ясно, что она не была влюблена в Этьена. Он ничем не напоминал героев популярных книжонок, которыми она зачитывалась в отрочестве, равно как и неотразимых соблазнителей, чьи раскрашенные портреты украшали обложки романов по четыре су, которые она и сейчас продолжала читать. Но личность он и впрямь незаурядная

– душа общества, всегда в добром настроении, обожаем своими друзьями и сам – прекрасный товарищ… Одним словом, самобытная персона. Как и она, Габриель. А раз так… Почему бы и нет?

Однажды она пошла ва-банк:

– Тебе случайно не нужна ученица? – спросила она и разом вспыхнула от смущения, словно уже сожалела о сказанном.

Однако такая дерзость не только не шокировала Этьена, но, напротив, очаровала его. Он так и покатился со смеху… Он сделает из нее наездницу! И он уверен в ее таланте! И скоро убедится в нем воочию!

Перспектива поселить в Руалье такую милую, такую забавную, такую незаурядную маленькую товарку, как Коко, и ввести ее в круг своих интимнейших друзей мигом соблазнила его. Своим присутствием она оживит несколько суровую жизнь, которую он здесь ведет, примет участие в тех милых фарсах, которые он так любит показывать. А поскольку она так любит лошадей, она не внесет никакого диссонанса в тесный круг, сплоченный все тою же пламенной страстью.

4
РУАЛЬЕ, ИЛИ НОГИ В СТРЕМЕНАХ

Компьень. Вокзал. 1907 год, вечер. «Малышка Коко», как ее называет Этьен, выходит из своего вагона третьего класса. Багаж у нее очень скромный: на лето – дамский костюм из альпаки, на зиму – костюм из шевиота, вот и весь ее гардероб. Ну и еще «собственная кожа старой ведьмы», как она сама говорит. Пригласивший встретил ее на вокзале и отвез в Руалье в своем легком экипаже-тильбюри.

Когда экипаж остановился перед импозантным порталом аббатства, его пассажирка застыла от изумления… Как не похоже на те лачуги, в которых ей доводилось ютиться, едва миновала пора малолетства! Отворилась дверь, ведущая в главное здание, – и взору открылась великолепная лестница XVII века с перилами из кованого железа, а над нею – портрет первой аббатисы Руалье, мадам де Лобеспин.

– Ее звали Габриель, точно так же, как и тебя, – смеясь, заметил Этьен.

Но, конечно, не из-за этого он отвел ей лучшую комнату – комнату самой аббатисы. О да, жилье у нее и впрямь было великолепным – с пышным декором, богатой мебелью, серебряными канделябрами, старинными портретами… Все это произвело живейшее впечатление на молодую женщину. Когда же Этьен отворил дверь предназначенной для нее изысканной ванной комнаты, она долго не могла прийти в себя – ведь в ее глазах признаком роскоши почиталось уже наличие простого таза для умывания и кувшина с водой к нему.

Автор не ставит здесь целью проникновение в альковные секреты, но все же правомочен вопрос: а какова в действительности была природа отношений, объединивших Этьена и его гостью? Как мы видели, она называет его прекрасным товарищем, да и позднее будет говорить о нем в тех же терминах, уточняя, что никогда не любила его. Со своей стороны, Этьен десятилетия спустя никогда не будет говорить о ней как о своей любовнице. Есть основание думать, что она и впрямь не была таковою до того, как он поселил ее в Руалье. Но при той свободе отношений, которая там царила, трудно предположить, чтобы их отношения по-прежнему оставались платоническими, даже если они были лишены подлинных любовных чувств. Их связь была лишена хитросплетений и ненужных сложностей. Не так ли обыкновенно бывает между

спортсменами? Вообще же Этьен, веселый богатый холостяк, коллекционировал любовниц, не придавая приключениям большего значения, чем они того заслуживали. Но в лице Габриель ему открылась не просто прелестная молодая женщина, но самобытная личность, занимательная благодаря остроте рассуждений и ко всему прочему заинтересовавшаяся конным спортом, что являлось в его глазах существеннейшей добродетелью.

Кстати, он вовсе не собирался предлагать Коко роль хозяйки дома. В его глазах это значило бы придать ей слишком большую важность в своей жизни. Да и сама Габриель была далека от мечтаний об этих утомительных функциях. Годы спустя Этьен вспомнит, в какое замешательство приводил его стиль жизни Габриель в начале ее пребывания в Руалье: залеживалась в постели за полдень, у подушки – большие чашки кофе с молоком, под подушкой – бульварные романы по четыре су… Такой лени он ни в ком не видывал сроду! Но в ее-то представлении это была как раз та жизнь, какую полагается вести обитательницам замка. Она с лихвой вкусила беготни за грошовым заработком, материальных затруднений, неуверенности… Хватит с нее! До сих пор она жила, постоянно напрягшись… Теперь появилась возможность расслабиться всем существом…

Но вот она, наконец, поднялась с постели, слышит звон колокола – это приглашают в столовую, где собираются друзья Бальсана, которые частенько наезжают к нему в Руалье и гостят у него. Все они помешаны на лошадях и по большей части являются в сопровождении своих любовниц. Таковы барон Фуи и его тщательно скрываемая от семьи «подружка» – хорошенькая Сюзанн Орланди, тренер Морис Кайе со своей прелестницей мадемуазель Форшемер, граф Леон де Лаборд.

Не забудем и о примечательных гостьях. Бывало, к портику аббатства величественно подкатывала щегольская лакированная коляска Эмильенн д'Алансон – одной из «трех великих», как называли самых знаменитых кокоток той поры (две остальные – Лиан де Пужи и прелестная Отеро). В возрасте тридцати семи лет Эмильенн решилась на сценический дебют – представила в Зимнем цирке номер с дрессированными кроликами. Обыкновенные белые кролики с розовыми глазами, украшенные воротничками из гофрированной бумаги. У нее в ту пору был такой развязный вид, что один из критиков бросил упрек: «Как же ей недостает неопытности!»

Однажды ей в гримерную принесли букет орхидей, из которого выпала визитная карточка: «Герцог Жак д'Юзес». Так было положено начало связи, которая перерастет в

оглушительный скандал… Влюбившись по уши в Эмильенн, дочь консьержки с рю де Мартир,[14] наследник одного из самых благородных французских семейств бросил к ее ногам все свое состояние, так что мать-герцогиня сочла за благо выслать его в Конго, подальше от опасной куртизанки. История, увы, закончилась печально: молодой герцог подхватил в Африке тяжелую лихорадку, которая и сразила его.

Но перечень скандальных побед Эмильенн на сем не завершается. Когда она выступала в «Фоли-Бержер» в роли маленького пажа, играющего на гитаре, ей удалось склонить к своим ногам самого короля Бельгии. Владыка тайком ездил к ней в Париж на свидания, назначавшиеся в маленькой наемной квартире на рю д'Артуа, по противоположной стороне которой в это время топтались агенты в штатском…

Самому Этьену Бальсану также довелось пережить мимолетное приключение с Эмильенн. Однако, в противоположность своим предшественникам (и последователям), ему удалось вырваться из ее цепких когтей прежде, чем она успела пустить прахом его состояние или даже отщипнуть от него хотя бы кроху. Этот подвиг не только стяжал ему восторги товарищей, но и заинтересованное уважение – и больше даже искреннюю дружбу самой Эмильенн. Отсюда и частые визиты ее к Этьену при полном отсутствии ревности в отношении Габриель, в которой она ценила оригинальность мышления и манеру держаться.

Что же касается самой Коко, можем ли мы назвать ее содержанкой? В общем, да. Но с позиции той эпохи это нельзя было утверждать столь категорично, поскольку Этьен отнюдь не обращался с нею как с таковою. Не могло быть и речи, чтобы он пустил по ветру свои капиталы, желая сделать ее самой элегантной из современниц. Драгоценности? Он и не думал предлагать их ей, да Коко и не намекала на то. Напротив, она отвергала всю ту роскошь, которая, как она считала, деклассировала ее. Наша горничная была благодарна Этьену за то, что в его намерения не входило превращать ее в кокотку – вроде тех украшенных султанами особ, которых титулованные покровители катают в пышных экипажах по авеню дю Буа.[15] Она слишком горда, чтобы принять то, что является в ее глазах худшим из унижений.

* * *

Конечно, у Габриель не было столь живой страсти к конному

спорту, как у Этьена и его друзей, но не было и отвращения. И коль скоро этому спорту была посвящена вся жизнь тесной компании в Руалье, она решила во что бы то ни стало сделаться превосходной кавалеристкой. Не это ли самый приятный из всех возможных путей проводить жизнь? И, кроме того, она столько лет считает труд и волю самыми существенными добродетелями, призванными управлять ее существованием. Дело не столько в моральных соображениях, сколько в том, что это – единственное эффективное средство заявить о себе, которое потерпит ее гордость. Никому ничего не быть должной, не зависеть от кого бы то ни было – такова была суть ее кредо, которому она останется верна всю жизнь.

Усилия, предпринимаемые Коко, чтобы стать лучшей кавалеристкой Руалье, не могли не дойти прямиком до сердца Этьена. Конечно же, давая ей уроки, он проявит максимум заботы. А она в ней ой как нуждалась – что бы она там ни заявляла вначале, она была здесь полным профаном. Садясь на лошадь в первый раз, она вцепилась в гриву, а животное, растерявшись с непривычки, пустилось с места в галоп, что повергло честную компанию в хохот.

– Ну, хватит строить из себя клоуна! – прокомментировал Этьен, который, хоть и рад был любому поводу похохотать, не терпел профанации в данной области. – Тебе потребуется амазонка,[16] – добавил он. – А пока тебе ее сошьют, Сюзанн одолжит тебе свою.

– А может, еще и цилиндр? Или уж сразу треуголку? – смеясь, парировала Габриель.

Она сразу стала учиться садиться на лошадь по-мужски. Теперь ей были нужны кожаные сапоги и кавалерийские штаны – но это было ей не по карману. Впрочем, юная прелестница и здесь нашла выход. Тренируясь в конюшнях и общаясь с конюхами (с которыми она чувствовала себя в своей тарелке, ведь почти все они были выходцами из крестьянской среды), обратила внимание, что ей бы очень подошли мужские брюки – это избавит ее от необходимости покупать шикарные сапоги из рыжеватой кожи, в которых щеголяют ее друзья. Такие сапоги стоят состояние, а мысль попросить денег у Этьена приводила Габриель в ужас. Она отправилась к портному из Лакруа-Сен-Уана, который держал мастерскую у края тренировочной площадки и обслуживал в основном скромную публику из конного мира: конюхов, гарсонов, прислуживающих в конюшнях… Явившись в мастерскую, она извлекла из сумки пару брюк, которые показались ей особенно элегантными и которые она одолжила у состоявшего на службе Этьена конюха-англичанина.

– Можете сшить такие же и в таком стиле? – спросила она.

– Мадам, надо, чтобы ваш муж явился лично. Мне же нужно снять мерки.

– Так это для меня, мосье!

– Для вас? – ошеломленно воскликнул портной.

– Точно так, для меня.

– Но дамам это не к лицу! – сказал он, ошарашенный и возмущенный.

Давая понять, что ответ не произвел на нее ни малейшего впечатления, Коко повторила свою просьбу с таким авторитетом в голосе и взгляде, что портной вынужден был капитулировать. Конечно, она сумасшедшая, эта клиентка, но ведь платит не торгуясь!

Отныне Габриель, оставив привычку залеживаться в постели за полдень, с невероятной энергией и прилежанием стала брать уроки у Этьена, делая все, чтобы доставить ему удовольствие.

Каждое утро на заре, будь хоть дождь, хоть ветер, она со всеми остальными членами компании вела лошадей на тренировку. Со своей стороны, она училась определять их ценность, как и ценность жокеев, которые их выезжают. Она быстро научилась правильно держаться в седле, запоминая, как десять заповедей, рекомендации Этьена: «Представь-ка себе – если ты способна на такое, – что ты держишь в руках пару драгоценных фарфоровых ваз и не можешь ни за что схватиться, чтобы удержаться». …Полстолетия спустя Коко еще будет помнить эту живописную формулу – больше даже, она находила в воспоминании о ней некое удовольствие. Она и сама давала ему рекомендации:

– Когда скачешь в дождь, закрывай один глаз! Если залепит лицо грязью, останется чем смотреть на дорогу…

В какие-нибудь несколько месяцев Коко стала замечательной кавалеристкой. Ее молниеносный прогресс произвел живейшее впечатление на Этьена и его товарищей. Что ж, у нее врожденный талант к этому спорту? Да, конечно, но к тому же еще и страсть, упорство и гордость. Она хочет сделаться лучшей, и это ей удается.

С этого времени Габриель по-настоящему становится частицей группы. Тем не менее по-прежнему оставалось одно «но». Если в Руалье приезжал в гости кто-либо из членов семьи кого-нибудь из здешних мосье, то, понятное дело, любовницы не принимали участие в торжественных обедах, даваемых в честь гостей. Бальсан и его друзья не на шутку боялись шокировать своих близких, пугались возникновения щекотливых ситуаций, могущих привести к скандалам… Нельзя сказать, чтобы им было

приятно так поступать, но приходилось считаться с социальными условностями, которым никто из них не готов был объявить войну.

В подобных случаях Коко и других юных леди сажали за один стол с конюхами и жокеями. Еще одна горькая пилюля – им равным образом запрещен вход на трибуны для владельцев лошадей и других почетных гостей на ипподромах. Место Коко и ее товарок по социальному положению – среди всякого сброда: зрителей, ставящих по маленькой, поливальщиков, букмекеров, карманных воришек и их жертв и прочих толп одуревших провинциалов, словно сошедших со страниц «Ставки» Лабиша, всяких сельских сумасшедших и разных прочих блаженных…

Унизительность ситуации не всегда была слишком очевидной для Коко, даже при том, что она знавала унижение и в иных формах – и в сиротском приюте в Обазине, и в институте Богоматери. Но это только укрепляло в ней решимость – нет, не взбунтоваться, она уже трезво смотрит на вещи, – а уйти от судьбы с гордо поднятой головой.

Жизнь группы подчинялась ритму скачек на ипподроме в Компьене, но в еще большей степени – в Шантильи, в Лоншане, в Венсенне, в Мезон-Лафите, в Трембле, в Отейле или в Сен-Клу. Несколько раз в неделю уютная компания садилась на поезд до Парижа. В купе царили шутки и веселье, здесь обсуждали скачки, комментировали со Stud-book[17] в руке породы участвовавших в состязаниях лошадей. Порою это так надоедало Габриель, что она задавалась вопросом: а она-то здесь при чем? К счастью, в купе еще играли в карты. Стелили на коленях шотландский клетчатый плед – вот вам и ломберный столик.

Время от времени случалось ездить и подальше – в Довиль, в По, в Ниццу, ибо лошади под вымпелами Этьена выступали повсюду.

Ну а когда засиживались в Руалье, жизнь текла по строго заведенному ритуалу. После завтрака на залитую солнцем террасу выносились кресла и шезлонги, предназначенные для Этьена и его друзей. Здесь читали и комментировали «Эксельсиор», «Голуа», или «Журналь». Женская половина более интересовалась светской хроникой и модой. Со страниц журналов можно было узнать, например, что «баронесса де Икс одевается в вечернее платье из мягкой розовой, расшитой золотом парчи, драпированное спереди и собирающееся в складки на крохотных ножках, обутых в туфли из сукна с золотой вышивкой», или что мадам С, «собираясь на прогулку в автомобиле, мелкими зябкими жестами кутается в шикарное атласное манто песчаного оттенка с воротником из голубой шиншиллы – этот мех сойдет разом и за

соболя, и за норку. Это манто окажет своей хозяйке неоценимые услуги в час, когда заходит солнце и внезапно становится прохладно и свежо».

Подобное чтиво вызывало смех у Габриель. Всего-то дела – одеться для прогулки, а сколько кривлянья, сколько жеманства! Вся ее земная суть готова была взбунтоваться. И ведь речь идет еще о дамах света!.. А что сказать об экипировке кокоток, которой «Голуа» уделял особое внимание, описывая во всех подробностях! В своих «Портретах-воспоминаниях» Жан Кокто с тонкой иронией пишет об этом убранстве, которое обескуражило не одного соблазнителя: «Ох уж эти доспехи, латы, железные ошейники, футляры! Этот китовый ус, эти петлицы, наплечники, наколенники, набедренники, наладонники, эти корсажи, недоуздки из жемчугов, букли из перьев, перевязи из атласа, бархата и драгоценных камней, и самые настоящие кольчуги! Ох уж эти рыцари из тюля, лучей и ресниц, эти священные скарабеи, украшенные клешнями из спаржи, эти самураи в соболях и горностаях, эти кирасиры наслаждений, которые чуть свет уж кличут могучих служанок, чтобы те помогали им расфуфыриться! И затем предстают перед очами своих повелителей, точно жемчужины, не способные найти выхода из своих раковин!.. Идея раздеть одну из подобных дам явится дорогостоящим предприятием, для осуществления которого, придется набраться сил, как для переезда на новую квартиру».

Таков портрет Эмильенн д'Алансон, пожалуй, наименее карикатурной из всех ей подобных… Со своей стороны, Габриель решительно отвергала саму мысль о принадлежности к этой категории личностей. Кстати сказать, и наряды, которые носили эти дамы, ей были не к лицу. Она даже как-то *попробовала* примерить несколько туалетов Эмильенн перед большим зеркалом у себя в комнате… Нет, это решительно не по ней. У нее просто нет необходимых для этого физических данных. Знаменитый абрис в виде буквы «s», который так ценился нашими прабабушками, ей недоступен…

А что сказать о модном в ту пору корсете, напялив который приходилось звать крепкорукую камеристку, чтобы безжалостно стянула тебе тело?! Даже при том, что самому Пуаре захотелось облегчить данный аксессуар, эпоха по-прежнему считала его обязательным. Сама мысль о том, чтобы испытать на себе это орудие пытки, вызывала у Коко отвращение. Как-то вечером она позабавила собравшихся в салоне друзей тем, что зачитала высокопарным тоном определение идеального корсета, каковое только что откопала, перелистывая номер «Голуа»: «Чтобы силуэт женщины был по-настоящему элегантным, необходимо, чтобы

корсет искусно формировал талию. Он должен прилегать точно к телу, не оказывая давления на деликатные органы („Какие органы?“ – спрашивала она невинным тоном.). Он бережет молодую женщину от усталости, причиняемой несколько волнительным повседневным существованием („Ох, ох, ох!“ – воскликнул Этьен). И наконец, он предохраняет молодую женщину от опасностей, множащихся с угрожающей скоростью вокруг ее юной красоты» (это последнее замечание потонуло во взрыве хохота).

По мнению самой Габриель, хорошо развитая мускулатура стоит любого корсета. Эту мускулатуру она уже приобрела ежедневной тренировкой по выездке. Она по многу часов проводила в седле, с наслаждением и до изнеможения объезжая Компьенский лес, где ей были знакомы все тропинки, все уголки. Уже будучи в почтенном возрасте, она призналась друзьям: «Если бы мне принесли оттуда веточку, одну только веточку… Я бы тут же узнала ее по запаху».

Но если конный спорт и бега не составляли более секрета для Коко, если теперь она чуть расширила свои познания об обществе и стала вхожа в те круги, которые прежде наблюдала лишь мельком, нельзя сказать, чтобы это послужило обогащению ее культуры в целом. Окружавшие ее спортсмены интересовались исключительно миром ипподромов и конюшен и всем к этому относящимся. Возможно, они сохранили в голове какие-то крохи классического образования, но ничто из того, чему их когда-то учили в школе, не пробуждало в них ни малейшего любопытства ни к литературным новинкам, ни к модным веяниям в театре. Об искусстве авангарда, которое несколько лет спустя так заинтересует Коко, мы не будем здесь вести и речи. Кстати, друзьям Коко и в голову не приходило вечером после бегов отправиться поаплодировать пьесам Федо, которые, конечно же, подарили бы этим весельчакам немало блестящих минут смеха. Столь же безразличным было их отношение и к музыке, и к живописи – имена Ренуара, Боннара, Дебюсси были для них не более чем пустым звуком.

Зато не были чужды этой тесной группке друзей всяческие легкодоступные забавы, фарсы и розыгрыши, обычные для общества той поры: прибитые гвоздями к паркету туфли и шлепанцы, спрятанные под покрывало мохнатые бутафорские пауки, растворимые ложечки для кофе и нерастворимые куски сахару и сигары с подмешанным в них порохом. Ничего не подозревая, зажжешь такую – хлоп! – и вся физиономия враз черная, только белки глаз сверкают.

* * *

По прошествии нескольких месяцев Габриель пришла к мысли, что в иных обстоятельствах можно кое в чем и пойти на уступки обычаям среды, в которой она оказалась. Маленькая дикарка учится садиться на лошадь в амазонке, хоть это ей вовсе не нравится – немыслимо терпеть все эти «седла с развилкой» и необходимость сгибать левую коленку, отчего та в конце концов начинала зверски болеть. Не будем говорить и об этих асимметричных платьях, которые она на дух не переносила. Но если она изменит своей привычке садиться в седло по-мужски, ей будут меньше задавать вопросов на сей сюжет. На другие случаи жизни ей нужно подобрать одежду, в которой она не будет выглядеть «как калмык» (ей уже пришлось выслушать такое замечание), но еще меньше будет похожа на одну из тех дамочек, ассоциации с которыми в чужих устах боялась пуще огня.

Итак, она в конце концов остановилась на весьма простой экипировке цвета морской волны, похожей на униформу пансионерок монастырских учебных заведений. А из шляп предпочла глубоко сидящие на голове маленькие круглые канотье, перехваченные узкими лентами из плотной шелковой ткани. С другой стороны, она позаимствовала у Этьена (а может, у Леона де Лаборда) мужские рубашки с лощеным воротником, галстуки и длинные спортивные манто с большими кожаными пуговицами. В таком облачении ее часто видели на ипподромах восседающей на скамье и с увлечением наблюдающей за состязаниями в бинокль. Надо сказать, что такая манера одеваться сделала ее заметной в глазах завсегдатаев ипподромов.

– Да это какая-то чудачка! – поначалу говорили, пожимая плечами.

Но странное дело, едва проходил первый шок, и все в один голос признавали, как идут ей эти курьезные наряды.

В сельской глуши Габриель шила себе шляпы, которые вызывали бурю восторга у подружек Этьена. Они не уставали примерять их перед всеми зеркалами, какие только были в Руалье, и умоляли Коко сделать похожие и для них. Она охотно бралась за дело, отказываясь от вознаграждения – и это при том, что ей приходилось идти на большие траты, покупая необходимые материалы в Галери-Лафайет. Среди тех, кому она шила *головные* уборы, была и Эмильенн д'Алансон. Но в те времена женщины еще не были готовы к бесхитростной простоте первых творений Габриель, и та, к своему глубокому разочарованию, вскоре увидела свои маленькие канотье с наляпанными на них самыми смешными дополнениями:

муслиновыми розами, эгретами, клиновидными фазаньими перьями, устремленными ввысь, угрожая небу, фигурками синиц и щеглов и даже птичьими гнездами с аккуратно уложенными в них яичками. Само собой разумеется, чтобы удержать подобные конструкции на голове, владелицы использовали большие булавки, заканчивавшиеся шишечкой из стекла или металла. Несколько лет спустя некие фурии, одетые в такие шляпы, обшикают спектакль «Парад»,[18] а в конце спектакля они чуть не выколют бедному Кокто этими булавками глаза.

* * *

Через несколько месяцев пребывания в Руалье образ мышления Габриель начал меняться. Восторг, который она поначалу испытывала, оказавшись в мире блеска и роскоши, который предложил ей Этьен, понемногу рассеялся, уступив место смутной меланхолии. Конечно, материальное довольство, которое к ней теперь явилось, было счастливым контрастом с той нуждой, что терзала ее много лет, когда она считала-пересчитывала каждое су, чтобы дотянуть до конца месяца. Но при всем том она ощущала некую пустоту, мало-помалу разраставшуюся в ее душе. Ведь, сколько она себя помнила, ей всегда приходилось трудиться. Будучи ребенком, она помогала матери по дому: разжигала и поддерживала огонь в очаге, мыла посуду, убирала постели, подметала пол… В Обазине, как и в институте Богоматери, монахини-наставницы (кроме как по воскресеньям, отводившимся для традиционных прогулок) с большой заботливостью учили своих воспитанниц тысяче хозяйственных мелочей. Не будем говорить о годах, отданных швейному делу, когда ей приходилось просиживать по десять-двенадцать часов в день за работой, приучая свои глаза к тусклому свету дрянных коптилок… И вдруг – ничего не надо делать, во всяком случае, ничего такого, что служило бы чему-нибудь полезному. Это способствовало скрытому зарождению в ней неясного раздражения… Но смогут ли понять ее Этьен и его друзья? «На что ты жалуешься?» – скажут они, если она осмелится заговорить с ними о своих проблемах. Конечно, брат Этьена Роберт Бальсан, который взял на себя управление фабриками в Шатору, тоже не в состоянии жить без дела и наверняка понял бы, чего не хватает Габриель. Но Этьен и Жак не поймут. Скажут: если уж тебя так обуревает жажда деятельности, разве спорт не может заполнить пустоту в твоей душе?

Нет, не может Габриель разделить такой образ мышления!

Заповедь «Будешь добывать свой хлеб в поте лица своего», казалось, запечатлелась в самой глубине ее существа, передаваясь из поколения в поколение семьи Шанель, которая всю свою жизнь трудилась не щадя себя.

Кстати, жизнь в ничегонеделании знаменовала собою полную зависимость. Свобода при этом была лишь кажущейся, ведь Габриель была обязана всем нравиться! А в этом она видела грозный признак нестабильности. Конечно, Этьен – существо щедрое и доброе, но все же он не сулит таких гарантий, как его тезка – святой из Обазина, покоящийся в своей гробнице в Коррезе. Стоит владельцу Руалье сказать слово (а что ему мешает?) – и вот она уже выставлена за ворота.

Тем более что Бальсан – это ясно как божий день – не влюблен в нее. Впрочем, если уж на то пошло, он, может, и посодействовал бы ее занятиям пением. Да он больше и не говорит об этом! В общем, если ее еще терпят в Руалье, так это потому, что она не такая, как все, потому что она их развлекает – его и его товарищей. В общем, он держит ее здесь… до поры до времени. Жениться? Эта мысль у него даже не возникала. Она не из тех, кого берут в жены. Таков суровый закон эпохи.

* * *

Разочарованная своим пребыванием в Руалье, Коко затосковала по-черному. Она не видела никакого выхода из ситуации. Уехать? Но куда? И чем заниматься? Она все чаще бросалась лицом в подушку и давала волю слезам. «Я проплакала целый год», – позже скажет она. Единственными счастливыми моментами в ее жизни были те, когда она садилась на лошадь и отправлялась на одинокую прогулку в лес. Порою на закате дня она ходила кормить ланей, которыми Этьен населил парк близ усадьбы, – на большой лужайке их собиралось с добрую дюжину, и когда они с жадностью хватали у нее из рук кусочки хлеба, которые она приносила в корзине и протягивала всем по очереди, это было для нее праздником. Идиллическая сказка о доброй фее, покровительствующей животным! Но в каком замешательстве пребывала она сама!

Однажды маленькая компания села на поезд до По. Этьен и его друзья были приглашены туда же для участия в охоте верхом. Да и покататься на лошади по дорожкам того края само по себе было неплохо. Разумеется, Коко поехала со всеми. …Позже ей будет вспоминаться эта теплая зима в Нижних Пиренеях, кипение горных потоков, луга с такой густой зеленой травой, красные

плащи всадников под дождем… Вдалеке ее взору открывался старинный замок с шестью башнями и снежные вершины Пиренеев, четко вырисовывавшиеся на фоне голубого неба. «Ездовые, охотничьи лошади, полукровки топтались с самого утра вокруг Королевской площади. Я и сейчас вернувшего еще слышу цокот копыт по мостовой».

Но главным было не это. Здесь, на охотничьей вылазке, она встретила англичанина, перевернувшего ее жизнь. Он был из тех молодых людей, которые жили в седле и в атмосфере веселья… Между ними было уговорено, что тот из них, кто первый упадет с лошади, угощает всю компанию вином жюрансон… Коко словно поразил удар молнии. Позже она расскажет о том Полю Морану: «Мальчик был красив, очень красив, соблазнителен. Он был не просто красив, он был великолепен! Мне нравилась его беспечная манера, его зеленые глаза. Он садился на самых гордых лошадей и был очень сильным. Я влюбилась в него». В общем, события развивались – по крайней мере вначале – в точности так, как в фельетонах Пьера Декурселя, которыми она по-прежнему зачитывалась. Незнакомец явился тем самым сказочным принцем, которого она ждала в своих мечтаниях.

Молодого человека, так неожиданно ворвавшегося в ее жизнь, звали Артур Кэпел – впрочем, друзья чаще называли его прозвищем Бой. Откуда он? Подробностей никто не знает, а сам он очень скрытен на сей счет. Кто-то шептал, что он внебрачный сын знаменитого банкира – одного из братьев Перейр, если не один из многочисленных незаконных отпрысков Эдуарда VII. Кто его мать? О ней он не говорил ни разу. Во всяком случае, его семья отнюдь не из нуждающихся, коль скоро он учился в таких знатных колледжах: сначала в Бомонте, руководимом иезуитами, затем в Даунсайде, где преподавание гуманитарных дисциплин вели бенедиктинцы. Унаследовав некоторые капиталы, он удачно вложил их в угольные шахты Ньюкасла, сколотив к своим тридцати годам приличное состояние. Похоже, тайна происхождения не препятствовала его вхождению в высшее общество – он вращался в самых изысканных лондонских кругах, стал одним из самых уважаемых игроков в конное поло, – а это, естественно, требует быть еще и превосходным наездником.

Вполне естественно, что он оказался среди гостей Руалье и был принят Этьеном как самый близкий друг.

Но каковым будет его отношение к Габриель? Судя по всему, последняя и не думала скрывать ту страсть, которую питала к англичанину, и даже внушала себе мысль, что готова покинуть Этьена и составить тому компанию. Но Кэпел и не помышлял ни о чем подобном. Он, безусловно, испытал живейшее влечение к

молодой женщине, но этот повеса, по крайней мере внешне, держался джентльменом: он застал Коко под покровительством своего друга Этьена, у которого был гостем – следовательно, вопрос о том, чтобы всерьез отбить ее у него, не возникал. Но, несмотря на все, принимая во внимание свободу нравов, царившую в Руалье, не мог ли Бой стать любовником Коко? Вероятно. Этьен, которого лошади заботили больше, нежели женщины, наверняка должен был бы закрывать глаза на мелкие любовные эскапады со стороны той, в которой он больше видел товарища, чем метрессу.

Эта ситуация продолжалась довольно долго и порождала куда меньше проблем, чем можно было ожидать, ибо Бой бывал в Руалье только наездами – дела подолгу задерживали его то в Ньюкасле, то в Лондоне, то в Париже, где у него было временное жилище.

В его отсутствие Коко страшно скучала, а главное, все чаще задавалась вопросом (это превратилось у нее в навязчивую идею) – а что ждет ее в будущем? Она пугалась, что в лучшем случае ее ждет судьба стареющей кокотки, которую содержат только из милости – одним словом, кокотки в отставке. Она понимала, что только деньги – деньги, которые она заработает своим трудом, – сделают возможным свободный выбор существования взамен того унизительного статуса, на который она сейчас обречена. Но чем зарабатывать? Пением? Теперь-то она осознала, что не имеет к тому необходимых данных. Зато шляпы, которые она делала так, для забавы, по-настоящему нравились ее подругам. А… Кто знает, не в этом ли кроется ее возможность профессионально состояться? Конечно, она не претендует сравниться с великой Каролиной Ребу, но прекрасно чувствует, что в этой области настало время для обновления: дамы, которых она встречает на бегах, носят на голове, по ее собственному выражению, огромные круглые пироги, апофеоз безобразного! Теперь такое долее невозможно. Все это необходимо изменить, а вернее сказать – разрушить, насаждая простоту. Она уже начала со своих подруг – иных, правда, пушкой не прошибешь, зато другие по-настоящему очарованы ее идеями. Значит, надо продолжать в том же духе! Она уверена, что настал момент отважно вступить в конкуренцию с самыми модными мастерицами – теми, что из II аррондисмана: [19] Карлье, Леви, Тальбо, Марше… Словом, со всеми теми, кто делал погоду на углу рю де ля Пэ[20] и авеню де ль'Опера.

Теперь она решила заговорить об этом с Бальсаном:

– Этьен, только не смейся! Я буду шить шляпы.

– Шляпы?! Но ведь ты их уже шьешь, и, кстати, *очень красиво!*

– Ты меня не понял! Я хочу обосноваться в Париже и

сделаться модисткой.

– А-а… Это другое дело, – ответил Этьен, и взгляд его омрачился. – Я подумаю…

Коко объяснила Этьену, что она бесконечно благодарна за все, что он для нее сделал, но эта слишком бездельная жизнь ее тяготит. Она чувствует себя бесполезной. Разве существование, которое она ведет в Руалье, нельзя назвать честно – паразитическим?

Глубина мотиваций Коко, ее страх перед неуверенностью в будущем не вполне дошли до Этьена – огромное состояние всегда ограждало его от подобных сантиментов. По его мнению, попросту хочется чем-то заняться. Почему бы нет? В этом случае он предоставит в ее распоряжение свою холостяцкую квартиру из трех комнат на первом этаже дома номер 160 по бульвару Малешерб. Когда-то он забавлялся там со своими подружками, но теперь он ее практически не использует. Что ж, пусть Коко шьет там шляпы, может быть, даже для кого-нибудь из них! Эта идея показалась ему особенно пикантной…

Со своей стороны, Бой, которого Коко, естественно, тоже ввела в курс, побудил ее рискнуть. Более интуитивный, чем его друг, англичанин начал понимать, что молодая женщина хочет не просто заняться «от безделья рукоделием», но состояться как личность в полном смысле слова и обезопасить себя от нужды… Кстати, парижское пристанище англичанина находилось (вот уж случай так случай!) также на бульваре Малешерб, в доме под номером 138, в ста пятидесяти метрах от будущей мастерской Коко… Следует думать, что данное обстоятельство только подстегнуло Габриель в ее желании приложить усилия для достижения цели…

* * *

И вот Коко в Париже; на дворе весна 1909 года. Разобравшись что к чему, наша героиня быстро сообразила, что собственно для разработки концепции шляп она ни в ком не нуждается, но тем не менее ей требуется техническая помощь профессионалки. Ею оказалась Люсьен Рабате, молодая и очень одаренная модистка, дотоле бывшая первой работницей у Леви… И вот Габриель удалось убедить Люсьен покинуть этот прославленный дом и перейти к ней… Какой же силой убеждения, какой энергией должна была обладать Габриель, в ту пору – молодая женщина двадцати пяти лет, только-только дебютировавшая в шляпном ремесле, чтобы добиться такого результата! Но в этом и

заключается один из секретов ее успеха, и ей еще не раз придется применить в жизни этот свой талант. Теперь ей нужен был кто-то, кто занялся бы приемом клиентов – на эту роль она пригласила свою младшую сестру Антуанетту, двадцати двух лет. А почему не Адриенн? Ее удержала в Алье страсть к молодом у владельцу замка Морису де Нексону, с которым она встречалась против желания его семьи, категорически не допускавшей возможности союза своего отпрыска с дочерью какого-то ярмарочного торговца. Только после стольких лет ожидания она смогла, наконец, сочетаться браком с человеком своей жизни. А старшая сестра Джулия к тому времени успела обзавестись мужем и ребенком, так что о ее приезде в Париж для помощи Коко не могло быть и речи.

Теперь осталось заманить клиентуру. Это оказалось не так трудно, как предполагала молодая мастерица, и ее дерзание не осталось без награды. Узнав, что «малышка Коко» завела в Париже лавку, юные подружки кавалеров из Руалье повалили толпами. Их привлекала перспектива стать обладательницами головных уборов, не похожих на то, что носит весь остальной свет; строгость изделий, лишенных декоративных излишеств, воспринималась ими как эксцентричность. Ну и то обстоятельство, что бывшая метресса Бальсана взялась за дело, хотя могла бы по-прежнему блаженствовать на денежки своего покровителя, явилось для них апогеем шика. Даже выбор ею квартала Малешерб, где, как считалось, никогда ни одной модистке не пришло бы в голову обосноваться, только подогрел их любопытство. Оказавшись по горло в трудах, Люсьен Рабате переманила из мастерских Леви двух самых лучших работниц. Квартира-мастерская оказалась слишком тесной, чтобы поместить в ней еще и Антуанетту; друзья Этьена пришли на выручку младшей сестричке Коко, подыскав для нее крохотную квартирку в том же квартале, на первом этаже дома 8 по авеню Парк-Монсо. Габриель же каждый день ездила из Компьеня в Париж и обратно, что позволяло ей поддерживать контакт с Этьеном. Слух о мастерской Коко передавался из уст в уста, и туда стекались все новые клиенты.

К концу года Коко почувствовала, что пора оставить эту полуподпольную надомную работу. Нужно завести собственный бутик! На дверь – вывеску с собственным именем, именем, которое она вознамерилась прославить! И все это – не где-нибудь, а в квартале, в благонадежности которого сомневаться не приходилось. Например, между улицами Руаяль и Опера. Хватит самодеятельности! Новый, престижный адрес позволит ей существенно повысить расценки, без чего не обойтись, если она

хочет впоследствии войти в когорту самых знаменитых фирм столицы! Это она усвоила быстро.

Но для этого требуются большие деньги. Она пытается занять их у Этьена. Но тот, охотно предоставив ей свою квартиру, чтобы она могла «заняться» и потешить свой каприз, не мог и вообразить, что она затеяла все это всерьез. Нет, больше он в эти игры не играет! Что могут подумать в свете, если увидят, что его протеже всерьез занялась делом? Что он больше не может ее содержать? Или хуже того, что он слишком жаден и по его вине бедной девочке приходится зарабатывать на жизнь? Да его поднимут на смех!

Нет, он не ссудит ей ни сантима! И вообще он предпочитает тратить деньги на утоление своей страсти к лошадям. А эта страсть, прямо скажем, влетает ему в копеечку.

Коко настаивала. Он ни в какую. Зато Бой, который поначалу стоял на позиции, близкой к позиции Этьена, на сей раз столь горячо принял сторону Коко, что его соперник стал обо всем догадываться:

– Ей-богу, ты влюблен в нее!

Конечно, для него не было секретом, что Бой тоже был любовником молодой женщины, и он не видел в этом ничего неподобающего. Но теперь складывалась совсем иная ситуация, и реакция Этьена была вполне классической: Коко приобрела в его глазах невиданную прежде важность. Он заметил, что Габриель все реже и реже стала приезжать ночевать в Руалье… Черт возьми! Это потому, что она спит с англичанином! И то сказать, ей до него два шага!.. Ревновать? Это было бы слишком глупо.

Впоследствии Коко, вспоминая о тех моментах своей жизни, расскажет Полю Морану, что между ними тремя велись нескончаемые споры, сопровождавшиеся потоками слез. Но похоже, что это романтическое видение вещей от начала до конца придумано страстной любительницей любовных историй, каковою она осталась навсегда. В действительности же оба соперника были мужчинами благовоспитанными, джентльменами и, сверх того, людьми рассудительными. Этьен быстро сообразил, что противостояние подлинным чувствам между англичанином и К°ко было бы с его стороны глупостью. Если верить Бальсану, он сказал своему сопернику следующее:

– Так она тебе по-настоящему нравится?

– Ей-богу… Да!

– Она твоя, мон шер!

И, чтобы скрепить сие джентльменское соглашение, Этьен позвонил в колокольчик, вызвал своего мажордома и потребовал подать шампанское.

Но есть основания думать, что все происходило не столь прямолинейно.

Этьен не был человеком мелочным и, естественно, позволил Коко по-прежнему пользоваться его гарсоньеркой на бульваре Малешерб. Но не кто иной, как Бой осенью 1910 года открыл в банке кредит на ее имя, благодаря чему она смогла нанять под свои мастерские большую квартиру на втором этаже дома номер 21 по улице Камбон, идущей параллельно рю Руаяль. Сбоку от входа повесили табличку: «CHANEL MODES». На улицу Камбон, где обосновалось ателье Шанель, выходит тыльная сторона отеля «Ритц». К сожалению, справлять новоселье Габриель пришлось без Люсьен Рабате: та не могла долее выносить авторитарный, часто неуклюжий стиль Габриель, которая, по ее мнению, недостаточно считалась с ее предложениями и ее опытом в работе с клиентурой. Два года спустя Люсьен поступила на службу фирмы Каролин Ребу, в которой позже стала умелой директрисой.

Несмотря на то что ее покинула Люсьен, успех Коко от этого не уменьшился. Ее клиентками стали вхожие всюду подружки Боя; а сколько раз она со своим англичанином отправлялась на уик-энд в Руалье и заставала там Этьена явственно тоскующим по тем временам, когда Габриель жила под его крышей! Он ревновал ее к англичанину, но ни разу не дал выхода своему чувству.

Ну а соперник Этьена, страстно влюбленный в Коко, нанял для счастливого проживания их обоих уютную квартиру на авеню Габриель, окна которой выходили на каштаны сада Шанз-Элизе. Блаженная парочка роскошно обставила ее ширмами от Короманделя, украшенными черным лаком и расшитыми золотом. В течение всей жизни Габриель не сможет расстаться с этими предметами обстановки (число коих доходило у нее до тридцати двух) и будет перевозить их с квартиры на квартиру – подобно тому, как в средние века перевозили шпалеры из замка в замок – конечно же, как память о своей первой любви.[21]

Здесь, в квартире на авеню Габриель, Габриель лучше узнала своего возлюбленного, который очень отличался от Этьена, хотя обоих объединяла страсть к спорту. Сколь флегматичным был Бой, столь экспансивным был его друг; сколь ценил внешнюю элегантность Бой, столь равнодушным к своим нарядам был Этьен. А кроме того, в противоположность Бальсану Кэпел пылал страстью к чтению. Правда, круг его интересов был более чем разбросанным – тут и Ницше, и Вольтер, и Прудон, и отцы церкви, и «Политические очерки» Спенсера. Оригинальный и пытливый разум подчас побуждал его погружаться в самые экстравагантные сочинения – творения иных химерических или ясновидящих умов. Он интересовался даже теософией. Несколько

лет спустя он напишет и выпустит в свет в Лондоне целый том размышлений о политике. Коль скоро эти темы требовали культурной подготовки, которой у Коко не было, Бой не мог развлекаться, обсуждая с Коко темы, проносившиеся у него в голове. Напрасно пытался он – не без доли наивности – убедить ее прочитать «Мемуары» Сюлли. Но он не был с нею строг за это! Он рано понял – пусть она не знает ничего из того, чему учат в школе, зато она досконально постигла науку, которую в школе не преподают. В ней была какая-то высшая мудрость, которой он отнюдь не обладал в той же мере.

Со своей стороны, Коко польщена тем, что чемпион по поло еще и интеллектуал. Ее равным образом восхищают его таланты делового человека, работоспособность, его готовность быстро принимать решения. Более всего она любила в нем настойчивую амбициозность, как у нее самой, и волю к взятию реванша за прошлое, о котором предпочтительнее было бы забыть. «В тридцать лет, в возрасте, когда молодые люди обыкновенно проматывают состояния, Бой Кэпел приумножил свое, вложив капитал в угольные копи», – скажет она.

Но главным, что очаровало Габриель с первого же взгляда, была физическая привлекательность ее нового друга. Молодой красавец с черными как смоль густыми волосами, зелеными глазами и манерой держаться спокойно, но с достоинством, покорил ее. Все нравилось ей в нем – и изысканная беспечность, и даже акцент.

А теперь предоставим слово самой Коко и по-слушаем, за что она благодарна ему больше всего: «Он явился самым большим шансом в моей жизни: я нашла в его лице человека, который не деморализовал меня… Он знал, как развить во мне уникальное за счет всего остального» (из книги Поля Морана).[22] И, кстати, Бой делал это вполне сознательно: лишь только Габриель обосновалась на рю Камбон, он пригласил ей в помощь умелую модистку – мадемуазель де Сен-Пон, дав ей единственную рекомендацию: делать все, что будет ей нравиться, но лишь бы только она не менялась. Какого можно пожелать женщине лучшего доказательства не просто любви, но и уважения и веры в нее? Бою хотелось, чтобы Габриель обрела веру в себя и сломала все внутренние препятствия, которые могут помешать пробудиться ее талантам.

Вот почему Бою не нравилось, что она слишком часто посещает своих друзей:

– Они тебя испортят!..

Это не мешало ему водить в «Максим» одну только ее, но, как обычно, с предупреждением: «Выходим порознь» – уступка

общественному мнению. Он не мог представить Коко людям из высшего общества.

В течение многих дней Коко, упоенная этим своеобразным «медовым месяцем», предпочитает чаще проводить вечера в квартире на рю Габриель, не выискивая повода выйти на улицу, – ее вполне устраивала жизнь «гаремной женщины», как она сама говорила об этом. Ну а Кэпела вполне устраивала привычка Габриель к домашней жизни – таковы были нравы эпохи!..

* * *

Дела в коммерческом предприятии Габриель шли день ото дня все успешнее – по крайней мере так она себе представляла, потому что совсем скоро ей, к своему потрясению, придется убедиться в том, сколь мало она знает толк в делах. Открывая на ее имя счет в банке, Бой вручил ей чековую книжку.

– Итак, смотри – когда тебе понадобятся деньги, вот сюда вписываешь сумму, а сюда – свое имя. Совсем просто.

Да, это было совсем просто! Настолько просто, что она приучилась бесшабашно сорить деньгами, участила свои походы к Короманделю, причем выбирала лишь самое изысканное… Что из того! Она богата, дела идут на лад.

– А знаешь, эти вещицы стоят недешево, – призналась она Бою.

– Как же, знаю! Вот только вчера мне звонили из «Ллойдса» и сказали, что у тебя немного превышен кредит… Ну да ничего существенного.

– Значит, тебе звонили из банка?! А почему не мне? Значит, я по-прежнему завишу от тебя…

Кэпел не сказал ей из деликатности – а еще из желания, чтобы она осталась сама собой, а не превратилась в деловую даму и ходячую счетную машину, – что он положил свои акции под гарантии в «Ллойде» до тех пор, пока у самой Коко не накопятся суммы, достаточные для развертывания предприятия. Но пока что деньги, которыми она сорит направо и налево, одолжены у Боя благодаря его залогу, а вовсе не заработаны ею самой, как она думала.

Это открытие мигом спустило молодую женщина с неба на землю. Объяснение между Коко и Боем произошло за столиком ресторана в павильоне Генриха IV в Сен-Жермен-ан-Лэ, куда он пригласил ее обедать, и нужно ли говорить, что у бедняжки разом пропал аппетит. Она углубилась в лес, шагая вперед, пока ноги несли; ее спутник едва поспевал за нею – каким бы он ни был

спортсменом, а топать пешком не любил. Пора вернуться в Париж и подняться к себе в квартиру на авеню Габриель. «Я бросала взгляды, – признавалась она Морану, – на красивые вещи, купленные на деньги, которые, я полагала, заработаны мною самой. И что же, оказывается, за все платил он! Я жила за его счет! Я готова была возненавидеть этого благовоспитанного человека, который платил за меня. Я бросила ему в лицо сумочку и выскочила вон».

Ее спутник гнался за нею под проливным дождем по всей авеню, затем выбежал на площадь Согласия:

– Коко, не дури! Пошли домой! Образумься! Наконец он настиг ее под аркадами улицы Риволи, возле книжного магазина Смита. Промокшая до нитки, она рыдала в три ручья; ее волосы были растрепаны и прилипли ко лбу.

Бой отвел подругу домой. Когда боль от раны, нанесенной ее самолюбию, чуть притупилась, он повез ее ужинать. Был уже поздний час.

– Ты слишком горда, – с встревоженным видом сказал ей Бой. – Ты по-прежнему страдаешь…

На следующий день, явившись спозаранку к себе в ателье на рю Камбон, она первым делом объявила своей лучшей модистке:

– Анжела! – сказала она, сурово глядя на нее. – Я здесь не для того, чтобы играть в игрушки и швыряться деньгами направо и налево. Я здесь для того, чтобы нажить состояние. Отныне никто не потратит ни сантима, не доложив мне об этом.

Она велела мадемуазель де Сен-Пон принести ей бухгалтерские книги, которые – из корректности, к удовольствию Кэпела, – ей никогда не показывали. Она прежде не знала, что такое инвестиция, амортизация, себестоимость, торговый оборот, дебет и кредит… Но она быстро наверстала упущенное, хотя из кокетства продолжала утверждать всю жизнь, что никогда не умела считать… Но с этого дня ее беззаботности настал конец.

Невиданная прежде смелость, с которой Габриель заправляла делом, быстро принесла свои плоды. Год спустя залог, внесенный Кэпелом, стал ненужным, и он смог забрать назад ценности, отданные в качестве гарантии. Прибылей, полученных фирмой «Chanel Modes», оказалось достаточно.

Кстати сказать, волна любопытства, возбужденная изящной модисткой с бульвара Малешерб, не спадала – о ней заговорили на трибунах и в ложах ипподромов. Однажды к ней пожаловала некая гранд-дама и, переступив порог, заявила без обиняков:

– Я приехала, чтобы вас повидать.

* * *

Но чем больше ее хотели видеть, тем больше Коко скрывалась от людей. Прожив столько лет вдали от мира – и тем более от светского общества, – она сохранила свой довольно нелюдимый характер. Она не могла выносить взглядов незнакомых ей людей. Она словно впадала в сту-пор. И стала прятаться… Если ей сообщали, что клиентка упорно настаивает на встрече с нею, она чувствовала панику, будучи не в силах взять себя в руки, закрывалась в стенной шкаф, точно герой водевиля, и кричала своей первой модистке:

– Поди встреть ее, Анжела!

* * *

Удивительное дело, эта дочь ярмарочного торговца – вот парадокс! – не умела продавать. Может, она хотела подчеркнуть разницу между собой и родителем? Но она по-прежнему отказывалась от контактов с клиентами:

– Не могу. Если сочтут, что шляпа слишком дорогая, я вынуждена буду уступить себе в убыток.

Связь Коко с англичанином не поставила предел дружеским отношениям, которые и она, и он поддерживали с Бальсаном. Впрочем, через некоторое время после того, как Коко со своим новым приятелем обосновались на авеню Габриель, Этьен отбыл в Аргентину. Явилось ли тому причиной взыгравшая в нем ревность или отчаяние при виде подлинной страсти, объединявшей двух молодых людей? Едва ли это можно утверждать с уверенностью, хотя Коко настаивала, что все было именно так. Ей явно хотелось приукрасить реальность, примешав к ней романтический оттенок. Однако весьма возможно также, что поездка Этьена была связана с текстильными предприятиями, находившимися в собственности семейства Бальсан, или с коневодством. Но факт тот, что, вернувшись из Южной Америки, Этьен задал Коко вопрос, по-прежнему ли она любезничает со своим англичанином, а затем добавил с издевкой:

– Я вижу, ты вся в работе. Что, Кэпел не в силах тебя содержать?

Можно только представить себе, в какую ярость привело Коко подобное заявление. Ее девиз – ничем никому не быть обязанной – был целью всей жизни, которой она, наконец, достигла. Этот «любитель кокоток», как она сама его называла, был не способен понять даже то, что у нее есть чувство собственного достоинства.

Как он не похож на Боя, который, пусть и с некоторым запозданием, прекрасно понял, что нужно Коко!

* * *

Кэпел считал достойным сожаления, что у Коко не было иных подруг, кроме дам полусвета, которых он встречал в Руалье. Ну, положим, куртизанка высшего полета Эмильенн д'Алансон – еще куда ни шло: у нее связи, она вхожа в свет, может ее чему-то научить, заполнить некоторые лакуны, уберечь от иных промахов. А остальные? Пустота их разговоров – точнее сказать, трепотни – не поддается описанию. Безрукость куаферши, которая делала прическу, ревность покровителя да сплетни вокруг метрдотеля – вот и все темы. Какое убожество! Что верно, то верно – содержателям этих юных мамзелей не приходило в голову требовать от них чего-то большего, чем быть хорошенькими… и покорными. Но Коко – таково было мнение Кэпела – заслуживала других отношений, которые помогали бы ей преодолеть нехватку культуры.

Так Бой, не имевший возможности ввести ее в свет, открыл ей двери в артистическую среду. Он приглашает ее в театр, знакомит с актрисой Габриель Дорзиа.[23] Ведет в Комическую оперу и представляет только что дебютировавшей певице Марте Давелли. Они с Коко оказались почти что двойниками… Но в противоположность тому, что обычно происходит в таких случаях, между двумя женщинами не возникло взаимной ненависти, даже наоборот. Кэпел также свел Коко с очаровательной актрисой театра «Жимназ» Жанной Лери. Он пригласил всех этих молодых особ в Руалье, где они были блестяще приняты Этьеном. Бой также учил Габриель мыслить, расширял ее кругозор. Он готовил эту маленькую несмышленую провинциалку к той важной роли, которую ей предстоит играть в литературной и артистической жизни страны в период между двумя мировыми войнами.

Прежде чем отдаться всей душой и сердцем делу моды, Габриель, так до сих пор окончательно не определившаяся с выбором призвания, выказывала некоторую склонность и к искусству Мельпомены. Судя по всему, она окончательно отказалась от мысли петь со сцены. Что сделаешь, если для этого нет дарования! Но это не мешало ей петь для собственного удовольствия, и делать это она будет всю жизнь. Еще в ателье на бульваре Малешерб Люсьен Рабате была изумлена тем, как ее хозяйка вместе с сестрой напевали вполголоса за работой самые разные арии. Ее репертуар включал куплеты из спектаклей Комической оперы, например «Дочь мадам Анго», арии из опер, включая даже «Фауста» Гуно; правда, исполнялись они с неравным успехом, но с таким видимым удовлетворением, что

лучшего нельзя и желать.

Ее привлекал также и танец. В ту пору в моде была новая концепция, заключавшая в себе своего рода философию или, во всяком случае, образовательный метод с мистическим резонансом… Идейным отцом этого жанра был Эмиль Далькроз, только что основавший в Дрездене Институт танца. Толпа снобов говорила о нем и его курсах ритмической гимнастики с восхищением. Этьен де Бомонт и его друг Жан Кокто, мгновенно соблазнившись новомодной новинкой, быстро пресытились; со своей стороны, Колетт создала для парижской сцены мелодрамы, поставленные Жоржем Вагом. Она выступала в них почти обнаженной, к великому скандалу всего Парижа, который на этот раз решительно отказался признать за ее спектаклем какой бы то ни было тайный смысл. В таком вот контексте Габриель услышала из уст друзей Боя разговоры об Айседоре Дункан.[24] В Париже Айседора жила на авеню де Вильер и выступала с импровизациями перед толпами приверженцев. Впрочем, Коко увидела в ее искусстве избыток жестикуляции и слишком откровенную эротику, которой она стеснялась, – что поделаешь, семь лет учебы в среде монахинь Сен-Кёр-де-Мари даром не прошли!.. Но наибольшее отвращение вызвала у нее выходка одного из поклонников Айседоры, молодого бездарного бородатого живописца-мазилы по имени Ван Донген, который, чтобы продемонстрировать свой порыв, публично погладил Айседоре ягодицы через прозрачный плащ, надетый для исполнения греческого танца… И вся публика разразилась рукоплесканиями! Глядя, как на этом сборище льются рекой горячительные напитки, скорая на суждения Габриель мигом приписала хореографию, к восприятию которой ее никто не подготовил, воздействию алкоголя. С тех пор она ни ногой к Айседоре, которая останется в ее памяти беспробудной алкоголичкой.

Но Габриель не из тех, кого легко обескуражить. Она подыскивает себе другую наставницу, по прозвищу Кариатида – так называемую «характерную» танцовщицу. Некогда она работала швеей у Пакен, а впоследствии выйдет замуж за Марселя Жуандо. Жила она тогда в студии на улице Ламарка на Монмартре, под боком у своего возлюбленного Шарля Дюллена. Она вела более чем экстравагантный образ жизни – не было такого сумасбродства, на которое она не решилась бы, множа свои приключения с партнерами обоих полов, что далеко не всегда бывало по душе ее *приятелю*. Но любопытно, что Коко не судила строго «Карю», как она ее называла, за вольные нравы… Может, потому, что видела в ней замечательного педагога? Увы,

сколь бы напряженными ни были усилия Габриель, месяцы занятий пошли коту под хвост: в ней обнаружилось не более способностей к танцу, чем к пению…

…Итак, на дворе 1911 год. С двумя надеждами пришлось окончательно расстаться. А много ли она от этого потеряла? Никаких сожалений… Отныне быстрее пойдет ее прогресс в карьере, которую она больше никогда не отодвинет на второй план. Теперь все ее усилия будут сосредоточены на ателье на рю Камбон.

Выпавшие на ее *долю разочарования* она переносила без особых трудностей – ведь она чувствовала себя возлюбленной Боя, который принимал ее всерьез и заботился о ней. И сама любила его самозабвенно. Он был для нее не только возлюбленным. Как она впоследствии признается, он был еще «моим братом, моим отцом и всей моей семьей». Больше даже, в ту пору она была уверена, что он женится на ней. Он даже представил ей свою младшую сестру Берту, которая стала ее подругой, – не было ли это добрым знаком?

* * *

О новой модистке говорили все больше и больше. Эмильенн д'Алансон появлялась в ее канотье повсюду, не только на трибунах ипподромов. В 1912 году Коко обрела настоящее признание – газета «Мод», обладавшая самой широкой читательской аудиторией, прославила талант Габриель Шанель и отвела целые страницы фотографиям очаровательных артисток в шляпах, сделанных Габриель. Среди них можно было видеть и ее подруг – Габриель Дорзиа и высокоталантливую певицу Женевьеву Викс. Но и это не все – Коко добилась того, чтобы в спектакле «Милый друг» по одноименному роману Мопассана Габриель Дорзиа, игравшая главную роль – Мадлен Форестье – в костюмах от Дусе, выступала в ее головных уборах. Не следует приуменьшать эти пока скромные роли Коко в создании костюмов для сцены – в будущем эта роль существенно возрастает, когда, например, Кокто будет заказывать ей костюмы для героинь своих пьес, называя ее «самой великой кутюрье своего времени».

Коко сделала большой шаг вперед и в понимании других областей искусства. Так, 29 мая 1913 года она побывала в только что построенном театре «Шанз-Элизе» на премьере «Весны священной» Стравинского, созданной для дягилевских «Русских сезонов»; хореография спектакля принадлежала Нижинскому. Итак, Коко, которой так недоставало образования, сразу же

оказалась лицом к лицу с самым вызывающим авангардом. Не понимая в том ровным счетом ничего, она очутилась на театре войны между двумя кланами неистовствующих зрителей, в гуще оскорблений и драк. Сам Стравинский избежал линчевания только благодаря поспешному бегству. Что могла подумать об этом вечере Габриель, едва выйдя из состояния оцепенения, в которое ее повергло увиденное?

В это время Артур Кэпел приобретал все большую значимость: он развивал свой флот по перевозке угля и покорил старого Клемансо, отношения с которым представляли для него большую ценность. Устремив взор на Марокко, он предложил сделать Касабланку главным портом по ввозу угля в Северную Африку. Он ежедневно встречается с политиками, банкирами и газетными магнатами, среди которых – Анри Ле Телье («Журналь»), Адриен Эбрар («Тан») и Альфред Эдвардс («Матэн»).

5
ИЗ ДОВИЛЯ В БИАРРИЦ

Июль 1913 года. Довиль. Перед роскошным отелем «Нормандия», открытым минувшим летом и сделавшимся гордостью курорта, останавливается сверкающий «Даймлер». Ему навстречу спешит портье, сопровождаемый стайкой грумов. Из автомобиля выходят Артур Кэпел в шоферском облачении – он сам сидел за рулем – и мадемуазель Шанель.

Несколько месяцев спустя отношение Боя к своей подруге изменилось – но следует сказать, что претерпела эволюцию и она сама. При любых обстоятельствах он уже не мог относиться к ней только как к одаренной модистке и одной из самых элегантных женщин Парижа… Она сделалась более утонченной и интеллигентной. Пусть в ней еще не совсем исчезла робость – но она все чаще осмеливается вступать в полемику с друзьями Боя, которому доставляет особое удовольствие пробуждающееся в ней остроумие, умение ответить метко, а порой и едко. Воодушевленный происшедшими с Коко переменами, в которых он сыграл не последнюю роль, Бой стремится во время пребывания в Нормандии познакомить ее с влиятельными персонами: ведь здесь, на курорте, они кажутся куда более доступными, чем в столице. А в Париже ей легко будет продолжать отношения, завязавшиеся в Довиле.

Но Кэпел не успокаивается на этом. Он явно боится слишком часто оставлять ее одну. С другой стороны, будучи очень восприимчивым к ее художественному чувству и творческому таланту, он приходит к мысли, что настал момент решительно дать ему ход. Пусть она откроет бутик в Довиле. Здесь у нее дела пойдут быстрее и успешнее, чем в Париже. А клиентура, которая у нее сложится здесь, на курорте, по возвращении в столицу, несомненно, потянется к ней на рю Камбон.

Как дальновидный деловой человек, Бой предвидел, что Коко с ее привычкой быть «не такой, как все», легче оказаться на виду в кругах вполне снобистской публики, которая в основном и наезжала на этот курорт. А ее простой, спокойный стиль подойдет к свободной каникулярной атмосфере курорта лучше, чем к парижской.

Коко устроила свой бутик на улице Гонто-Бирон, выходящей к пляжу и сияющей витринами роскошных магазинов. Место было выбрано не случайно – отсюда два шага до «Нормандии» и до нового стильного казино «Трианон», открытого в июле прошлого

года. Элегантный бутик со шторами в черную и белую полоску и вывеской с именем «Габриель Шанель», выведенной большими буквами, быстро привлек к себе шикарную клиентуру. Что верно, то верно – ее репутация модистки сложилась еще в Париже. В помощницах у нее были только две барышни шестнадцати лет, едва умевшие держать иголку. Спустя несколько дней после открытия она поместила в витрину, помимо шляп, также несколько сочиненных ею самой туалетов. Это был тип одежды, который она выдумывала для себя в продолжение двух минувших лет. Однажды она жутко продрогла на бегах и, одолжив свитер у конюха, напялила поверх своего платья – так вот как рождаются моды! В другой раз она наблюдала жокея на тренировке – источником вдохновения послужила его кожаная куртка. В 1912 году она провела несколько дней в Этрете, где любовалась отвесными меловыми скалами; она также наблюдала за тем, как нормандские рыбаки тянут свое суденышко по галечному берегу бухточки. Ее внимание привлекла их одежда – матроски с глубокими вырезами спереди и широкими отложными воротниками на спине, которые ветер налеплял им на затылки. Недолго думая, Коко выдумала жакет-труакар с накладными карманами, который снабдила хорошо подобранным поясом. Еще немного – и задумка предстала в готовом виде. Но прежде чем показывать публике, надо попробовать на себе. Вот так она работала.

Габриель высоко ценила свои физические данные. Она конструировала моду сообразно своим специфическим потребностям примерно так же, как некоторые морские раки подбирают себе раковину, которая им лучше подойдет. Сознавая, что она слишком худощава для своей эпохи, Коко выдумала не облегающие, а плавные одеяния, маскирующие этот недостаток. Она оставалась спортсменкой, и это сказывалось на ее творениях. Она терпеть не могла введенных в моду Полем Пуаре зауженных книзу юбок, равно как и тяжелых тканей, в которых она чувствовала себя скованной, «запакованной», как она сама говорила. Она предпочитала трикотаж. Другим искусницам модных лавок это и в голову бы не пришло – в их глазах этот материал не имел никакой ценности и годился разве что на рабочие жилеты и шарфы для простого люда. И если бы им взбрела в голову нелепая идея предложить изделия из трикотажа своим клиентам, те сочли бы это за недобрый розыгрыш. Напротив, Габриель полагала, что этот легкий и мягкий материал как нельзя лучше подходит вольной курортной поре.

Она считала алогичным и даже глупым, что здесь одеваются, как в Париже, и что не существует моды, приспособленной для

досуга. «Женщины присутствуют на спортивных состязаниях одетые, будто дамы XV века на рыцарских турнирах», – объясняла она, смеясь. Пора все это изменить!

И в витринах бутика на рю Гонто-Бирон стали появляться выдуманные ею матроски, кожанки на манер жокейских, затем – легкие куртки, холщовые юбки, шелковые блузки, несколько плащей для прогулок прохладными довильскими вечерами, бижутерия… В общем, Коко повторила творческий путь Жанны Ланвен, которая, длительное время прозанимавшись созданием шляп, незадолго до описываемых событий превратилась в блистательную кутюрье.

Габриель пригласила приехать из Виши прелестную Адриенн. Она явилась в сопровождении преданного Мориса де Нексона и – разумеется, для приличия – неизбежной Мод Мазюель. Сохранилось фото – Адриенн и Коко, естественно, в нарядах от Шанель, раскованно позируют перед роскошным бутиком как настоящие манекенщицы. Вскоре к ним присоединится младшенькая сестра Коко, Антуанетта. Вместе с Адриенн, выводившей на поводке своих двух маленьких кинг-чарлзов, они каждый день отправлялись на прогулку в те часы, когда лучше всего было себя показать, – улицы Довиля стали для них своеобразным подиумом. Они стремились как можно чаще менять наряды и аксессуары, естественно, заимствуя из бутика. И все это на них так прекрасно выглядело, что оборот бутика рос как на дрожжах. Во всем Довиле только и говорили, что о трех сестрицах Шанель. Совсем как десять лет назад в Мулене – но с куда большим уважением! Порою Коко задумывалась: сколько же воды с той поры утекло! Но она мигом отбрасывала мысли о прошлом, о котором лучше было бы забыть совсем. То была пора нужды, унижений и неудач. А она принадлежала настоящему, а в еще большей степени – будущему.

Когда дела не звали его в далекие края, легкий на подъем Бой мигом оказывался в Довиле. Перекинется словцом-другим с друзьями в споре, сыграет партию-другую в поло, потом снова за руль своего могучего «Даймлера» – и вот его и след простыл. А ведь, пожалуй, мог бы подольше погостить у своей Коко! Тем более что его отношение к ней вызывало у молодой женщины беспокойство: ей сообщили, что Бой частенько обедает у Ларю или в «Кафе де Пари» в компании прекрасных иностранок из высшего общества. Но она не ревнует… По крайней мере его – говорит она себе с гордостью, но, конечно же, пытаясь затушевать собственное беспокойство. Ведь с некоторых пор ей закралась в душу мысль, что Бой, как ни демонстрирует свою искреннюю привязанность, так и не возьмет ее замуж. Да, конечно, он делал

все, чтобы помочь ей состояться. Но она чувствует, что он слишком амбициозен, чтобы решиться на мезальянс, который пошатнет его социальное положение. Лучший друг герцога Грамонтского, постоянный сотрапезник важных английских особ – и вдруг свяжет свою судьбу с модисткой! Не так уж она глупа, чтобы поверить в эту химеру. И не так юна… Ей уже тридцать. Хватит мечтаний. А чтобы положить им конец, рассуждая здраво, ничего не остается, как искать убежище, с еще большим усердием отдаваясь работе.

* * *

Профессиональные занятия, возможно, помешали ей обратить внимание на частые наезды в Довиль маленького человечка, незабываемый портрет которого оставил все тот же Кокто:

«Он был подобен жалящему насекомому. Плохо выбритый, морщинистый, он последовательно осваивал привычки преследуемых им жертв. Казалось, его пальцы, огрызок карандаша, круглые очки, листы кальки, которые он тасовал и перекладывал, его пряди волос, его зонтик, карликовый силуэт, как у жокея, – все съеживалось и группировалось вокруг его желания ужалить». Этим персонажем был не кто иной, как карикатурист Сэм,[25] прозванный молвой опасным человеком – подумайте-ка, а вдруг он устраивает засаду и ждет почти что до рассвета, когда же молодые барышни, которые были его излюбленной добычей, устанут настолько, чтобы их черты, наконец, явили их подлинное лицо…

Но он действительно подстерегал свою «дичь» на террасах кафе, украшавших улицы, служившие «подиумом» нашим трем сестричкам, – излюбленным его наблюдательным пунктом была терраса кафе «Потиньер». Мишенью его быстрого карандаша служили женские наряды, почитавшиеся за последний писк моды. Преданный своей излюбленной теме, он участвует весной 1914 года в публикации серии альбомов под названием «Истинный и фальшивый шик». Творчество Шанель относилось, конечно же, к «истинному». Досталось от Сэма и Артуру Кэпелу – он был изображен кентавром в одежде игрока в поло, прижимающим к своей груди Габриель. Ну а чтобы ни у кого не оставалось сомнений, пририсовал на видном месте справа большую шляпную картонку с выведенным на ней черным по белому именем Коко. Вот кто более всего посодействовал тому, чтобы имя модистки стало известным в свете! Конечно, сомнительно, чтобы она дала

высокую оценку этому вторжению в ее частную жизнь; но, трезво и реалистично глядя на жизнь, она предпочла видеть в случившемся один только положительный аспект. Она поздравила Сэма, который, будучи преданным поклонником Коко, не переставал ее поддерживать.

Начиная с весны 1914 года она, конечно, вернулась в Довиль, где ее присутствие замечается все больше и больше, в частности, на соревнованиях поло, где самые броские детали ее наряда – открытый белый воротничок и шляпа-котелок наездницы, переделанный ее заботами, – выделялись среди принятых тогда фасонов. В тот год весна выдалась много теплее обычного, и Коко была одной из немногих женщин, которые осмеливались, ежась, влезать в море при температуре шестнадцать градусов. Для этого был отгорожен небольшой участок – там, где начинались первые волны, вбили колышки и натянули веревки. Она создала для себя специфический купальный костюм из махровой ткани цвета морской волны, обнажавший тело куда меньше, чем вечернее платье. Но, окаймленный тройным белым петличным шнуром, он не был лишен элегантности. При этом забавно было наблюдать на берегу моря толпу одетых в городские костюмы людей, комментировавших особенности телосложения или поведения дам, которые только окунались в море, но никогда не плавали.

Коко снова вызвала к себе Адриенн и Антуанетту – она была счастлива оказаться среди родных. Но тут ее постигло горе – смерть старшей сестры Джулии, которую погубила чахотка. После нее остался малыш, которому угрожала отправка в приют. Добрая душа Артур Кэпел решил позаботиться о бедном сиротке и отослал его за свои деньги на учебу в Бомонт – тот самый колледж, где прежде учился сам. В глазах глубоко тронутой Габриель этот жест явился новым доказательством глубины чувств Боя к ней. Но она слишком трезво смотрела на жизнь, чтобы быть уверенной, что пребудет с ним до конца своих дней.

Ну а коммерческое предприятие на рю Гонто-Бирон процветало день ото дня. Коко выиграла от инцидента, случившегося между баронессой Анри де Ротшильд (для близких – просто Китти) и ее кутюрье – знаменитым Пуаре. Стоит остановиться подробнее на обстоятельствах заварушки. Однажды баронесса решила обновить свой летний гардероб. Но ехать в ателье самой посчитала ниже своего аристократического достоинства и потому потребовала, чтобы Пуаре прислал ей для демонстрации нарядов группу манекенщиц. Когда те предстали пред ее очами в ее роскошном особняке, хозяйка, не соизволив даже подняться с постели, велела им повернуться к ней спиной и начала придирчиво разглядывать в лорнет; в это время группа

молодых людей, коих она содержала для личных развлечений, отпускала сальные шуточки по поводу физических особенностей юных барышень. Узнав о столь оскорбительном приеме, Пуаре метал громы и молнии. Когда же заказчица изволила наконец появиться в ателье, визитершу при всех ее голубых кровях выставили за порог.

Пылая гневом и жаждой мщения, оскорбленная баронесса решила отныне обращаться только к Габриель, чьи тенденции в моде были диаметрально противоположны тенденциям Пуаре. Помимо того, что она сама заказывала дюжинами манто и платья, она еще направила к Коко своих самых богатых подруг… Вот какие золотые горы открылись теперь для ателье на рю Гонто-Бирон.

* * *

В июле 1914 года до завсегдатаев довильских кафе еще не долетали тревожные вести, исходившие из европейских канцелярий. Конечно, на их памяти не раз начинали бродить слухи о близости войны – особенно в 1905 и 1911 годах. Но казалось, что красоты лета в силах отодвинуть перспективы войны в неопределенное будущее. Как сможет этот лучистый лазурный небосвод вынести кровавую мясорубку, которую обещают своим читателям романисты с патологией воображения – авторы таких сочинений, как «Будущая война» или «Планета в огне»? И даже убийство 28 июня в Сараеве эрцгерцога Франца-Фердинанда не предвещало последствий, которых пугались пессимистические умы. Но, увы, с конца июля события стали стремительно разворачиваться: 28 июля – всеобщая мобилизация, 3 августа – война. Прошло немного времени, и Довиль опустел, и в иные часы улица Гонто-Бирон напоминала помпейскую. Ставни многих вилл затворились, и если «Нормандия» еще как-то держалась, то «Рояль» за отсутствием клиентов повесил на ворота замок. По улицам ходили только мужчины почтенного возраста, женщины да дети. Бой был мобилизован, но перед отъездом дал Коко мудрый совет:

– Только не закрывайся… Подожди и присмотрись…

Итак, англичанин ушел на войну. Со своей стороны, Адриенн оплакивала отъезд Мориса де Нексона, поспешившего в свой драгунский полк. Правда, ее немного утешало то, что все кругом говорили: война не продлится и шести недель и, естественно, закончится победой французов. Даже зимней формы не стали запасать… Вот так-то!

В действительности же события развивались совсем не так, как планировалось во французском Генеральном штабе. Французские войска, с самого начала смятые противником, разбитые его тяжелой артиллерией и минометами, поредевшие под шквальным пулеметным огнем, недостаточно экипированные и плохо обученные, отступали, нередко беспорядочно. После поражения под Шарлеруа 23 августа оккупация врагом значительной части территории страны породила массовый исход беженцев с севера и северо-востока Франции в Довиль – и это не считая парижан, которые, как и в 1870 году, посчитали Нормандию более надежной, чем столицу. Эта категория беженцев состояла в основном из буржуазии и аристократии, имевшей на побережье многочисленные виллы в нормандском стиле, которые они покинули было за несколько недель до событий. Кстати, «Рояль» открыли вновь – под госпиталь. Зато в «Нормандии» сконцентрировалась значительная часть парижского бомонда: комедийные актеры, директора театров, писатели – такие, как Жорж Федо и его молодой друг Саша Гитри, который был уволен из армии, но активно занимался гала-представлениями в пользу раненых, а также магнатов прессы.

В таких условиях Габриель по-настоящему начала сколачивать себе состояние. Она объяснит это тем, что на побережье съехалось множество элегантных дам – «им потребовались не только шляпы, но вскоре – за отсутствием других кутюрье – и одежда. У меня в ателье были только модистки. Я сделала из них кутюрье». У этой клиентуры не оставалось выбора, так как бутик Коко был единственным, который по-прежнему работал.

Габриель поместила в витрины изделия, которые создавала для себя, а также те, что предлагала раньше, но сильно упростив их. Шляпы теперь вовсе не украшались ничем. Это была простая и удобная мода, так сказать, мода войны, продиктованная обстоятельствами. Удивительная способность быстро приспосабливаться к новым условиям всегда будет присуща Шанель.

Отданный под госпиталь «Рояль» наполнялся сотнями раненых, и многие клиентки Шанель сделались добровольными сестрами милосердия. Требовалось разработать и сшить для них десятки блуз, изготовить головные уборы, более отвечающие духу времени, нежели допотопные кружевные чепцы, которые были в ходу до сих пор. Вот когда Габриель пригодились уроки суровой школы Обазина и опыт работы у тетушки в Варение! Она прекрасно справилась с задачей. Разумеется, при таком наплыве заказов потребовалось принанять персонал. Она срочно выписала

к себе Антуанетту и Адриенн, которые уехали в начале августа, когда город опустел.

Удивительно, но ей ни разу не пришло в голову самой потрудиться сестрой милосердия, хотя бы и несколько часов в неделю. Она даже не побывала ни разу у раненых в госпитале. Но не спешите обвинять ее в бессердечности. Может, дело было попросту в недостатке времени? Абсолютный приоритет, отданный коммерции в неудержимом стремлении добиться успеха? Не только… В действительности же дело было в желании полностью порвать с эпохой жизни в Мулене. Она как огня боялась встретиться в коридоре госпиталя или увидеть на госпитальной койке одного из тех офицеров муленского гарнизона, которых помнила добрыми молодцами, щеголеватыми красавцами, а теперь они стали такими жалкими, такими несчастными. Ей хотелось позабыть злосчастную эпоху, наградившую ее «птичьей» кличкой «Коко», которую ей суждено будет носить до конца своих дней. У нее в ушах и поныне резонируют эти двое, которые скандируют, вызывая ее на бис, – молодые люди, собравшиеся в прокуренной «Ротонде», чтобы убить субботний вечер за столиками, уставленными бокалами с пивом.

Конец всему этому, конец! Теперь Габриель обрела успех самой высшей пробы. А коль скоро у дверей ее бутика уже стали выстраиваться очереди перед открытием, то для удобства клиентуры Перед входом поставили скамеечки и маленькие столики. Пока опущены шторы – солнце было еще знойным, – казалось, что перед тобой терраса роскошного кафе.

Конечно же, там не подавали ни напитков, ни закусок. Но там болтали, обсуждали новости, читали газеты, которые уменьшились до одного-двух листов. Правительство предусмотрительно обосновалось в Бордо. «Говяжье филе по-бордоски», – трезво прокомментировал ситуацию драматург Федо в баре отеля «Нормандия», между затяжками своей огромной сигары… По мере того как продвигались немецкие войска, город захлестывали все новые волны беженцев, приходили все новые партии раненых – их привозили главным образом в товарных вагонах, зачастую на той самой мокрой соломе, которая успела послужить подстилкой лошадям, отправленным на фронт. Габриель получила известие, что в Руалье теперь разместился штаб германской дивизии… Значит, чистокровные скакуны, которых она знала, уступили теперь место тяжелым коням германской кавалерии. Руалье больше не существует… Вместе с ним исчез еще один отрезок ее прошлого – прошлого, которое вовсе не составляло предмет ее гордости и которое она была бы

рада навсегда стереть из памяти, точно так же, как унизительные годы, проведенные в Мулене и Обазине.

Однако после победы на Марне немецкие клеши разжались. Враг, который уже видел себя марширующим по Шанз-Элизе, вынужденно отступил – увы, в боевом порядке! – к берегам реки Эн. Французские силы – от Северного моря, по бельгийской земле и до самой Швейцарии – зарылись в сети траншей. Казалось, фронт стабилизировался надолго. Но в октябре и ноябре Довилль снова опустел. Сестры Шанель возвратились в Париж, Адриенн – в Виши. Коко, оставившая свой довильский бутик на попечение продавщицы, которой всецело доверяла, отныне посвящала свое время ателье на рю Камбон, куда стали приходить и многие из ее летних клиенток. Таким образом, несчастья родной страны в значительной степени послужили благу предприятия Шанель – хотя в этом нисколько не было ее вины.

А в квартире на рю Габриель она осталась совершенно одинокой. Артур Кэпел стал офицером по связям при маршале сэре Джоне Френче[26] и был слишком занят по службе, чтобы иметь возможность отлучаться из штаба в Париж. Но по крайней мере в таком положении его жизнь не подвергалась риску – в противоположность бедняге Алеку Картеру, блестящему кавалеристу-англичанину, по которому сохло сердце Эмильенн д'Алансон. Записавшись во французскую армию, чтобы иметь возможность общаться со своими друзьями по Руалье, он отправился сражаться и погиб на восьмой день по прибытии на фронт…

С Артуром такого случиться не могло. В июле 1915 года он был назначен членом французско-британской комиссии по ввозу угля во Францию. Важность проблемы, которой она занималась, бросалась в глаза: 95 процентов французских угольных шахт оказалось на оккупированной территории, в департаментах Норд и Паде-Кале. А ведь уголь – вещь крайне существенная для военной индустрии, не говоря уже о домашних очагах. Можно ли объяснить это назначение вмешательством Клемансо, бывшего тогда председателем Парламентской комиссии армии? Не исключено. Но в любом случае опыт, приобретенный Боем за годы работы в области перевозок угля, сделал его присутствие в комиссии в высшей степени незаменимым. Габриель, по-прежнему беспокоившаяся за его жизнь, вздохнула с облегчением. Теперь-то он был наверняка вне опасности.

Прежде чем приступить к исполнению новых обязанностей, Артур взял несколько дней отпуска – ему хотелось повезти Коко в Биарриц. Возможно, потому, что это был один из самых отдаленных от театра военных действий французских курортов,

где легче всего было забыть об ужасах войны. Он оказался прав. На двух роскошных гостиницах Биаррица – «Мирамар» и «Отель дю Пале», где в свое время останавливалась императрица Евгения, – висели таблички: «Мест нет». Занимала их главным образом испанская аристократия, за многие десятилетия выработавшая привычку наезжать сюда. В Биарриц съезжались и богатые французы – поразвлечься, поправить здоровье, подышать йодистым воздухом с океана, видом которого не устанешь любоваться. Если во всей остальной Франции дансинги были закрыты, то здесь, в крупных отелях, танцевали танго, разлетевшееся из Аргентины по всему свету с 1912 года. Местные власти закрывали на это глаза: туризм обязывал!

На фото 1915 года Бой и Габриель сняты полулежащими в глубине полосатых тентов на песчаном пляже Сен-Жан-де-Люз. В компании с ними – Константин Сэ, один из крупнейших сахаропромышленников. Сбоку – ивовая корзинка со всяческими вкусностями, приготовленная для пикника.

В один прекрасный курортный день Артуру и его спутнице пришло на ум: а вдруг модельное дело в Биаррице пойдет не хуже, чем в Довиле? Здесь та же богатая, светская, несколько снобистская публика. Биарриц обладает тем преимуществом, что располагается гораздо дальше от театра военных действий, чем Довиль. Моды и связанные с ними фривольности и роскошества будут восприниматься здесь не столь шокирующе, как в местностях, близких к зонам, где люди ежедневно гибнут тысячами. В пользу Биаррица говорила также его близость к нейтральной Испании, а значит, не составит проблемы снабжение ателье Коко тканями, нитками и сопутствующими аксессуарами. Кстати, от этого выиграет и ее предприятие на рю Камбон, которое она, понятное дело, не собиралась оставлять.

Как всегда, Бой авансировал Габриель суммы, необходимые для открытия дома от кутюр с коллекцией платьев, которые она собирается дорого продать.

– Не слишком ли дорого? – забеспокоился Бой.

– Именно что дорого! Иначе меня никогда не воспримут всерьез, – ответила Коко, которая давно постигла особенности психологии покупательниц.

Итак, Габриель наняла в Биаррице большую виллу на рю Гардер. Вилла «Де Ларральд», как она называлась, была удачно расположена лицом к лицу с казино, имела просторный внутренний двор и производила впечатление если не чего-то величественного, то уж, во всяком случае, исключительно богатого. К началу сентября было закончено оборудование зала приема клиентов, мастерских и частных комнат и набран

персонал. Коко пригласила с рю Камбон самых опытных модисток, которые будут наблюдать за примерками. Конечно же, приехала и Антуанетта, на которую ее старшая сестра всегда могла рассчитывать. А вот Адриенн, ожидавшая с нетерпением позволения навестить своего возлюбленного в действующей армии, в зоне, где будет расквартирован для отдыха его 25-й драгунский полк, подъедет позже, чего Габриель никак не захочет ей простить. И то сказать, с некоторых пор в ней возникла новая черта характера – она ждала, что все и во всем будут ей уступать, в частности, в том, что касалось ее работы. Право, любопытно, что эта черта характера до сих пор не проявлялась в ней, до ее тридцати двух лет… Видимо, успех и выдвижение на ведущие позиции позволяют ей сделаться тем, чем она в глубине души никогда не переставала быть.

Как бы там ни было, расчеты ее и Боя оказались верными. Это был не просто успех – это был триумф! По салону Габриель дефилировали многочисленные испанские аристократки, среди которых были дамы, принятые при дворе Альфонса III, представительницы богатой буржуазии из баскских провинций, Бискайи, Наварры, Арагона, не говоря уже о богатых парижанках, приехавших на побережье отдохнуть.

Шестидесяти работниц, нанятых Габриель, вскоре оказалось недостаточно, чтобы справиться с таким потоком заказов. Тогда Коко переориентировала одно из своих парижских ателье исключительно на выполнение заказов Биаррица. В начале декабря она решает возвратиться на рю Камбон и передать дом от кутюр на баскском побережье в ведение Антуанетты. Та колебалась, опасаясь одной взять на себя такую ответственность. Но Коко успокоила ее, не забыв, впрочем, и прикрикнуть: дело идет как по маслу, сказала она сестре, чего еще желать? Да ты должна быть польщена, что тебе вверяют такую власть, и без малейшего риска! Итак, вперед! Хватит манерничать!

Заметим, что Коко не единожды доставляла себе удовольствие поручить сестре управление ателье в Биаррице. Прежде всего потому, что главная контора дома Шанель располагалась в Париже и она не могла позволить себе подолгу там не появляться. Но и для того, чтобы иметь возможность видеться с Боем. Ибо для выполнения функции члена комиссии ему придется чаще наезжать в Париж, а ее там нет. И так уже четыре – пять месяцев кряду! Она не в восторге от этой ситуации, которую считает опасной для их взаимоотношений. Она прекрасно знает, что Бой – так же, как Левис из книги Поля Морана, с которым писатель его так часто сравнивает, – не способен на скорые и многочисленные приключения. Он для

этого слишком благороден. Коко часто повторяла своему другу, что эта проблема ее не волнует, но, грешным делом, предпочитала бы, чтобы он бывал рядом с нею как можно чаще.

Между тем на рю Камбон не было недостатка в работе, тем более что главный конкурент Габриель, Поль Пуаре, за несколько месяцев до того перешел исключительно на выполнение военных заказов. Общее число работниц, трудившихся теперь у Габриель, достигло трехсот. А работать у нее – не в игрушки играть! Разумеется, жалованье она выплачивала аккуратно; но, беспощадная к себе, она была столь же строга и с другими и безжалостно увольняла тех, кто не слишком серьезно относился к делу.

* * *

Однажды вечером в ателье на рю Камбон, незадолго до закрытия, Габриель столкнулась лицом к лицу со своим бухгалтером и задала ряд вопросов по текущим делам. Тот дал ей все требуемые разъяснения, а затем добавил с гордостью в голосе и взгляде:

– Утверждаю, что с теми денежными средствами, которые имеются в нашем распоряжении, нам бояться решительно нечего.

Тут Габриель, которая, будучи вся в работе, последнее время не имела возможности проверить бухгалтерские книги, почувствовала, как ее разбирает любопытство. А конкретнее? Она знает, что дело ее процветает, но – каков уровень этого процветания? Перед глазами ее пошли большие столбцы счетов… Нет, ничего не понимает! Технические объяснения, которыми так щедро осыпал ее собеседник, проходили мимо сознания. Наконец она спросила, какую сумму может снять со счета без риска пустить предприятие по миру, а получив точные цифры, поразилась: ведь это вполне сопоставимо с тем, что некогда ссудил ей Бой. Теперь она в состоянии не просто возвратить ему ссуду, но еще и накинуть на нее приличный процент.

Она не стала ждать.

Коко могла бы – почему нет? – известить своего друга, что намерена возвратить все, что он давал ей в долг. Хотя бы из желания посмотреть, как он отреагирует на эту новость. Но… Вдруг он скажет, что подруга ничего не должна ему? Тем более что сам он за последнее время сказочно разбогател.

Нет, такой вариант ее не устраивает.

Она стремится быть независимой. С ее точки зрения, это единственное, для чего нужны деньги, и ни для чего более. На

следующий день она, едва забрезжил рассвет, перевела на счет Боя всю сумму до последнего сантима…

Не сообщив ему ничего.

Об этом его известит банк «Ллойдс».

Бой, несколько раздосадованный жестом Габриель, скажет ей не без налета грусти, когда они вдвоем гуляли сентябрьским днем по пляжу в Биаррице:

– Я считал, что дал тебе игрушку, а подарил тебе свободу…

Впрочем, Бой ничего от этого не потерял. Незадолго до начала войны Коко сказала ему: «Пока моя нужда в тебе не кончится, я не буду знать, люблю ли я тебя по-настоящему». Теперь настал тот самый случай. Отныне она знает, сколь привязана к нему.

Много лет спустя она скажет: «Господа Бальсан и Кэпел относились ко мне с жалостью, видя во мне бедного покинутого воробушка. А на деле я была настоящей тигрицей. Мало-помалу я постигла жизнь – точнее, училась находить средства защищаться от нее».

* * *

В Париже Габриель, сознавая себя создательницей оригинального стиля, ищет пути продолжения и развития успеха, держась как можно ближе к уже разработанным ею тенденциям. Все, что она изобретала или обновляла в области моды, вдохновлялось тем, что лежало в глубинах ее души: ее корни, ее прошлое. Но более всего – ее физические особенности.

Бросается в глаза, что она решительно восстает против всего в моде своей эпохи, что подчеркивает женственность. И было от чего! Ее собственное худощавое тело никак не вписывалось в общепринятые каноны. Она быстро убедилась в этом. Габриель констатировала и другое – все богатое, пышное не в ее вкусе. По каким соображениям – ей неведомо, но это так. Не то чтобы она возводила это в принцип, но почти инстинктивно она вместо шикарных тканей тянулась к дешевому трикотажу. Трикотаж для высокой моды? Такое доселе ни одному черту не приходило в голову! Пуаре не без оттенка ревности обозвал это язвительной формулой: «Рубище для миллиардерши». Как пришла к ней мысль использовать вязаное полотно? Очень просто – она присмотрелась к некоторым предметам мужского гардероба, как-то: жилетам конюхов, пуловерам мальчиков, прислуживающих в конюшне, свитерам Боя… Плюс к тому, она вообще любит примерять мужские наряды: брюки-галифе конюха из Руалье,

пальто, как у Леона де Лаборда… И эта тенденция будет прослеживаться в модах Коко Шанель всю ее жизнь. Обладая чутким вкусом, она поняла, что это ей подходит – и не только ей, но и многим другим женщинам, которым доставит удовольствие эта исполненная шарма игра в двусмысленность, в двуполость, ею была открыта новая манера акцентировать внимание на женственности – не столь бросавшаяся в глаза, более размытая, но не менее эффектная.

Так как же объяснить, откуда у Шанель вкус к трикотажу? Не простое ли провинциальное происхождение и не долгие ли вечера, когда, будучи ребенком, она засыпала под монотонное позвякивание вязальных спиц? Это представляется правдоподобным. Но Габриель, решительно готовая стереть из памяти все прошлое, ни за что бы в этом не призналась.

* * *

Зимою 1916 года, когда материю стало трудно достать, Коко для ее будущих моделей потребовалась скромная ткань, немногим отличающаяся от трикотажной ткани, опыт работы с которой у нее уже имелся, и при этом такая, чтобы при умелом применении из нее можно было бы наделать прекрасных вещей, которые поразили бы неожиданным благородством. И вот она нашла, что искала: незадолго до войны некоему текстильному фабриканту Родье заказали крупную партию джерси. Но заказчики забраковали эту новую ткань, сочтя ее слишком суровой даже для мужского нижнего белья, так что значительная часть партии осталась непроданной. Узнав об этом, решительная Коко скупила все, не торгуясь, да еще заказала Родье новую партию, и чем скорее, тем лучше. Но фабрикант заартачился, боясь снова остаться с кучей непроданной материи на руках, и сделал кислую мину:

– Женщинам понравится еще меньше, чем мужчинам! Поверьте, эта ткань э… мнется, морщится, топорщится… Вы ничего не сможете сделать из нее! Решительно ничего!

Но Коко, не любившая, когда ей возражают, продолжала настаивать. Взгляд ее нахмурился, тон перешел почти в крик. Родье почувствовал себя оскорбленным и заявил, что не верит, пока Габриель не докажет ему, что он заблуждается.

Агитируя за новый стиль собственным примером, упрямица сшила себе почти по-монашески простой ансамбль и часто появлялась в нем на публике. В комплект входила джерсовая куртка-труакар, да вот беда – она ни за что не хотела

подчеркивать талию. Видно, прав был фабрикант – *ткань оказалась капризной, и малейшие попытки* сделать прилегающий силуэт заканчивались катастрофическим растяжением петель. Коко рвала и метала. Но не такой у нее характер, чтобы сдаваться без боя: она нашла решение проблемы, отказавшись от этой чертовой талии. Это было вполне в ее характере.

Для своих клиенток в Биаррице Габриель быстро приготовила и другие модели, как, например, платье, попавшее в 1916 году на страницы журнала «Харперс базар» – первое опубликованное произведение Шанель. Это платье опятьтаки не имеет талии, а вместо нее завязан шарф, небрежно свисавший на бедра. Горловина открывает не корсаж, а жилет на манер мужского. Покоренная этой моделью, но не в силах подобрать адекватные слова для описания столь изумительной новинки, американская дама-комментатор называет ее просто «a charming chemise of Chanel* – „очаровательное платье-шемизье в стиле женской сорочки от Шанель“.

Добавим к тому же, что Габриель, следуя в русле тенденций той эпохи, с небывалой дотоле смелостью укоротила платье. Правда, уже у Пуаре женщина чуть приоткрыла ногу, но Габриель полностью обнажает лодыжку и даже чуть выше. Целая революция в мире моды! Вскоре мужчины будут с ностальгией вспоминать, как по привычке поджидали того вожделенного момента, чтобы прекрасная незнакомка, переступая через бордюрный камень тротуара, изящно приподняла край юбки и чуточку приоткрыла щиколотку… Кстати, подобные сцены принадлежали к числу излюбленных у художников-жанристов, таких, как Жан Беро или Альбер Гийом.

Как бы там ни было, Родье признал свою ошибку и взялся за выполнение *заказа* Габриель, которая скажет позже: «Прежде джерси шло только на нижнее белье; я оказала ему честь, сшив из него платья и костюмы».

В действительности революция, совершенная Габриель, не ограничилась выбором новых материалов. Еще недавно главной заботой кутюрье был декоративный элемент женской одежды – живые краски, богатые ткани, вышивки, кружева, петли, оборки, газ, вуалетки, рюшки, помпоны, различного рода бижутерия и всяческие сложные виды отделки… По мнению Шанель, приоритет следует отдавать общему силуэту и линии. И настоятельно необходимо избавиться от всех ненужных украшательств, финтифлюшек и вообще всего, что может исказить чистоту. Итак, Габриель подвергает одежду той же операции, что и головные уборы.[27] Эта непрестанная тяга к строгости и избавлению от излишеств, в сочетании с

использованием дешевых тканей, превратили экс-пансионерку сестер монахинь в янсенистку от модельного дела. Нельзя исключить, что на формирование вкусов Коко Шанель в какой-то мере оказали влияние суровость архитектуры монастыря в Обазине и строгость униформы сестер монахинь, занимавшихся воспитанием маленькой Габриель.

Одна из самых парижских улиц – рю Камбон – не так-то уж и далеко от Корреза…

* * *

В творчестве Габриель вместе с названной выше тенденцией сосуществовала еще одна – законодательница мод ратует за физическую свободу женщины, подвижность ее тела. Еще не так давно модницы, отказавшись от шлейфов, которые только подметали пыль, облачались в юбки, зауженные книзу. Таковые делали необходимость ношения специальных круговых резинок на подоле, связывающих колени таким образом, что женщина могла лишь семенить крохотными шажками.[28]

К 1916 году эта мода отошла в область преданий. С отъездом на войну миллионов мужчин женщины, которым пришлось перейти к активному образу жизни, обрели невиданную доселе независимость. Ну а Шанель всегда отличалась талантом приспосабливаться к постоянно меняющимся условиям, пленницами которых оказывались как она сама, так и ее клиентки. Творимые Коко струящиеся платья с нарочитым отсутствием талии, отказ от стремления любой ценой акцентировать бюст и ягодицы, вынесение безапелляционного приговора корсету, укороченные юбки – все это делалось в духе возраставшей свободы женского тела, облаченного в раскованные одежды. Все эти новшества соответствовали новому способу бытия, который вели ее клиентки с 1914 года. Появились деловые женщины, взявшие на себя управление предприятием в отсутствие мобилизованного мужа, спортсменки, гольфистки, автомобилистки – участницы гонок… и просто женщины, которые едут в метро или в автобусе. В противоположность им дамы недавнего прошлого, украшавшие собою трибуны ипподрома в Лоншане или Шантильи, увешанные бижутерией, точно ходячие рождественские елки, утопавшие в мехах и увенчанные экстравагантными шляпами-тортами, казались теперь анахронизмами из минувшего века. «Я вернула женскому телу свободу, – говорила Габриель. – А каково было этому телу париться в парадных одеяниях под кружевами, корсетами,

нижним бельем и прочей ерундой!» Итак, Шанель, разрушив ненавистную ей моду и сотворив для женщины совершенно новый силуэт, ввела ее в новый век…

Между тем война все продолжалась, и конца-краю ей не было видно. Да, в 1916 году Франция могла оказывать сопротивление под Верденом ценою трех тысяч убитых ежедневно. Да, немцы не могли пройти дальше – они оставались на месте, занимая десяток департаментов. Добрые вести чередовались с плохими. В апреле 1917 года на стороне союзников в войну вступили США; но в марте того же года, под давлением нараставшей революционной волны, царь Николай II отрекся от престола, и русская армия стала разлагаться. Надежды на то, что на Восточном фронте немцам не дадут продвинуться, таяли с каждым днем. Хуже того, несколько месяцев спустя взявшие власть большевики заключают в Брест-Литовске сепаратный мир. А так как Соединенные Штаты до сих пор выставили на фронт лишь несколько жалких и слабо обученных отрядов, вся тяжесть возросшей вдвое мощи германских войск обрушилась на союзников – во Францию вторглись дополнительные две сотни дивизий под командованием блистательного Людендорфа.

Видя, как затягивается кровавая бойня, и лишившись надежд на скорое окончание ее, солдаты бунтовали, отказывались выходить из траншей по сигналу к атаке; другие дезертировали с театра военных действий: получив отпуск, уже не возвращались на фронт. Инциденты такого рода случились уже более чем в сотне полков; для острастки пришлось расстрелять шесть десятков бунтарей.

Эти трагические события произошли в мае 1917 года; тем более удивительно было увидеть вышедшую из-под пера Артура Кэпела и опубликованную в Лондоне книгу «Reflections on Victory and a Project for the Federation of Government» («Размышления о победе и проект федеративного правительства»). Размышления о победе?! Да, конечно, в стане союзников никогда не оставляли надежд на нее. Но рассуждать о ней как о чем-то достигнутом, когда положение хуже некуда, и выносить на обсуждение вопросы устройства Европы после выигранной войны… Не слишком ли рано? Но Бой, страстный поклонник своего закадычного друга Клемансо, разделял его уверенность в благополучном исходе. «Старик», как его называли солдаты, часто наезжал на фронт и проходил по траншеям с тросточкой в руке, в неописуемой измятой шляпе и закутанный в кашне неведомо каких древних лет. Он пекся об удобстве солдат, отведывал суп из походных кухонь, нередко купая в походном котелке свои невообразимо длинные усы **a**la gauloise.[29] Прохаживаясь по траншеям, он

бесшабашно подставлял себя под вражеский огонь, от чего сопровождавших его офицеров прошибал холодный пот. Таким путем он внушал poilus`ам[30] *свою веру в победу,* так что несколько месяцев спустя его будут титуловать не иначе как «Отцом Победы» и «Тигром».

Труд Кэпела не остался незамеченным – в «Times Literary Supplement»[31] появилась рецензия, автор которой недоумевал, как это бизнесмен и игрок в поло мог сочинить такое на удивление всем. Помимо ряда странностей и утопичности, отмеченных во взглядах автора «Размышлений», можно утверждать, что он – непримиримый противник национализма, решительный сторонник европейской федерации. Равно как и систематической децентрализации. И наконец, от автора, более прозорливого в этом отношении, чем Клемансо, не ускользнуло, что мир, построенный исключительно на идее реванша у одних и унижении других, способен только спровоцировать в короткий срок новую войну. Какая прозорливость!

Но возможно, столь точное видение будущего легче давалось подданному страны, территория которой не подвергалась ни оккупации, ни разорению войной.

* * *

Публикация «Размышлений» и необходимость их распространения вынуждали Боя подолгу засиживаться в Лондоне. Его продолжительные отлучки не могли не вызывать у Габриель некоторого чувства горечи. Для нее не было секретом, что в Англии Кэпел много вращается в среде английского джентри[32] и при этом чувствует, что ее происхождение мешает ему ощущать себя его полноправным членом, хотя и не подает виду. Он очень болезненно относился к этой двусмысленной социальной ситуации, тогда как Габриель чувствовала себя брошенной на произвол социальных условностей, которые считала смехотворными.

В этот период полуодиночества она и решила безжалостно обрезать свои роскошные черные волосы, ниспадавшие до самых бедер. До сих пор она имела привычку заплетать их в тройную косу и оборачивать ее вокруг прелестной головки.

Позже она даст весьма сложное объяснение своему жесткому поступку: мол, перед самым ее отъездом в Оперу взорвался газовый водонагреватель, отчего вся она оказалась в саже, точно трубочист. Вот и пришлось ей обрезать свою пышную шевелюру, ставшую непрезентабельной. Этот рассказ, с течением времени

тысячи раз менявшийся и обраставший новыми *подробностями,* принадлежит к лучшим образчикам вызова обществу в ее разговорах.

Нужно ли этому верить? Ведь она так часто повторяла, что легенда интересует ее куда больше, нежели реальность…

Как нам кажется, не что иное, как чувство мести побудило ее загубить свою шелковистую шевелюру собольего оттенка… А ведь Бой так любил смотреть, как они рассыпаются по плечам… Тем она хотела наказать его за слишком долгое отсутствие…

И, может быть, еще в ней с новой силой взыграло желание до конца вытравить из памяти ту юную девушку, которой ее знали в Руалье и Мулене; времена, полные надежд и невыносимых унижений. Кстати сказать, не Этьен ли был тем первым, кого она полюбила и кто удалился от нее?

Как бы там ни было в действительности, она нашла, что короткие волосы ей очень к лицу и к тому же открывается ее удлиненная шея, которой она так гордится. В дальнейшем, перед демонстрацией каждой коллекции, она будет непременно брать ножницы и укорачивать свои волосы…

И что же – в марте 1917 года, с легкой руки Габриель, новая прическа мигом вошла в моду. Этот феномен не ускользнул от взгляда Поля Морана – в тот же месяц на страницах газеты «Журналь» он отмечает, что тенденция носить короткие стрижки распространилась среди женщин в какие-нибудь несколько дней. Все помешались на этом, заметил он, начиная с Шанель и мадам Ле Телье. Он мог бы добавить еще имена подруги Габриель – Марты Давелли и Адриенн Шанель. Правда, лет за пятнадцать до того Колетт по требованию своего мужа Вилли укоротила свои волосы (которые были у нее около полутора метров в длину!); так же поступила и Полер, но дело для обеих кончилось скандалом, и их примеру никто не последовал. Коко же основала моду, которой суждено было продолжаться вечно…

В мае 1917 года у Коко состоялась еще одна встреча, которая знаменует собой новые перемены в ее судьбе. Один из друзей устроил для нее обед у актрисы Сесиль Сорель, которой она всегда восхищалась и с которой страстно хотела познакомиться. «Что могло быть прекраснее, чем отобедать у Сорель?» – позже признается она. Сесиль Сорель, сорока четырех лет, член Общества «Комеди Франсез», находилась тогда на вершине славы, а о ее исполнении роли Селимены в мольеровском «Мизантропе» ходили легенды. Эта удивительно прекрасная дива была столь же экстравагантна в своей частной жизни, как и на сцене.

Увы, Коко слишком идеализировала свою любимицу! Присмотревшись поближе, она с горе-чью заметила: в ней все

фальшиво. Начиная с ее зубов: было постоянное впечатление, что ее вставная челюсть вот-вот выпадет. Интересно было бы посмотреть, как она бросится ее поднимать! Вместо скатерти Сесиль, явно желая пустить пыль в глаза, стелила золотую ткань – далеко не новую. На окнах – двойные занавески из леопардовых шкур, потерявшие половину шерсти. Наконец, на полу были разложены зеркала неправильной формы, призванные символизировать бассейны, а может, озера… Трудно сказать. Во время трапезы пианист развлекал собравшихся похоронными маршами… Нетрудно понять раздражение Габриель, маниакально стремившейся ко всему чистому, естественному, простому, при виде этого манерного декора, столь противного всему, что она так любила… Вот почему в продолжение всей трапезы она не разжимала рта, а шутки, которые отпускал ее сосед по столу художник Жозе Мария Серт, нисколько не смешили ее. Затем в гостиной после обеда она обменялась несколькими банальностями с гостями, среди которых была Мися Годебска,[33] бывшая мадам Эдвардс и будущая мадам Серт… Так или иначе, Мисия была вконец очарована Габриель, которая показалась ей одаренной «бесконечной грацией», «неотразимым шармом» и напоминала ей не больше не меньше как мадам Дюбарри! Расставаясь, Коко поднесла ей в дар роскошное манто из красного бархата, отделанное мехом. Габриель накинула его на плечи Миси, сказав, что безумно счастлива сделать ей подарок. Та, разумеется, от подарка отказалась, но сочла этот жест молодой женщины – истинной чаровницы! – обаятельным в своей непосредственности.

На следующий день она поспешила на рю Камбон. В бутике она услышала, как две дамы разговаривают о хозяйке и называют ее «Коко». Она была шокирована, что столь исключительное в ее глазах существо называют таким вульгарным прозвищем – при мысли об этом у нее сжалось сердце… Наконец Мися встретилась с Габриель, и они долгие часы провели за беседой. Говорила в основном гостья, Габриель больше слушала. Коко так живо увлеклась своей новой подругой, что сочла себя обязанной пригласить ее вместе с ее спутником к себе на обед. Бой, который не имел возможности присутствовать на трапезе накануне, на сей раз появился…

Так было положено начало страстной и бурной дружбе между Габриель и Мисей. Самое тесное сближение между ними произойдет полтора года спустя во время путешествия, в которое отправятся она и Мися со спутником.

«У меня в жизни была одна-единственная подруга», – скажет Коко на закате своих дней. А потому не лишним будет сказать

несколько слов об этой незаурядной личности.

* * *

Мися Годебска родилась в 1872 году. Отцом ее был польский скульптор Киприан Годебский, пользовавшийся в ту эпоху столь большой известностью во всей Европе, что приобрел в Карраре целый мраморный карьер, чтобы не иметь проблем с материалом для выполнения сыпавшихся на него бесчисленных заказов. Мать Мисии, которую звали Софи Серве, была дочерью знаменитого тогда виолончелиста, жившего на широкую ногу в Халле провинции Брабант близ Брюсселя. В его просторном и роскошном жилище по неделям гостили друзья, среди которых были Ференц Лист, часто сопровождаемый женщиной, одетой в мужское платье и называвшей себя именем Жорж; Гектор Берлиоз; дирижеры Ханс фон Бюлов и Шарль Ламурьё. Здесь царил культ Бетховена, естественно, Листа, но более всего – Вагнера.

Обстоятельства появления на свет Миси вполне потянут на романное приключение. Ее мать Софи, жившая у своих родителей в Бельгии, пока муж выполнял заказы для Юсупова в Санкт-Петербурге, получает анонимное письмо, из которого узнает, что ее благоверный, оказывается, закрутил шашни с прелестницей Ольгой, ее родной тетушкой. Хуже того, Ольга, как и сама Софи, носит под сердцем ребенка от загулявшего художника! Хотя срок родов был уже близок, Софи тут же выезжает в Россию, чтобы хоть немного разобраться в огорошившей ее ситуации.

Бог знает каким чудом Софи Годебска, наперекор леденящей русской зиме, все же добралась до цели – одинокого дома, утопавшего в снегах.

С трудом поднявшись по обледенелым ступеням крыльца, она, прежде чем позвонить, прислонилась к двери, чтобы перевести дыхание… И в этот момент она услышала так хорошо знакомый ей смех, которому эхом отозвался ничуть не менее знакомый ей женский голос… Она не решилась позвонить… Проехать три тысячи километров только затем, чтобы найти подтверждение своему несчастью… Это было слишком для молодой женщины! Несколько часов спустя она ушла из жизни, успев дать жизнь Мисе…

Такова драма, знаменовавшая ее судьбу.

Несмотря на столь драматическое начало, жизнь девочки складывалась неплохо. Ее воспитывала бабушка в Халле, в среде музыкальной семьи, о которой мы только что говорили; ноты она

научилась читать раньше, чем буквы. Ей даже позволялось играть, сидя на коленях у Листа. Обладая рано развившимся умом, не лишенным причуд, она вела хаотичное существование: две мачехи, постоянные перемещения между Польшей, Францией и Бельгией… К четырнадцати годам она сложилась в прекрасную пианистку и писаную красавицу – дородную, как любила тогдашняя эпоха, с походкой царицы… Все в ее облике – пышность телес при тонкой талии, сладострастно-чувственное лицо – выдавало в ней одно из тех демонических существ, что создавались пылким воображением бельгийского художника Фелисьена Ропса, кстати, доброго знакомого ее беспутного папаши.

Восемнадцати лет она отправляется в Лондон, затем возвращается в Париж, где живет уроками музыки, которые ей достал композитор Форе. В 1893 году, в возрасте 21 года, она выходит замуж за своего юного кузена – Тадеуша Натансона, одного из трех сыновей польского еврея-банкира и русской женщины. У братьев Натансон ходил в знакомых весь литературный и художественный Париж; четыре года назад ими был основан ежемесячник «Белый журнал» (на деньги родителей), с которым сотрудничали лучшие писатели эпохи. Один только перечень авторов, помещавших свои опусы в «Белый журнал», повторил бы указатель имен в учебнике истории французской литературы: Баррес, Клодель, Фенеон, Жамм, Жарри, Малларме, Мирбо, Пеги, Пруст, Золя…

Молодая пара поселилась на улице Сен-Флорантин. Стены квартиры украсили картины, написанные друзьями молодожена. Только прислушайтесь к именам, значащимся в нижних углах полотен: Боннар, Редон, Вильяр… Большая часть из них создадут иллюстрации для рекламных афиш, которые познакомят публику с журналом «Ревю», и не следует удивляться, что на рекламных листах не раз возникнут черты лица и элегантный силуэт красавицы Миси. Все были покорены ее шармом, ее талантом пианистки, ее фантазией, экстравагантностью и соблазнительными речами. Из портретов красавицы, созданных тогда – и позже! – самыми престижными художниками, можно было бы составить маленький музей. Сам Ренуар, который привязывал кисти к пальцам, потому что у него были почти парализованы руки, писал ее восемь раз и глубоко горевал оттого, что она никогда не позволяла ему изобразить свои груди…

В 1905 году Мися, разведясь с Натансоном, вышла замуж за пузатого бизнесмена Альфреда Эдвардса, владевшего, в частности, газетой «Матэн». Воспылав к красавице неутолимой

страстью, Эдвардс буквально вырвал ее из объятий супруга. В эту пору красавица-полька, сохранив весь свой круг друзей-художников, познакомилась с не чуждой цинизма средой, состоявшей из журналистов, аферистов и кокоток, которая была дотоле вовсе не знакома ей. Четыре года спустя, устав от выходок своего благоверного, который, изменяя ей направо и налево, сам ревновал ее, как восточный тиран, и притеснял как мог, Мися в 1909 году развелась. И правильно поступила: прошло совсем немного времени, и на Эдвардса пало подозрение в удушении и утоплении в Рейне своей новой супруги – актрисы Женевьевы Лантельм…

Впоследствии Мися сошлась со знаменитым в ту пору художником и декоратором, каталонцем Жозе Марией Сертом. Сын промышленника, он был ничуть не менее богат, чем его предшественник, но куда более образован. Этот чудаковатый человек был столь же экстравагантен, как и его новая спутница. Часто ходя в плаще и сомбреро, он не мог не бросаться в глаза. Пристрастие к алкоголю и морфию ничуть не убили в нем энергию и веселость. Этот коренастый и словоохотливый коротышка писал полотна гигантских размеров, украшавшие храмы (как, например, собор в Виче в Каталонии) и роскошные салоны, например, в отеле «Уолдорф-Астория» в Нью-Йорке (за что его прозвали «уолдорфским Тьеполо»). Это не мешало ему украшать также и будуары по улице Лоншан. Художники – друзья Миси – любили подтрунивать над ним, называя «Мосье Жожо». И, несмотря на это, именно он познакомил свою подругу и всех остальных со странным персонажем, у которого черную шевелюру пересекала совершенно белая прядь… Это был Дягилев, гениальный устроитель «Русских сезонов», рекламе которых Мися отдаст столько сил…

Такова была в 1917 году эта оригинальная и сложная личность, которая вместе с Сертом на протяжении стольких лет будет играть такую важную роль в судьбе Габриель…

* * *

На исходе все того же 1917 года положение союзников на фронте было решительно хуже некуда. Франция оказалась практически в той же катастрофической ситуации, что и в августе четырнадцатого. Было принято обращение к Клемансо, который с 16 ноября принял на себя функции Председателя Совета с наказом спасти страну. Возрос и политический вес Артура Кэпела, особенно после того, как он отправился к своему другу с

«галльскими» усами в отель «Матиньон» с таким предложением: предоставить в распоряжение Франции принадлежащий ему углевозный флот. Это был красивый жест, так как германские подводные лодки грозили без труда отправить его к рыбам на дно. Президент с благодарностью согласился и не уставал рассыпаться в похвалах своему верному английскому другу.

Едва придя к власти, он прилагал все усилия для восстановления национальных сил.

Несмотря на груз возложенных на него задач и тяжесть прожитых лет, бодрый старик продолжил, как и прежде, ездить на фронт и бывать в окопах, и так как президент Пуанкаре отказался следовать его примеру, Клемансо бросил ему с презрением: «На свете есть две совершенно ненужные вещи: предстательная железа и институт президентства во Франции».

Ну а в модельном доме Коко дела шли с таким размахом, что она смогла, наконец, позволить себе выкупить за 300 тысяч золотых франков огромную виллу в Биаррице, где размещался филиал – до этого она была лишь арендатором.

Успех Коко отозвался эхом и в тогдашних модных журналах. С 1916 года «Лез Элеганс Паризьенн» публикует ряд ее моделей из джерси. Репутация дома, уже достигшая европейского масштаба, шагнула за океан. С 1915 года в «Харперс базар» уже можно было прочитать: «Женщина, у которой в гардеробе нет хотя бы одной вещи от Шанель, безнадежно отстала от моды». С 1917 года большинство клиенток великой кутюрье составляли уже американки, знавшие ее как «апологета джерси», а заокеанский журнал «Вог» отметил присутствие джерсовых платьев в апреле на Палм-Бич во Флориде. А «Харперс базар» заявил следующее: «В этом сезоне имя Габриель у всех на устах». Но у Габриель оказалось достаточно коммерческого чутья, чтобы заменить черные, бежевые и темно-серые тона, использовавшиеся для парижских моделей, на более живые, как, например, красно-бордовый и зеленый – для США, которые хоть и стояли на стороне союзников, все же были в неизмеримо меньшей степени втянуты в конфликт. Вообразим-ка себе огромный альбом, представляющий сотни моделей, задуманных Коко во время войны, – нас изумило бы немыслимое богатство фантазии. Возьмем только разнообразие материалов, которые она использовала: тут не только джерси, но и атлас, крепдешин, саржа, бархат, фай,[34] *тюль, к* ружево… Кроме того, она любила окаймлять свои наряды мехами… Но какими! Теми, что считались заурядными, как-то: кролик, крот или бобер. Это была своеобразная оппозиция привычно используемым в от кутюр дорогостоящим и куда более труднодоступным мехам вроде

норки или соболя. Но, кроме очевидных экономических соображений, здесь следует учитывать и негативное отношение Коко к «богатым» материалам, которые, по ее мнению, бесцеремонно вторгаются в моду. В основе последней должны лежать чистота стиля, простота и сдержанность, а не выставленная напоказ пышность.

Что касается ее творений как таковых, то Коко не желала отстраняться от общих тенденций эпохи. Так, в 1917-м и до 1920 года она выставляет на продажу платья с более или менее ярко выраженным силуэтом «бочка», с боковыми складками, призванными расширить бедра. Но на всем, что она изобретает, лежит ярко выраженный отпечаток новых условий, в которых стали жить женщины. Среди новинок – целиком джерсовые куртки-труакары с джерсовыми же юбками крайне неопределенной формы; многочисленные «сафари» с глубокими карманами, чтобы в них было удобно засовывать руки; длинные и теплые шарфы… Такая концепция моды стяжала Габриель большой успех.

К несчастью, далеко не столь успешно складывалась ее личная жизнь. Ставший очень важной персоной, Бой все чаще вращается теперь в высшем обществе: французском, английском… Он честолюбив, да, крайне честолюбив! Для Габриель даже слишком честолюбив. Однажды, будучи в зоне действия войск, он наносит визит одной своей соотечественнице, герцогине Сазерлендской. Это была одна из самых знаменитых гранд-дам той эпохи, которых так замечательно описал Кокто в своей книге «Фома-самозванец»; эти дамы занимались организацией службы помощи раненым. Среди сестер милосердия он встретил молодую красавицу, которую прежде приметил в Лондоне. Звали ее Диана Листер, урожденная Рибблсдейл. Дочь и невестка лордов, она овдовела, едва выйдя замуж, – увы, слишком типичная для того трагического периода женская судьба! Не только знатность имени, но и правильность черт, кроткая нежность, бросающаяся в глаза хрупкость и постигший ее несправедливый удар судьбы глубоко взволновали душу Боя. Он даже мог вообразить себе, что любит ее – и, кстати, это его вполне устраивало. Официально предложив ей руку и сердце, он тут же получил согласие. Вот теперь он имел все, что хотел. Сделавшись женихом Дианы, он, хоть в его жилах и не текла голубая кровь, почти официально вошел в круг джентри. К тому же он получил назначение политического секретаря британской секции Большого межсоюзнического совета в Версале. Ну что спросишь с разночинца, которого всегда угнетала неясность обстоятельств его рождения?

Свадьба Артура с Дианой состоялась в октябре 1918 года у одного из ее знатных родственников – шотландского аристократа лорда Ловата в домовой капелле замка Бофорт в его вотчине в графстве Инвернесс. Замок этот словно сошел со страниц английского романа, действие которого происходит в викторианскую эпоху в аристократических кругах: вековые деревья, огромные луга со стадами овец, пруды, окаймленные утесником…

Но вернемся на несколько месяцев назад, в март 1918 года, когда Бой только что получил согласие на предложение руки и сердца. Надо было как-то известить об этом Коко… Только с глазу на глаз! Письмом хуже… Но, оказавшись с нею лицом к лицу, он увидел, сколь она чувствитель-на и ранима. У него сжалось сердце… Он не мог подобрать слов… Не находил их! Она должна *была помочь* ему в этой ужасной ситуации… Но все же ее терзали сомнения… Позже она признается друзьям: «Прежде чем он сказал слово, я все уже знала сама».

Она не уронила перед ним своего достоинства. Самолюбие обязывало ее сохранить свое лицо.

Но только за ним затворилась дверь, она вся отдалась своему горю. Вот теперь можно было выплакаться… И она час за часом ревела в три ручья не переставая. Да, конечно, она знала, что все так кончится, но… жила будто бы в неведении, и в итоге полученный ею шок оказался непереносимым.

Логическим следствием происшедшего должен был бы стать полный разрыв. Просто уйти, чтоб он ни о чем не знал… Было похоже, что мысль покинуть Габриель ни на минуту не оставляла его. Но как бы ни была тяжка рана, нанесенная ей решением ее возлюбленного, она была слишком влюблена в него, чтобы отказать ему от дома. Она искала ему тысячи оправданий… а ведь, прямо скажем, у них удивительно схожи характеры и судьбы! И Бой, и Коко имели счеты с унизительным прошлым. Вот откуда эта неистребимая тяга к социальному успеху и жажда выигрыша, поглощавшая всю их энергию. Кстати, не на эту ли перспективу они всегда направляли свое существование, каждый на свой манер? Так зачем же упрекать Боя в том, что он такой же, как она? Не рождены ли они затем, чтобы стать сподвижниками? Вот, наверное, какие мысли примирили Коко с неизбежностью дальнейших отношений с Боем…

Но как бы там ни было, она долее не могла оставаться у Боя в квартире на бульваре Малешерб. При посредничестве Миси она нанимает меблированную квартиру близ моста Альма, в доме 46 по набережной Билли (ныне набережная Токио). Это была простая квартира на первом этаже, но с весьма любопытной обстановкой.

Альков, равно как и передняя, сплошь увешан зеркалами; плафон покрыт черным как смоль, блестящим лаком, а надо всем властвовал, следя неотвязным взором, золоченый Будда.

Этот декор надолго западет в душу Габриель, и она будет в течение всей жизни, переезжая на новые квартиры, воспроизводить его детали и элементы в их интерьерах. Ее, плененную болезненными воспоминаниями о Бое, будет неотвязно преследовать его образ мышления…

* * *

В эту эпоху Париж уже не был тем прежним, довоенным городом-праздником, и еще менее он напоминал город света. Чтобы пилотам вражеских бомбардировщиков не так-то легко было найти столицу, стекла фонарей закрасили синим, и оттого свет их сделался призрачным и зловещим.

Однажды в марте 1918 года парижан потрясло непонятное событие: 23-го числа на город упало восемнадцать бомб, унеся жизни пятнадцати человек и ранив тридцать; при этом никаких немецких летательных аппаратов в небе не было. А случилось вот что: немцы, войска которых стояли в 120 километрах от Парижа, соорудили пушку с невиданной дотоле дальнобойностью. Следовательно, то, что парижане приняли за авиабомбы, оказалось артиллерийскими снарядами. Пушка «Большая Берта», названная так в честь супруги конструктора, мадам Крупп фон Болен, была установлена в лесу Сен-Гобен, в окрестностях Суассона. У нее был 240-й калибр, а ствол такой длины, что требовался специальный стальной костыль, чтобы он не переломился пополам. Еще большая трагедия случилась 29 марта: снаряд попал в церковь Сен-Жерве, что позади ратуши, как раз во время службы на Страстную пятницу. Под рухнувшим сводом погибли восемьдесят верующих и ранены еще двести… Обычно эти снаряды разрушали только верхнюю часть здания, и те, кто имел средства, переселялись в нижние – с первого по четвертый – этажи парижских гостиниц, как, например, отель «Мерис» или «Терминюс»; другие же во множестве покидали Париж. Опасность была тем страшней, что никакая сирена не могла предупредить парижан о начале обстрела, чтобы те успели укрыться в убежищах. Кроме того, в налетах на Париж участвовали «готы» – большие двухмоторные трехместные бомбардировщики, которые в хорошую погоду всякий раз примерно к одиннадцати вечера несли столице свой смертоносный груз. Их белесые с черными крестами силуэты

вырисовывались в перекрестье лучей прожекторов – это стало аттракционом для парижских зевак, которые либо не сознавали опасности, либо решили: чему быть, того не миновать. Эта публика собиралась кучами на парижских мостах, чтобы получить более полное впечатление от изысканного зрелища.

Для тех, кто любит театр, но не настолько, чтобы рисковать жизнью, изобретательный Гюстав Кенсон оборудовал в подвальном помещении зал на 400 мест. Зал так и назывался – «Абри», что значит «Убежище», и театралы аплодировали в нем премьере оперетты «Фифи»…

Габриель не забыла о тех своих клиентках, кого рев сирен внезапно загонял в подвалы. Она придумала для них специальную пижаму из белого или бордового атласа. Таким образом дамы, отказавшись от ночных сорочек, оставались по-прежнему соблазнительными даже в совершенно не подобающей для этого обстановке.

По-прежнему чуткая к реальным условиям, в которых приходилось жить женщинам ее эпохи, Габриель обратила внимание, что за отсутствием «механиков» (то есть шоферов), которые все были мобилизованы на фронт, ее клиенткам много приходится бегать на своих двоих. Она сшила для них прорезиненные плащи-дождевики на манер шоферских; эти плащи были снабжены широкими карманами и быстро застегивались. Коко решила их в черном, белом, розовом или синем… Это был мировой триумф: в Соединенных Штатах, в Бразилии, в Аргентине их расхватывали, как горячие пирожки.

Тем временем дела Франции шли далеко не так успешно. Между мартом и июлем 1918 года Людендорф предпринял четыре массированных наступления, в результате чего немецкие войска достигли леса Виллер-Коттре, в 65 километрах от Парижа… Ситуация почти вернулась к состоянию на сентябрь 1914 года. Миллион парижан покинули город. Англичане организовали посадку своих войск обратно на суда в портах Кале и Булонь – Дюнкерк оказался слишком близко от линии фронта. В чем же причины такого поражения? Их легко было предвидеть: Германия смогла бросить на Францию множество закаленных в боях дивизий, высвобожденных в результате выхода русских из войны. Американцы же смогли эффективно выступить на стороне союзников лишь в начале августа…

В течение лета 1918-го Коко, помимо поездок по профессиональной надобности в Довиль и Биарриц, отправилась для прохождения курса лечения в Юриаж, что в Изере. Там ею увлекся драматург Анри Бернштейн. Коко и Анри устроились на «Вилле садов», где поселилась также Надин де Ротшильд.[35] Был

ли Бернштейн любовником Габриель? Этого нам не узнать. Но факт тот, что победам этого страдавшего булимией донжуана было несть числа. И можно предположить, что поступок Боя по отношению к Коко позволил ей вернуть себе свободу.

Значит, приключение между ними вполне могло иметь место. Известно также, что в гости к мужу на восемь дней приезжали Антуанетта Бернштейн с дочерью Жоржеттой; взаимопонимание между мадам Бернштейн и Коко было удивительным. На фотографиях той поры все трое запечатлены одетыми в те самые знаменитые пижамы из белого атласа, *которые* Коко ввела в моду. Эти пижамы уже «унисекс», как теперь говорят; но на сей раз они сшиты для прогулок под ласковым солнцем, а не для пребывания в мрачных бомбоубежищах, как было бы несколько месяцев назад. Не стоит удивляться теплоте отношений между Антуанеттой и Габриель. Габриель уже была знакома с четой Бернштейн и, в частности, с Антуанеттой, которая была ее клиенткой в Довиле и Париже, перед тем как вышла замуж в 1915 году. Было ли, не было между Бернштейном и Габриель короткого приключения, но и после отдыха на курорте они продолжали встречаться и переписываться. Габриель даже сделалась сердечной советчицей более молодой, чем она, Антуанетты, о чем свидетельствуют многочисленные письма Габриель, сохраненные дочерью драматурга, мадам Жорж Бернштейн-Грубер. Две корреспондентки сочувственно относились друг к другу еще и потому, что у обеих был опыт отношений с мужчинами одного типа, совершенно неспособных на верность. Со своей стороны, Анри Бернштейн любезно предупредил о том Антуанетту еще до того, как они стали женихом и невестой: такой «артист», как он, никогда не сможет быть мужчиной для одной женщины, иначе он попросту «умрет для своего искусства». Но это не мешало ему питать к ней «несказанную нежность». А что касается Боя, то он не делал даже попыток сказать в свое оправдание, что он «артист», что он принадлежит к той же самой породе мужчин, и не скрывал этого.

Итак, когда впоследствии Бернштейн изменил Антуанетте с Одеттой Перейр, Коко своими письмами пришла на помощь молодой женщине, утешая ее, расточая слова воодушевления: «Все не так страшно, крошка моя Антуанетта, будущее – оно в ваших руках! Чаще думайте, думайте об этом! (…) Не утомляйте себя, думайте о том, чтобы быть красивой! Это тоже не следует недооценивать».

В другой раз, когда Антуанетта твердо решила не участвовать в костюмированном бале, потому что знала – ее муж встретится там со своей любовницей, вмешалась Коко – пригласила к себе,

нарядила так, как это умеет только она, сделала макияж, буквально влила ей в глотку два крепчайших коктейля – и, как добрая фея Золушку, отправила на бал… Чувствовала ли она себя виноватой перед Антуанеттой? Или это – знак чистой дружбы и женской солидарности в беде?

Все это не мешало Габриель оставаться подругой Анри Бернштейна. Позже она – теперь уже она! – даст ему огромную сумму денег, чтобы он мог выкупить театр «Жимназ». Годы спустя он, потративший столько денег на женщин, не переставал этому удивляться и говорил: «Это единственная из них, которая дала мне денег!»

После заключения перемирия между союзниками и Германией Анри и Габриель продолжали встречаться – в присутствии Антуанетты либо без нее. Свидетельством тому – строчки из дневника бывшей метрессы Анри, красавицы Лианы де Пуги, датированные 12 сентября 1919 года: «Бернштейн заявил о своем появлении огромным букетом огромных красных роз. Он представил нам Габриель Шанель – по тонкости своего вкуса это была поистине фея, по взгляду и голосу – женщина как женщина, но по короткой прическе и хрупкой гибкости – уличный мальчишка-сорвиголова».

* * *

Военное положение союзников, столь критическое еще в июле 1918 года, быстро улучшалось, и в конце концов ситуация переломилась. Прибытие на фронт американцев и участие в боях сотен танков «Рено» сделали возможным – в августе и сентябре – два победных наступления, полностью освободивших территорию Франции. Кроме того, в Лотарингии готовилась гигантская операция, имевшая целью вторжение на территорию Германии. Последняя, брошенная союзниками, изнуренная да вдобавок охваченная пламенем революции, запросила о перемирии и 11 ноября получила его.

Париж быстро изменил свой облик. Лампы и фонари засияли с новой силой. Вновь стали проводиться скачки в Лоншане, и это стало поистине праздником. Французское общество охватила невероятная лихорадка развлечений – ведь так хотелось стереть из памяти четыре года траура и тревог. Начинался период, получивший совершенно точное определение – «сумасшедшие годы». Одним из его самых очевидных проявлений явилось повальное увлечение танцем. Танцевали повсюду и в любое время дня и ночи. Даже в театрах, едва объявляли антракт, люди

моментально вскакивали с кресел и бросались в фойе и пускались в пляс – точнее, просто двигались в такт. Когда же давали звонок, приглашавший в зрительный зал для продолжения спектакля, слышался всеобщий вздох разочарования. Некоторые театры, как, например, «Мариньи» или «Буфф-Паризьен», открывали свои залы для публики в восемь часов вечера, чтобы зрители успели сплясать перед подъемом занавеса несколько танго и фокстротов.

В этой атмосфере эйфории и без того существенные цифры оборота дома Шанель полезли вверх с новой силой. Но это было для нее слабым утешением. Что толку-то, если она была не в состоянии разделить всеобщую радость! Одиннадцатого ноября она попыталась было, прицепив сине-красно-белую кокарду на грудь, присоединиться к ликующей толпе на бульварах (которых было не узнать, так они были расцвечены флагами!) и обниматься с прохожими… Какое там! Ее лицо оставалось каменным… Ведь на торжество она пришла одна…

Кстати, она более не жила в Париже. Бой настойчиво советовал ей нанять жилье где-нибудь в окрестностях: «Ведь тебе так хорошо за городом, на вольном воздухе!» Хотел ли он таким путем удалить от себя стесняющую его теперь любовницу? Или желал по-прежнему посещать ее, но в полной тайне? Последнее предположение ближе к истине: с одной стороны, у него теперь будет законная супруга, с помощью которой он полноправно утвердится в высшем обществе, с другой – обожаемая метресса, отношения с которой останутся в точности теми же, что и в прошлом. Трудно представить себе более практичное решение проблемы…

Покорно прислушавшись к совету, Габриель выбрала для проживания Рюэль, в непосредственной близости от Мальмезона и пруда Сен-Кукуфа (это, кажется, там Жозефина де Богарне, катаясь на лодке с царем Александром I, подхватила пневмонию, которая и свела ее потом в могилу). Наняла виллу «Миланез», откуда открывался чудесный вид на столицу. Парк изобиловал лилиями и кустами роз, к аромату которых будущая создательница духов «Шанель № 5» была особенна чутка. Вскоре она приобрела двух огромных волкодавов, которых назвала Солнце и Луна, – помните мозаики в Обазине, которые так очаровали ее в детстве? Не одиночество ли заставило ее вспомнить прошлое, в котором она была отнюдь не так счастлива? Видимо, неясное творилось у нее на душе – она стала относиться к прошлому с некоторой идеализацией, и воспоминание о нем дало ей немного утешения.

После женитьбы Артур вернулся в Париж. Ничто не изменилось в его отношении к Габриель, изменились лишь места

их встреч. Представим-ка их на прогулке по окрестным лесам – вот бредут по дорожке две фигуры, а далеко впереди бегут их собаки. Под ногами хрустят рыжие осенние листья; вот они выходят к пруду, поросшему кувшинками. Романтическая картина, если взглянуть со стороны. Действительность была куда жестче. Габриель не могла быть довольна судьбой. Необходимость держать свою сердечную жизнь в тайне – при том, что в профессиональной деятельности она становилась персоной первого плана, работающей под прицелом текущих обстоятельств, – она переносила с болью. Ее гордость не в силах была примириться с двусмысленностью ее положения, но страсть, которую она испытывала по отношению к Кэпелу, всякий раз смиряла бунт в ее душе.

Ну, а у Боя как будто удалось все… Но это только на первый взгляд. Супруга быстро приелась ему – слишком уж бесцветной казалась она в сравнении с такой взбалмошной, остроумной, насмешливой Коко! Выходит, социальные и политические амбиции стоили ему личной жизни? – спрашивал он себя.

Между тем жена ждала от него ребенка, который появился на свет в апреле 1919 года. На роль крестного отца приглашен сам Клемансо. На свет явилась девочка, зачатая – судя по времени рождения – аккурат перед бракосочетанием, что в кругах высшего британского общества, куда так страстно рвался Бой, не могло быть радостно воспринято. Да и сам папаша был крайне разочарован: ему был абсолютно необходим наследник мужского пола для продолжения фамилии.

* * *

Теперь, когда ее успех в от кутюр был гарантирован, Коко требовались более просторные помещения для мастерских. В конце сентября она переезжает в дом номер 31 по рю Камбон, оставив ателье в доме номер 21, где она располагала патентом модистки, из которого давным-давно выросла. Отныне дом 31 станет святилищем фирмы Шанель, каковым является и по сей день. Теперь Габриель требовалось также авто, соответствующее ее социальному статусу, а уж за ценой она не постоит. Она заказывает темно-синий «Роллс» с обитой черной кожей салоном. Черный цвет, тень и строгость и здесь останутся ее маркой… И это в области, где царствовали веселые цвета – красный, синий, зеленый, канареечно-желтый… Это с ее легкой руки пошла мода на черные кузова автомобилей! Она и в этой области станет законодательницей представлений о высшем шике, как за

несколько лет до того стала законодательницей мод в от кутюр…

Естественно, она наняла «механика», как тогда называли шоферов. Она платила ему жалованье всю жизнь, даже после того, как он давным-давно стал непригоден к работе. Ввиду частоты поломок необходимо было, чтобы водитель досконально знал механику. Этот же шофер нашел некоего Рауля, который каждый день, ближе к полудню, распахивал у дома на рю Камбон дверцу «Роллса», откуда с королевской статью выходила дочь нимского бродячего торговца. Стоявшая у окна «на наблюдательном посту» девочка на побегушках мигом извещала работниц о прибытии «хозяйки»; весть немедленно распространялась среди персонала, и все с усердием принимались за работу, так как «мадемуазель», как ее теперь стали называть, была крайне требовательна к конечному результату работы. Порою настроение у нее бывало столь чудовищным, что диву даешься, какая муха ее укусила. Это проявлялось в бешеных вспышках гнева, совершенно не соизмеримых с тяжестью имевшего место или только кажущегося проступка. Но на следующий день она забывала, что накануне метала громы и молнии; гнев исчезал, словно ничего не было, и к жертвам своим она обращалась спокойным тоном, благожелательно и даже – как ни в чем не бывало – проявляла к ним щедрость. Но… поймем ее правильно! Нужно только представить себе всю тяжесть раны, нанесенной интимной стороне ее жизни, и станет ясно, что подобные вспышки – следствие не злого характера ее натуры, а ударов судьбы.

* * *

Желающий проследить жизнь и судьбу Габриель Шанель едва ли преуспеет в этом, если упустит из виду, чем обязана законодательница мод дружбе с Мисей Серт, зародившейся двумя годами ранее.

Впоследствии Мися поведает в своих воспоминаниях, что она с первой же встречи поняла, сколь важную роль для своего столетия будет играть Габриель, далеко выйдя за рамки роли высо-коталантливой кутюрье. Сравнивая Коко с неограненным алмазом, Мися льстит себе, что первая вытащила ее из наезженной колеи, и с гордостью признается, что первая была ослеплена ее блеском… Возможно, в этих заявлениях такой по-славянски страстной женщины, как Мися, и есть доля преувеличения. Но в своей сущности они вполне точны: именно супруг Серт, и в первую очередь Мися, по-настоящему ввели

Габриель в круги высшего общества (к чему Бой, слишком увлеченный собственными светскими амбициями, предпринимал лишь слабые попытки). Вдобавок она познакомила Габриель со всеми художниками и писателями, с которыми водила дружбу. И не кто иная, как Мися, открыла ей глаза на мир литературы и искусства, в которых Коко, несмотря на похвальные усилия Артура Кэпела, еще не слишком разбиралась.

«Не будь Миси, я так и умерла бы полной идиоткой», – призналась Габриель с несколько избыточным уничижением Марселю Хедриху. А ведь ей суждено будет стать одной из самых великих меценаток, каких только знала история!

Начиная с 1917 года Мися вводит свою подругу в круг ведущих мастеров культуры – таких, как Дягилев, Нижинский, Борис Кохно, Серж Лифарь, Стравинский, Пикассо, Сальвадор Дали, Кокто, Реверди, Радиге, Макс Жакоб, Сати, Орик, Мийо, Пуленк, Раваль… И многие из этих великих творцов не уставали рассказывать о том, над чем сейчас трудятся: о балете, который вскоре увидит сцену, о полотне, которое вот-вот будет закончено, о музыке, которая теперь сочиняется, о романе, который сейчас пишется… И о проблемах, которые при этом встают перед художником. Трудно представить себе более действенную и плодотворную школу, способную вывести на свет Габриель, в свои тридцать четыре года по-прежнему страдавшую от недостатка знаний. Теперь у нее появился шанс быть свидетельницей рождения шедевров! Присутствуя при обмене мнениями и предложениями, она прониклась сознанием, что есть литературное или художественное творчество. И с энтузиазмом воспринимала все связанные с ним аспекты.

Вполне возможно, она и себя считала художницей. Разве, задумывая очередную коллекцию из десятков новых моделей, не становилась и она причастной к миру великих творцов? Бог знает сколько она приложила воображения, фантазии и вкуса, колдуя над новыми выдумками. Но, как это ни парадоксально, она считала глупостью, когда о ее деятельности говорили как об искусстве: «Мы всего лишь поставщики», – многократно повторяла она, почитая смешным претензии своих подруг по ремеслу быть чем-то большим, нежели простыми мастерицами… Но действительно ли она так считала или просто бросала это как кость критикам и злопыхателям?

* * *

Летом 1919 года младшая сестра Габриель, 33-летняя

Антуанетта Шанель, встретила молодого канадца, прибывшего добровольцем в Европу служить в британских воздушных силах. Полный энтузиазма и свежести мысли, он импонировал ее личности. Его авиаторский костюм и в особенности форменная фуражка живо взволновали наивную душу Антуанетты. Избранник ее сердца был младше ее на целых восемь лет, и звали его Оскар Эдвард Флемминг. Отец его был адвокатом в Торонто, а сам он жил в городе Виндзор… Звучит неплохо! По уши влюбившись в этого самого Оскара, тая в его объятиях, она уже грезила о роскошной жизни, которую будет вести и на этом, и на другом берегах Атлантики. Шикарные наряды – естественно, от Шанель – сделают ее самой элегантной и обожаемой женщиной во всей округе. И познает она счастье, которого никак не удавалось достичь бедняжке Габриель…

Свадьба состоялась в Париже все в том же 1919 году. Свидетелями у Антуанетты были не кто иной, как Артур Кэпел и «вечный жених» Адриенн Морис де Нексон. Были там также Леон де Лаборд, Этьен Бальсан, Жанна Лери, Габриель Дорзиа… Ну, словом, вся веселая компашка из Руалье. Не забудем упомянуть о роскошном свадебном платье невесты и шикарном «Роллсе» – откуда они взялись, догадаться несложно.

Вскоре после свадебной церемонии молодожены уехали в Канаду. Они должны были поселиться у родителей Оскара в Виндзоре. Виндзор в Канаде – совсем не то, что Виндзор в Англии: это промышленный город близ границы с Соединенными Штатами, по другую сторону которой расположена столица империи Форда – Детройт. Антуанетта летела навстречу своему будущему как на крыльях. Она взяла с собой горничную. Багажное отделение парохода приняло в свое чрево не менее восемнадцати тяжелых чемоданов с бирками, на которых значилось ее имя. В них находилось немыслимое количество туалетов класса «люкс», с помощью которых она надеялась произвести впечатление на новую семью. Ну а если их окажется слишком много, носить – не переносить, так всегда можно что-нибудь продать по хорошей цене… Впрочем, какие сейчас могут быть речи о деньгах? Разве не очевидно, что у Оскара их куры не клюют?

Однако месяцы, последовавшие за прибытием молодой четы в Канаду, обернулись для Антуанетты долгой цепью разочарований. Прежде всего от нее под надуманным предлогом ушла горничная. С другой стороны, недоразумения стали множиться из-за того, что новобрачная не говорила по-английски, а семья ее благоверного ни слова не знала по-французски. А главное, она курит как *паровоз, особенно на* публике! Дурной

пример заразителен, и ее юные золовки задымили по-черному. В глазах свекра и свекрови она предстала одною из тех француженок, которые понятия не имеют о морали и не упускают случая посеять смуту в самых добродетельных семьях. Наконец, семья Флемминг захотела, чтобы Оскар закончил курс учебы на юридическом факультете в Торонто, в трехстах километрах от Виндзора; но они были против того, чтобы супруга поехала с ним – мол, это отвлечет его от занятий. Оставшись одна в Виндзоре, Антуанетта умирала с тоски. А главное, она очень быстро обнаружила, что у Оскара и его семьи никогда не было средств – они попросту кое-как перебивались. Разумеется, она известила о ситуации Коко. Та, чтобы занять сестру делом, поручила ей представлять дом Шанель в Канаде. Но дело не пошло. Туалеты, которые она предлагала покупателям, не нравились. Сохранившая канонические вкусы канадская публика находила их слишком эксцентричными. Доведенная до отчаяния Антуанетта готова была бросить все – мужа. Флеммингов, Канаду, только бы вернуться во Францию! И как раз в это время приходит просьба от Габриель принять в Виндзоре аргентинского студента девятнадцати лет, который после учебы в Париже хочет побывать в Канаде, прежде чем вернуться к родителям. Этот юноша, выходец из достаточно благополучной семьи, во всем являл собой стереотип южноамериканца: блестящая гагатовая шевелюра, кожа с оливковым оттенком, приводящая в замешательство речь скороговоркой, притом с таким акцентом, что его едва можно было понять. Если не брать в расчет юный возраст, он во всем походил на авантюриста из водевиля Федо. Оставив своего Оскара, который надоел ей как горькая редька, Антуанетта быстро покорилась экзотическому шарму молодого аргентинца, который к тому же оказался превосходным танцором танго. Упрашивать ее ехать с ним в Аргентину ему долго не пришлось. В итоге в Виндзоре она пробыла каких-нибудь десять месяцев; идиллия с аргентинцем оказалась еще короче. В итоге Антуанетта оказалась одна в чужой стране без гроша в кармане. Габриель и тут пришла ей на выручку – прислала деньги и снова поручила ей возглавить представительство дома Шанель, на этот раз в Южной Америке. Несколько месяцев спустя Антуанетта уйдет из жизни при не разгаданных до сих пор обстоятельствах. Пала ли она одной из бесчисленных жертв свирепствовавшей в те годы «испанки»? Или покончила с собой после перенесенных испытаний? Вот такие существуют две гипотезы, в подтверждение которых ничего не удалось открыть.

Итак, в 1913 году не стало Джулии, в 1920-м покинула этот мир Антуанетта – из трех сестер на этом свете осталась одна

Коко.

* * *

Ну а как сложилась в ту пору судьба других членов семьи? Отец Коко ни в малейшей степени не напоминал того мифического персонажа, владельца огромных виноградников, которого себе в утешение придумала юная воспитанница Обазина. Оставив гостиницу в Бриве, он снова взялся за свое ремесло ярмарочного торговца. Карман отпетого бродяги – что с него возьмешь! – как всегда, был дырявый. В 1909 году его второй сын Люсьен, которому тогда было двадцать лет и который все же простил непутевого папашу, нашел его на рынке в Кимпере, где тот торговал рабочей одеждой. Он жил с некоей дамой, такой же беспробудной забулдыгой, которая, едва Альберт отвернулся, принялась строить глазки Люсьену… Ошарашенный таким поворотом событий, молодой человек, которого отец пригласил поработать вместе с ним, тут же дал деру. Он кинулся в Варенн-сюр-Алье, где доживал свой век со своей супругой его дедушка Анри-Адриен, которому было без малого восемьдесят лет. Недалеко от них жила тетушка Джулия и железнодорожник Костье; время от времени из Виши приезжала Адриенн повидать всех четверых; но ее экстраординарная элегантность приводила в замешательство обывателей городка, распускавших по ее адресу нескончаемые сплетни. В Варение Люсьену задавали множество вопросов об отце; сначала он рассказал все, что видел собственными глазами, затем – то, что услышал о нем от сожительницы (она была слишком пьяна, чтобы врать!). Он узнал, что Альберт какое-то время скрывался, разыскиваемый жандармерией, а за что – она сама не имела понятия… То ли за обман покупателей, то ли за сокрытие и продажу краденого… После рассказа Люсьена Альберт был окончательно заклеймен как позор семьи. Все члены семьи единодушно решили, что для них он более не существует, и даже имя его исчезло из разговоров.

Ну а Люсьен поначалу пошел по стопам отца, занявшись ярмарочной торговлей. Женился, но вскоре, в 1915 году, был мобилизован в армию и попал в 92-й пехотный полк, расквартированный в гарнизоне в Клермон-Ферране. Он не упускал случая нанести визит своей сестре Габриель, где его всегда ждал хороший прием.

Но, как это ни любопытно, она не высылала ему, как своему другому брату Альфонсу, ежемесячного пособия в 3000 золотых

франков (что в те времена равнялось жалованью префекта!). Вероятно, такую щедрость можно объяснить – хотя она особенно и не сознавала это – тем, что этот человек возбуждал в ее сознании мысли об отце, воспоминания о котором никогда не оставляли ее. Не был ли он, любитель приложиться к бутылке, как и папаша, хронически в долгах и, как папаша, любитель ухлестывать за юбками? Отсюда и снисходительность, продолжавшаяся вплоть до 1939 года, когда она повесила замок на дверь своего модельного дома и, судя по всему, стала куда меньше интересоваться семьей.

Тем не менее Габриель любила детей Альфонса и даже обеспечила им получение среднего образования в Ниме и Алесе, о чем в ту эпоху люди со скромным достатком не могли и помышлять. При всем том в отношении Габриель к своей семье периоды привязанности чередовались с периодами отчуждения. Когда Альфонс приезжал на рю Камбон повидаться с нею, то не осмеливался опаздывать: ведь в этом случае сестрица могла запросто бросить ему: «Убирайся прочь!» Большую часть времени Габриель напрочь отказывалась от прямых контактов с супругами, подругами и детьми своих братьев; зато не стеснялась писать им и отвечать на их письма или же просила Адриенн оказать им ту или иную услугу. Естественно, посылала им одежду. Кстати, ей очень хотелось заставить своего племянника Ивэна Шанеля, одного из трех детей Альфонса, серьезно взяться за учебу и вообще заняться им как собственным сыном, которого она так никогда и не сможет завести. Но его родители отказали ей. В итоге этот вертопрах и завсегдатай кабачков, унаследовавший, как и большинство Шанелей, тягу к бродяжничеству, закончил служащим почтовых железнодорожных вагонов. Нечего и думать, что он хоть раз навестил свою тетку, чьи надежды так жестоко обманул.

* * *

22 декабря 1919 года. Рюэль. Вилла «Миланез». Четыре часа утра. У ворот резко тормозит машина, да так, что щебенка летит из-под колес. Из машины выскакивает человек высокого роста, взбегает по лестнице и нервно трезвонит в дверь. Жозеф, бывший камердинер Миси, которого Габриель два года назад взяла к себе на службу, взволнован: что же могло приключиться в столь ранний час?! Высунувшись из окна второго этажа, он не может узнать посетителя… Тот называет себя: Леон де Лаборд. Он приехал сообщить о несчастье, случившемся с капитаном

Кэпелом.

Жозеф открывает визитеру и проводит в гостиную.

– Быстрее, будите мадемуазель! – просит он.

– А нельзя ли подождать до завтра? – пробормотал Жозеф. Предвидя, какой шок вызовет у Габриель известие, он считал за лучшее промедлить…

Но Лаборд настаивал, и тому пришлось покориться.

Позже Лаборд расскажет о тягостной сцене, свидетелем которой ему довелось стать… Вот показалась Габриель, одетая в белую пижаму. «Силуэт подростка, юноши, закутанный в атлас». Она. обычно скрытная в своих эмоциях, на сей раз была не в силах скрыть страдания. У нее из уст не вырвалось ни слова, ни крика, из глаз не скатилось ни единой слезинки. Она буквально окаменела…

Неловко себя чувствуя, Лаборд пытался оттянуть сообщение о самом страшном.

– Не надо, мосье. Мадемуазель все поняла, – тихо прошептал Жозеф.

Так что же произошло? Бой ехал со своим шофером Мэнсфилдом в Канны, где его ждала жена, чтобы вместе отметить рождественские праздники. В ту пору путь из Парижа в Канны на автомобиле занимал 18–20 часов, и это не считая остановок в пути. Между Фрежюсом и Сен-Рафаэлем у автомобиля, по-видимому, лопнула шина, и он на всем ходу полетел в кювет. Шофер отделался легкими ранениями, но Артур, у которого был проломлен череп, скончался на месте.

Едва оправившись от потрясения, вызванного страшной вестью, Габриель потребовала, чтобы Лаборд безотлагательно вез ее туда. Забрезжил рассвет. Только переодеться в дорожный костюм – и в путь. Машину по очереди вели шофер Лаборда и сам Лаборд. В Канны прибыли в три часа утра. Их встретила сестра Боя Берта. Увы, тело уже положено в гроб, и, судя по всему, похороны состоятся во Фрежюсе. Нет, на похороны она не пойдет. Что такое похороны? Одно притворство…

Несмотря на усталость, она наотрез отказалась лечь спать. Пожелала только, чтобы ей подали кресло. Едва рассвело, она попросила отвезти ее одну на место катастрофы. Свидетелем был лишь шофер. Габриель обошла вокруг искореженного металла, еще недавно бывшего машиной. Потрогала рукой обожженное железо, от которого еще пахло паленой резиной. Наконец она села на обочину, повернула опущенное лицо к солнцу – и рыдала, рыдала часы напролет. Она потеряла единственного человека, кого ей было суждено полюбить…

6
БЕЗУМНЫЕ ГОДЫ

Продолжать жить в местах, озаренных присутствием Боя, слышать его голос, доносящийся сквозь время, ждать, что он вот-вот покажется из коридора на ступеньках крыльца, – все это было свыше ее сил. Габриель покидает виллу «Миланез» и покупает виллу «Бель Респиро» в Гарше, на углу улиц Эдуард-Детай и Альфонс-де-Невилль. Акт о покупке датирован концом марта 1920 года. Разумеется, туда же она перевела своего камердинера Жозефа, его супругу Марию, служившую у нее экономкой, и шофера Рауля. Прибавим к ним собак – Солнце, Луну и их пятерых щенков. Все собачье семейство вместе называлось Большой Медведицей, так как в этом созвездии семь звезд. Новое жилище Коко было обширнее, чем прежнее; обширней был и парк при нем. Более всего нравился ей открывающийся из ее виллы панорамный вид Парижа, подернутый золоченой дымкой. Ей казалось, что на холмах Гарша, вдали от парижской суеты, она сможет наконец восстановить силы, необходимые для той изматывающей жизни, которую она вела в столице. Да, кстати, о том говорил и двойной смысл итальянского названия виллы: место, где привольно дышится, и место, где можно перевести дух в горячке бурных дней. Именно этого она и желала. Позже, покинув «Бель Респиро», она назовет свою южную виллу «Ла Пауза» – все говорит о том, что проблема передышки в гуще взбалмошного существования волновала ее постоянно.

На следующий день после гибели Боя Коко заперлась у себя на вилле «Миланез», как в монастырской келье. Первое, что она сделала, – распорядилась вынести ковры, чтобы убрать в черное стены и потолки спальни. Черными должны были быть также занавески, простыни, покрывала… В этом отразился ее темперамент, доходящий до крайностей, а может быть, и воспоминания детства – она помнила, что овдовевшие крестьянки и вообще женщины из сельской местности, начиная с определенного возраста, облачались в сплошь черный траур. А разве она, в свои 37 лет, не постарела разом от жуткого удара, постигшего ее той зловещей ночью 20 декабря 1919 года? «Эта смерть, – позже скажет она, – явилась для меня тягчайшим ударом. Со смертью Кэпела я потеряла все». Вот откуда мысль затвориться, как в склепе… И слава богу, что вскоре ее неистощимая энергия и жажда жизни взяли свои права. Она задыхалась в своей гробнице. Она пожалела о том, что поддалась

минутной слабости – она, которая всегда проповедовала добродетели силы воли. Габриель велела приготовить ей постель в другой комнате, в розовых тонах… Нет, конечно, она не собиралась вычеркивать из памяти человека, которого любила. Просто отныне она затаит от всех свою рану. И поклянется долее не ходить с душою нараспашку.

Это не мешало ей, оставаясь в своей комнате наедине с собой, воскрешать в памяти одну за другой картины своей жизни с Боем. К примеру, не кто иной, как он, обнаружил у нее сильную близорукость, не позволявшую ей четко видеть, кроме как совсем вблизи. Он нежно взял ее под руку и повел к врачу. Едва нацепив первые в своей жизни очки, она так и застонала на месте: до того уродливыми показались ей люди вокруг! Бе миопия идеализировала их… Ох и нахохотались они тогда вместе с Боем как сумасшедшие!

Другие воспоминания были не столь приятны. В той же комнате она вспомнила клинику, куда она попала после выкидыша. Хирург оказался бессилен. У нее никогда не будет ребенка от Боя. По-видимому, причиной всему был аборт, который она сделала еще в Мулене в ужасных условиях, что привело к непоправимым последствиям. Доктор Фор не скрывал этого от нее. Теперь Диана, законная жена Кэпела, ожидала от него ребенка, а она, Габриель, никогда не сможет его ему подарить.

Несколько недель спустя Габриель узнала от Эженора де Грамонта, душеприказчика Артура, что ее возлюбленный не забыл упомянуть ее в своем завещании. Из 700 тысяч фунтов, оставшихся после Боя, Габриель досталось 40 тысяч, равно как и другой женщине – некой итальянке, потерявшей на войне мужа. Бой также оставил немного денег своим сестрам, остальное получила его законная супруга Диана. Коко не была особенно удивлена, когда ей открылось существование метрессы-итальянки, которую ее любимый упомянул в завещании, да и не проявила ревности: она слишком хорошо знала Артура.

Тем более что теперь все это было не так уж важно: мертвые сраму не имут.

Хуже было другое: в своем смятении Габриель не знала, к кому обратиться, чтобы хоть немного утешиться. На поддержку со стороны семьи рассчитывать не приходилось. Была, конечно, добрая душа Адриенн, но она была слишком поглощена своим «принцем», чтобы хоть чем-то помочь своей племяннице. Ну а подруги? Можно ли всерьез рассчитывать на Женевьеву Викс или Мод Мазюель? Эта последняя имела счастье вскружить голову богатейшему техасцу в огромной шляпе, который увез ее за океан.

А что же Мися? Она проявила неожиданное участие, доходящее до странности. Но можно ли верить в искренность привязанности, которая рискует ни с того ни с сего исчезнуть так же внезапно, как и зародилась? Нет, не стоит слишком доверять капризному характеру этих славян.

Итак, в часы, когда она не была занята работой, ставшей для нее истинным убежищем, она запирается в своем «Бель Респиро». К величайшему удивлению соседей, она велит покрасить ставни в черный цвет – это примерно как повязка траурного крепа на шляпе. И она, по возможности, старается избегать контактов с Бернштейнами – Анри и его женой Антуанеттой, – чье владение находится по соседству, отделенное от ее виллы только простой живой изгородью из грабов.

Однако в начале лета Габриель, дотоле под разными предлогами отклонявшая приглашения Миси, наконец согласилась встретиться с нею. Возможно, она и впрямь блажит, что наглухо затворяется в своем «Бель Респиро» и погружается в свою неврастению (как тогда называли депрессию), как ей неустанно повторяет подруга. Нет, все-таки не следует доверять этой польке! Сколько раз доброжелатели нашептывали ей – мол, ее привлекло твое горе, как пчелу привлекает запах иных духов. «Она щедра, – скажет впоследствии Коко, – когда страдают. Она готова отдать все – отдать все! – добавила она, – чтобы страдали дольше». Такова извращенная сложность характера этой из ряда вон выходящей дамы, с которой Габриель тем не менее водила дружбу, но всегда была начеку: трудно сказать, чего от нее можно ожидать, добра или зла.

По приглашению Миси – с которой она общалась больше по зову разума, чем из удовольствия – она бывала на многочисленных приемах. Поначалу она там скучала, не открывала рта, просто прислушивалась к тому, что говорят. Кстати, ей не докучали и не задавали вопросов, а больше ей ничего не было нужно. В ее присутствии подруги хозяйки дома говорили только о скором возвращении в Париж Игоря Стравинского, пребывавшего с 1914 года в Швейцарии. Творец «Петрушки», «Весны священной» и «Жар-птицы», созданных для Дягилева, собирался вместе с ним засесть за работу над новым балетом – «Пульчинелла», декорации и костюмы к которому будут выполнены по эскизам Пикассо. Так благодаря Мисе Габриель будет принята как равная в мире искусства – художники, о которых она слышала из чужих уст, а за ними и многие другие станут ее друзьями. С уходом из жизни Артура Кэпела и вхождением в круг Миси для Габриель началась новая эпоха, в которую значительно обостряется ее восприимчивость и

расширяется сфера ее интересов.

В ту жаркую пору 1920 года исполнилось уже двенадцать лет совместной жизни Жозе Марии Серта и Мисии Годебской. Ей было сорок восемь лет, ему сорок пять. И вот неожиданно они решили заключить законный брак. Почему? Никто не мог сказать точно. Марсель Пруст, один из многочисленных друзей красавицы-польки, писал ей: «Я глубоко тронут, что Вы дали себе труд написать мне, чтобы известить меня о вашем бракосочетании, обладающем царственной красотой вещей на диво бесполезных. Какую еще жену мог бы найти Серт, а Вы – какого еще мужа могли бы отыскать, коли вы друг другу предназначены судьбою и уникальным образом достойны друг друга?»

После свадьбы, состоявшейся 2 августа в Сен-Роше, супруги Серт переехали в новое жилище – это была анфилада комнат в одном из верхних этажей отеля «Мерис», из окон которых были видны верхушки каштанов Тюильри. Вскоре после новоселья они отправились в свадебное путешествие на автомобиле по городам Италии, прихватив с собою Коко, которую хотели вырвать из той затворнической жизни, на которую она обрекла себя после гибели Боя.

В Венеции, как и в других городах Италии, куда заезжали наши путешественники, за гида был, конечно же, Жозе Мария Серт. Вообразим-ка себе этого бородатого гнома с чудовищным испанским акцентом, который превращал французский язык в невообразимую кашу. Усердно жестикулируя, он показывал двум своим очаровательным спутницам красоты Италии. Но каким бы он ни был художником, его интересовали не столько живописные сокровища, хранящиеся в музеях и храмах, сколько кипучая жизнь города. Выпить стаканчик ситро на скамеечке кафе «Флориан», отужинать на террасе над голубой гладью канала, по которой скользят черные гондолы, послушать плеск воды, которая ласкает поросшие зеленым мхом старые стены – вот что в основном предлагает он своим спутницам.

Но это не мешало ему быть всезнайкой. Он превосходно разбирался и в каталоге картин Больтраффио, и в путях странствий Антонелло ди Мессины, и в житиях святых, к которым Дюрер исполнил гравюры в возрасте четырнадцати лет, и в том, какой лак употреблял Аннибале Каррачи… Мог часами рассуждать на тему использования маренового лака Якопо Тинторетто.

Конечно, в путешествии он не дурак был покутить. Заказывал редкие вина и изысканные закуски, отчего столы становились похожими на полотна Веронезе. Габриель была не в силах

заставить его остановиться.

– Так ведь обед закажываю я, мадемуашель, – шепелявил он.

– Не заказывайте больше ничего! Я есть не буду! – отвечала Габриель, у которой аппетит был меньше, чем у канарейки.

– Хотите вы ешьте, не хотите, но я жакажу еще три порции сабайона с мараскином,[36] мадемуашель! – заявлял он.

Не обращая внимания на то, как устали его попутчицы по пути в Рим под августовским солнцем, он тащил их в Колизей, который непременно нужно было осмотреть при свете луны, и рассказывал им захватывающие истории о его архитектуре и о том, какие сногсшибательные празднества можно было бы устраивать в этих руинах.

– А вот тут, мадемуашель, можно подвесить несколько штук привязанных аэроштатов, и все – из чистого жолота, так сказать, нечто легкое, воздушное, в противопоштавлении штрогости архитектуры… Архитектура знаете что такое? Это шкелет городов! Шкелет – он весь тут, перед вами, мадемуашель: лицо без костей держаться не будет. Зато из вас, мадемуашель, выйдет очень красивая покойница!..

Но была тема, которой Коко предпочитала не касаться в разговорах с господином Сертом, – это была его живопись. Пресыщенность золотом и серебром, надутые мускулы и сумасшедшие гримасы его персонажей приводили ее в смущение, и все слова похвалы застревали у нее в глотке.

– Я чувствую, что у тебя от этого нос воротит, только постарайся, чтобы он этого не заметил, – прошептала ей на ухо Мися.

Однажды Габриель решила помолиться св. Антонию Падуанскому, чтобы тот осушил ей слезы… И вот она в церкви, перед статуей святого. Но – предоставим слово ей самой: «Передо мной на коленях стоял человек, уперши лоб в каменную плиту. Его неподвижная, исполненная боли фигура была столь грустна и прекрасна, а упершийся в пол изнуренный лоб говорил о такой усталости, что со мною случилось чудо. „Тряпка я, обыкновенная тряпка, и больше никто! – говорила я сама себе. – Как я смею сравнивать мое горе забытого всеми дитяти с отчаянием этого человека, ведь моя жизнь толькотолько начинается!“ И тут же мои жилы исполнились новой энергии. Я обрела мужество и решила: буду жить!»

Она решила начать новую жизнь сразу, как вернулась в Париж. В первую очередь она решила больше не показывать свои печали, чтобы по ее лицу нельзя было догадаться о них. Так по крайней мере никто не будет выказывать ненужной жалости, которая причиняла ей только боль. Может быть, так начавшееся

ее исцеление со временем даст эффект…

В Венеции она присутствовала, сама не вставляя ни слова, при многочисленных разговорах своей польской подруги с Сергеем Дягилевым. Сергей хотел любой ценой по возвращении в Париж поставить новую версию «Весны священной» (восходящей еще к 1913 году) в редакции Леонида Мясина. Но это требовало столь больших расходов, что постановка могла вообще не увидеть свет. Дягилев и Мися почти каждый день обсуждали различные пути поиска необходимых сумм… К кому обратиться? К княгине де Полиньяк, урожденной Зингер (из тех самых фабрикантов швейных машин), или к Мод Кунар, семья которой владеет пароходами? Нет, решение никак не приходило на ум…

Возвратившись в Париж, Габриель – щуплая брюнетка, на которую Дягилев ни разу не обратил особого внимания – бросилась в отель, где он остановился, и попросила доложить о ней. Нет, ее имя ему ничего не говорит. Он сомневается, принимать ли ему незнакомку, которая только отнимет у него время. Наконец он согласился на встречу и узнал в гостье молчаливую подругу Миси: она точно знала, какая огромная сумма была нужна Дягилеву, и протянула ему чек, превосходивший все его ожидания, – на 300 тысяч франков![37] Но поставила одно условие: никому ни слова, от кого получены эти деньги! Несмотря на обещание, данное Габриель, несколько месяцев спустя Дягилев поведал о ее щедрости своему секретарю Борису Кохно (будущему автору многих балетов и одному из руководителей труппы). Вот откуда мы знаем об этом благодеянии Коко. Возможно, настаивая на сохранении в тайне своего благородного жеста, Габриель думала прежде всего о своей польской подруге. Ведь помочь Дягилеву тем, в чем он более всего нуждался, значило вступить в соперничество с Мисей, задеть ее самолюбие. Это означало возвыситься в глазах Дягилева до уровня Миси и даже превзойти ее – ведь она спасла проект, для которого ее подруга ничего сделать не могла. Это первый эпизод соперничества между двумя женщинами, которое продлится до самой смерти Миси. То ли Дягилев проболтался красавице-польке о жесте ее подруги, то ли Мися сама догадалась обо всем, но так или иначе она почувствовала себя несколько уязвленной. Однако похоже на то, что этот эпизод не вызвал никакой ссоры между двумя подругами. Кстати, по мнению Шанель, полька была вполне способна посадить проект на мель с того самого момента, когда она переставала играть в нем существенную роль.

Это блестящее вхождение в клуб меценатов возвысило ее в собственных глазах. О, как ей это было нужно! Она ведь всего

лишь скромная кутюрье, которая добилась успеха и зарабатывает деньги – эка штука! Мы видим, что в ее глазах шитье платьев и манто, создание эскизов для юбок еще не делают из вас художника, каковым мнили себя иные из ее до смешного напыщенных тщеславием подруги по ремеслу.

Итак, она не считала свой труд чем-то более высоким, чем ремесло. Но зато она по крайней мере может благодаря продуктам своего труда содействовать расцвету шедевров. И в Дягилеве она почувствовала истинного гениального творца. Ей, как никому другому, запомнятся его внешность пушистого кота-гурмана, его смех с открытыми пухлыми губами, его отвислые щеки, добрый и насмешливый взгляд из-за монокля, черный петличный шнур которого развевался по ветру.

Как рассказывала сама Коко, это был самый очаровательный друг. Она любила его – в его стремлении спешить жить, в его страстях, в его рубище, столь далеком от легенд, в его тяге к роскошествам; ей запомнилось, как он целыми днями забывал об обеде, репетируя ночами, засыпая в театре в кресле, разоряясь, чтобы поставить хороший спектакль, знакомя самых прекрасных художников с самыми выдающимися музыкантами…

В конечном счете Дягилев, возможно, был в глазах Коко заступником искусства. Не случись ее встреча с ним – каким бы гением моды она ни была, ей бы никогда не приобрести той дополнительной значимости, которая сделала ее чем-то большим, нежели самая великая кутюрье своего времени…

Начав с Дягилева свою карьеру мецената, Коко не остановилась на этом. Узнав, что Стравинский оказался в тяжелых финансовых обстоятельствах, она пригласила его, жену и четверых его детей к себе в «Бель Респиро» погостить в холе и комфорте. В течение двух лет вилла наполнялась могучими аккордами музыки Стравинского…

Щедроты Габриель не закончились с отъездом композитора в 1922 году. Одиннадцать лет спустя он продолжал фигурировать в списке «стипендиатов Великой Мадемуазель», как называл их издатель Бернар Грассе. Об этом свидетельствует письмо Стравинского от 6 февраля 1933 года – равно как и о той нужде, в которой и доселе находился один из величайших композиторов XX века:

> «Дорогая Мися,
>
> Мне очень тяжело постоянно просить Вас о чем-нибудь и обременять Вас моими маленькими проблемами, но Вам известно, что Шанель ничего нам не посылала с первого числа, а у нас нет ни гроша, чтобы

прожить этот месяц. Прошу Вас, будьте так любезны, известите ее об этом…»

* * *

Биарриц, сентябрь 1920 года. Как всем известно, это лучший период курортного сезона. Чистый воздух, мягкий климат, повышающее тонус дыхание океана, пропитанное йодом… Едва разместив семью Стравинских в «Бель Респиро», она помчалась туда отдохнуть и, конечно же, посмотреть, как идут дела в ее тамошнем филиале. Кстати, в сентябре у нее именно здесь бывает самое большое число продаж, больше, чем в Париже или Довиле. Могла ли она предполагать, что едет навстречу одному из тех событий, которые круто поворачивали ее существование? Едва ли. Как всегда, Габриель встретила там своих друзей по Руалье, актрису Габриель Дорзиа и Марту Давелли, певицу из «Опера-комик», которая только что одержала триумф в «Мадам Баттерфляй» и «Кармен». Три прелестницы, обрадованные возможностью снова увидеть друг друга, собрались в ночном кафе. Там Давелли представила Габриель великого князя Дмитрия Павловича, кузена покойного царя, чьей метрессой она теперь была. Когда ее возлюбленный ненадолго отлучился, она шепнула Габриель на ухо: «Если хочешь, я тебе его уступлю! Он дороговато мне обходится».

В присутствии великого князя в Биаррице не было ничего удивительного. Баскское побережье, как и Лазурное, было населено русскими аристократами, которые вынуждены были бежать из России в годы, последовавшие за октябрьским переворотом семнадцатого. Вполне естественно, они съехались туда, где все напоминало о минувшем счастье. Но большинство из них, потеряв в революционном пожаре все свое состояние, в то же время сохранили в неприкосновенности вкус к роскоши, влечение к распутной жизни, увековеченное метким выражением «Турне великих князей».[38] *Чего греха таить,* общение с подобными любовниками далеко не всегда было выгодным делом для женщин. Эти прозаические рассуждения ничуть не смутили Габриель, признавшую Дмитрия писаным красавцем. Ей импонировали его высокий рост, длинные, как у всех Романовых, ноги, зеленые глаза и нечто необъяснимое, наложившее на него печать меланхолии. Ну и, конечно, неотразимый славянский шарм… Добавим к тому, что и судьба Дмитрия похожа на захватывающий приключенческий роман. Он участвовал в убийстве Распутина – зловещего старца-прозорливца,

пользовавшегося покровительством царицы Александры и державшего в руках судьбу ее сына, страдавшего гемофилией. От гнева Александры Дмитрий бежал в Персию, взяв с собой своего верного слугу Петра, добродушного двухметрового гиганта, который опекал его с самого детства. Но именно опала и изгнание в далекие от России края спасли Дмитрия от большевиков – его не было в Екатеринбурге вместе с другими членами царской семьи, его кровь не обагрила стены подвала дома купца Ипатьева, где зловещей июльской ночью 1918 года произошло зверское убийство царской семьи.

Габриель влекло к Дмитрию еще и то, что, несмотря на несопоставимость условий, в которых они дотоле жили, в началах их жизненных путей наблюдалась некая схожесть. И тот, и другая знали безрадостные годы. «Принцы крови, – скажет позже Габриель, – всегда вызывали у меня безмерную жалость. Их ремесло, когда они его исполняют, – самое грустное из всех возможных; но еще хуже, когда они не могут исполнять его». Дмитрий, внук Александра II, племянник Александра III, кузен Николая II, во младенчестве потерял мать и воспитывался исключительно нянюшками. Отец его, великий князь Павел, командовавший императорской гвардией, виделся с сыном лишь от случая к случаю. Когда мальчику исполнилось одиннадцать лет, он сам оказался в изгнании. Ребенка передоверили великому князю Сергею, московскому градоначальнику, и его жене. Но великий князь Сергей пал жертвой покушения. Очень рано Дмитрий оказался скованным условностями этикета, мешавшими ему нормально развиваться. В возрасте 12 лет он уже полковник 11-го гренадерского полка, носит блестящий мундир с бранденбурами. Он бы в сто раз охотнее играл в войну со сверстниками или в одиночку – оловянными солдатиками, но в 14 лет его производят в полковники 4-го лейб-гвардии пехотного полка. Он должен, облаченный в полную форму, командовать им на парадах, согласно точному протоколу, который нужно вызубрить и повторять без передышки. Его образование вверено наставникам и сводится к нескончаемым беседам с глазу на глаз с убеленными сединами господами, услужливыми и почтительными, но до того нудными! О, как бы хотел он быть безвестным учеником-лицеистом, играть и болтать с одноклассниками – уж он-то был бы первым товарищем по играм и шалостям! Увы, об этих забавах он знает только понаслышке да со страниц тех немногих писателей, которых ему дозволяют читать.

Сиротские детство и отрочество, в которые так недоставало радостей, оттенили его прекрасные зеленые глаза налетом

меланхолии. Кто лучше Габриель мог понять его отчаяние?!

К сказанному следует прибавить материальную нужду, в которой оказался великий князь. Об этом свидетельствовали его потертый пиджак и союзки на башмаках – вощеное покрытие с трудом маскировало трещины. Враз покоренная и растроганная Габриель пригласила Дмитрия (а было ему всего лишь двадцать девять, он был на восемь лет моложе ее!) в сентябре поселиться у нее в Гарше вместе со своим верным слугой Петром. Там он встретится, добавила она, со своим соотечественником Стравинским и его семьей. Вилла «Бель Респиро» достаточно поместительна, чтобы приютить их всех.

Но все же не обходилось без сложностей. Стравинский страстно влюбился в Габриель, но та, увы, ни в коей мере не разделяла его чувств. Испытывая к нему глубочайшее почтение, она тем не менее могла предложить ему только искреннюю дружбу. Стравинский со своими железными очками, короткими усами, длинным кривым носом, успевшей поредеть шевелюрой и головой какого-то грызуна нисколько не привлекал ее.

– Вы ведь женаты, Игорь, – возразила она, когда композитор признался ей в любви. – Представляете, что станет с вашей женой Екатериной, если она узнает…

Он ответил ей вполне по-русски:

– Она знает, что я вас люблю. Кому еще, кроме нее, я могу поверить такую великую тайну?!

Но эта обезоруживающая реплика ничуть не изменила отношения к нему Коко.

Несмотря на осторожность Коко, ее подруга Мися кое-что заподозрила. Она терпеть не могла, когда что-то происходило между ее друзьями без ее ведома, и напустилась на хозяйку «Бель Респиро»:

– Право, что ты творишь?! Куда ты катишься? Мне сообщили, что Игорь выгуливает твою собаку! Что все это значит?

Габриель только прикусила язык.

Между тем Стравинский работал, себя не щадя: как раз в тот период, когда он гостил в Гарше, появились на свет, помимо прочих сочинений, «Концертино для струнного квартета» и посвященные памяти Клода Дебюсси мелодии – сами по себе маленькие шедевры.

Однажды Габриель заметила, что Стравинский чем-то весьма озабочен. Наконец он открыл ей причину своего беспокойства:

– Директор зала «Гаво» хочет, чтобы я дал концерт, но ничего не получится. У меня нет достаточных финансовых гарантий.

– Если дело только в этом, – смеясь, ответила Коко, – я это беру на себя.

Однако, прекрасно зная о ранимости своей польской подруги и до смерти опасаясь возможного скандала, она приняла меры предосторожности.

– А теперь, *Игорь,* ступайте и доложите об этом Мисе.

Было непохоже, чтобы просьба окрылила Стравинского. Он колеблется.

– Ступайте! – повелела ему Коко тем не допускающим возражений тоном, который был так знаком ее близким.

Назавтра полька приступила к Коко с упреками:

– Я задыхаюсь от горя, когда думаю о том, что Стравинский принял от тебя деньги!

Мися, обладавшая редкостным талантом затевать ссоры, принялась еще более драматизировать ситуацию – она вообразила, будто Стравинский собрался разводиться со своей Екатериной, чтобы взять в жены Коко. Серт, не желавший оставаться в стороне, когда его супруга поднимает шум, напустился на Игоря с оскорблениями:

– Мосье, мистер Кэпел доверил мне мадемуазель. А знаете, мосье, как называется такой, как вы, мужчина? Сутенер и сводник!

Но и этого показалось мало – неподражаемая полька удвоила усилия, подливая масла в огонь. Приняв трагический вид, она обратилась к Коко:

– Стравинский в соседней комнате и хочет знать, выйдешь ты за него замуж или нет. Он уже ломает руки.

Габриель стоило больших усилий положить конец этим бредовым сценам и добиться того, чтобы Стравинский образумился и не претендовал больше, чем на ее дружбу. Он рассказывал ей о музыке, вспоминал далекую, таинственную Россию… Габриель решила, что Стравинский наконец-то перебесился. Впоследствии, когда «Русский балет» отправился в Испанию, Игорь пригласил Габриель в Барселону, где он дирижировал оркестром. Она приняла приглашение, не испытывая ни малейшего недоверия. Но через некоторое время передумала и решила ехать не в Барселону, а в Монте-Карло: она посчитала, что куда приятнее будет провести там несколько дней с человеком, который ей нравился – красавцем Дмитрием из России. Она пригласила его без лишних церемоний:

– Еду в Монте-Карло, хочу обкатать новую машину. Поедешь со мной?

Великий князь колеблется.

– Мои финансовые возможности ограничены, – говорит он.

– Так мы разделим расходы, – успокоила она его. – Кстати, нам необязательно останавливаться в самом роскошном отеле…

А бензин оплатит владелец гаража. У него есть средства, поверьте мне.

Наконец Дмитрий сдается. Но полька не спускает с них глаз. Ее извращенная натура жаждет катастроф. Она тут же посылает Игорю, который по-прежнему не отказался от мысли покорить Габриель и лихорадочно ожидает ее в Барселоне, телеграмму следующего содержания: «Коко – попросту мидинетка,[39] которая предпочитает артистам великих князей».

На самом деле Коко собиралась заехать и в Испанию, побывав в Монте-Карло. Но телеграмма коварной польки привела Стравинского в такое бешенство, что взволнованный Дягилев предупредил ее по телеграфу: «Не приезжайте, он вас убьет!» Разумеется, Мися, на которую Коко обрушила поток самых гневных упреков, категорически отрицала, что это – дело ее рук. Но Габриель не верит ни единому слову: она знает, на что способна ее подруга. Несколько месяцев после этого они были в ссоре…

Когда Габриель вернулась из Монако, Дмитрий уже стал ее любовником. Те несколько дней, что они прожили там, они развлекались как сумасшедшие – Романовы умели устраивать праздники! Носясь между казино, «Отель де Пари» и модными бутиками, они знали, чем себя потешить. Она дарила ему элегантные одежды, а он, со своей стороны, презентовал ей роскошные драгоценности, которые сумел вывезти из России: жемчужные колье, массивные золотые цепочки, кресты, инкрустированные рубинами, бриллиантами, изумрудами и сапфирами…

Они пробудут вместе, практически не расставаясь, около года, до осени 1921-го. Затем Дмитрий женится на богатейшей американке Одри Эмери и уедет жить за океан, сохраняя до самой своей смерти в 1942 году живую – и притом разделенную – дружбу с Коко, которая позже примет участие в конфирмации сына Дмитрия – Павла Романова-Ильинского, обосновавшегося в Огайо.

В период своих отношений с великим князем Габриель познала пору истинного блаженства. Решив два месяца отдохнуть от дел, она сначала поселилась со своим возлюбленным в «Отель де Пале» в Биаррице, где они наслаждались счастьем наедине друг с другом. Затем она сняла в Мулло, у берегов Аркашона, обширную белую виллу, называемую «Ама Тикиа», у самой террасы которой плескались волны. Она выписала туда своего камердинера Жозефа Леклерка с супругой Марией и верным слугой Дмитрия Петром. Каждое утро за влюбленными приходила моторная лодка – одна из типичных для здешней местности – и

отвозила нежных любовников на пустынный пляж, окаймленный соснами. Они купались, загорали на солнышке, устраивали пикники, гуляли по лесу, дыша его ароматом; в мягкой почве оставались следы от тонких каблуков Габриель. К трем часам на лодке приезжал все тот же рыбак и забирал их. Иногда они ездили на экскурсии по окрестностям – побывали на виноградниках Медока, добрались и до самого Бордо… Принимали у себя только редких, самых близких друзей, среди которых был Жан Кокто, живший в Пике, на побережье, в нескольких километрах от виллы «Ама Тикиа». Остальное время наслаждались жизнью наедине друг с другом… И не делали ничего больше! Кстати, в жизни Коко так было в первый и в последний раз, о чем, конечно, она не могла знать. Ведь в дальнейшем всякий раз, когда ей захочется уехать из Парижа и отдохнуть, она неизменно оказывалась в окружении сонмища друзей и родных.

Отношения с Дмитрием окажутся благотворными для Габриель, но вовсе не потому, что помогут ей позабыть Боя… Нет, Боя она никогда не забудет, он навсегда останется для нее человеком, которого она любила больше всех на свете. Но великий князь помог ей преодолеть ее горе, вновь обрести веру в себя и свою судьбу.

Но роль Дмитрия в жизни Коко на этом не ограничилась – она распространилась и на ее профессиональную деятельность. Она приняла к себе на работу многих русских эмигрантов, в первую очередь друзей и родственников великого князя разной степени дальности. Разумеется, в первую очередь это коснулось женщин из высшего общества, потерявших все свое благосостояние и остро нуждавшихся в работе, чтобы добыть средства к существованию. Габриель наняла их в качестве манекенщиц, если у них были подходящие физические данные, или в качестве продавщиц. Она также пригласила на работу князя Кутузова, бывшего губернатора Крыма, и двоих его дочерей. (Этот Кутузов был потомком знаменитого маршала, разбившего Наполеона I в сражении под Красным.[40]) Она приютила его с семьей у себя на вилле «Бель Респиро», которая стала настоящей русской колонией.

Но и это еще не все – общение с Дмитрием побудило Коко искать источник вдохновения в различных аспектах творчества русских и самой России… Кстати, в свое время связь с Артуром Кэпелом дала толчок к использованию в ее творчестве английских мотивов, хотя в более скромных масштабах. Славянские мотивы, по ее собственному мнению, оказались куда более яркими. Тут и вдохновленные русским фольклором

цветастые вышивки, украсившие платья на бретельках, блузы и рубашки в деревенском стиле. Конечно, «Русские балеты» Дягилева, начиная с 1909 года, уже внесли свой вклад в популяризацию этих многоцветных художественных форм. В этом духе поработали также Поль Пуаре – с 1912 года и чуть позже – Жанна Ланвен. Но никто не черпал в этом источнике вдохновения столько, сколько Габриель. Она, не колеблясь, наняла на работу 50 вышивальщиц, собрав их в особом ателье, во главе которого поставила родную тетушку Дмитрия – Марию Павловну. И в этом тоже проявилась ее оригинальность. «Никто не умеет лучше, чем Шанель, украшать свои модели оригинальными вышивками», – отметил журнал «Вог» в мае 1922 года. Она обожает оттенять свои креповые платья, блузы и плащи – с преобладающим коричневым и черным – многокрасочными рисунками, кстати, порою выполненными из бисера или в сочетании с блестками. Ну, а источники мотивов – всякое дерево в костер годится! – берутся не только в России, но и в Румынии, в Персии, в Индии, в Китае… Выходит, появление этих разорительных вышивок в коллекциях Шанель знаменовало собою конец «роскошной нищете», в которой упрекал свою конкурентку Поль Пуаре, имея в виду, что она часто использу-ет «бедные» материалы для своих изделий? В действительности все куда сложнее: Габриель, одаренная расцветающим творческим гением, не ведала никаких запретов. Но она всегда оставалась верной своим принципам простоты, строгости и удобства в пользовании, которые определила для себя с самого вхождения в мир высокой моды.

Русское влияние на творчество Габриель Шанель не завершилось с окончанием любовных отношений с Дмитрием осенью 1921 года. Напротив, оно ощущалось вплоть до 1924 года. В частности, в этот период она запускает в мир моды «рубашки»[41] – длинные «мужицкие» блузы, и увеличивает число презентаций меховых изделий, демонстрируемых русскими манекенщицами. Теперь на рю Камбон язык Толстого слышался, пожалуй, чаще, чем язык Вольтера. Князя Кутузова Габриель поставила принимать заказы; а при виде того, как графини, княгини и баронессы, почтительно склоняясь перед великим князем Дмитрием, целовали ему руку и титуловали «ваше высочество», казалось, будто дело происходит в Зимнем дворце или в Царском Селе…

Если верить Мисе Серт, это она подала Коко идею создания духов, которые она назовет своим именем. Сначала Габриель по ее наущению предложила рынку удивительную туалетную воду, секрет которой, по слухам, ревностно охранялся семейством Медичи; эта лучезарная жидкость будто бы позволила королеве

Екатерине Медичи до старости сохранять цвет лица, как у юной девушки. Эта же чудесная жидкость позволяла господам избегать опасного жжения после бритья – каждому ведомо, как его трудно успокоить. Перед лицом этого несказанного успеха «Воды Шанель» дальновидная полька, по ее словам, посоветовала Коко:

– Скажи по совести, почему бы тебе не сочинить «духи Шанель»?

Но один факт бесспорен – во время своей прогулки с Дмитрием по югу Франции Габриель нанесла визит Эрнесту Бо, уроженцу Москвы; отцом его был француз, работавший в Грассе химиком в области парфюмерии. Большую часть своего детства Эрнест провел в Санкт-Петербурге, где его отец работал для императорского двора. Весьма вероятно, что устроил ей эту встречу не кто иной, как Дмитрий; и отчасти ему Габриель обязана триумфом своих первых духов – «Шанель № 5»…

Сказать по правде, идея соединить высокую моду и парфюмерию не была в 1920 году новостью. Так, например, уже Поль Пуаре в 1911 году предложил рынку духи – в частности, «Лукреция Борджиа» и «Китайские ночи». Но попытка закончилась неудачей.

Эти духи, как и все, что до сих пор предлагалось женщинам, делались из природных компонентов растительного происхождения (роза, ландыш, жасмин и т. д.) или животного (мускус, амбра, виверра). Духи приготовлялись путем эмпирического смешения компонентов. Но через некоторое время появились синтетические продукты. Они не заменяли натуральных эссенций, но усиливали стойкость запаха и заставляли его «вибрировать». Так, Убиган использовал кумарин для получения «Королевского папоротника», а Герлен – ванилин для приготовления духов «Жики».

Габриель обнаружила, что Эрнест Бо трудился в этот момент над альдегидами – эти синтетические продукты показали себя весьма эффективными, но при этом малоустойчивыми и к тому же дорогими. Поэтому их до сих пор никто не использовал. Но он считал, что в его силах будет найти решение проблемы. Бо и Шанель договорились – было решено, что он предложит ей несколько сочетаний на выбор. В течение 1921 года химик приготовил ей две серии образчиков под номерами от 1 до 5 и от 20 до 24. Он использовал для своих тонких смесей не менее восьмидесяти ингредиентов: среди них в довольно больших дозах – жасмин и в массивных – альдегиды. По его собственному заявлению, он открыл тонкий аромат, который испробовал во время пребывания в северных странах, куда его загнали превратности, вызванные войной. Там у него была возможность

вдыхать аромат исключительной свежести, который источали под полуночным солнцем реки и озера… Габриель, исполненная веры в его талант исследователя, слушала с замиранием сердца. Пусть она не могла вникнуть в тонкости химии, но зато обладала врожденным даром узнавать лучшее во всем, в том числе и в парфюмерии. Наша воля – верить этому или нет, но она говорила, что, когда получает цветы, узнает запах рук, которые их срезали… В итоге она выбрала № 22, который запустит в продажу несколько месяцев спустя, но еще раньше завоевал признание № 5, приуроченный к показу ее новейшей коллекции 5 мая 1921 года… Как толковать это совпадение цифр? Считать ли его чистой случайностью, или это было сделано сознательно? Кто знает!

Мировой триумф этих духов хорошо известен, но как его объяснить? Очевидно, в первую очередь необходимо принять в расчет их качество и новизну. Их аромат ни у кого не вызовет ассоциации ни с одним из знакомых запахов цветов, ни с каким-либо сочетанием цветочных ароматов. Это чисто рукотворное создание, которое явилось словно бы из ничего, но которое обладает еще большей силой обольщения, чем таинственный источник происхождения. Это поистине революционные духи – еще бы о них не пошла всеобщая молва!

Но революционным оказался не только парфюм – революционной была и его презентация! До сих пор фабриканты, наиболее знаменитыми из коих были хрустальный завод «Лалик», изощрялись в изготовлении флаконов высшего полета фантазии, самых разнообразных форм, перегружая их самыми диковинными орнаментами. К примеру, на крышке помешалась фигурка летящей танцовщицы или вооруженного луком Купидона. Поверхности флаконов часто украшались богатой гравировкой. Находились, да и сейчас находятся любители, коллекционирующие такие изделия, – по слухам, в коллекции Жоржа Федо их насчитывалось свыше трех сотен.

Наперекор этому Габриель, одержимая идеей аскетизма и простоты, предложила простой флакон в форме параллелепипеда, позволявший любоваться таящейся в нем золотой жидкостью. Вспомним – тогда на излете была эпоха кубизма, которая ввела в моду квадраты и прямоугольники. Не она ли повлияла на выбор Коко? В любом случае, предложенный ею флакон был очень функциональным. Единственные следы намерения декорировать его относятся к 1924 году – по-видимому, их следует рассматривать как небольшую уступку тем, кто считал флакон Шанель слишком уж аскетичным. Имеются в виду граненная «под изумруд» пробка и скошенные и закругленные по краям грани

самого флакона. В общем, Габриель, которую никогда не оставляли хорошее крестьянское чутье и практическое мышление, прекрасно поняла, не в пример своим предшественникам: делать акцент нужно на ценности содержимого, а не тары. Пришла ли ей на память строчка одного поэта «Подумаешь, флакон!»? Как бы там ни было, она, безусловно, прониклась очевидностью этого.

Но как же окрестить новый парфюм? В обычае у ее предшественников было присваивать духам псевдопоэтические названия, как-то: «Улыбка апреля», «Царственное желание», «Сердце Жанетты», «Вечернее опьянение»… Просто ужас! Смешно, ей-богу! Еще смешнее, чем бутафорские цветы, расцветавшие на шляпах дам довоенной поры… «Так что же делать?» – спрашивала себя Габриель. А вот что… Коль скоро в этом самом двадцать первом году ее персона и ее дом пользовались широкой известностью, почему не окрестить духи просто «Шанель»? Новинка полноправно разделит славу имени Шанель, которое будет содействовать ее рыночному успеху. Трудно переоценить коммерческое чутье Габриель! Поль Пуаре, о попытках которого предложить рынку парфюм мы уже вели речь, не осмелился эксплуатировать свое имя, даже несмотря на его широкую известность. Все, на что он решился – назвать некоторые виды духов именем своей дочери Розины. Возможно, в этом одна из причин его неудачи.

Веря в свою звезду и предвидя, что со временем она предложит клиентуре и другие духи, Габриель чувствовала необходимость дать своему первенцу самую четкую характеристику, отличавшую его от последующих. «Самое простое и будет самым лучшим», – подумала она. Коль скоро ее выбор пал на флакон № 5 – почему бы не назвать духи «Шанель № 5»?

– Но ведь так никто прежде не делал! – пробормотал Эрнест Бо, ошарашенный такой дерзостью.

– В том-то и вся штука! – ответила Коко, у которой в крови была привычка рвать с рутиной. – Это отличит мои духи от других!

А кроме того – подчеркнем это, – идея использовать в названии парфюма номер восходит ко многим страницам ее прошлого. Еще в Обазине, вглядываясь в мозаики, устилавшие галерею второго этажа, она воображала, что видит таинственные цифры, секретные письмена, побуждавшие ее мечтать. Теперь она снова возмечтала… И решила, что число 5 – счастливое, на которое она поставит (точь-в-точь как ставят на то или иное число в казино Монте-Карло) и на которое предложит сделать ставку своей клиентуре. Кстати, не во время ли поездки в Монако

она встретилась с Эрнестом Бо? Не иначе как он был послан ей судьбой, думала Габриель.

Вкус к простоте, который она продемонстрировала, подбирая название духам, отразился и в этикетке: белый прямоугольник, на котором с почти соблазнительной откровенностью было начертано черными буквами: ШАНЕЛЬ. Здесь опять-таки все строится на контрасте черного и белого, который так часто использовался ею при разработке нарядов. И, как и магия цифр, магия контраста черного-белого восходит к давним дням, проведенным в стенах сиротского приюта. По-видимому, к еще более давней поре восходит эмблема, состоящая из двух переплетенных букв С и помещенная на круглую печать, которую привязывают к пробке флакона. Не этим ли «клеймом мастера» метил кабатчик из Понтейля мебель, которую изготовлял собственными руками? И не эти ли переплетенные буквы С видела Габриель в витражах Обазина, выстаивая бесчисленные церковные службы? Более того, судьбе было угодно, чтобы в Мулене она получила прозвище Коко… Словом, двойное С было предначертано ей самой судьбою, так пусть этот знак будет и символом ее духов!

Но когда новый парфюм был совершенно готов, Габриель не спешила поместить «пятый номер» в витрину заведения на рю Камбон. Она поступила хитроумнее: вручила заветный флакончик каждой из своих подруг, принадлежащих к самым шикарным кругам, словно вверяя свое самое драгоценное сокровище:

– Я тебе его не продаю, я тебе его дарю! – нежно шептала она каждой из посвященных.

Весть о новом зелье мигом разлетелась из уст в уста, и вскоре образовался тайный клуб фанаток «Шанели № 5»… Когда же драгоценные флаконы были пущены в продажу (исключительно в Доме Шанель по адресу рю Камбон,31), они мигом пошли на ура… Парфюмеру Франсуа Коти оставалось только кусать локти: поговаривали, Эрнест Бо первым предложил означенную композицию ему, а тот отказался. «Слишком дорого», – ответил он, пожав плечами…

По правде говоря, несмотря на изначальный успех, Габриель вскоре пришлось столкнуться с некоторыми проблемами в производстве и продвижении духов на рынке. Отметим, что Эрнест Бо, возвратившийся во Францию в 1919 году, работал для парфюмерного товарищества Ралле – поставщика двора его императорского величества. Большевистский переворот вынудил фирму обосноваться в Грасе; и там же, в маленьком домике, занимались производством духов. То ли слишком хаотично был подобран персонал, занимавшийся упаковкой, то ли другая

причина была тому виною, а только флаконы слишком часто закупоривались неплотно, заполнялись не полностью и вообще показали себя слишком хрупкими. Хуже того, Ралле не поспевал выполнять к сроку сыпавшиеся на него заказы. И тут один блистательный деловой человек по имени Теофиль Баде, который за тридцать лет до того основал «Галери Лафайет», пришел Коко на помощь.

– Обратитесь к высококлассным профессионалам, – посоветовал он.

И Баде представил ей братьев Вертхаймер, Пьера и Поля. Габриель уже приходилось слышать о них в Довиле как о владельцах скаковых лошадей, в том числе самого знаменитого в ту пору чистокровного жеребца по кличке Эпинар. Но братья были также владельцами косметического общества «Буржуа», основанного в 1863 году и специализировавшегося первоначально на театральном макияже. Лучшей клиенткой дома была не кто иная, как Сара Бернар… В 1912 году фирма выпустила «Пастель для щек» в картонной коробке, украшенной цветами, – эта коробка стала своеобразным лицом марки. Иные краски, выпускавшиеся в ту эпоху, и поныне включаются в каталоги фирмы. С 1913 года «Буржуа» обзаводится представительством в Нью-Йорке, затем – в Лондоне, Барселоне, Сиднее, Брюсселе, Буэнос-Айресе, Вене… В 1929 году фирма выпускает в продажу духи «Вечер в Париже» Эрнеста Бо, которыми будут наслаждаться многие поколения женщин. Когда Габриель обратилась к братьям Вертхаймер, они уже запустили в продажу в 1923 году свой первый парфюм, который так и назвали – «Мой парфюм». Ну а годом позже, в 1924-м, образовалось Общество духов Шанель, управляемое совместно Габриель Шанель и Пьером Вертхаймером, а Эрнест Бо стал техническим директором. В соответствии с соглашениями, впоследствии неоднократно модифицировавшимися, Габриель пожизненно получала дивиденды, которые – не побоимся высоких слов – навсегда отведут от нее угрозу нужды.[42]

* * *

Осенью 1921 года, когда настал конец любовным отношениям Габриель с великим князем Дмитрием, она решает покинуть «Бель Респиро» и обосноваться в Париже. Причины этого были чисто практические: вилла не так уж велика, до Парижа долго добираться, понапрасну теряется время. Великая труженица решила перенести место своего жительства поближе к делу,

ставшему главным в ее жизни. Но продавать виллу она пока не стала: это означало бы выкинуть на улицу Стравинского и его семью. Композитор, вконец смирившийся с тем, что Коко не разделяет его страсти, подарил ей вещь, дотоле бывшую с ним повсюду, – икону, которую ему удалось вывезти из России. До самой смерти Габриель эта святыня будет неизменно находиться на почетном месте в ее жилище.

Новая квартира, которую Габриель наняла в пятистах метрах от рю Камбон, была огромной – средства позволяли. Размещалась она в особняке Пилле-Билля 1719 года постройки по адресу: рю Фобур-Сент-Оноре, 29. Сначала Коко сняла у владельца, графа Пилле-Вилля, первый этаж, затем второй, а сам хозяин остался в третьем. Комнаты показались ей слишком просторными, но ей по сердцу пришлись высокие застекленные двери, выходившие на террасу, откуда каменная лестница вела в сад, разбитый во французском стиле. Вековые платаны, каштаны и липы смотрелись в расположенный в центре бассейн, хрустальную гладь которого оживлял радужный фонтанчик. Парк простирался до самой авеню Габриель, от которой он был отделен высокой оградой, раскрашенной в золотой и черный цвета. Точно такая же планировка была и у располагавшегося по соседству посольства Великобритании, и у елисейского особняка…

Едва справив новоселье, Коко поручает своему преданному Жозефу (который к тому времени потерял жену) набрать большое количество персонала, необходимого для обслуживания нового жилища. Для нее не составляло проблемы меблировать и декорировать его в соответствии с тем, как этого требовала его классическая архитектура. Правда, не в ее вкусе были деревянные украшения стен в интерьерах. Ей не нравились ни их бледно-зеленая окраска, ни золоченая резьба. Но удалить их она не могла – ведь особняк был объявлен историческим памятником. Единственный выход – замаскировать как можно тщательнее. Лучше всего для этого подойдут любимые лаковые ширмы от Короманделя. С самого начала королем обстановки стал огромный черный рояль «Стейнвей», явившийся воистину сердцем дома. Чтобы сыграть на нем, выстраивались в очередь Стравинский, госпожа Серт, Дягилев, пианист-аккомпаниатор «Русских балетов», а иногда и Кокто. Украшая свою квартиру, она подчас спрашивала совета у Жозе Марии Серта, очарованного стилем барокко; но ее не очень-то вдохновляли некоторые фантазии, которые она почитала вычурными. Она куда больше, чем он, использовала черный, бежевый и каштановый, а в особенности темно-коричневый. «Повсюду, – скажет она позже, вспоминая свои квартиры, – у меня был чудесный ковер цвета

светлого Колорадо, сияющий шелковистыми отблесками, как хорошие сигары, и вытканные в моем вкусе занавески из бархата каштанового цвета с золотыми позументами, похожими на перехваченные золотистым шелком головные уборы, которые носил Уинстон (Черчилль). Я всегда платила не торгуясь, хотя мои друзья протестовали, а Мися даже рвала на себе волосы…» Габриель отвалила 100 тысяч золотых франков за старинный ковер Савонери, приобрела большие кресла золотистого цвета, декорированные черным бархатом, что не препятствовало ей обставлять комнаты также многочисленными канапе. В любое время года в доме было белым-бело от белых цветов – Коко не скупилась на пышные букеты. Благодаря множеству огромных зеркал перспективы этого убранства раздвигались до бесконечности. Что до освещения, то Габриель специально проследила, чтобы оно было очень мягким. Благодаря мудрому сочетанию старинного и нового, а главное, благодаря обаянию ее личности в новом жилище Габриель создалась волшебная атмосфера, куда потянулись толпы художников и литераторов, собиравшихся вокруг хозяйки.

И впрямь, за те годы, что здесь жила Шанель, особняк на рю Фобур-Сент-Оноре стал свидетелем множества встреч ярких, выдающихся людей. Кого здесь только не было – и чета Серт, и Пикассо, и Кокто, и Радиге, и Дягилев, и Борис Кохно, и Моран, и Хуан Грис, и Франсуа Пуленк с другими музыкантами из «Группы шести», и Этьен де Бомон; захаживали несколько членов клана Ротшильдов и множество других светских особ, среди которых было немало клиентов Коко. Для тех же, кто пользовался особой благосклонностью хозяйки, отводилась особая комната – кто-то проводил там одну только ночь, а кто и три недели… Среди них были мадам Серт, Стравинский и Пикассо, который страсть как боялся оставаться ночью один. Когда его жена Ольга Хохлова, танцовщица дягилевской труппы, разрешившись от бремени сыном Пауло, отдыхала в Фонтенбло, счастливый папаша не вернулся к себе в квартиру на рю Ля Боэти, а попросил гостеприимства у Габриель.

Не кто иная, как Мися, познакомила Коко с художником – по-видимому, это произошло в 1917 году, когда Пикассо вместе с Кокто, Дягилевым и Эриком Сати работал над спектаклем «Парад». Он как раз вернулся из Рима, где встретил Ольгу… Пикассо, которого представила Габриель мадам Серт, уже не был тем классическим мазилой с трубкой в зубах, каким его застал Кокто в 1915 году в доме номер 5-бис по рю Шельхер, что возле кладбища Монпарнас. Теперь он был куда состоятельнее – его живопись охотно покупалась, в особенности американцами. В

1920-е годы, когда он посещал особняк на улице Фобур-Сент-Оноре, он элегантно одевался, всегда был при галстуке, а то и при часах на цепочке… Что не могло не вызывать раздражения и насмешек его собратьев по кисти и карандашу. Но что оставалось неизменным в этом человеке с крепко сбитым торсом, так это черная как чернила прядь, ниспадавшая ему на бровь, и острый взгляд таких же черных круглых глаз, который вас пронзает как стилет, – от этого взгляда Габриель мигом почувствовала себя неуютно. И вот эти две химеры измеряли друг друга взглядом, изучали… и оценивали. В общем, признали, что друг друга стоят.

Среди гостей Габриель стоял особняком поэт Пьер Реверди. Представьте себе коренастого коротышку с черными, гагатовыми волосами, кожей с оливковым оттенком и ужасным южным прононсом. Его внешность представлялась бы довольно банальной, если бы взгляд его темных глаз не был озарен тем внутренним светом, который чарует всякого, кто приблизится. Габриель и Пьер впервые встретились у госпожи Серт через несколько месяцев после гибели Боя; но тогда она была слишком подавлена свалившимся на нее горем, чтобы обратить на него сколько-нибудь внимания. Реверди был на шесть лет моложе ее; ему был тогда 31 год. Уроженец Нарбона, сын виноградаря, разоренного кризисом 1907 года, он приехал в Париж, где жил на скромный заработок корректора в типографии. Обосновавшись на рю Равиньян на Монмартре, он бывал в гостях у художников Бато-Лавуара, живописцев и писателей – таких, как Хуан Грис, Пикассо, Брак, Аполлинер, Макс Жакоб. Он также был хорошо знаком с часто посещавшим тот квартал красавцем-итальянцем с Монпарнаса, чьи вспышки ярости терроризировали не только его подругу, но и соседей. Звали его Амедео Модильяни. Живописная атмосфера, царствовавшая в этой среде, была столь благоприятной для творчества, что вдохновила его на сочинение стихов – к концу войны их набралось уже несколько сборников, как, например, «Овальное слуховое окно» или «Кровельный шифер», проиллюстрированных его друзьями-художниками. Благодаря щедрости одного своего шведского друга он стал издавать журнал «Норд-Сюд» (по названию компании, эксплуатировавшей линию метрополитена, соединявшую Монмартр и Монпарнас – два тогдашних полюса культурной жизни французской столицы). Хотя журнал просуществовал недолго (в 1917–1918 годах вышло 16 номеров), он явился блестящей лабораторией сюрреализма; помимо Аполлинера и Макса Жакоба, там печатались Тцара, Арагон, Бретон и Суполь. Журнал стал связующим звеном между художниками и поэтами, которых привлекали новые тенденции.

Реверди жил, едва сводя концы с концами, со своей женой Анриетт, трудившейся помощницей швеи в ателье. Обиталищем чете служил ветхий домишко на Монмартре под номером 12 по улице Корто; там жили также художница Сюзанна Валадон с сыном, которого звали Морис Утрилло и которого беспробудное пьянство время от времени тянуло в Вильжюиф, в среду самых диких безумцев.

Обожая художников Монмартра, Реверди тем не менее наотрез отказывался принимать их богемный внешний вид: длинные грязные волосы, отвратительная трубка в зубах, закрученные спиралью штанины… Напротив – хоть он и не родился со складкой на брюках, как говорил Пикассо о Кокто, но всегда бывал одет в строгий двубортный пиджак, а поверх безупречно выглаженной рубашки неизменно носил тщательно завязанный галстук. Впрочем, это не мешало ему ненавидеть людей света. Правда, к Мисе это не относилось, потому что она окружала себя художниками, многие из которых были ее друзьями. Больше даже – с 1917 года она помогала ему, уговаривая друзей подписаться на журнал «Норд-Сюд» и покупая за бешеные деньги сборники его стихов, ограниченная часть тиража которых издавалась в роскошном виде.

В эту пору Реверди вызывал бурю восторга у молодых поэтов. В 1924 году Андре Бретон уже называет его среди предтечей сюрреализма, а в 1928 году провозглашает его, наряду с Арагоном и Суполем, «самым великим из ныне живущих поэтов».

Вплоть до 1921 года Габриель и Реверди были связаны друг с другом узами тесной дружбы. Но ало-помалу это чувство переросло в разделенную любовь. Не объясняется ли отчасти привязанность Коко к Реверди земными корнями поэта? То, что его отец был виноградарем, разоренным кризисом 1907 года, заставляло ее вспомнить об Альберте Шанеле, о котором она сложила красивый миф для своих подружек по сиротскому приюту в Обазине и который на деле лишь мечтал иметь виноградники… Больше даже, будучи ребенком, бедняга содержался взаперти в пансионе, как она – в монастыре. Все это притягивало Габриель к поэту. К тому же некие странности в его поведении… Вот, к примеру: однажды во время пышного приема у Коко он ни с того ни с сего покинул собравшихся и под проливным дождем бросился в парк собирать улиток… Не удивительно, что он снискал ореол «проклятого поэта», этакого Артюра Рембо послевоенных лет. Воистину, это была неординарная личность. Как и Габриель, которая отводила себе место среди ремесленников, а не среди художников, ему требовалось занятие для рук. Он обожал чинить что-нибудь,

мастерить поделки… И наконец, вот главное: среди гостей Габриель образовалась общность людей с характером, одержимых абсолютом и бескомпромиссностью – никаких уступок! Но у Реверди эта тенденция столь ярко выражена, что сделалась почти патологической…

Нужно признать, что поведение поэта порою приводило в замешательство. Блестящий собеседник, он вдруг ни с того ни с сего умолкал на долгие часы, будто воды в рот набрал. Презирал деньги, но обожал роскошь. То он выглядит мизантропом, мечущим громы и молнии по адресу «всего этого бандитизма», как он называл жизнь в обществе, то вдруг выказывает почти наивное доверие к человечеству! То он по неделям торчит в особняке у Габриель, то вдруг срывается с места и мчится очертя голову на Монмартр, где его терпеливо дожидается верная Анриетт… Атеист, вольнодумец и гордец, он вдруг неожиданно чувствует себя осененным милостью божией и 2 мая 1921 года принимает крещение. Правда, его религиозный пыл не особенно отдаляет его от Коко, во всяком случае, тогда; но в нем замечается болезненная тенденция к самоизоляции и уходу в себя, которая с течением времени усиливается.

Кстати, он уже отошел от сюрреалистов. Их «автоматическое письмо», преклонение перед неконтролируемым литературным творчеством казались ему в высшей степени смехотворными… Плюс к тому его неприспособленность к жизни в обществе… Его жесткая непримиримость, безоговорочный отказ от всего, что навязывается «компромиссами», его помешательство на «правильности» приведут к тому, что в конце концов, несмотря на усилия обожаемой им Габриель, он все-таки покинет ее. Разве могло быть иначе? Ведь отсутствие любимого существа и есть для него главнейший источник поэтического вдохновения. Не он ли написал: «Неужели самый долговечный и прочный союз между существами – это преграда»? И он, движимый извращенной логикой, сознательно возводил эту преграду. 30 мая 1926 года он торжественно сжег на глазах друзей многие из своих рукописей. Затем он удалился в Солем, неподалеку от знаменитого аббатства, чтобы вести скромную жизнь в скромном домике со своей верной Анриетт. Но все же никогда Пьер и Габриель не позабудут друг друга, и, как мы увидим далее, их роман не закончился с их расставанием…

Не могло ли статься, что Реверди, покидая Париж и Габриель, усомнился в том, сколько она сделала для него? Она тайком приобрела у него рукописи. Она давала большие деньги издателям его стихов, чтобы те выплачивали их ему якобы как ежемесячные отчисления за авторское право (можно подумать,

что почти безвестный поэт мог бы существовать на реальные авторские гонорары!).

В библиотеке Габриель имелись все сочинения Реверди в оригинальных и роскошно переплетенных изданиях, а также большая часть его рукописей. Читая посвящения, адресованные поэтом Габриель, осознаешь, что до самой своей смерти в 1960 году (а был ему 71 год) он не переставал испытывать к ней самые нежные чувства. Вот как он писал, например, в 1924 году: «Моей великой, дорогой Коко – от всего моего сердца, до его последнего биения». Но и 23 года спустя, в 1947 году, его отношение не меняется: «Милой и обожаемой Коко! Коль Вы дарите мне радость любить кое-что из этих стихов, вручаю Вам эту книгу! Пусть она дарит Вам нежный и спокойный свет, как лампочка у изголовья!» Его пыл усиливался памятью о том, чем он был обязан ей. Со своей стороны, Коко всегда считала Реверди величайшим поэтом своей эпохи. Она читала и перечитывала его стихи, подчеркивая карандашом строки и мысли, которые почитала особенно примечательными. Когда она обнаружила, что Жорж Помпиду в 1961 году вообще не включил его в «Антологию французской поэзии», ее охватил один из самых яростных в ее жизни приступов гнева. И часто в дальнейшем, когда в ее присутствии хвалили талант Кокто (который она, кстати, уважала), она грубо обрывала говорившего, считая любую похвалу любому поэту, кроме Реверди, выпадом против него. Ее бесило, что поэт оказался забытым.

* * *

10 января 1922 года. Одиннадцать часов вечера. На рю Буасси д'Англа открывается новый ночной бар, хозяин которого – Мойсе. Он дал ему название «Бык на крыше» по только что поставленному одноименному балету Кокто, и было очевидно, что этот последний – король торжества. Присутствовали многочисленные друзья поэта – Мися и Жозе Мария Серт, Поль Моран, граф и графиня де Бомон, новый приятель Кокто – двадцатилетний Реймон Радиге. (Этот молодой писатель, неподвижно застывший у стойки бара, скосив голову вправо и ввинтив монокль в глаз, уже приобрел тот упрямый и таинственный вид, который бывает от злоупотребления виски; он только что завершил «Дьявола во плоти».) Тут были Пикассо, княжна Мюрат, Макс Жакоб, Жан Гюго – правнук писателя, с супругой Валентиной, Серж Лифарь, карикатурист Сэм и музыканты – Сати, Орик, Пуленк, Онеггер и множество других.

В прокуренной атмосфере бара, увешанного произведениями живописи дадаистов, можно было услышать исполняемый на фортепиано Клеманом Дусе (который вскоре станет работать с Жаном Винером) модные в ту пору американские мелодии: «Мужчина, которого я люблю», «Черное дно» или же «Иногда я бываю счастлива…».

Здесь царил такой чарующий и волнительный для мысли климат, что Марсель Пруст, которому не суждено было провести здесь вечерок, не мог найти утешения: «О, как бы хотел я чувствовать себя достаточно хорошо, чтобы хоть разок сходить в кино да в бар „Бык на крыше“!

Обнаружилось, что почти все гости нового бара – те же, что бывают и у Коко в особняке на улице Фобур-Сент-Оноре. Хотя она терпеть не могла куда-то выезжать, ей невозможно было игнорировать эти встречи с друзьями, и ее «горячий и крестьянский» голос, как охарактеризовал его Морис Сакс, часто можно было услышать возле стойки бара. Этот же Сакс оставил нам поразительное воспоминание о Габриель двадцатых годов:

«Когда она появлялась, вызывал удивление ее маленький рост. Она была очень худощава. Ее черные жесткие волосы были посажены низко, брови срослись, губы улыбались, а глаза блестели, но взгляд был резок. Одежда ее почти вся была одного, очень простого фасона и главным образом черного цвета. Засунув руки в карманы, она начинала говорить. Начало ее разговора было удивительно быстрым и стремительным». Не менее интересен и живописанный Саксом интеллектуальный портрет Коко:

«Ее мысль следовала теме и развивалась до конца, ей не были присущи, как это часто бывает у женщин, склонность к резонерству, привычка брать свою долю в разговоре, останавливаться на всех сюжетах, о которых заходит речь, и ни одной темы не доводить до завершения. Нить мысли была ясна. В ней чувствовалось крестьянское упорство, которое было одной из черт ее характера.

Коко Шанель в возрасте 26 лет. 1909 год

Карикатура Сэма: Габриель в объятиях Боя, изображенного кентавром.

«Шуточная крестьянская свадьба» в Руалье. Костюмы сымпровизированы Габриель.

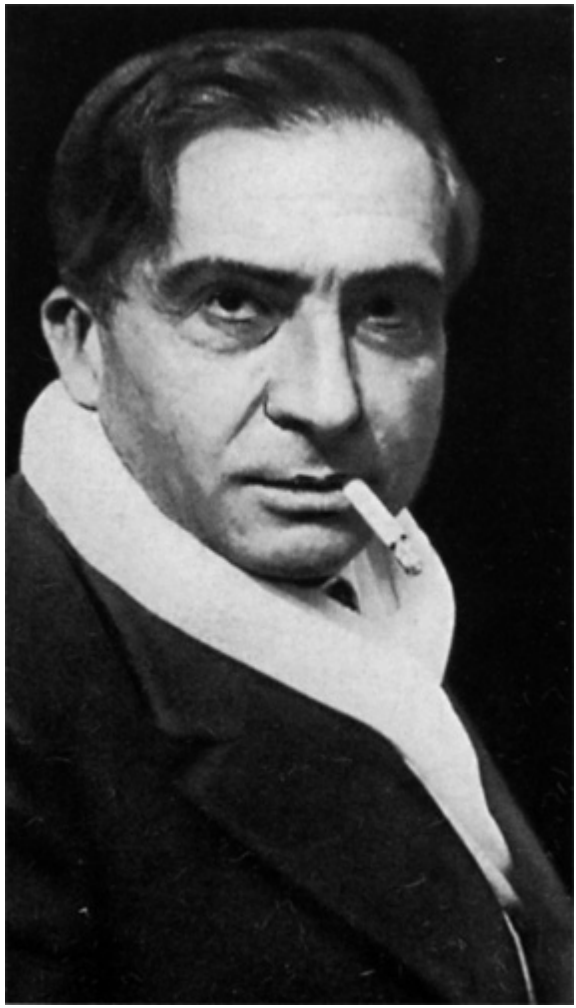
Слева направо:

Коко за шафера, Бальсан, Лери и Анро за новобрачных, Артур Кэпел за тёщу, граф де Лаборд – за младенца, а Габриель дорзиа – за подругу невесты.

CHANEL

Довилль, 1913 г. Габриель (справа) позирует перед входом в свой первый бутик вместе с Адриенн. Обе одеты в костюмы и шляпы, продающиеся в магазине.

Габриель у себя на рю Камбон.
Фото Хорста, 1936 г.



Поэт Пьер Рсверди, один из возлюбленных Коко.

Габриель на бегах, вместе с герцогом Вестминстерским.

Забастовка в мастерских Шанель. 1936 г.

Портрет Шанель «голливудского» периода. 1931 г.

- *Забастовка в мастерских Шанель. 1936 г.*
- *Портрет Шанель «голливудского» периода. 1931 г.*

Светская вечеринка в Монте-Карло, 1938 г. Слева направо: Александра Данилова. Сальвадор Дали, Габриель Шанель и Жорж Орик.

Два портрета Габриель (между 1936 и 1938 гг.).

• *Портрет Коко Шанель работы Жала Кокто.*
• *Самые знаменитые и мире духи.*

Два портрета Габриель (между 1936 и 1938 гг.).
Модель летнего наряда с рю Камбон. →
Неизменные аксессуары модницы, одетой от Шанель.

• *Модель летнего наряда с рю Камбон.*
• *Неизменные аксессуары модницы, одетой*

Габриель на знаменитой зеркальной лестнице в день открытия своего Дома моделей.

Фото Роберта Дуано, 1954 год.

Она была вполне уверена, решительно утвердительна в своих суждениях; ее рассудок был словно вытесан из камня и покоился на неизменных основах. Казалось, она никогда не ошибается. Весь инстинкт ее чуял истину. Она обладала высшей степенью чувства, позволявшего ей избирать лучшее, которое она распознавала даже в областях, ей незнакомых. Очень меткое замечание – стоит только взглянуть на перечень имен писателей и художников, которых она, не кончавшая коллежей, умела собирать вокруг себя и которым помогала и протежировала всякий раз, когда представлялась возможность. Редко случалось так, чтобы она не просила у хозяина «Быка» счета, которые Кокто с друзьями частенько оставляли неоплаченными, – она рассчитывалась по ним из собственного кармана, не затевая шума».

Помимо «Быка на крыше», знаковым символом тех безумных лет сделалась одна книга, символизировавшая дух и атмосферу эпохи и ставшая, как теперь говорят, бестселлером. В июле 1922 года в большинстве журналов можно было встретить такую рекламу:

«Прочтите книгу „Холостячка“ („La Garconne“) Виктора Маргерита, которая оставит свой след в текущей литературной эпохе. Автор не останавливается ни перед какой дерзостью сцены и экспрессии… Перевернув последнюю страницу страстного, захватывающего романа „Холостячка“, который, может быть, местами шокирует вас, вы обнаружите, что из множества низостей высвобождается чистая и возвышающая красота».

Героиня романа, 19-летняя Моника Лербье, происходит из добропорядочного общества. Оскорбленная предательством своего жениха, обманутая девушка устраивает всяческие дебоши, пристрастилась к наркотикам, пускается в многочисленные приключения – и обыкновенные, с мужчинами, и лесбийские связи, – предается бесконечным оргиям в веселых домах, но в конце концов встречает большую любовь в лице человека, который, веря в идею равенства полов, спасает ее и берет в жены. Потом он ходит с ней на собрания активисток женского движения…

Скандал, вызванный новинкой, был огромным. Гюстав Тери так писал о «Холостячке» в журнале «Эвр»: «Эта вещь претендует называться шедевром, а на деле не что иное, как помойка». Автор был вычеркнут из списка кандидатов на получение ордена Почетного легиона. Но дело сделано: книга разошлась тиражом, превышающим 750 тысяч экземпляров.

Какой же тип женщины выведен на страницах романа? Короткие волосы, плоская грудь, брюки-клеш, как у моряков, в

устах – сигарета в полметра длиной… В общем, близкий тому, который завоевал популярность с подачи Коко. Добавим, что в той форме элегантности, которую она превозносит, наблюдается некое смешение полов… В итоге «Холостячка» принесла Коко несравненную бесплатную рекламу. Перелистывая модные журналы той эпохи, видишь, что по всему физическому аспекту женщина сближается с мужчиной, зато мужской идеал феминизируется. Отныне мужчина решительно сбривает усы, бывшие еще недавно символом его мужественности. Идеалом героя становится уже не воин-победитель, а прекрасноликий красавец, в котором мужское начало уже не являлось первостепенным качеством. Даже гомосексуализм, который был в ходу и в ту эпоху, перестал маскироваться, как в предвоенные годы. Напротив, благодаря некоему снобизму, присущему «извращенцам», они становились модными персонажами, как, например, Пруст, Жид или все тот же Кокто. Если первый предпочитал хранить сдержанность относительно своих вкусов, то последние двое афишировали их без всяких прикрас в «Коридоне» и «Белой книге». Словом, Коко Шанель умела раньше всех почувствовать дух времени и заранее согласовать свой стиль с эпохой. Стиль Шанель – это ярко выраженная женственность, соединенная с не менее ярким проявлением мужского начала. Двусмысленность торжествует – и в свете не стесняются судачить о взаимоотношениях между мадам Серт и Коко Шанель… не приводя тому ни малейших доказательств. Более ясен случай с Колетт, которая афиширует характер своих отношений с такой истой «гарсонной», как это тогда называлось, как маркиза де Бельбеф, не отказываясь в то же время и от амурных похождений с мужчинами; равно как и случай с признанной «амазонкой» Натали Барнэ и ее подругой Рене Вивьен, открыто ставшими под лесбийские знамена.

* * *

В это время профессиональный успех Габриель упрочивается как никогда прежде. С 1920 года самые престижные журналы парижской высокой моды «Минерва» и «Фемина» становятся поистине антологиями творчества Шанель. Перелистаем наугад: «Леди Икс… появилась в отеле „Ритц“ в муслиновом платье из шелка-сырца с подписью „Шанель“… Шанель предлагает покупателям платье из длинных полос черного шелка…

Для вечера она предложила платье из красной синели… Шанель конструирует из мехов, сочетая обезьяну с белой

каракульчой. Вот еще вечерний туалет, предложенный Шанель: узкое прямое платье из белого атласа, поверх которого надета вышитая и украшенная жемчугом прямая блуза…»

Законодательница мод упрямо насаждает короткие волосы к радости куаферов, которые без устали и жалости кромсают женские кудри по всей Франции. Самые пышные шевелюры, самые мягкие локоны летят на пол под щелканье ножниц. Мужья протестуют. Любовники ропщут: они понапрасну теряют время! На все – одно-единственное объяснение: мода! Кстати сказать, на той же рю Камбон, в доме под номером 5 (совсем недалеко от номера 31, как удобно!) заводит парикмахерскую куафер Антуан, ставший на службу новому стилю и быстро сделавшийся знаменитым.[43] «Стрижемся в час по десять раз», – живописно съязвил один хроникер по поводу новой практики.

Новые тенденции в женских прическах привели к появлению небывалых фасонов шляп. Коль скоро в результате стрижки a la garcon женская головка становилась совсем крохотной, стало легко сформировать высокий и узкий головной убор – колокольчик. А так как подобная шляпа надвигалась на голову до самых бровей, передний край ниспадал на глаза. Эти новинки быстро обрели большой успех, но их оценка не была единодушной. Никто из карикатуристов не поддел новую моду так язвительно, как Сэм, причем не только карандашом, но и пером:

> «А что касается шляп, то это просто бесформенные кастрюльки из мягкого фетра, в которые женщины погружают свои головы, натягивая обеими руками вниз до упора… Все исчезает, все поглощается этим эластичным футляром для головы: волосы, лоб, уши, щеки – до самого носа. В конце концов они приспособят для их надевания обувной рожок – если, конечно, кто-нибудь подаст им такую идею».

Но его записки, конечно, не помешали новому поветрию. Мода на шляпы-клеш и шляпы-колпаки оказалась неотразимой, и, несмотря на слабое сопротивление в арьергарде, докатилась и до самых отдаленных провинций…

В одежде опять-таки доминируют тенденции Шанель, в частности, в том, что касается талии. Пояс мало-помалу спускается ниже и ниже, благополучно останавливая свой спуск далее того места, где полагалось бы быть бедрам, исчезнувшим как по волшебству. У новых платьев – вертикальный силуэт, общая форма карандаша, а женские выпуклости исчезают – тут на помощь приходят повязки Вельпо, подавляющие непокорные

груди. Нетрудно заметить, как этот стиль – случайно ли? – соответствует физическим данным его изобретательницы. Известно, что она отказывалась продавать наряды, которые не могла или не хотела бы носить сама. Да, так, первая клиентка дома Шанель – это она сама! О ней ходила такая байка: некий кутюрье, преданный адепт ее стиля и в то же время страстный любитель розыгрышей, подменил во время демонстрации новинок двух-трех девушек-манекенщиц мальчишками, а никто даже не заметил этого!

* * *

Несмотря на успехи Габриель, Поль Пуаре и не думал признавать себя побежденным. Решив бороться до конца с той, которая, по его словам, превращает женщин в «маленьких недокормленных телеграфисток», он множит пышные творения, используя тяжелые ткани, окрашенные в яркие цвета, с рисунками и вышивками восточного типа – «туретчина», как тогда выражались…

Однажды вечером на премьере в «Гранд-опера», перегнувшись за барьер своей обитой пурпурным бархатом ложи, Габриель принялась созерцать туалеты зрительниц. Ей пришлось признать, что тут соперник обставил ее. Слишком много в партере платьев, носящих печать этого пестрящего бреда. Одетые таким образом дамы получили в ее устах прозвище «ряженые»… Наконец она воскликнула с раздражением: «Так дольше продолжаться не может! Я их всех переодену в черное!»

Назавтра же она окунулась с головой в реализацию своего нового проекта. В результате явится на свет знаменитое маленькое черное платье на каждый день – узкое прямое изделие из крепдешина с тщательно подогнанными рукавами, которое получит название «Форд от Шанель» и обретет такой же успех, как и автомобиль, сходящий с конвейера в Детройте. Так воплотилась ее самая заветная мечта – сделать моду достоянием улиц.

Трезвый вкус, отличавший творения Шанель, ускорил наступление упадка творений Пуаре, которые сами по себе были превосходны, но более не соответствовали условиям жизни современной женщины. Имя Пуаре еще блеснет весной 1925 года на выставке «Арт-Деко». Это он создал проект большого светящегося фонтана у входа. Ему также принадлежали три барки – «Любовь», «Наслаждение» и «Оргии» («Amour», «Delices» и «Orgues»), пришвартованные к набережной Сены напротив места,

где проходила выставка. Эти барки, украшенные огромными полотнами Дюфи, по вечерам блистали яркими огнями, и не кто иной, как Пуаре собственной персоной, одетый в пышный плащ и увенчанный адмиральской фуражкой, принимал обедающих в кающе одной из своих посудин.

Увы, двенадцать лет спустя, в 1937 году, этот человек, который устраивал самые пышные в Париже вечеринки, подкладывая настоящие жемчужины в устрицы, подаваемые его гостям, оказался совершенно разорен. Ни публика более не принимала моды, которые он пытался предлагать ей на суд, ни сам он более не понимал эпохи, в которую жил. Друзья, которые были с ним в годы процветания, теперь отвернулись от него. Преследовавшая его нищета была такой, что ему самому пришлось скроить и сшить себе пальто из старого банного халата. Он покинул этот мир в 1944 году; одним из последних способов, которыми он зарабатывал себе на хлеб, было чтение басен Лафонтена в маленьком кабаре в Каннах; какая же из них была его любимой? – «Стрекоза и Муравей»…

* * *

Декабрь 1922 года. В начале месяца на колоннах «Морриса» появилась желтая афиша, извещавшая о спектакле «Антигона», который будут давать на сцене театра «Ателье» – бывшего Театра Монмартра. Этот зал находился в конце небольшой затененной платанами площади со скамейками по краям, как раз на полпути от венчающей Монмартр базилики Сакре-Кёр к барам площади Пигаль с их горячими обитательницами. Не кто иной, как Шарль Дюллен, спутник танцовщицы Кариатиды, взял этот театр в свои руки и сделался его директором. Правда, на сей раз вниманию зрителей предлагалось не собственно творение Софокла, а его вольная переработка, сделанная все тем же Кокто. Музыку к нему Кокто заказал композитору из «Группы шести» Онеггеру, декорации – Пикассо, ну а за костюмами он обратился к Шанель. Почему? Вот как он объяснит это со страниц прессы: «Потому что она – самая великая кутюрье нашей эпохи, а я не представляю себе Эдиповых девушек плохо одетыми». Точнее говоря, сама Габриель, предложив свою последнюю коллекцию, вызвала восхищение несколькими костюмами в античном духе, а для своего салона в Фобур-Сент-Оноре приобрела великолепный мрамор эллинской эпохи. Предложение Кокто было принято ею с радостью. Сам Дюллен выступал в роли царя Креона, сурового блюстителя законов своей страны, бунтарку Антигону,

отстаивавшую ценности совести, играла греческая актриса Женика Атанасиу. Ее спутник – не кто иной, как Антонен Арто – играл Тиресия…

Посовещавшись с Кокто, Габриель выбрала шотландку из грубой шерсти и джерси коричневого и кирпичного тонов. Костюм героини появился на удивление просто: Габриель набросила свой собственный плащ на плечи актрисы, и костюм родился в ее воображении. Коко также надела на лоб владыке металлический обруч под золото, украшенный фальшивыми самоцветными камнями – вероятно, это было первое выдуманное ею изделие бижутерии. Она же убедила Кокто повесить на заднике сцены карнавальные маски, которые он сам раскрасит в белый цвет.

Так началось длительное сотрудничество поэта и кутюрье.

Однако на генеральной репетиции 20 декабря 1922 года случился скандал. Андре Бретон с друзьями, которые терпеть не могли Кокто, решили сделать спектаклю обструкцию и организовали вселенскую бучу. Бедный Кокто, который с рупором в руках один исполнял роль античного хора, принужден был с регулярными интервалами прерывать свои благородные сентенции и невозмутимым тоном произносить заклинание: «Удалитесь, мосье Бретон… Спектакль не будет продолжен, пока вы не покинете зал».

Тем не менее в конечном итоге спектакль выдержал добрую сотню представлений. Отметим один курьез, от которого, впрочем, вольный интерпретатор только выиграл: слабо подкованная в античной литературе публика приписала ему, Кокто, самые красивые сентенции Софокла и хлопала во все ладоши – до того они показались ей современными! Вот она, вечная правда классиков!

Публика восхищалась декорациями, созданными Пикассо. На фоне бескрайнего синего неба, какое бывает только за морем, художник нарисовал белые дорические колонны и стилизованные круглые щиты – позже эти же темы будут использованы и в Валлори. Зрители отметили также, помимо актерской игры Дюллена, греческий акцент Женики, делавший французский язык более звучным, чем обычно. Ну а завораживающая игра Антонена Арто в роли прорицателя Тиресия по-особому покорила зрителей.

Отклики прессы – сравнительно малочисленные, несмотря на успех спектакля, – создали Шанель настоящий триумф. На этом деле она выиграла больше, чем Кокто, Дюллен, Онеггер и даже Пикассо. Особой похвалы удостоился плащ из груботканой шерсти, удивительно подчеркнувший чистое лицо Антигоны с белым макияжем, подведенными черными глазами и обритой

наголо головой. Не случайно самые знаменитые фотографии появились тут как тут. И среди них – прославленный мастер Мэн Рей, отщелкивающий кадр за кадром.

Перелистаем февральский номер журнала «Вог» за 1923 год, который в ту пору пользовался большим авторитетом в мире искусств: «Эти платья из шерсти натуральных тонов создают впечатление античных одежд, обретенных спустя века…» И далее: «Это блестящее воспроизведение древности, в котором заметно озарение ума».

Эта статья задала общий тон откликов прессы – она показала, какого уровня теперь достигла Шанель, и не только в сравнении с другими мастерами высокой моды, но и в целом в контексте культурного общества: она сделалась в нем бесспорным авторитетом.

* * *

Успех Габриель на костюмерном поприще был столь внушителен, что всего несколько месяцев спустя Кокто и Дягилев снова обратились к ее таланту. На сей раз речь шла не о пьесе, а о балете, точнее, веселой оперетте без слов во вкусе Оффенбаха. Называлась вещица «Голубой экспресс» – сюжет придумал Кокто, а за постановку взялся Дягилев.

Почему же «Голубой экспресс»? Так назывался курьерский поезд-люкс, курсировавший между Парижем и Лазурным берегом и высаживающий в сей модной курортной местности десанты элегантных прожигателей жизни. Желая написать сатирическую и забавную картину нравов эпохи, Кокто направил острие своего разящего пера на спортсменов-жиголо и вращавшихся в их среде юных вертихвосток. Он написал их такими, какими наблюдал на хорошо знакомых ему пляжах Лазурного побережья, где уже несколько лет считалось хорошим тоном проводить лето. Кокто наверняка подразумевал Жуана ле Пена, только что создавшего славу Фрэнку Джей-Гоулду, сыну короля американских железных дорог, который настроил там казино, шикарных отелей и ночных кабаре.

Вскоре туда хлынула богатая, жаждавшая развлечений клиентура, мурлыкавшая такой вот куплет о последнем успехе года:

Juan le Pins,
Juan le Pins,
Veux-lu rester
Au masculin?

(Жуан ле Пен, Жуан ле Пен! Хочешь ли остаться в мужском роде?)

Музыку Дягилев заказал Дариюсу Мийо, хореографию – сестре Нижинского Брониславе, а декорации – скульптору-кубисту Анри Лорану, который никогда не видел моря, но тем не менее придумал забавные кабинки для пляжа – угловатые, с усеченными конструкциями! А для ставшего знаменитым занавеса увеличили гуашь Пикассо, изображавшую двух растрепанных великанш, бегущих по галечному пляжу под радостным небом вдоль кромки моря, для которого художник не пожалел яростных и величественных синих красок.

А Габриель досталось одеть в костюмы персонажей, которые вдохнут жизнь в этот балет нового жанра, – их свыше трех десятков.

Речь зашла о костюмах спортивного типа, ибо пантомимные сцены изобиловали акробатикой и гимнастическими фантазиями. Вспоминая свое довилльское прошлое, Коко в изобилии использовала любезное ее сердцу джерси. Для выступавшего в роли Красавчика молодого англичанина Энтона Доулина – бархатный взгляд, черные напомаженные волосы, расчесанные на прямой пробор – истый тип жиголо тех безумных лет! – одели в майку атлета. Танцовщику Войцеховскому, которому досталась партия Игрока в гольф, Шанель показала фотографию принца Уэльского, слывшего образцом элегантности. Игрок облачился в твидовые брюки для гольфа, пуловер и носки с горизонтальными полосками. Под пуловером – белая рубашка и аккуратно завязанный галстук. Да, это был успех!

Над выбором модели для Чемпионки по теннису Коко долго не думала – вполне естественно, ее выбор пал на знаменитую Сюзанну Ланглан, ставшую чемпионкой в пятнадцать лет и хорошо известную на Уимблдоне. Необыкновенные прыжки, благодаря которым она брала любые мячи, снискали ей огромную популярность и во Франции, и по другую сторону Ла-Манша. Беда только в том, что Бронислава Нижинская, которая, кроме хореографии, взяла на себя эту роль, имела мало общего с моделью… Коренастая, приземистая – что в ней от амплуа Теннисистки? Головная повязка, которую носят спортсменки, в данном случае не в помощь… И однако же, приложив старание, она добилась в этой роли совершенства.

А костюм Прекрасной Купальщицы – Лидии Соколовой – был так элегантен, что и доныне экспонируется в Музее Виктории и Альберта в Лондоне.

Среди танцовщиков Габриель обратила внимание на талант молодого красавца девятнадцати лет, с удивительным телом и

очевидными дарованиями. Он приехал прямо из Киева и звался Серж Лифарь. Коко обратила на него внимание Дягилева, став юному исполнителю «крестной матерью»; ну а блистательная карьера Лифаря хорошо известна. До самой смерти Коко они останутся верными друзьями.

Итак, 13 июня 1924 года на одной из самых элегантных сцен Парижа, в театре «Шанз-Элизе», состоялась премьера «Голубого экспресса». Спектакль возымел большой успех – на него толпами повалили художники, аристократы, крупная буржуазия из Франции, Англии и Италии. Еще до начала спектакля раздавались восторженные возгласы в адрес занавеса Пикассо, заглушая музыку фанфар, написанную специально по сему случаю Жоржем Ориком. В зале толпились лучшие клиенты Габриель, о чем свидетельствует светская хроника парижской прессы тех дней, – там побывали почти все баронессы Ротшильд, начиная с той самой Анри, которая отказалась делать заказы у Пуаре, предпочтя Коко, но также и весь Фобур-Сен-Жермен с его клиентурой, словно сошедшей со страниц романов Пруста – обретшие плоть и кровь Германты, Норпуа и Шарлю; меценатки из Англии и США, как, например, Нэнси Кьюнард или княгиня де Полиньяк, урожденная Зингер, не считая русских графинь, уцелевших от массового истребления и нашедших работу у Шанель, благородные испанки – клиентки дома в Биаррице… И даже мосье из Руалье (читай – Мулена), помнившие ее по тому периоду, который она сама была бы рада забыть навсегда…

* * *

Когда в 1926 году Кокто показал в Театре искусств[44] на бульваре Батиньоль своего «Орфея», он снова обратился к Шанель за костюмами для своих персонажей, как, например, актрисы редкостной красоты, выступавшей в роли Смерти. Три года спустя, в 1929-м, она будет одевать артистов спектакля «Аполлон Мусагет», в создании которого принимали участие также Дягилев, Стравинский и Баланчин, а в 1937-м – артистов спектакля «Рыцари Круглого стола», для которого она создала, помимо прочих, костюм Жана Маре из парчовой ткани – золото с белым, – такой же, как материал для папских риз! Забавное совпадение – панталоны актеру расписывал молодой стилист по имени Кристиан Диор! Но из всех пьес, в которых участвовала в качестве костюмера Коко Шанель, более всего толков вызвал предшественник «Рыцарей Круглого стола» – «Царь Эдип» по пьесе Софокла. Как одеть 23-летнего Жана Маре, назначенного на

главную роль?

Мнение Кокто было непоколебимо: артист столь красив, что скрывать его красоту от публики было бы непростительным. По согласованию с Кокто, Габриель решила подчеркнуть скульптурную пластику молодого артиста, выпустив его на сцену почти нагим – только отдельные полосы из белой ткани скрывали его торс.

По сему поводу пресса разделилась на два лагеря. В одном метали громы и молнии по поводу такого бесстыдства, в другом – находили остроумной и изобретательной идею Габриель, которая так блистательно одела – или, если хотите, раздела – красавца-актера.

Означает ли это, что отношения между Кокто и Габриель навсегда останутся безоблачными? Во всяком случае, надолго, тем более что в этом сотрудничестве у каждой стороны был свой расчет. Конечно, никакой материальной выгоды Коко от этого не получала, более того, сама оплачивала изготовление костюмов и покупку дорогостоящих тканей. Но участие в создании шедевров, о которых потом говорил весь светский, интеллектуальный и артистический Париж, возносило ее на такую высоту в обществе, на которую не смел бы претендовать никто из ее коллег.

Кстати, имеются бесспорные доказательства ее вполне бескорыстной дружбы с Кокто. Она дважды устраивала ему бесконечные курсы лечения, в которых так нуждался его отравленный опиумом организм: случалось, что в иные периоды своей жизни он выкуривал в день до 60 трубок сего зловещего зелья, что совершенно парализовало его творческие силы. А оплачивать из своего кармана эти безумно дорогие курсы у него не было возможности. Когда же в 1937 году Кокто поселился на рю Камбон в отеле «Кастилия» и обедал там в ресторане, Габриель инструктировала метрдотелей «не докучать Кокто счетами», а отсылать прямо к ней в бухгалтерию. Если она находила поэта угнетенным, то устраивала ему двух-трехнедельный отдых в отеле «Ритц»: нужна же поэту разрядка!

При этом Габриель, достигшую громкой славы, возмущала почти полная безвестность, окружавшая боготворимого ею Реверди. Реверди же, со своей стороны, презирал Жана Кокто… Добавим к вышесказанному, что, хоть ей и доставляло радость вручить чек нуждающемуся другу, она терпеть не могла, чтобы у нее клянчили деньги. Уступка выглядела бы в ее глазах не актом щедрости, а актом слабости. Так, в 1938 году Кокто столкнулся с тем, что директора театров один за другим отвергали его детище – пьесу «Ужасные родители». Будь у него свободных 32 тысячи франков,[45] он мог бы снять Театр Эдуарда VII и поставить там

свою новую пьесу, но этих денег у него не было. Бедняга угрожал наложить на себя руки, как в свое время поступил его отец. Видя своего друга в таком ужасном состоянии, Жан Маре без его ведома позвонил среди глубокой ночи Коко и объяснил ей ситуацию. Та была в негодовании – она ведь не баклуши бьет, она работает! Встает чуть свет. И ее еще смеют будить среди ночи и требовать денег! Нет, нет и нет! Об этом не может быть и речи. По счастью, директор театра «Амбассадор» Роже Капгра и его подруга – комедийная актриса Алиса Косеа согласились поставить пьесу. О том, какой она обрела успех, достаточно известно.

Кстати, Габриель терпеть не могла, когда злоупотребляли ее щедростью. В 1928 году она устроила Кокто курс лечения в роскошной клинике в Сен-Клу. Курс начался 16 декабря. И что же, поэт застрял там на целых три месяца! При этом он был вовсе не таким больным, как притворялся: он даже смотался в Париж, чтобы прочитать перед французским обществом свою пьесу «Человеческий голос» (которая впоследствии выдержит большее число представлений из всего его репертуара). После этого он как ни в чем не бывало вернулся в Сен-Клу, будто собирался провести там остаток дней своих. Когда Коко, вернувшись из путешествия, заглянула в Сен-Клу проведать своего протеже, то нашла его в превосходном настроении. Зато нетрудно представить себе, каковы были ее чувства, когда ей вручили счет за клинику – он был колоссален! А Жан к тому же жил на широкую ногу, принимал многочисленных гостей – тут и его тогдашний любовник Дебор, и Жуандо, и Кристиан Берар, и Андре Жид – и одновременно успешно работал над новым сочинением! Он был вполне здоров!

– Вы могли бы и вернуться домой, – упрекнула его она.

Но Жан ничего и слышать не хотел. К себе? Это как следует понимать? К своей матери на рю Анжу, когда он разменял пятый десяток? Или в убогий гостиничный номер – «комнату висельника», иначе не скажешь? Как там работать? Еще хуже заболеешь! Тем более что Жак Шардонн от имени издательства «Сток» предложил ему, после успеха «Большого скачка», засесть за новый роман.

Коко пошла своему любимцу навстречу и позволила остаться в клинике еще на несколько недель. И не ошиблась – назавтра же Кокто вывел пером на бумаге строчки: «Квартал Монтьер расположился между рю Амстердам и рю де Клиши…» Это были первые строки его романа «Ужасные дети». Позже он скажет, что это был самый ценный плод его пребывания в клинике – ведь он по-настоящему так и не вылечился…

Да, нелегко быть меценаткой… Порою эта роль бывала и неблагодарной.

В декабре 1923 года внезапно заболевает двадцатилетний Реймон Радиге. В тяжелом бреду и ознобе лежит он в гостинице «Фойо» на рю де Турнон. Обожавший его Жан Кокто в ужасе; его личный врач пытается отпоить больного грогом, но все напрасно. Тогда он обращается за помощью к Коко – нельзя ли пригласить к больному профессора Далимье? Медицинское светило тут же спешит к больному и выносит приговор: тиф в последней стадии. Увы, помочь нельзя было ничем, и на рассвете 12 декабря, в полном одиночестве, больной умер. Жан в прострации – он не хочет видеть своего друга мертвым и, вернувшись в квартирку своей матери, захлебывается от рыданий на маленькой медной кровати… Он также будет не в состоянии прийти на похороны, как это сделали Пикассо, Мися, Габриель и чернокожие музыканты из «Быка на крыше», которым так часто приходилось видеть этого «маленького человечка», как они его называли…

Коко долго упрекала Жана Кокто за то, что тот не пришел проводить друга в последний путь.

Строгая к себе самой и наделенная железной волей, она была не способна понять малейшей слабости в другом. В церкви Сент-Оноре-д'Эйло гроб с телом автора «Дьявола во плоти» поместили в поперечный неф; он был весь обит белой тканью, поскольку покойный не успел достигнуть совершеннолетия, и на крышку был возложен букет алых роз; также белыми цветами был целиком убран катафалк, белыми были чепраки коней и колесница, которая везла гроб до кладбища Пер-Лашез.

Все огромные расходы по волнительной скорбной церемонии взяла на себя Габриель – возможно, напрасно она это не афишировала, потому что слова благодарности достались ее польской подруге…

Но Кокто прекрасно знал, кто в действительности явил такую щедрость. Храня верность в дружбе, он часто вспоминал о том. Так, например, когда в 1934 году в Театре комедии на Шанз-Элизе решили поставить «Адскую машину», Луи Жуве упрямо настаивал на том, чтобы заказ на костюмы и бижутерию был отдан мадам Ланвен, с которой он активно сотрудничал. Он даже убедил ее начать работы. Но Кокто на этот раз не дал ни малейшей слабины и настоял на том, чтобы заказ достался Коко Шанель:

– Вы как это себе представляете! – сказал он постановщику. – Коко Шанель снабжает меня роскошными материалами и бижутерией на многие тысячи франков, а я ей: «Больше в ваших услугах не нуждаюсь»? Этого вы, что ли, от меня хотите?

Но понадобились длительные переговоры с Жуве, чей характер был отнюдь не подарок, чтобы костюмы и бижутерия были поручены именно Шанель. Эскизы для них были созданы Кристианом Бернаром.

И не кому иному, как чувствительному, интуитивному Кокто, прекрасно знавшему Габриель, суждено было оставить один из самых точных ее портретов. Коко, по его словам, «со своими вспышками гнева, приступами злости, баснословными драгоценностями, своими творениями и своими причудами, своими крайностями и своими любезностями, как и своим юмором и своими щедротами, слагается в уникальную *личность* — привлекательную, притягивающую – и в то же время пугающую, чрезмерную… но в конце концов человечную!»

7
ГЕРЦОГ ВЕСТМИНСТЕРСКИЙ

Лондон, 13 октября 1924 года. Многочисленные читатели газеты «Стар» и в частности те, кто интересовался частной жизнью английских аристократов, были заинтригованы следующими анонимными строчками:

«Ныне много говорят о будущем одного герцога, не менее важного, чем иные особы, заполняющие хронику хитросплетением своих супружеских дел. Весьма осведомленные лица утверждают, что новой герцогиней будет красивая и блистательная француженка, руководящая большим парижским Домом мод».

Читателям не требовалось долго ломать голову, кто же такой этот герцог. Всего за несколько дней до того почти во всех газетах можно было прочитать сообщения вроде того, что 29 сентября появилось на страницах «Дейли экспресс»:

«Второй брак герцога Вестминстерского уже порядком опорочен: после коротких каникул, проведенных в Соединенных Штатах, герцогиня Вестминстерская прибыла вчера в Великобританию. Едва сойдя с парохода „Хомерик“ компании „Уайт стар“, она заявила нам: „Я вернулась, но не знаю даже, где буду жить, ибо у меня нет более жилья, нет более друзей, и я не могу вам сказать, что стану делать в будущем… Об одном могу заявить с уверенностью – у меня нет более дома. Моя ситуация не поддается воображению, и, к несчастью, я вынуждена непрестанно думать об этом“.

Всем вокруг уже было ведомо, что герцог нарушил супружескую верность с некоей миссис Кросби, был застигнут на месте преступления в самом знаменитом в Монте-Карло «Отель де Пари» и процедура развода уже запущена. Кстати, нынешняя герцогиня, столь откровенно поведавшая прессе о наболевшем, не была первой, кого герцог так подло обманул. В 1901 году он сочетался первым браком с Эдвиной Корнуэльс-Уэст, но та, устав от его похождений на стороне, подала на развод, каковой получила в 1919 году. А что касается красивой и блистательной француженки, руководившей парижским Домом мод, то читателям «Стар» нетрудно было признать в ней Шанель, чья слава давно уже стала всемирной. Значило ли это, что осенью 1924 года Габриель и впрямь была накануне супружества?

Сказать по правде, светская хроника поторопила события. Но здесь позвольте сделать отступление и поведать о личности

герцога. Кузен его величества, он вел свое происхождение от внучатого племянника самого Вильгельма Завоевателя. Этот самый далекий внучатый племянник отличался дородством и неутолимой страстью к охоте, за что и стяжал прозвище Gros Veneur, что значит Толстяк-Охотник. Ну а британские языки переиначили его в Гросвенора. Род Гросвеноров явился одною из важнейших ветвей королевской фамилии. Со времен Средневековья их герб выглядел так: «Azur a bend'or with plain bordure d'argent».[46] Но только в 1831 году дед нашего герцога получил из рук королевы Виктории титул маркиза Вестминстерского. С этого времени Гросвеноры стяжали славу страстных любителей лошадей. На их попечении были конюшни, обитатели которых одерживали на скачках самые громкие победы. У деда-маркиза был исключительный чистокровный жеребец, неоднократно выигрывавший дерби. Аристократ так ценил своего любимца, что назвал его Вендор – слово из описания родового герба – bend'or. Когда один американский миллиардер предложил ему за жеребца совершенно фантастическую сумму, тот отбрил наглеца. «Во всей Америке не наберется столько денег, чтобы купить такого коня!» – заявил он со всей твердостью. Каким образом и почему к его внуку, официальное имя которого было Хью Ричард Артур, с детских лет приклеилось прозвище Вендор, да так и осталось за ним на всю жизнь – тайна сия великая есть, ни на шаг не приблизившаяся к разгадке. Но так или иначе, домашние знали его как Вендора, уменьшительно Бенни или Бонни.

В 1924 году Вендору исполнилось сорок пять лет. Он был рослый, белокурый с рыжеватым отливом и выцветшими на море и на солнце голубыми глазами. Его шарм и природная элегантность единодушно признавались всеми. Богатства? Их у него было не счесть. Он и сам не ведал размеров своего состояния и за это частенько над собой подтрунивал… В Лондоне, где он жил в особняке Бурдон-Хаус, ему принадлежали целые кварталы, а также большая часть Мэйфер и Белгравиа, общей площадью примерно 250 гектаров. Его официальная резиденция находилась в 260 километрах к северо-западу от Лондона – на севере Уэльса. Называлась она Итон-Холл и располагалась близ города Честер – старинного маленького порта, сообщавшегося с Ирландским морем, до которого было совсем недалеко, по реке Ди, которую в этом месте сделали удобной для судоходства. Честершир – милый край, богатый лесами и пастбищами, немного холмистый, с рассыпанными повсюду фермами с постройками из дерева и кирпича. Замок Итон-Холл был огромен. А парк? Его нельзя назвать парком: требовалось пятнадцать часов, чтобы целиком

исколесить его на машине. Но, ко всему прочему, герцог владел еще рыбачьим домиком в Шотландии, замком Сен-Санс в Нормандии, откуда вышли его далекие пращуры, огромным имением под сенью вековых сосен на берегу озера близ Мимизана, в Ландах, да еще имениями в Ирландии, Норвегии, на далматинском побережье и даже в Карпатах.

Не забудем и о яхтах – герцог питал неодолимую страсть к морю. Для круизов по Средиземному морю ему служила четырехмачтовая шхуна «Флайинг-Клауд», что значит «Летящее облако». Она имела 67 метров в длину, удлиненный силуэт и корпус, покрашенный черным лаком и окаймленный золотом. Эта красавица брала на борт сорок человек, включая матросов и прислугу; ее каюты целиком были обставлены старинной, отполированной годами мебелью в стиле королевы Анны. Тут были кровати с балдахинами, зеркала, золотая и серебряная посуда и бесчисленные ковры. Гостям казалось, будто они не на борту морского судна, а где-нибудь вдали от побережья, в усадьбе какого-нибудь знатного английского помещика…

Для плавания по Ла-Маншу и Атлантике у Вендора был надежный двухтрубный корабль «Катти Сарк», тезка знаменитого английского клипера, перевозившего чай. Этот бывший эсминец Королевского флота имел почти 900 тонн водоизмещения и 180 человек экипажа. Больше всего наслаждения владельцу доставляло бросать вызов штормам – едва поднявшись на борт, он с нетерпением следил за стрелкой барометра, – он должен быть уверен, что его могучий корабль, как и всегда, дерзновенно понесется навстречу гигантским волнам, разрезая их носом! И пусть обезумевшие пассажирки-метрессы возносят мольбы господу, чтобы тот спас их от кораблекрушения – а Вендору хоть бы что, ведь без этого он не получит удовольствия! Но все это не мешало ему требовать от метрессы в момент блаженства среди разбушевавшихся волн неколебимого хладнокровия! Другим его развлечением было вводить пассажиров в заблуждение относительно курса яхты – скажем, уверять их, что она идет вдоль берегов Испании, хотя на самом деле она невдалеке от Неаполя. Бывали, впрочем, у него и более безобидные чудачества – скажем, опустить в чашку кофе кусок сахару в обертке и заключить пари: за сколько времени растает? Любил прятать драгоценные камни так, чтобы женщины, коим они предназначались, находили их в самых неожиданных местах… Ну, довольно, а то уже делается скучно.

* * *

Вендора познакомила с Габриель Вера Бейт. Настоящее имя ее – Сара Гертруда Аркрайт, русское имя Вера было взято ею позже как более элегантное. Она родилась в Лондоне в 1888 году, а в 1919-м вышла замуж за американского офицера Фреда Бейта. Редкостная красавица пользовалась в высшем обществе исключительной любовью; притом поговаривали, будто она незаконная дочь кого-то из членов королевской семьи. Неудивительно, что круг ее близких друзей включал принца Уэльского, Уинстона Черчилля, герцога Вестминстерского, Альфреда Даффа Купера, Линду и Кола Портеров, Сомерсета Моэма… Габриель пригласила ее к себе на службу – модные наряды смотрелись на ней с особым шиком, и лучшей живой рекламы издателям Дома Шанель среди высшего лондонского общества было не найти. Случилось так, что в 1924 году две подруги отправились на несколько дней в Монте-Карло. Там Вера передала Габриель приглашение от герцога Вестминстерского на обед на яхте «Летящее облако», которая как раз стояла на якоре в монакском порту. Но Коко ответила отказом: личность Вендора не произвела на нее никакого впечатления. Богатство? Ну и что в этом такого? Разве у нее самой не достаточно средств для удовлетворения всех своих фантазий? И потом, его разводы, его чудачества… Все это отнюдь не прибавляло интереса к сей персоне. Но великий князь Дмитрий, сохранявший с Коко отношения доброй дружбы, настаивал, чтобы она все же приняла приглашение. Да и само по себе любопытно познакомиться с герцогом, побывать на борту его посудины и увидеть собственными глазами, как там все устроено и какая там царит атмосфера… Наконец, после долгих уговоров, Габриель сдалась, поставив только условием, чтобы в числе приглашенных был и сам Дмитрий…

Итак, все четверо сели за стол в кают-компании, меж тем как цыганский оркестр угощал их серенадой. После трапезы Вендор пригласил гостей в салон потанцевать, но умысел тут был иной: он принялся делать Габриель далеко идущие авансы. И он не привык, чтобы его заставляли ждать, а тем более сопротивлялись. У него это было в крови – недаром он из рода Гросвеноров, больших охотников! На дичь ли он охотился или на женщин, но никогда не возвращался без добычи. Однако Габриель упорствует под различными предлогами – мол, масса работы, столько времени отнимает подготовка коллекций… Да, ей хотелось бы влюбить его в себя – но так, чтобы не попасть в ловушку. Не этого она ждала бы от возлюбленного. Вовсе даже наоборот. Между тем герцог многократно увеличил количество знаков внимания – посылал цветы и фрукты, произраставшие в оранжереях Итон-

Холла, чтобы Коко могла полакомиться дынями и клубникой в разгар зимы или украшать свои вазы гарденией и орхидеями в любое время года, а то и отправлял ей шотландских лососей, которых слуга доставлял прямо в Париж самолетом – пусть Габриель отведает, пока они совершенно свежие! Ну и, конечно, любовные письма, доставлявшиеся адресатке не с почтой (о, что это был бы за моветон!), а специальными курьерами. И, наконец, драгоценности – бриллианты, сапфиры, изумруды… Сомнительно, чтобы Вендор считал деньги! Но изобилие подарков только напомнило Габриель со всей жестокостью об эпохе Руалье. Той эпохе, когда ее пытались купить, а если называть вещи своими именами, держали ее в наложницах. Той эпохе, которую она рада была бы забыть любой ценой и от которой сумела освободиться благодаря своей энергии. Что ж! Она стала посылать ему ответные подарки, эквивалентные по стоимости полученным, давая понять, что ее не купишь. Кстати, она не больно-то доверяла ему, предчувствуя, что если она ему уступит, то он потребует от нее полного подчинения своей персоне и своим капризам. Можно ли было ожидать иного от мужчины, обладающего таким богатством и такой властью?

Между тем через несколько месяцев после знакомства с герцогом она прочла в газетах приведенные нами выше заметки, представлявшие ее как будущую герцогиню Вестминстерскую. Это ее только насмешило. Да и что, пардон, она будет делать в Англии?

– Милая, ты слышала новость? – говорила она своим подругам, прыская со смеху.

Однако в то же время многое говорило Габриель, что она была для Вендора чем-то неизмеримо большим, чем эфемерный каприз знатного господина. Хотя бы то, что он пожаловал к ней в ателье на рю Фобур-Сент-Оноре, приведя с собою друга – принца Уэльского, будущего короля Эдуарда VII. Отношение Габриель к поклоннику-аристократу начало меняться, предубеждения постепенно рассеялись. В один прекрасный вечер, оказавшись на борту «Летящего облака», она притворилась, будто не заметила, что все другие приглашенные гости разошлись, что яхта покинула порт и что они с герцогом остались наедине в открытом море…

* * *

Этой связи суждено будет продлиться пять лет. Разумеется, влюбленные не жили постоянно под одной крышей: во-первых, процедура развода – дело хлопотное и долгое, а во-вторых,

Габриель совершенно не собиралась бросать свое дело. Она позволяла себе с Вендором только сравнительно короткие встречи, тайные поездки и, конечно же, морские круизы. Герцог пригласил ее в Итон-Холл – это было колоссальное сооружение, возведенное в 1802 году одним из его предков на месте усадьбы XVIII века, которую пращур имел глупость совершенно стереть с лица земли. Сколько это здание впоследствии ни перестраивалось, его уродство оставалось неисправимым. Но это уродство, перенасыщенное барокко-излишествами, было по-своему интересным – не лишенный чувства юмора Вендор заявлял даже, что, в конце концов, его замок не менее очарователен, чем вокзал Сент-Панкрас в Лондоне. Как бы там ни было, в интерьерах Итон-Холла было чем полюбоваться: тут и Рубенс, и Веласкес, и Рафаэль, и Гойя, а также английские классики – Гейнсборо и Рейнолдс. Еще там имелись огромная лестница, по которой посетитель поднимался под неусыпным взором доброй дюжины рыцарей в старинных доспехах с опущенным забралом, и бесконечные готические галереи, где каждый шаг, отдаваясь эхом под угрюмыми сводами, навевал глухую тоску. Порою гости, плутая по залам и галереям необъятного сооружения, не могли потом отыскать своих комнат и чувствовали, будто затерялись на страницах романа Вальтера Скотта. Но что более всего поражало гостей, так это выставленные в галереях замка, в стеклянных клетках, скелеты лошадей. Кости так и сияли в лучах мягкого, искусно проведенного света.

– Это еще что такое?! – воскликнула потрясенная Коко.

– Это все, что осталось от наших лучших жеребцов, – ответил герцог. – Это идея моего дедушки…

Но сюрпризы Итон-Холла на этом не закончились – Габриель удивилась еще больше, когда обнаружила в подвалах замка не менее семнадцати штук старинных «Роллсов». У них регулярно заменяли двигатели, но не кузова, как поступали бы нувориши. «Мы не аргентинцы», – говорил Вендор. И все эти машины были в постоянной готовности к отправлению – баки заправлены, аккумуляторы заряжены. Замок мог принять гостей в любой момент – здесь был готов и стол, и постель, и десятки слуг к вашим услугам. В порту Честера, совсем близко от замка, стояли принадлежавшие герцогу моторные лодки, ожидавшие команды выйти в море… С незапамятных времен бытовала традиция, что любой член королевской семьи, который изволит удостоить своим визитом любое из владений герцогов Вестминстерских, должен быть принят сообразно своему рангу. *«Я познала здесь* роскошь, о которой никогда более не посмею и возмечтать», – впоследствии скажет Габриель.

Иные традиции Итон-Холла показались Габриель забавными – вот, например, куранты, которые в полночь вызванивали мелодию «Ноте, sweet поте» – «Милый, милый дом», что служило гостям сигналом ложиться спать…

Но более всего Габриель любила парк – ухоженность и мягкость зеленых английских газонов, мастерство садовников и ландшафтных архитекторов, самым деятельным из которых был не кто иной, как сам герцог Вестминстерский, который обожал вычерчивать контуры искусственных русел. Потом она подолгу будет рассказывать о том своим друзьям. Как и об огромных теплицах, где произрастали тысячи пышных цветов. Но шли они не на украшение роскошных залов замка – их передавали в дома престарелых и в больницы. Такова была здешняя нерушимая традиция. Но Габриель, не зная о том, нарезала их целые охапки и с большим вкусом разместила на обеденном столе и в вазах многочисленных гостиных. Запахло скандалом. Вендор потребовал от Габриель больше так не поступать и вообще не беспокоить старшего садовника. Позже он, заметив в одном из дальних уголков парка дикие цветы невиданной красоты, собственноручно срежет их, чтобы поднести Коко.

Каждый уик-энд Итон-Холл принимал до шести десятков гостей. После обеда давался бал под аккомпанемент местного оркестра – герцог обожал танцевать. Порою приглашались различные артисты: имитаторы, мимы, жонглеры, престидижитаторы. На этих вечеринках Габриель познакомилась с Уинстоном Черчиллем, в то время занимавшим пост министра финансов. Черчилль помнил Вендора еще с юных лет по англобурской войне[47] и был одним из его лучших друзей. Среди гостей бывали и другие представители английского джентри, с которыми герцог Вестминстерский поддерживал самые теплые отношения: семейство Кьюнард, лорд Лонсдейл, члены клана Мальборо…

Габриель быстро сделалась хозяйкой дома, и эта роль была для нее весьма лестной – ведь она уже была руководительницей предприятия в три-четыре тысячи человек. Со своей стороны, Вендор не стыдился показать нос *истеблишменту.* Да и среди его полных спеси и чванства экономов и слуг было тоже немало таких, которые предпочли бы получать распоряжения *от леди.*

Мало-помалу Габриель открывала для себя характер своего спутника. Трудно было себе вообразить более простого, более далекого от снобизма человека, говорила она. И добавляла: «В его натуре было что-то от клошара». С одной стороны, он велел своему камердинеру каждый день гладить ему шнурки для ботинок; но обувь он носил только изношенную, даже с протертой

подошвой. В ней он чувствовал себя гораздо лучше, особенно во время танцев. Когда же ему пытались возражать, что это, мол, не слишком элегантно, он делал едва заметный непринужденный жест и говорил, что на сегодняшнем вечере гости не обратят на это особенного внимания – ведь ботинки темного цвета. Сомнительно, чтобы Коко доставила ему удовольствие, купив ему целую дюжину пар: делать ему нечего, как бегать по грязи да по лужам несколько дней подряд, отчего они, конечно, разносятся, но не станут приятнее, чем привычные! Вообще же Коко, такая независимая по складу натуры, держала себя с герцогом как юная пансионерка: все ее высказывания были разумны, все слова духовны, все суждения здравы.

Так что ж, она растеряла способность критически мыслить? Или нарочно стала проявлять дипломатическую мудрость? Последняя гипотеза представляется нам самой правдоподобной. Не забудем, что Габриель – по крайней мере какое-то время – была очарована таким неординарным персонажем, как герцог. Но она решила играть в эту игру… ни на йоту не уступая своей независимости! Так, она категорически отказывалась сказать хоть слово по-английски, мотивируя это тем, что якобы не знает языка. Как она объясняла своим друзьям, кто-то из ее приятелей-британцев запретил ей учить язык, чтобы до ее понимания не доходили разные глупости, которыми обмениваются между собою мужчины, и он в том числе. Но этот предлог был выдумкой от начала и до конца: в действительности, требуя от своих собеседников объяснения на французском (которым владели далеко не все из них), она заставляла их почувствовать свою неполноценность. Сама она, кстати, неплохо понимала по-английски и даже, желая совершенствоваться, тайком брала уроки у секретаря герцога, который страшно боялся, как бы хозяин не узнал…

* * *

Еще одним развлечением Вендора и его друзей была ловля лососей в Шотландии. Конечно, Габриель должна была в сем участвовать и приезжать в Стэк-Лодж. По правде говоря, она терпеть не могла забрасывать спиннинг и поначалу не проявляла в этом особой ловкости. Восемь, девять, десять часов подряд махать удилищем и крутить катушку – с ума сойдешь от скуки! Но в *конце* концов, считая неудобным отказываться, она решила, что разумнее будет заинтересоваться этим спортом всерьез. Ловля на спиннинг требовала силы, ловкости и терпения, а этих

качеств ей было не занимать. И поскольку не в ее правилах было бросать дело на полпути, она быстро наловчилась: не проходило дня, чтобы она не возвращалась без двух-трех отличных экземпляров, тогда как Черчилль ежился на берегу реки от холода, проклиная свою невезучесть…

Кстати, для Черчилля это был не единственный повод выразить свое восхищение Габриель. Еще за несколько месяцев до того, во время охоты на кабана в Мимизане, будущий премьер так поразился силе ее личности, что написал жене: «Приехала знаменитая Коко, и я восхитился ею. Это одна из самых умных и приятных женщин и самая сильная личность, с которой Бенни (Вендору) когда-либо приходилось иметь дело. Весь день она провела на охоте, нимало не потеряв в бодрости, а после обеда помчалась на машине в Париж – и сегодня занята совершенствованием и улучшением платьев, наблюдая за проходящей перед нею бесконечной чередой манекенщиц».

Вполне естественно, не меньше заботило герцога Вестминстерского и участие его чистокровных жеребцов в больших скачках – нельзя было опозорить предков, в особенности деда, владельца знаменитого Вендора. Каждый год герцог нанимал специальный поезд, который отвозил гостей в Ливерпуль на розыгрыш Национального Гран-**При.**По словам Габриель, видно, такова была воля свыше, чтобы на ее жизненном пути постоянно встречались лошади и любители лошадей. Сперва папаша, который, нахлестывая несчастную клячонку, колесил по всем дорогам Франции, потом заводчик чистокровных рысаков Этьен Бальсан, затем – страстный игрок в поло Артур Кэпел и вот теперь – человек, которого величали лошадиным именем с нежных младенческих лет…

* * *

Без сомнения, в эти годы Габриель совершила немало круизов на принадлежащих Вендору яхтах. Однажды они с герцогом побывали в крепости Гибралтар, где под скалою располагалось огромное хранилище питьевой воды – целое подземное озеро, по которому можно было плавать на лодке. И такое же плавание можно было совершить по безмерному хранилищу мазута с одним только условием – не зажигать сигарету… Позже она будет щедро угощать рассказом об этом плавании своих подруг, которых бросало в дрожь от все новых и новых подробностей.

Время от времени в гости к Габриель наезжала Мися, пытаясь

хоть немного утешиться. Ее союз с Жозе Марией Сертом был жестоко скомпрометирован. С некоторых пор в жизнь четы вошла очаровательная девятнадцатилетняя грузинка Русудан Мдивани, которую звали просто Русси. Ее отец, генерал Мдивани, бывший губернатор Батумской области, бежал от революции и нашел убежище во Франции, прожив перед этим какое-то время в Константинополе с женою и детьми – тремя мальчиками и двумя девочками, Ниной и Русси. Вся эта печальная для польки история началась в 1925 году. Жозе Мария Серт, занимавший новую мастерскую на вилле «Сегюр» на Монпарнасе, трудился над новой скульптурой, когда раздался звонок в дверь. Он открыл и обомлел. Перед ним стояла высокая худощавая девушка в рабочей одежде; ее белокурые пепельные волосы оттенялись отдельными золотыми прядями, а лицо озаряли серо-зеленые глаза и чуть насмешливая, но притом ангельская улыбка. Жозе Мария был столь потрясен, что едва мог понять, о чем говорила гостья – оказывается, она решила посвятить себя скульптуре и хотела бы спросить у него кое-каких советов, в частности, где можно найти свободную мастерскую – ее теперешняя слишком тесна. Серт принял ее как родную, очаровал своей эрудицией, покорил своим даром рассказчика… Со следующего же дня она стала приходить к нему ежедневно. Сначала действительно были уроки скульптуры, но затем цель ее визитов изменилась: она сделалась излюбленной моделью скульптора. Сначала лицо, потом и все тело… Что же касается «уроков», то юная грузинка проявила себя столь даровитой ученицей, что старина Серт влюбился как мальчишка. Что касается Миси, то она прекрасно знала о многочисленных визитах в мастерскую на виллу Сегюр молодых женщин и непременно предупреждала о своем возвращении телефонным звонком. Но в этот раз она почувствовала, что ситуация куда серьезнее: ее благоверный имел неосторожность слишком экзальтированно рассказать о новой гостье, и уже по его голосу чувствовалось, что он, разменявший шестой десяток, разом помолодел лет на десять, если не больше. Она мигом бросилась к своему мужу в мастерскую и увидела на ее пороге выходящую оттуда высокую блондинку – не ту ли самую, о которой ей с таким восторгом рассказывал муж?! решив, что время действовать, она дозвонилась сопернице, договорилась о встрече, явилась к ней в мастерскую с подарком. Читала ли она ей мораль, умоляя не разбивать их такую ладную семью? Убеждала ли, что у нее все впереди и она еще встретит юношу своих лет? Возможно, именно это она и намеревалась сделать… Но встреча с Русси словно сразила польку громом – соперница оказалась такой естественной, безыскусной, такой лучащейся в

своей невинности, что Мися никак не смогла увидеть в ней своего врага. Будучи не в силах устоять, она пригласила красавицу-грузинку пожаловать к ним этим же вечером на ужин. Назавтра она пригласила ее на обед, на следующей неделе – на бал… Жозе Мария, который явно не ожидал такого от своей благоверной, дни напролет выслушивал от нее самые восторженные похвалы в адрес Русси. Мися повсюду таскала ее с собой. Вскоре, куда бы они ни направлялись, то только втроем. Нетрудно догадаться, какие тут понеслись сплетни – мол, Серты, эта дьявольская пара, развратили юную особу, чтобы ее присутствие помогло им подогревать угасающую страсть… Со своей стороны, Коко предупредила свою подругу по телефону, чтобы та была начеку: не сходи с ума, ты играешь с огнем, скоро тебе придется раскаяться, помяни мое слово! Куда там! По инициативе Миси супруги Серт предоставили Русси великолепную открытую машину, о чем им быстро пришлось пожалеть – юная красавица и ее брат, каждый в своем авто, понеслись на полном газу по площади Согласия бок о бок, взявшись за руки, пьянея от собственной удали и не сознавая опасности… Получив строгую выволочку, они со стыдом поклялись, что это в последний раз…

От месяца к месяцу союз троих становился все прочней. Ситуация все более запутывалась… Восемью годами ранее Мисе уже случилось испытать привязанность к другой женщине – Габриель, с которой она столько времени прожила под одной крышей и с которой ее и поныне связывала бурная дружба. На сей раз предметом увлечения польки стала пассия ее супруга… Мися не могла понять, кто из двоих ей дороже, Русси или Жозе Мария Серт. Более того, она приходила в восторг при мысли о собственном благородстве – еще бы, ведь она вверяла своему благоверному существо, к которому была привязана как ни к кому другому на свете!.. Добавим к сему, что полька, которая к своим 53 годам никогда не имела детей, питала к юной сопернице чувства, сходные с материнскими, – ведь будь у нее дочь, ей было бы сейчас примерно столько лет, сколько Русси… Иной раз она подумывала так: мы оба, я и Жозе Мария, обожаем Русси, и хотя каждый из нас любит ее на свой манер, но мы соединяемся в ней. Разве это не укрепляет их союз? Кстати, Мися вообразила себе, что со временем страсть Серта к прекрасной грузинке мало-помалу поутихнет. И что юная особа, со своей стороны, не останется неблагодарной к щедрости Миси и сама отойдет от господина Серта. Но однажды в Биаррице, приводя в порядок костюмы супруга, Мися наткнулась на письмо с уже приклеенными марками, которое тот не успел отправить. На конверте значился адрес Русси. Раздираемая любопыт-ством, она

вскрыла его… Муж писал адресатке, что хочет на ней жениться и ради этого оставить супругу… Не будем останавливаться на перипетиях, которые засим последовали, скажем только, что 28 декабря 1927 года был объявлен развод Миси и господина Серта. Разлучница, как могла, утешала оставленную супругу, выплакавшую все глаза. «Не плачь, – шептала она, – мы вдвоем будем любить тебя, ибо мы обязаны тебе своим счастьем!» И Мися продолжала нежно любить и бывшего мужа, и ту, которая его увела. В конце концов она заболела. Шанель пригласила ее к себе, ухаживала за гостьей и по мере сил старалась успокоить… И, по-видимому, неплохо преуспела в этом, потому что Мися, которая не переставала обожать Русси, помогала ей в предсвадебных хлопотах с такой нежностью, будто это была ее родная кровинка. Заботясь о приданом, она отправила Русси к Коко, участвовала в выборе нарядов и торговалась о цене – Габриель охотно шла на уступки, ведь и ей самой Русси показалась очаровательной. Хотите верьте, хотите нет, но Мися помогла бывшему мужу выбрать рубиновое колье и обручальное кольцо, которое он наденет на палец своей новой супруге… Свадьба состоялась в Гааге 18 августа 1928 года.

Итак, Мися осталась одна… Чувствуя, как она нуждается в утешении, Габриель снова пригласила ее к себе. Подруги отправились в Лондон, где их уже ждал герцог Вестминстерский, а затем в *Итон-Холл*. Но полька *сочла* этот замок мрачным. Комнаты, погруженные в полутьму, промозглый климат – все это навевало ей только хандру. Длинные готические галереи вызывали в ее памяти самых кошмарных шекспировских персонажей и их преступления – ей казалось, что вот-вот появится леди Макбет, пытающаяся избавиться от несмываемого пятна. Своя среди парижской интеллигенции, она чувствовала себя неуютно в кругу людей, главными темами разговора которых были перипетии охоты на лисиц или стати чистокровных жеребцов. В этом кругу не понимали ее острот, здесь никого не могли тронуть ее тонкие аллюзии, а сама она не понимала британский юмор. Нечего и думать о том, чтобы ее могла увлечь ловля лососей спиннингом в Стэк-Лодже. Несмотря на усилия Коко, которая сама весьма неплохо приспособилась к английским нравам, Мися быстро покинула Итон-Холл. Правда, у нее была на то веская причина: она спешила присоединиться к двум влюбленным, которые имели неосторожность пригласить ее в круиз в Грецию и Турцию. Этот круиз обернулся пыткой для всех троих…

* * *

Следующим летом, в августе 1929 года, Вендор пригласил Габриель и Мисю в плавание на «Летящем облаке» – предполагалось побывать на далматинском побережье, в частности, в Дубровнике, в устье Котора и, конечно же, в Венеции. Но вот в одно прекрасное утро на яхте запищала радиостанция – срочная телеграмма на имя Миси: «Я болен, приезжайте скорее. Сергей». Герцог Вестминстерский тут же приказал изменить курс, и яхта полным ходом пошла на Венецию. Едва судно пришвартовалось, Габриель и Мися тут же помчались в «Гранд-отель» на Лидо. Здесь, в крохотном номере, они нашли несчастного Дягилева; тот был очень бледен, лицо исхудало, лоб покрыт каплями пота… Несмотря на удушающую жару, обычную для августа месяца, его бил озноб, так что пришлось даже надеть пиджак. У изголовья больного дежурили Серж Лифарь и Борис Кохно. «Как я счастлив! – чуть слышно пробормотал он при виде Миси. – Как тебе идет белое! Всегда ходи в белом, Мися!»

Дягилева сразил приступ диабета. Он не соблюдал никакого режима, не следовал никаким предписаниям, не давал себе ни минуты передышки – и вот результат… А инсулина тогда еще не существовало.

Потрясение, которое Коко испытала в то венецианское лето, не помешало ей вспомнить прелестный вечер в июне прошлого года. Освещенный сад Фобур-Сент-Оноре; до слуха доносятся нежные звуки блюза, исполняемого невидимым оркестром… И Сергей Дягилев – элегантный, радостный от встречи с новым семнадцатилетним другом – Игорем Маркевичем, будущим дирижером. Какой контраст между тем блистательным «Дягом» при монокле и с белым глазком для продевания шнурка и этим несчастным больным, который, скрючившись, лежал перед нею.

Мися велела позвать к изголовью Дягилева врачей и сестер. Вскоре его состояние улучшилось.

– Можешь идти, – сказала она подруге. – Он вне опасности.

Мися осталась в Венеции, а Габриель вернулась на яхту.

Увы, это была только отсрочка приговора. 18 августа около полуночи, едва только полька вернулась к себе в номер отеля «Даниели», тишину разорвал телефонный звонок. Звонил Кохно.

Больной был в коме. Она тут же поспешила к нему.

…Он ушел из жизни в тот самый миг, когда первый луч рассвета коснулся его лба. Вскоре солнце превратило поверхность моря в блистающий мираж. И тут произошло нечто типично в русском духе, вполне достойное романа Достоевского… По словам Миси, смерть Дягилева послужила искрой, воспламенившей накопившуюся ненависть друг к другу юношей, оставшихся после него на грешной земле. Послышался рев –

«Кохно набросился на Лифаря, стоявшего на коленях по другую сторону смертного одра. Оба катались по полу, рвали друг на друге одежду, кусались, точно звери в приступе бешенства. Будто две лютые собаки оспаривали труп хозяина. Но вот первое мгновение шока миновало, мне и прислуге с большим трудом удалось их разнять и выставить за дверь, чтобы можно было начать обряжать покойного».

В тот же день, когда не стало Дягилева, в Венецию вернулась Габриель. Охваченная недобрым предчувствием, она умолила Вендора повернуть в обратный путь яхту, уже далеко зашедшую в воды Адриатики. Едва сойдя на берег, она встретила свою подругу, которая только что заложила у ювелира свое бриллиантовое колье, чтобы устроить похороны. Касса «Русских балетов», как всегда, была пуста, а личные деньги Миси ушли на оплату отеля, врачей и сестер милосердия. Коко щедро внесла долю в оплату скорбного обряда – это было последнее, чем она могла услужить тому, кому так успешно помогала девять лет назад. И – странное совпадение – она провожает его в последний путь в той самой Венеции, где когда-то познакомилась с ним. Не знак ли это судьбы?..

На следующий день в предрассветном тумане от набережной отплыл кортеж из трех гондол. Первая – вся черная, украшенная золотыми крыльями по углам – перевозила останки маэстро. Во второй сидели Габриель и Мися, обе в белом, как он и хотел. С ними – их общая подруга Катрин д'Эрлангер, Лифарь и Кохно. В последней – пять православных священников, певших хором; волны далеко разносили эхо их густых голосов. Море было на удивление спокойным, являя собой зрелище немыслимой красоты. Скользя по волнам, кортеж достиг острова Сан-Микеле, где над розовой стеной, окружившей последнее пристанище венецианцев, взметнули свои верхушки кипарисы. Под ними выстроились в ряд кресты небольшого русского кладбища, ожидавшего прах Дягилева; позже здесь же обретет вечный покой и автор «Весны священной». Выйдя из гондолы, убитые горем Кохно и Лифарь собрались было проползти до вырытой ямы на коленях. Но раздраженная Габриель призвала их к приличию:

– Прекратите паясничать! – бросила она.

Но ей не удалось воспрепятствовать тому, чтобы Лифарь обменял свои запонки на те, что были на рукавах у его кумира. Он сохранит их до самой смерти.

* * *

Несмотря на трагические воспоминания, которые навевало ей Средиземноморье, Габриель еще с 1926 года мечтала приобрести на Лазурном берегу хорошее имение. Безусловно, к этому ее подталкивала неистребимая жажда независимости – приглашая туда герцога Вестминстерского, она лучшим образом доказала бы себе самой и всем другим, что ей не быть – и она никогда не была! – содержанкой, каковой ее могли величать во времена Бальсана. Правда, затея не удалась ей до конца: долгое время поговаривали, что «Ла Пауза» – подарок от герцога… По крайней мере земля, на которой она возведена. Однако в действительности герцог не имел к этому никакого отношения. В 1928 году Габриель самостоятельно приобрела на высотах Рокебрюн имение с видом на море. Здесь, среди вековых олив, среди эвкалиптов с дурманящим запахом, среди лаванды и гиацинтов, стоял большой старый дом; его построил некий сэр Уильямсон, один из тех влюбленных в Лазурное побережье англичан, каких было немало в ту пору. Этот дом новая хозяйка повелела снести – ей нужна была летняя резиденция, отвечающая ее вкусам. Свои взгляды она изложила архитектору Роберту Штрейцу. Когда он представил на ее суд планы будущего дома, она потребовала внести только одно изменение: чтобы большая каменная лестница, которая вела в холл, как две капли воды походила на ту, по которой ей приходилось подниматься в сиротском приюте в монастыре… Пусть так и называется – «Лестница монашек». Добросовестный архитектор тут же помчался в Коррез и сделал все необходимые эскизы и обмеры. И что бы вы думали? Там еще жила прежняя настоятельница – как же, она помнит свою юную пансионерку…

Важная деталь: когда заинтригованные друзья Коко расспрашивали ее, откуда такая необычная лестница, она отвечала: это, мол, точная копия лестницы в аббатстве, где она проводила каникулы. И ни слова о сиротском приюте! Да, конечно, ею владело неотвязное желание позабыть ту, далеко не лучшую в ее жизни пору душевного одиночества… Но вот любопытный парадокс: Коко столь же страстно желала сохранить память о ней! Ведь это была та дивная пора, когда она, юная отроковица, имела возможность мечтать. Мечтать о возвращении своего отца, лелеять надежду, что ее не бросили, питать еще какие-то жалкие иллюзии… Это была ненавистная и при всем том дорогая ее сердцу эпоха, которую ей никогда не вытравить из памяти. Вот откуда эта «Лестница монашек» на вилле «Ла Пауза», по ступеням которой хозяйка каждый день будет подниматься и спускаться, тоскуя о былом… Вот откуда те крупные суммы, которые она будет анонимно перечислять конгрегации,

управляющей сиротским приютом, и тайные, терзающие душу поездки в Коррез своего детства. Пока велось строительство, она каждый месяц приезжала посмотреть, как идут работы: рано поутру «Голубой экспресс» доставлял ее на вокзал в Монако, а там она брала такси на весь день. Дом был завершен менее чем за год. Он состоял из трех корпусов, выходивших во внутренний дворик в римском стиле; дворик был замощен сотней тысяч плиток, уложенных в песок, и обнесен высокой оградой из кованого железа. Гараж был рассчитан на шесть машин.

В глубине парка Габриель сохранила нетронутыми две виллы. Одну из них, называемую «Ла Коллин» – «Холм», – она предоставит в распоряжение Веры Бейт и многих других своих подруг и друзей. Нередким гостем здесь будет Жан Кокто, особенно после тифа, который настиг его в Тулоне в 1931 году. Она пересадила в парк два десятка столетних олив – тех, что остались от прежнего владельца, ей показалось недостаточным. Для меблировки и создания декора интерьеров был приглашен оформитель Янсен.

Во сколько ей все это стало? Вот цифры: за участок земли заплачено миллион восемьсот тысяч тогдашних франков, а постройка дома обошлась ей в 6 миллионов,[48] и это не считая мебели, декора и прочих мелочей.

Архитектор «Ла Паузы» Штрейц, у которого в 1971 году брал интервью Пьер Талант, рассказывал, что был потрясен двумя чертами личности Габриель – живостью ее ума и щедростью. Ему казалось, что в дискуссиях ему никогда не удавалось достигнуть уровня своей собеседницы. А что касается ее щедрости, то он приводит поразительный пример. Как-то раз Габриель пригласила его к себе на завтрак, но у него сломалась машина. Хозяйка тут же прислала за ним авто, а когда настало время отдохнуть после завтрака, она неожиданно сказала своему мажордому:

– Уго, отыщи-ка ключи и документы на «Морс» (такой же, как и у гостя) и отдай господину Штрейцу.

Архитектор рассыпался в благодарностях и обещал вернуть машину в три дня.

– Не беспокойтесь, – ответила она. – Пользуйтесь сколько хотите.

Выбор Габриель Рокебрюна для постройки виллы оказался удачными. Вот бы пригласить сюда герцога Вестминстерского! Сюда, где она чувствует себя как нигде непринужденно, где она наслаждается независимостью, немыслимой среди чопорной спесивости Итон-Холла! Но было необходимо также, чтобы и Вендор, со своей стороны, нашел несколько разумных причин выбрать для визита к Коко именно это из ее многочисленных

владений. Во-первых, здесь с высокой террасы открывается умопомрачительный вид, любоваться которым никогда не надоест. Во-вторых, здесь, в Рокебрюне, у него будет соседом не кто иной, как Уинстон Черчилль, который имел привычку приезжать на отдых в этот уголок Лазурного побережья, а именно на мыс Кап д'Ай, в гости к лорду Бивербруку или лорду Ротермеру, магнату британской прессы, который владел, помимо прочих, газетами «Дейли экспресс», «Санди экспресс», «Дейли мейл», «Ивнинг ньюс». Иногда Черчилль приезжал также в Гольф-Жуан к Максиму Эллиоту. Там или же на мысе Кап д'Ай он трудился над историей своей семьи. Или же, в соломенной широкополой шляпе и с сигарой в зубах, усаживался на раскладной стульчик и неустанно писал полюбившиеся ему здешние морские пейзажи. Здесь, на Лазурном побережье, он проводил все больше времени, ибо все в том же 1929 году ему пришлось оставить должность министра финансов, и казалось, что на его политической карьере поставлен крест. Разве мог он тогда знать, сколь важная роль будет уготована ему десять лет спустя? Кстати сказать, «Ла Пауза» располагалась всего в нескольких километрах от княжества Монако, где в порту приписки стояла яхта «Летящее облако» и где герцог, пылавший страстью к баккара и рулетке, сможет просаживать столько денег, сколько ему заблагорассудится.

* * *

Итак, Вендор по приглашению Габриель пожаловал на виллу «Ла Пауза», и, по-видимому, новая резиденция его возлюбленной ему понравилась. Особенно польстило ему то, что один из двух домиков в глубине парка был приспособлен под мастерскую художника. Вендор как раз сейчас увлекся живописью, как и его друг Черчилль, – что ж, здесь ему будет уютно писать свои акварели! На самой же вилле все было устроено так, чтобы гости могли насладиться полной *свободой.* Вот какое яркое впечатление о царившей там атмосфере осталось у Беттины Баллард: «Здесь я наслаждалась отдыхом и комфортом, как никогда прежде». Сама хозяйка занимала верхнюю часть правого крыла, бок о бок со своей неразлучной полькой. В левом крыле расположились гостевые апартаменты из двух комнат; каждый имел небольшую гостиную и ванную, но все они соединялись между собою общим входом. Планировка была организована так, чтобы горничные не показывались гостям на глаза, а всего вилла насчитывала сорок комнат. Все было предусмотрено для удобства приглашенных,

вплоть до парка небольших авто с шоферами, каждое утро готовых к услугам тех, кому захочется съездить в Монте-Карло – в спортклуб, в казино, на пляж или попросту на прогулку.

Конечно же, Габриель была первой, кто наслаждался свободой, которую она предоставляла гостям. Она никогда не показывалась из своей комнаты (там же и завтракала – чашечка кофе да ломтик поджаренного хлеба) раньше часа пополудни, разве затем, чтобы позагорать на солнышке на террасе. Для многочисленных своих гостей она устроила буфет. Помимо специально подогреваемых горячих блюд, как, например, *паста* по-итальянски, там были различные овощи, охлажденное мясо, особенно ростбиф, и в изобилии крепленые вина. Гости сновали туда-сюда от буфета к *столу и обратно.* Только одному человеку из прислуги разрешалось выходить к гостям – мажордому-итальянцу Уго: хозяйка терпеть не могла, когда под ногами путалось сонмище слуг, как в Итон-Холле.

Сама Шанель, страшно боясь располнеть, ела чуть-чуть и не выпивала больше двух бокалов вина. Зато болтала помногу. Как рассказывала Беттина Баллард, Коко любила усесться в столовой у камина, сунув одну руку в карман (а другою жестикулировала), и, перемежая свою речь смехом, принималась рассказывать чуть хриплым голосом (дар рассказчицы у нее был незаурядный) анекдоты, порой озорные, о себе самой и о своих друзьях, которые были ее излюбленной мишенью и с которыми она далеко не всегда церемонилась. Она была мастером вставить шпильку. Вот что она говорила, к примеру, о своей – при всем том обожаемой – польской подруге: «Мы любим людей только за их недостатки… Мися дала мне обильные и многочисленные поводы любить ее…» Или такое: «Мися – калека сердцем, крива в дружбе и хрома в любви». Она живет в роскоши? Может быть… Но «ее роскошь противостоит роскоши. Мися настоящий блошиный рынок». Кстати, рассказывала Габриель, она окружает себя ужасными безделушками, обожает только перламутр. «Конечно же, тоска по тине, откуда родом и она, и перламутровые раковины», – добавляет она. Затем она с большим талантом вспоминала странное поведение своей подруги: «Когда она ссорит меня с Пикассо, то говорит: „Я тебя спасла от него“. Или выдумывает о своей польской подруге анекдот – слишком красивый, чтобы быть правдой. Мол, когда в Байрейте она присутствовала на представлении „Парсифаля“, то пожаловалась, что спектакль слишком длинный. На что ее раздраженный сосед-немец ответил: „Может, это вы слишком короткая, мадам?“

Если Габриель желает внушить слушателям, что ее подруга вовсе не «чрезмерно умна», как о том судят иные «поверхностные

люди», она проявляет чудеса ловкости: «Если бы она была чрезмерно умна, я бы с ней дружбу не водила. Я сама недостаточно умна для чрезмерно умных женщин…»

Как бы там ни было, Габриель умеет с блеском использовать свой ум, выдавая самые точные суждения. Так, говоря о Пикассо, она отмечает, что художник одержим колоссальным стремлением к опустошению вокруг себя – и к счастью, замечает она, «я не нахожусь на пути его пылесоса».

Вполне понятно, что столь блистательная хозяйка не испытывала никаких затруднений оттого, что принимала у себя – будь то на вилле «Ла Пауза» или на рю Фобур-Сент-Оноре – самых интересных личностей своей эпохи.

* * *

Одним словом, когда герцог пожаловал на виллу «Ла Пауза», он нашел, что все здесь ему по вкусу. Беда была только в том, что в 1929 году, когда работы на вилле были закончены и он мог туда приезжать и наслаждаться жизнью сколько душе угодно, его связь с Габриель подошла к финалу. И это великолепное жилище, задуманное Коко три года назад именно в расчете на то, что они с герцогом проведут здесь немало блаженных часов, вскоре услышало лишь бурные споры и хлопанье дверями. Что верно, то верно – оба партнера обладали всем необходимым, чтобы между ними зарождались, разгорались и продолжались конфликты и ссоры. И пускай Вендор обыкновенно бывал учтив, мягок и деликатен, это не мешало ему время от времени предаваться яростным вспышкам гнева, а то и блажи, доходившей до самодурства. Поговаривали, что ему случалось поколачивать своих метресс, когда они переставали ему нравиться. Но и у Габриель, обыкновенно такой прельстительной, характер был вовсе не сахар; и ей не чужды были вспышки ярости, сарказм и язвительность. А уж в искусстве больнее всего ранить человека она демонстрировала поистине чудеса меткости… Что не мешало ей быстро успокаиваться и назавтра же забывать то, что было сказано ею накануне. Тогда она обращалась к своему собеседнику с такой естественной и улыбчивой благожелательностью, что ставила его в тупик. Но иные из ее жертв вовсе не собирались прощать ей жестокости, с которой она атаковала их.

Добавим к сему, что герцог был ветрен, непостоянен, и коль скоро, как у всякого такого мужчины, искушений у него было, несомненно, множество, он не способен был сопротивляться им. Всякий раз, когда его яхта заходила в порт, он приглашал на обед

на борт, помимо энного количества Очень Важных Персон, нескольких хорошеньких барышень. Он не мог удержаться от того, чтобы уговорить одну из них составить ему компанию в круизе, а затем, высаживая на берег в каком-нибудь порту, рассыпался в любезностях и одаривал драгоценностями. В одном из круизов он пригласил очередную спутницу, когда Габриель была на борту… Неслыханный афронт… Распрощавшись с предметом своей очередной эфемерной победы, герцог, прежде чем вернуться на борт, предусмотрел кое-что в утешение Габриель – изумруд огромной ценности. Но плохо знал он дочь ярмарочного торговца! Она была не чета тем роскошным куртизанкам, которые вешаются на шею миллиардерам и готовы принять любые унижения… Взяв драгоценность из рук неверного спутника и достав ее из футляра, она посмотрела ему прямо в глаза и, не говоря ни слова, швырнула ее в грязную воду. После этого она развернулась и четким шагом направилась к себе в каюту. А происходило дело в Монако.

Это было суровое испытание для герцога. Он-то привык к тому, что все склонялись перед ним.

* * *

Ну а как же обстояло дело с намечавшимся браком двух влюбленных? Пресса поторопила события: этому союзу, который, казалось, вот-вот станет реальностью, так и не суждено было состояться. Узнав, будто Коко отказала обратившемуся к ней с брачным предложением герцогу Вестминстерскому, заявив: «Он мог бы хоть трех женщин сделать герцогинями Вестминстерскими, но он не мог бы сделать ни одну Коко Шанель!» – «Слишком вульгарно!» – заметила Коко, раздраженная тем, что ей могли приписать столь глупую формулировку. Да, конечно, у нее было выдающееся реноме, она прекрасно сознавала свой талант, но не настолько, чтобы это вскружило ей голову. Скорее ей более подошла бы фраза, которую ей приписала американская журналистка, неисправимая сплетница Эльза Максвелл: «Коко поклялась у еще не остывшего трупа Артура Кэпела, что оденет в траур всех женщин на земле. Вот откуда эти маленькие черные платья, которые с ее легкой руки вошли в моду в первые годы, последовавшие за аварией!»

Как бы там ни было, герцог всерьез задумывался над тем, чтобы жениться на Габриель. Конечно, она не принадлежала ни к французской *ноблесс,* ни к английскому джентри, но ему, пожалуй, только доставило бы удовольствие показать кукиш

старым принципам викторианской эпохи. Кстати, исключительная личность Коко делала ее в глазах герцога вполне достойной союза с мужчиной его ранга. К тому же он, склонный быстро впадать в хандру, видел в ней неиссякаемый источник фантазии и утешающего жизнелюбия, благодаря которому жизнь его станет веселее. Более того, это была женщина его эпохи, которой он сам казался существом далеких веков: она поможет ему преодолеть свою изоляцию и откроет перед ним современный мир. И в завершение – самое главное: ему нужен был наследник, которому он передал бы свое имя и свои богатства. Два предыдущих союза подарили ему лишь двух дочерей, а единственный сын умер в четырехлетнем возрасте от приступа аппендицита.

Со своей стороны, Габриель, по крайней мере в начале своих отношений с герцогом, не слишком помышляла о браке. Но она убедила себя, что, возможно, найдет в лице герцога Вестминстерского моральную поддержку – то, что впоследствии станут называть плечом, о которое можно опереться. Конечно, успехи последних пятнадцати лет многократно доказывали ей, что энергии ей не занимать и что ей нет нужды ни в ком другом, чтобы управлять предприятием, ставшим воистину империей. Но в то же время ей нужен был кто-то, с кем она могла бы отдохнуть душой, перевести дух, хоть это для нее и не было решающим. Кто после смерти Кэпела мог бы ей в этом помочь? Конечно, не Дмитрий – он принадлежал к другому миру. И уж тем более не Реверди, находившийся в добровольном изгнании в Солеме. Но страсть герцога к ней казалась ей истинной – он украшал ее жизнь цветами, драгоценностями и, сделав ее хозяйкой в Итон-Холле, возложил на нее приемы самых важных персон Англии. Более того, он хотел, чтобы она участвовала во всех его развлечениях…

Осенью 1925 года развод Вендора и Виолетты Нельсон был наконец-то провозглашен. По-видимому, с этого момента герцог стал подумывать о новом браке… И излил свою душу Габриель. Но та оценила с первого взгляда, что повлечет за собою ее брак с герцогом. Во-первых, отказ от профессии – а ведь в этом единственный смысл ее жизни. Во-вторых, разрыв со средой писателей и художников, которые окружали ее и которые, по сути, были для нее самой настоящей семьей. Их разделила бы бездна, если бы она стала владелицей замка Итон-Холл… Но, может быть, спрашивала она себя, Вендор все же позволит ей остаться во главе предприятия? Ха-ха! Вот химера: герцогиня Вестминстерская, и вдруг возглавляет модельный дом! Это немыслимо даже в те безумные годы…

Несмотря на все, Габриель стала свидетельницей того, как

повыходили замуж ее подруги. К примеру, Марта Давелли, которая, оставив пение, вышла замуж за одного из «сахарных королей» – Константина Сэ; или Габриель Дорзиа, которая, сохранив свое имя только как сценическое, в жизни стала графиней де Зогеб. А что касается ее тетушки Адриенн, то ее счастье было только вопросом времени: родители Мориса де Нексона не вечны. Так почему бы и Коко не попытать счастья и не вступить в брак – и именно в *такой* вот брак… Боже мой, об этом ведь надо поразмыслить! Но для герцога, в сердце которого смерть маленького сына оставила незаживающую рану, главным было обзавестись наследником – эта мысль стала для него навязчивой. Дошло до того, что он возненавидел детей, которые напоминали ему о его горе. Зная об этой ситуации, Габриель готова была подарить ему такого желанного сына… Но ей шел уже сорок шестой год, и эта надежда если и не была вовсе химерической, то очень рисковала быть напрасной. Могло ли ей теперь удаться то, что не удалось десять лет назад, в период ее отношений с Боем? Она консультировалась с врачами, знахарками, занималась, по совету одной из них, «унизительными упражнениями». Но ничто не помогало. В конце концов она пришла к пониманию, что бессмысленно пытаться перехитрить природу и что придется смириться с тяжкой бедой – бесплодием. Помимо неверности Вендора, это было еще одно, и притом главное обстоятельство, в котором следует искать причины их разрыва. Обоих постигло жестокое разочарование, и этот обман судьбы не мог не повлиять на их настроение.

Позже Габриель так напишет о своем душевном состоянии в эту пору: «Для меня были убийственны эта мерзостная скука и эти богатеи… Я еще находилась там – но меня уже там не было… Ловля спиннингом лососей – это не жизнь. Какое бы то ни было нищенское существование стоит дороже, чем вся тамошняя рутина. Мои каникулы закончились. Они стоили мне целого состояния. Я запустила свой дом, забросила свои дела».

Их любовь стремительно катилась под откос. Оказавшись перед лицом неизбежного, Габриель сама разрубила узел, посоветовав Вендору жениться. «Это самое лучшее, что ты можешь сделать, – объяснила она ему, – коль ты так жаждешь обзавестись наследником». И вскоре, в 1930 году, герцог женился без особого энтузиазма на многоуважаемой Лоэлии Мэри Понсонби, дочери премьер-барона Сисонби, заведующего протокольным отделом при английском дворе. Кстати, Уинстон Черчилль, узнав о том, что его друг озабочен выбором невесты, не преминул напомнить ему о том, что его положение и ранг ко многому обязывают.

Вендор как ни в чем не бывало представил свою невесту самой Шанель, желая знать ее мнение о молодой женщине. Габриель дала весьма скромную оценку этому любопытному демаршу. Послушаем рассказ будущей герцогини Вестминстерской о том, как развивались события:

«Мадемуазель Шанель была на вершине своего реноме. Ее скромные, бесхитростные, простые одеяния почитались вершиной шика. Ей, маленькой брюнетке с кошачьими повадками, такая манера одеваться подходила блестяще. Когда мы встретились, она была одета в дамский костюм цвета морской волны и безупречно белую блузу в сочетании с очень светлыми чулками (светлые чулки были одним из ее кредо).

Прочитавший это описание может подумать, что речь идет о школьнице, но в действительности она (Шанель) производила впечатление высшей степени неестественности.

На ней были многочисленные колье и браслеты, звеневшие при малейшем движении. Ее гостиная была роскошной и богато декорированной. Сама хозяйка восседала в большом кресле, а фоном ей служила пара ширм от Короманделя. Мне же она предложила сесть на маленький табурет у своих ног! У меня сложилось впечатление, будто я оказалась перед лицом судьи, решавшей, достойна ли я стать женою ее бывшего поклонника. Я сильно сомневаюсь, что я выдержала этот экзамен успешно.

Атмосфера отнюдь не была теплой. Безуспешно пытаясь хоть что-нибудь сказать, я поведала, что миссис Кеппел подарила мне на Рождество колье от Шанель. Моя собеседница потребовала, чтобы я не сходя с места описала ей это колье.

– Нет, – холодно сказала она. – Я уверена совершенно, что это колье не от меня.

Вот так внезапно закончился наш разговор».

* * *

Однако в дальнейшем отношения между двумя бывшими возлюбленными оставались, судя по всему, дружескими. Каждый раз, когда герцог бывал в Париже, он наносил визит Габриель. Похоже, он был несколько раздосадован, когда обнаружил, что их разлука вроде бы никак не отразилась на ней. Ему даже показалось, что у нее было легче на душе, и она объяснила это с радостью: все стало проще! К тому же теперь она знает, что ей не придется расставаться со своим делом – ее истинной страстью, – равно как и с литературной и художественной средой, которая доставляет столько радости…

И все же она затаила некую злобу против человека, который побудил в ней напрасные надежды на материнство. Впоследствии всякий раз, когда при ней заговаривали о родах – даже если речь шла о животных, – вся натура ее исполнялась желчью. Она с ужасом вспоминала о том, как при ней котилась кошка: «Я думала, что все закончилось, так нет – у меня в комнате замяукал еще один котенок!» При этом лицо ее искажалось от отвращения. Был и другой случай – как-то раз, когда она была в особенно дурном настроении, ей доложили о том, что пришла журналистка взять у нее интервью. Гостьей оказалась молодая женщина с отчетливо заметной беременностью; она, слегка переваливаясь, подошла к Коко.

– Ступайте, телитесь в другом месте! – только и бросила она вошедшей и указала на дверь.

* * *

Примерно в те же сроки, когда герцог Вестминстерский объявил о своем намерении жениться, а точнее – 29 апреля 1930 года, Морис де Нексон потерял отца. Теперь ничто не мешало ему взять в жены Адриенн, которая преданно ждала его долгие годы. Естественно, Габриель была на этой свадьбе свидетельницей. Можно только представить себе, какие мысли проносились в ее мозгу во время церемонии – она ведь определенно видела, как улетают ее собственные надежды. Но в ее душе достало щедрости, чтобы не пожелать Адриенн того, что ей самой уготовила судьба после такого долгого ожидания, и она искренне поздравила новобрачную.

В том же 1930 году она пригласила к сотрудничеству солемского отшельника Пьера Реверди, с которым она поддерживала переписку, – ей нужно было некоторое количество афоризмов для публикации в различных журналах, с которыми она сотрудничала. В 1930-е годы в ряде периодических изданий, как, например, «Ле мируар дю монд» («Зеркало мира»), уже появлялись статьи – кстати, очень гладко составленные – за подписью «Габриель Шанель», на такие темы, как «Женщина и спорт» или «О новой роскоши»… Но ей хотелось бы, чтобы в ее публикациях было больше литературы, нежели журналистики. И в самом деле, разговоры с писателями и художниками, у которых она бывала в гостях – как, например, Кокто или Сэм, – не однажды позволили ей оценить блеск иных формулировок, меткость которых – особенно тех, что касались человека, общества, отношений между людьми, – сражала ее наповал.

Приближаясь к своему 50-летнему рубежу, пережив столько самых разнообразных форм бытия, она сочла, что накопила достаточно жизненного опыта, чтобы, в свою очередь, выразить свои собственные взгляды на человечество в форме афоризмов. Остальное она найдет в своей библиотеке, в частности, труды Ларошфуко и Шамфора, которые она перечитывает по нескольку раз, когда выпадают краткие мгновения досуга. Она нисколько не претендует соперничать с классиками, не собирается строчить перлы своего остроумия целыми томами – ей достаточно скромных серий афоризмов для журнальных публикаций. Но, сознавая, что литературного опыта ей явно недостает, она сочла за необходимость обратиться за помощью к такому признанному мастеру стиля, как Реверди: уж он-то поделится с ней литературным опытом! И она не ошиблась.

Но как сложилась судьба поэта после 1926 года, когда он, охваченный мистическим кризисом, порвал и бросил в огонь часть своих рукописей и удалился в добровольное изгнание в Солем? Сперва он вроде обрел душевный покой, живя одной жизнью с монахами-бенедиктинцами на правах «брата из мирян» – в пять утра подъем, в семь – месса, затем – работа дома, возвращение в аббатство на торжественную мессу, потом – вечерни… Жена поэта Анриетт следовала по параллельной тропе.

Однако через несколько лет Реверди вдруг обнаружил, что утратил веру (чего не произошло с Анриетт). «Вера, – говорит он, – это стоп-кран на пути к Правде». Но как быть дальше? Возвратиться в Париж? Но это было бы невыносимым признанием своего поражения, унизительно было показаться смешным… Нет, на такую уступку он не пойдет! И кстати, здесь, вдалеке от светских соблазнов столицы, он мог бы целиком посвятить себя – пусть не господу, но по крайней мере творчеству, не покидая при этом жену. После 1926 года он опубликовал только два сборника своих стихов: «У истоков ветра» и «Стеклянные лужи» (1929). Но он выпустил также ценный сборник неизданных записок, получивших название «Волосяная рукавица» (1927), и готовил к печати записки, которые позже войдут в «Мою бортовую книгу». Все эти записки по своей лаконичности очень сближались с теми эссе, которые хотела написать Габриель. Реверди был всем сердцем готов помочь той, к которой, несмотря на прошедшие годы, он испытывал нечто большее, чем просто дружба…

Все в том же 1930 году поэт вернулся в Париж и направился к Габриель по улице Фобур-Сент-Оноре. Предупрежденный о ситуации, Вендор воскликнул со своим изящным акцентом: «Коко сошла с ума, она живет со *святым отцом!»* Порою Реверди выказывал попытки независимости и стеснялся злоупотреблять

гостеприимством Шанель. Тогда Коко поручила Вере подыскать ему неподалеку мастерскую художника; последняя нашла таковую в квартале Мадлен, а Габриель принялась было обставлять ее мебелью; но тут в самый разгар переезда Реверди, охваченный непонятной паникой, бросился назад в Солем. Оттуда он написал, что вернется, когда не выдержит одиночества, в котором он пребывает в провинции, как теперь не в состоянии выносить разгул парижского общества. Он был в полном замешательстве. Такие метания туда-сюда, из Парижа и обратно, будут продолжаться у него полтора года. В Париже он возобновил отношения с друзьями минувших лет – такими, как Кокто, Макс Жакоб, Сандрар, Дерен, Леже, Брак, Лоран и фотограф Брассэ. Теперь он частенько проводит время на террасе кафе «Дом» или «Ротонды» за болтовней с друзьями и разными прочими завсегдатаями бистро, которых он так и называет «мои пьянчужки»; ничуть не колеблясь, он принимает горячее участие в их разгульных попойках, несмотря на строгие порицания Габриель, которая никогда не теряла в него веру. Вчерашний монах сделался теперь активным посетителем ресторанов и баров, как, например, «Клозери де лила», ночных кабаре вроде «Джимми» на рю Юиген на Монпарнасе или «Ле Сиро» на рю Дону. Одетый неизменно в безупречный двубортный костюм из серой фланели, он восседает на табурете со стаканом виски в руке и сигаретой в зубах. Сверкая глазами и потрясая непокорными прядями, он горячо спорит с остальными собравшимися обо всем и ни о чем. Он обожает также джаз, при звуках которого погружается в мечтания… Ночи напролет готов слушать французские и американские группы, пользовавшиеся в те годы огромным успехом. Под утро возвращается на рю Фобур-Сент-Оноре, изнуренный и… полный едкой желчи… Ибо все эти систематические загулы приносят ему только временное облегчение от снедающих его страстей, перемежающихся с депрессией, которую далее не могло успокоить его пребывание в Солеме.

Габриель редко сопровождала Реверди в его ночных похождениях; разве что их видели вдвоем или втроем танцующими в «Джимми». Ведь Коко – трудяга, которая ложится рано. «Более ничто не забавляет меня после полуночи», – напишет она в статье, которая выйдет в сентябре 1931 года в «Интервью» и в которой она пройдется на счет некоторых светских вечеринок: «Здесь воздух напоен пороком, угощенье несъедобное, напитки отвратительные… и бывают здесь одни тупицы, которые ночь за ночью рассказывают все те же бесконечные истории, истории прожитых жизней, с одною только целью – выговориться, но

слушать их нет никакой пользы». Как видно, она не одобряет вечеринки, точнее сказать, ночные похождения Реверди. Ныне она старается как можно чаще приглашать его в «Ла Паузу», где ему приходится вести более упорядоченную жизнь, которая более достойна его самого и его большого таланта. Иногда они оставались на вилле вдвоем, без гостей, без посторонних – исключая, конечно, прислугу. Обедали во внутреннем дворике, затем отправлялись на прогулку среди оливковых рощ и голубой и сиреневой лаванды, особенно благоухавшей по ночам, словно желавшей вознаградить два столь близких друг другу сердца в эти особенные часы. Здесь, в Рокебрюне, она поделилась с поэтом своими размышлениями, которые хотела бы отточить в форме кратких сентенций. Позже она опубликует их в разных изданиях, как, например, в журнале «Вог» за сентябрь 1938 года. Бытует мнение, что иные из них отразили мышление Реверди; возможно, но таковых отнюдь не большинство, и все они слишком соответствуют личности и идеям Габриель, чтобы отказывать ей в авторстве. Вот например: «Наши дома суть наши темницы; попробуем обрести там свободу, украшая их».

«Можно привыкнуть к некрасивой внешности, но к небрежности – никогда».

«Слабым головой свойственно хвастаться преимуществами, которые способен дать нам только случай».

«Природа наделяет нас лицом в двадцать лет, жизнь моделирует его к тридцати; но к пятидесяти годам оно у вас такое, какого вы заслуживаете».

«Истинная щедрость состоит в том, чтобы не замечать неблагодарность».

Или такое:

«Находки делаются затем, чтобы быть потерянными».

Было бы ошибочным думать, что роль литературного консультанта, которую играл Реверди, ограничивается названным периодом 1930–1932 годов. Спустя пятнадцать лет, в 1946 году, Габриель так же настойчиво спрашивает его мнения. Свидетельством тому его письмо: «Благодарен Вам за три мысли, которые Вы мне прислали. Они очень хороши, а третья и вовсе превосходна и вполне на той высоте, которую можно ожидать от этого жанра».

Несмотря на все, начиная с лета 1931 года Габриель и Пьер Реверди сознавали, что их второй связи не суждено продлиться долго. Постоянные терзания в душе поэта, его бесконечные шатания туда и назад стали выводить ее из себя. И он тоже отдавал себе отчет, что, под каким бы влиянием Коко он ни находился, ему нужно сделать выбор… И он решает окончательно

осесть в Солеме. В своем письме к Габриель он объяснит, что состояние его рассудка и нервной системы нельзя признать иначе как больным, и посему он не имеет права навязывать другим своего присутствия. Ему стыдно за тот образ жизни, который он ведет. Он сделался слишком неуклюж и слишком серьезен, чтобы вести такой фривольный образ жизни, не рискуя при этом жестоко ушибиться. «Я хотел бы, – завершает он, – вновь обрести веру, которую имел, и уйти в обитель… Увы! Об этом не может быть и речи. Надо оставаться отшельником, одиночкой – и притом мирянином, лишенным веры. Это будет еще жестче – и еще героичнее».

О том, какие между ними происходили мучительные сцены в те часы, когда они бывали вместе, свидетельствуют строчки самого поэта: «Принимая во внимание оба наши характера, в конечном счете самым мудрым было бы нам больше не видеться – то есть повернуться друг к другу спиной в тот момент, когда неистовство уносит все».

Этот второй разрыв свершился в конце 1931 года. Но в действительности это не было разрывом в привычном смысле слова. Скорее речь идет – по словам самого Реверди – о переходе «большой любви в неистребимую дружбу». Эту формулировку Габриель также смогла записать на свой счет. Фактически каждый из них представлял для другого искушение идеалом жизни, противостоящим его собственному; и в то же время в глазах каждого другой являл то, чем мог бы стать он сам – но отказался, хотя и немного сожалел о том, что не стал. Габриель симпатизировала тому образу жизни аскетизма и одиночества, который вел Реверди, поиску им катарсиса и ненависти к излишествам – его строгая, лишенная украшательств эстетика не могла оставить ее равнодушной. Ну а Реверди, с другой стороны, привлекала роскошь, блеск и элегантность жизни, которую предлагала ему Габриель – жизнь изысканного эпикурейца.

Но, по правде сказать, союз этих двух существ был невозможен. Никто из двоих не пожелал бы отказаться от пути, который давно начертал для себя. Приведем несколько строк Реверди, блестяще обрисовавшие ситуацию, в которой оказались оба в момент расставания:

Je te laisse parce que je t'aime
Et qu'il faul encore marcher
Un jour nous retrouverons peut-etre
Ouse croisent les souvenirs
Ou repassent les histoires d'autrefois
Alors tu reviendras vers moi

Nous pourrons rire…

«Я оставляю тебя потому, что я тебя люблю – что ж, нам пора в путь! Может быть, однажды мы все же обретем друг друга там, где встречают друг друга воспоминания, где встают в памяти минувшие истории – и ты снова вернешься ко мне, и мы сможем засмеяться…»

Все то время, что Реверди оставалось ходить по земле, они не теряли друг друга из виду, иногда даже встречались, но всякий раз ненадолго. Они переписывались до 1960 года, до самой смерти Реверди, и ни в какой момент жизни их дружба не знала ни малейшего затмения. Для Габриель Реверди был богом, которому она творила исключительный культ, и одним из немногих личностей, которые избежали ее критических вольностей. Она читала и перечитывала его сочинения, в особенности стихи. Именно благодаря своему уму и чувствительности она распознала в авторе «Стеклянной лужи» одного из величайших поэтов своего времени, хотя – в силу своей нелюдимости и неуживчивого характера – оставшегося в незаслуженной безвестности у своих современников.

* * *

Каковыми бы ни были события в частной жизни Габриель, вполне понятно, что центром ее существования оставалась профессиональная деятельность. Рассказывая о том, как она осуществлялась, вернемся в столь важный в этом отношении 1927 год. Как раз тогда великая кутюрье обновляет декор своего салона, где у нее проходили демонстрации моделей – безусловно, роскошных, но относительно банальных, как и у всех ее коллег. Представим-ка себя на втором этаже дома 31 по рю Камбон: огромный зал, где все стены исчезли как по волшебству! Да нет, никуда они не пропали, просто покрыты зеркалами! Те же, которые разделяли различные комнаты, были разобраны, а несущие заменены четырехгранными колоннами, которые также были покрыты зеркалами. Подвешенные к потолку круглые светильники в виде раковин, почти невидимые из-за строгости своего стиля, рассеивали мягкий свет. Салон, раздвинувшийся до бесконечности благодаря игре зеркал, производил впечатление бескрайнего, фантастического пространства, в котором терялся глаз. Гигантский ковер бежевого цвета – одного из оттенков, предпочитаемых Габриель – покрывал целиком весь пол, а также большую лестницу с элегантным закруглением, которая вела на

третий этаж. Единственным ее украшением были перила из кованого железа с геометрическим рисунком просчитанной строгости. Даже лестничная клетка была убрана зеркалами, возвышающимися до самого потолка. Отныне здесь, на этой лестнице, будет восседать незримая, но тем не менее присутствующая Габриель, принимая происходящий каждые два года парад коллекций и наблюдая по лицам клиентуры за тем, какую реакцию вызывают ее модели.

Естественно, в том, что *касается моды как* таковой, стиль Шанель претерпел эволюцию. Связь с герцогом Вестминстерским открыла ей незнакомый прежде мир, послуживший источником вдохновения. Говоря конкретно, в ее моделях с 1926 по 1930–1931 годы часто ощущается британское влияние. Она, как и в прошлом, черпала свои идеи в среде, в которой вращалась. Например, круиз на «Летящем облаке» побудил ее предложить клиентуре береты, сходные с теми, в которых щеголяли матросы парусника; носить их нужно было просто, лишь слегка надвигая на лоб. Отныне берет в различных его формах становится частью женского гардероба. В Итон-Холле Габриель заметила, что слуги, которые по утрам драят дверные ручки или натирают паркет, носят красивый ливрейный жилет с полочками, расшитыми в цвета Бендорова герба – и тут же в ее голове рождается идея наряда, который она представит на ближайшем показе коллекции. Надо ли напоминать, что, согласно привычке, она сначала пробовала на себе все, что собиралась предложить своим клиентам, и безжалостно отвергала любую деталь гардероба, которая не сидела на ней в полном совершенстве.

Спортивный образ жизни, который побуждал ее вести герцог – охота, езда верхом, ловля спиннингом лососей, – вдохновила ее на создание нарядов для активного образа жизни: в Шотландии они с Верой Бейт забавлялись тем, что примеряли мужские одежды… Как раз в этой специфической атмосфере Габриель сочинила для дам куртки, спортивные плащи и английские дамские костюмы… «решительно мужского покроя». Наконец, ею были сделаны открытия, на что годится твид. Известно, что воды реки Твид, отделяющей Шотландию от Англии, славятся такой чистотой, что начиная с эпохи позднего Средневековья здешние ткачи приходили сюда мыть шерсть. Ткани ровной фактуры с несколько шер-шавой поверхностью приобрели хорошую славу благодаря своей прочности. По-видимому, Шанель была первой, кто использовал их для высокой моды (как это было за двенадцать лет до того с джерсовой тканью). Вот что она сама об этом пишет: «Я выписала из Шотландии твидовые ткани, так называемые homespuns[49] – они сбросили с пьедестала креп и

муслины. Я добилась того, чтобы шерсть здесь мыли меньше – так она сохраняет мягкость. А то во Франции ее моют больше, чем нужно».

Знаменитый английский дамский костюм «Шанель», увидевший свет много позже, во многом обязан своим успехом этому несравненному материалу, который специально вырабатывался для мастерских на рю Камбон в эксклюзивных раппортах и колоритах. Он имел ширину всего в 72 сантиметра, как его и выделывали в старину, а края его были настолько аккуратны и прочны, что обрабатывались только нарядной тесьмой.

Тесные связи, которые Габриель поддерживала с Англией в области моды, проявились и иным образом. Так, в мае 1932 года она добилась, чтобы герцог Вестминстерский уступил ей обширные апартаменты на Гросвенор-Скувер в Лондоне, заново отделала их, затратив огромные деньги, и устроила многодневное благотворительное дефиле 130 моделей, выполненных исключительно из английских тканей и представляемых женщинами из высшего лондонского общества. По свидетельству «Дейли мейл» от 14 мая, посмотреть на представление приходили по 500-600 человек ежедневно, и среди них – множество предпринимателей, берущих заказы на шитье. Многочисленные дамы приводили своих портних, так как коллекция не предназначалась для продажи, но Шанель разрешала копировать модели. Портреты англичанок, одетых в эти туалеты, появились в прессе многих стран. Так, фото леди Памелы Смит работы знаменитого американского фотографа мод, барона де Мейера, опубликовал знаменитый и авторитетный журнал «Харперс базар».

Итак, Габриель сумела наилучшим образом извлечь выгоду из своих отношений с Великобританией. Она не только черпала здесь идеи для создания шедевров, но и воспользовалась возможностью лучшим образом познакомить с ними весь мир. Гений Моды оказался вдобавок гением рекламы и связей с публикой!

* * *

Разумеется, автор дал бы весьма неполное представление об удивительном разнообразии творений Шанель, если бы поведал только о тех, которые были вдохновлены ее пребыванием по другую сторону Ла-Манша. Она не ограничилась дамскими костюмами из твида и джерси, маленькими платьями для

дневной поры, спортивной одеждой и свитерами. Шанель отказалась от своего детища – стиля garconne (короткое платье, «карандашные» силуэты) в пользу более женственных нарядов. Именно в создании вечерних платьев с наибольшей легкостью проявилась ее творческая фантазия. В них она обильно использовала прозрачные материалы вроде тюля и кружев, подчеркивала изящество воздушных юбок при помощи хорошо подогнанных корсажей, воскресила вуали и вуалетки бель-эпок – и всему этому были присущи смелость и строгость, которые навсегда останутся отличительным признаком ее творений.

С тех пор как она взяла внаем особняк на рю Фобур-Сент-Оноре, даже в период своей связи с герцогом Вестминстерским Габриель периодически устраивала там приемы и празднества, приуроченные к каким-нибудь датам. Вот как о том отозвался ее друг Анри Бернштейн в хронике журнала «Вог» за 1930 год: «Дважды обедали и танцевали у нашей знаменитой, восхитительной и дражайшей Габриель Шанель посреди волшебного и бесконечного отражения зеркал, роскоши лакированной мебели, в белом неистовстве бесчисленных пионов – это были изящные, веселые и волнующие празднества на зависть тысячам завистников (которые не могли быть в числе приглашенных, несмотря на обширные пространства залов особняка на рю Фобур-Сент-Оноре). Воистину это были великолепные празднества, где длинное платье сообщало танцу танго патетическую грацию».

В эту же самую эпоху, в течение лета 1930 года, Габриель часто наезжала из «Ла Паузы» в Монте-Карло, где встречалась с Дмитрием. Последний представил ей Сэма Голдвина – знаменитого голливудского продюсера, давно мечтавшего с ней познакомиться. Сэму Голдвину, настоящее имя которого было Самуил Голдфиш, было 46 лет; он родился в Варшаве в семье ярмарочного торговца, как и Габриель, и рано эмигрировал в Соединенные Штаты, где поначалу зарабатывал на жизнь ремеслом коммивояжера перчаточной фабрики. Но в 1910 году, в возрасте 26 лет, он вместе со свояком Джессом Ласки основывает кинематографическое общество. Приняв участие в создании двух из восьми крупных американских компаний – «Парамаунт» и «M.G.M», – он теперь выступал как независимый продюсер и сотрудничал с «Юнайтед артисте». Сделавшись одним из самых могущественных персонажей в Голливуде, он брался только за очень важные поставки. Но ввиду экономического кризиса, который разразился в Соединенных Штатах вслед за печально знаменитым «черным четвергом» 24 октября 1929 года, кинематограф здесь потерял значительную часть аудитории.

Чтобы поправить положение, Голдвин решил одеть звезд в платья от самой великой кутюрье своей эпохи – таким путем он надеялся вновь привлечь публику в кинозалы.

Итак, Голдвин предложил Шанель невероятный контракт – миллион долларов в год за приезд в Голливуд каждую весну и каждую осень. Вот как он объяснил свой шаг журналистке из «Кольерса» Лауре Маунт: «Это положит начало новой эре в кинематографе. Дамы пойдут в наши кинозалы по двум причинам: во-первых, смотреть фильмы и видеть звезд; во-вторых, видеть последние крики моды».

Однако Шанель, к великому изумлению Голдвина, считавшего, что против его предложения не устоять, весьма сомневалась, взвешивая все за и против. Миллион долларов? Это ее не впечатляет: ведь она – владычица империи, которая нанимает четыре тысячи работниц и продает ежегодно по самой дорогой цене 28 ООО платьев в Европе, Америке и на Ближнем Востоке…

Разумеется, эта поездка в США и миссия, с которой она туда направлялась, добавила бы ей рекламы. Но была ли у нее в том нужда? Практически не было ни одной состоятельной американки, которая не была бы ее клиенткой. Кстати, там, за океаном, поклонялись только парижской моде – достаточно было мельком взглянуть на самые знаменитые американские модные журналы, например «Харперс базар» или «Вог», чтобы убедиться в этом. Самые богатые клиенты покупали оригиналы моделей, те, кто чуть поскромнее, покупали за чуть меньшую цену точные копии, которые изготовлялись на месте. Кроме того, десяткам тысяч женщин продавались все более и более точные модели с конвейера.

В этих условиях знакомство еще более широких кругов с модами Шанель посредством кинематографа даст Габриель возможность продавать свою продукцию крупным американским предпринимателям – разумеется, без фирменного ярлыка, который сопровождал только оригиналы.

Но не были ли амбиции Голдвина чрезмерными? Ему хотелось одеть в костюмы от Шанель всех актрис, работавших для «Юнайтед артисте» – и не только на экране, но и в жизни. Потерпят ли звезды такую диктатуру? Ведь каждая из них считает, что ей как никому ведомо, что ей больше всего идет и что нравится ее зрителям. В общем, Голдвину и Шанель придется разыграть трудную партию. Известный художник по костюмам Эрте знает о том не понаслышке: за несколько лет до того, несмотря на свой великий талант, ему не удалось убедить знаменитую актрису немого кино Лилиан Гиш надеть платье,

которое он создал для нее. После яростного спора со звездой ему пришлось покинуть Голливуд. Для Габриель испытание выглядело еще круче: не придется ли ей стать единственным костюмером всех звезд, работающих для Голдвина и «Юнайтед артисте» – и так сезон за сезоном, год за годом?

* * *

Нью-Йорк, апрель 1931 года. После долгих месяцев переговоров и уверток Габриель наконец решилась. Она села на пароход «Европа»; ее новой спутницей была наша старая знакомая Мися, оставленная супругом. Вместе с ними на борт судна погрузился целый батальон манекенщиц, ассистенток и портных, сорванных с насиженного места на рю Камбон. После нескольких дней, проведенных в апартаментах отеля «Уолдорф», Габриель оказалась на Центральном вокзале. На перроне ожидал специальный поезд-люкс, чтобы отвезти всю команду в Лос-Анджелес. Коко поразило, что и локомотив, и весь состав были выкрашены в белый цвет… Это был трогательный знак внимания продюсера: он был осведомлен о пристрастии, которое питала к этому цвету его гостья. Решительно все начиналось так хорошо… Они знают, что к чему, эти американцы! В поезде заняла места также ватага журналистов из-за океана, которая усердно налегала на икру и в особенности на настоящее шампанское, призванное скрасить им долгий – почти пять тысяч километров! – путь к цели. Хватив для смелости, они строчили в свои газеты самые восторженные статьи. С собою в путь не помнившая зла Габриель взяла и писателя Мориса Сакса. В 1928 году она поручила ему составить для нее библиотеку, богатую оригинальными и редкими изданиями. На это ему отпускалась кругленькая сумма в 60 тысяч франков[50] в месяц. Однако Пьер Реверди, решивший проверить качество означенной библиотеки, раскрыл обман. Книги, которые Морис накупал сотнями, с виду и впрямь казались чем-то стоящим благодаря роскошным переплетам, но на деле достойны были лишь презрения библиофилов. Габриель прогнала мошенника взашей. Однако теперь все минувшее было забыто – он снова стал ей другом, как и в ту пору, когда ему доверили составление списков приглашенных на празднества (от восьмидесяти до сотни человек).

Наконец поезд подошел к перрону в Лос-Анджелесе. Габриель увидела, что для ее встречи собрался весь штат киномагната во главе с боссом и множество кинозвезд. Среди них была Грета Гарбо, которая в свои двадцать шесть уже находилась на вершине

славы; в руках у нее была огромная охапка орхидей, которые она поднесла гостье. «Встретились две королевы», – писали об этом событии газеты. Две женщины мигом прониклись друг к другу симпатией и стали подругами. Вскоре Коко станет одевать Грету Гарбо до того самого дня, когда великая артистка, несмотря на блистательные триумфы, ушла в тень, в инкогнито, на долгие 33 года… Но наилучшим образом Габриель нашла взаимопонимание с Марлен Дитрих, которая после двух десятков фильмов, где она была совершенно не замечена публикой, достигла всемирной славы в картине «Голубой ангел» – шедевре ее любовника и постановщика Иозефа фон Штернберга. Как и зрители широкого круга, Коко обожала странную красоту Марлен, ее дезабилье, ее хрипловатый голос, высокие ноги и манеру курить сигареты одну за другой… Марлен станет одною из лучших подруг Габриель и нередко будет заказывать у нее наряды.

Единственным актером, который произвел впечатление на Габриель, стал Эрих фон Штрохайм, обладавший внешностью прусского юнкера, на которого неизменно нацеливались все монокли. Он приблизился к ней прерывистым шагом, наклонился с присущей ему жесткостью и сказал загробным голосом:

– Так вы… сколько я знаю, портниха?

Шанель быстро простит ему эту несколько высокомерную выходку, поняв, что он просто хотел сострить. А какая в нем выправка! Впрочем, Штрохайм как продюсер быстро остался в Голливуде не у дел из-за бредового размаха своих картин, которые оказывались все более разорительны для постановщиков. Последняя его картина «Хищники», которая так никогда и не вышла на экраны, длилась семь с половиной часов, а он не соглашался ни на малейшие сокращения! К счастью, его талант актера позволил ему заново начать карьеру, столь же успешную, как и предыдущая. Кто забудет «Великую иллюзию»?

Но что оставило Габриель равнодушным, так это голливудский люкс. Ей ли не знать, что такое настоящая роскошь? Когда один из пригласивших Коко велел покрасить в ее честь все деревья своего парка в синий цвет, она горячо поблагодарила его за внимание, но тут же выкинула эту причуду из головы. Ни огромные киностудии, которые она посещала, ни происходившие в ее присутствии съемки с участием тысячной мас-совки, повинующейся голосу мегафона, – ничто не могло поразить ее. Все масштабно, но и только! Вполне естественно, она много общалась с целой толпой голливудских звезд – таких, как Джордж Кьюкор, Клодетт Кольбер, Фредерик Марч или Сесиль Б. де Милль. Она встречалась также с Кэтрин Хэпберн, которая не сомневалась, что именно ей выпадет сыграть Габриель в

музыкальной комедии. Сама же Шанель проявила особый интерес к художникам-декораторам и костюмерам кино, таким, как Митчелл Лейзен и Гилберт Адриан. Ведь если ей приходилось одевать танцовщиков «Русских сезонов» и комедийных актеров, игравших в пьесах Кокто, то опыта подобной работы с киноартистами у нее не было. Между тем ей не следовало забывать о цели своего вояжа. Для начала ею будут созданы костюмы для знаменитой Глории Свенсон – той самой, которая позже, в 1951 году, блистательно сыграет в картине «Бульвар в сумерках». А пока она сочиняет наряды для ее фильма «Сегодня вечером или никогда», сценарий которого был позаимствован у комедии, игравшейся на Бродвее. В своих «Воспоминаниях» голливудская звезда рассказывает, что эскизы создавались в Париже в два приема – до каникул и после. В эту пору она носила под сердцем ребенка, и за время каникул животик у нее заметно округлился. «Надев шляпку так, как всегда надевала ее во время примерок, маленькая необузданная Шанель бросала мне яростные взгляды, видя, что, когда я дефилирую в черном атласном платье до полу – истинном чуде, мерки для которого были сняты шесть недель назад, – мне в нем не слишком-то свободно». Нетрудно догадаться, чем в действительности было вызвано дурное настроение Габриель: она так реагировала на все, что связано с материнством.

Очень быстро оказалось, что инициатива «Царя Голливуда», как величали Сэма Голдвина, обречена на провал. У кинематографа собственные законы. Он в еще большей степени, нежели театр, нуждается в преувеличении эффектов, чтобы произвести впечатление на публику; между тем как женщина в костюме от Шанель – это сама трезвая элегантность; элегантность, которая не бросается в глаза с экрана. Между тем кинозвезда как раз должна выделяться из толпы актрис. Она должна заставить зрителя забыть об остальных, а для этого требуется нечто магическое, затмевающее с первого раза всех конкуренток. Кому захочется, чтобы звезда осталась незамеченной? В этих условиях стало очевидно, что творчество Шанель по самой своей природе не рассчитано на то, чтобы создать мишурный блеск актрисе. Доказательством тому служит хотя бы тот факт, что даже если фильмы, костюмы для которых создавала Шанель, получали благоприятные рецензии в прессе, сами наряды удостаивались лишь кратких комментариев. Ожидания, что они принесут успех картине, оказались сильно преувеличенными. Более того, с самых первых шагов Габриель по земле Америки противостояние между волей продюсера и устремлениями кинозвезд пошла по нарастающей, грозя

перерасти в настоящую войну. Будучи реалистами, Голдвин и Шанель сошлись во мнении, что эксперимент лучше прекратить. Второго визита великой кутюрье в Голливуд так и не последовало. Но прежде чем вернуться в Париж, Габриель, которой было не занимать деловой хватки, искала встреч в нью-йоркском мире моды с целью расширить свое влияние. Она начала с того, что принялась обольщать двух американских императриц моды – директрису «Харперс базар» Кармел Сноу и владелицу журнала «Вог» Маргарет Кейс. Оказанный ей прием был тем теплей, что главными редакторами этих двух журналов были эмигранты из России: им ли не помнить, сколько сделала Габриель для их соотечественников! Не она ли, к примеру, пригласила на работу на рю Камбон великую княгиню Марию – сестру Дмитрия, кузину самого царя – возглавить ателье вышивки? Впоследствии Мария обосновалась в Нью-Йорке. Кстати, русская колония на Манхэттене была весьма значительной; некоторые из ее членов были хорошо известны в культурной американской среде, в особенности бывшие дягилевцы Леонид Мясин и Джордж Баланчин. Они блистали на сцене «Метрополитен-опера»; им аплодировали многочисленные соотечественники, оказавшиеся в изгнании, среди которых были и княгини (пусть не все – по крови), и великие князья, в той или иной степени утратившие свое состояние. С другой стороны, многочисленные американские клиентки Коко, узнав о ее визите в Нью-Йорк, почитали за честь пригласить ее к себе – разумеется, вместе с польской спутницей. Обеим подругам, для которых этот визит в Нью-Йорк был первым, довелось сделать немало удивительных открытий, о которых впоследствии поведает Габриель. Вот как-то раз случилось им обедать у одной жительницы Нью-Йорка, а на вечер они были приглашены в «Метрополитен-опера» на спектакль русского балета и боялись, как бы не опоздать. Что же сказала им на это хозяйка? «Не беспокойтесь, второй акт начинается не раньше десяти». Подруги с изумлением узнали, что таков обычай… Возмущенная Мися блистательно ответила, не обращая внимания на то, как отреагирует хозяйка:

– Мадам, а у нас в Париже зрители ждут танцовщиков, ибо те предъявляют в свое оправдание талант!

Однако во время спектакля спутница Шанель оказалась во власти стольких воспоминаний, нахлынувших на нее разом, что от волнения она была не в состоянии все это вынести. Мися шепнула на ухо Коко: «Поедемте скорей, я больше не могу…» Габриель стала извиняться – ведь ей ничего не оставалось, как проводить подругу. Но, видно, до самого смертного часа их нью-

йоркская подруга будет убеждена, что высший шик по-парижски – это приехать на спектакль точь-в-точь к началу, а покинуть зрительный зал задолго до конца…

Само собой разумеется, Габриель не могла обойти стороной квартал в деловой части Нью-Йорка, аналогичный парижскому Сантье – там, где продают одежду и ткани. Но в первую очередь ее интересовали магазины, где продавались копии ее творений, а именно: «Сакс», «Лорд энд Тейлор», «Маси'з», «Блумингдейл». Излишне объяснять, что кроились они отнюдь не из тех тканей, что на рю Камбон. Габриель узнала, что после нескольких месяцев экспонирования они будут проданы за несколько долларов у Клейна, на Юнион-сквер. Там, в огромных залах, увешанных зеркалами, толпятся сотни женщин, выбирая и примеряя – на принципах самообслужи-вания – бесчисленные платья под присмотром нескольких служащих. И всюду развешаны таблички на всех языках, какие только встретишь в Нью-Йорке – от польского до идиш:

«Не пытайтесь воровать. Наши детективы работают повсюду».

Или такое:

«Прицеплять жевательную резинку к умывальной раковине строго воспрещается!»

Но Габриель отнюдь не видела ничего неуместного в том, чтобы ее платья продавались вот так – и в этом было ее радикальное отличие от своих подруг по ремеслу. Она была противницей того, чтобы мода приходила с улицы, зато желала, чтобы она туда спускалась – это было ее кредо.

…Читателю памятно, какой миф об американском успехе своего отца крошка Габриель сложила в сиротском приюте. По странной иронии судьбы, этот успех теперь явился к ней самой.

Горькой была та победа…

8
ВРЕМЯ ИРИБА

Понедельник, 7 ноября 1932 года. По ступеням парадного подъезда особняка по улице Фобур-Сент-Оноре, 29, поднимаются десятки элегантно одетых людей, принадлежавших по большей части к высшему свету Парижа. Их внимание привлекла выставка бриллиантов, организованная Габриель в пользу благотворительных организаций, как, например, «Общество вскармливания материнской грудью». По этому случаю она удалила с первого этажа драгоценную мебель, оставив только зеркала, хрустальные люстры и еще великолепный греческий торс, возвышавшийся на камине в салоне. В огромных витринах вознеслись колонны из черного мрамора, служившие пьедесталом для бюстов из полированного воска, с великолепным макияжем и прическами. На них были надеты бриллиантовые украшения, главным образом в оправе из платины. Непрямое освещение – кстати, только что вошедшее в моду – заставляло их сиять мириадами цветных огней, отражавшихся в многочисленных зеркалах. Здесь были броши, искрившиеся на муаре корсажей, диадемы, окружавшие шевелюру, и множество самых разнообразных драгоценностей в форме лунного серпа, звезд или листьев. В глазах зрителей они создавали феерический мир. Разумеется, ни одно из этих украшений не предназначалось для продажи; а если бы кому захотелось завладеть ими, то множество грозных стражей со внушительными револьверами быстро выбили бы у него эту мысль из головы. Помимо выручки от входных билетов в доход поступали также средства от продажи роскошных каталогов; фотографии для них выполнил друг Коко, тогда еще безвестный двадцатилетний кинематографист Робер Брессон, будущий автор картины «Дневник сельского священника».

Эта выставка роскошных бриллиантов дала немало поводов для удивления. Не сама ли Габриель всего несколько лет назад объявила войну настоящим драгоценностям, а женщин, которые носили их, обвиняла в стремлении выставить напоказ свое богатство – точнее, богатство их мужей или покровителей. «Все равно что носить вокруг шеи банковский чек», – разила она наповал своими меткими фразами. С ее точки зрения, бижутерия должна служить лишь для украшения, в качестве подарка милому человеку, а не для того, чтобы провоцировать зависть у других женщин… «Кстати, – уточняла она, – самые красивые украшения заставляют меня думать о морщинах, о дряблой коже богатых

вдов, о костлявых пальцах, о смерти, о завещаниях…» Она была неистощима на сей счет!

Действуя согласно своим принципам, Габриель начиная с 1922–1923 годов взялась за изготовление искусственных драгоценностей, которые называла фантазийной бижутерией. К этой работе был привлечен ее друг Этьен де Бомонт, который рисовал эскизы изделий и указывал, как их нужно изготовлять. Таким образом, человек, который некогда отказывался приглашать на свои балы «портниху», становился одним из ее наемных работников, а именно «консультантом по разработке бижутерии Шанель», как звучал его титул. Он создавал для нее длинные колье из разноцветного стекла. Позже, с 1929 по 1937 год, для нее рисовал многочисленные эскизы итальянский герцог Фулько ди Вердура; вспоминая о родной Сицилии, он возродил традицию эмалевых браслетов. И, наконец, значительный вклад внес Франсуа Гюго, правнук писателя; уже будучи техническим директором фабрики джерсовой ткани в Аньере, он получал от Шанель еще и заказы на создание эскизов брошей, клипсов и всякого рода фантазийных гарнитуров по указаниям Габриель. «Бижутерия, создаваемая ювелирами, наводит на меня тоску», – объясняла она. Она продолжала создавать бижутерию по своему вкусу и в 1950 – 1960-е годы, прибегая для их изготовления к услугам блестящих профессионалов, таких как, например, Грипуа или Гуссенс.

Недавно вышедшие книги о бижутерии Шанель позволяли судить об изобилии и разнообразии ее творений, равно как и источников вдохновения – здесь и средневековое французское искусство, и итальянский Ренессанс, и византийское, и русское, и даже индусское искусство.[51] Но явное предпочтение она отдавала украшенным разноцветными камнями крестам, особенно православным.

Живой интерес, который Габриель всю жизнь проявляла к созданию бижутерии – особенно фантазийной, мода на которую пошла с ее легкой руки, – объясняется просто: ей хотелось внести оживление в неукоснительную строгость своих нарядов, в очевидную суровость своих творений. Ей удалось достичь необходимого, с ее точки зрения, равновесия между орнаментальным и функциональным.

* * *

Напрашивается вопрос, что побудило Габриель в 1932 году столь активно заняться высоким ювелирным искусством, к

которому она доселе проявляла лишь ограниченный интерес. Проблема эта не так проста. Для начала констатируем: в области бижутерии, как и в области от кутюр, она давала ход только тому, что подходило ей самой. Каковы же были ее вкусы? Она сама обладала несметным количеством украшений огромной ценности; одни из них она получила в подарок – например, из рук Дмитрия или герцога Вестминстерского; другие приобрела сама, благо располагала для этого средствами. Не страдая на сей счет никаким комплексом неудовлетворенности, она придавала лишь небольшое значение их рыночной стоимости. С другой стороны, какою бы она ни казалась на взгляд, в глубине души она была достаточно робкой и не осмеливалась надевать слишком дорогие украшения, которые могли вызвать только нездоровый интерес к ее персоне и породить не всегда благоприятные чувства. Она предпочитала фантазийную бижутерию, которая не создавала подобного чувства неловкости; впоследствии она стала сочетать подлинные драгоценные камни с фальшивыми, а иногда надевала одни только аутентичные, но столь огромные, что ни одна живая душа не дерзнула бы поверить в их подлинность, да и сама хозяйка нередко заявляла, что они ненастоящие.

Что же стояло за словами Коко, когда она утверждала, что изделия ювелиров «наводят на нее тоску»? Ей претила монотонность их форм и тематики, они не отвечали в полной мере ее представлениям о декоративности, которой она ожидала бы от украшений.

* * *

Если Габриель, несмотря на все, организовала эту выставку бриллиантов, то это потому, что ее на это подвигнул один человек. И этот человек, вне всякого сомнения, разделял и ее идеи, и ее интересы. Это был молодой стилист Поль Ириб – он и будет автором эскизов этих украшений, и он же проявит большую изобретательность в создании украшений-«превращалок»: так, например, колье одним движением руки легко превращалось в три браслета и брошь для ношения на шляпке. Ничего подобного раньше не было. Успех выставки был столь велик, что акции компании «Де Бирс» в первые же два дня после открытия взлетели на двадцать пунктов, а имя Шанель вновь всколыхнуло мировую прессу.

Сознавая резкую перемену своих взглядов, Габриель сочла необходимым подтвердить это в предисловии к своему каталогу. И она сделала это с большим остроумием, чтобы быть

убедительной. Судите сами: «Довод, который вначале побудил меня выдумывать искусственные украшения, – писала она, – заключался в том, что я находила их лишенными снобизма, и это в эпоху, когда слишком легко доставалась роскошь.

Это соображение исчезло в период финансового кризиса, когда все способствовало воскрешению инстинктивного стремления к натуральности, которое возвратит забавной безделице ее истинную цену».

Габриель очень быстро даст понять, что заставит уважать ту самую «забавную безделицу», на которую прежде, в силу обстоятельств, посматривала косо. И до конца своих дней она будет придумывать и изготовлять новые украшения, благо ресурсы воображения у нее были неисчерпаемы…

Но кто же такой Поль Ириб, который убедил Габриель прислушаться к предложениям бриллиантовых королей? Родился он, как и Габриель, в 1883 году; Ириб – псевдоним, сокращенный от баскской фамилии Ирибарнегарай; таковою была фамилия его отца, корреспондента газеты «Тан». Означенный журналист имел некоторые трения с правосудием: как убежденный коммунар, он участвовал в 1871 году в разрушении Вандомской колонны. На него был объявлен розыск, чтобы взыскать деньги на восстановление; он же предпочел скрыться на какое-то время на Мадагаскаре, пока шум не уляжется. Его сын Поль, тянувшийся к искусству, поступил на архитектурные курсы в Академии художеств; в семнадцать лет он публикует свои рисунки в знаменитом сатирическом еженедельнике «L'Assiette au beurre» – «Тарелка с маслом». В этом же возрасте он становится самым молодым архитектором Всемирной выставки 1900 года. Этот даровитый юноша обладал не только развитым не по годам талантом, но и большими амбициями – в 1906 году, в возрасте двадцати трех лет, он создает свою собственную иллюстрированную газету «Temoin» – «Свидетель», в которой в течение четырех лет комментировал актуальные события своими остроумными карикатурами – неизменно меткими, забавными и жестокими. Более того, он умело подбирал сотрудников – тонкое чутье позволило ему распознать в одном новичке, который подписывался «Джим», талант, который заставит говорить о себе. Он не ошибся. «Джим» был не кто иной, как Кокто, и вскоре между молодыми людьми завязались дружеские отношения. Дошло до того, что два друга основали ассоциацию, члены которой давали клятву… разрушать все смешные безделушки, бесчестящие гостиные, куда их приглашают… Сказать по правде, обещание бесполезное: в результате их в лучшем случае перестали бы куда-либо приглашать. Пришлось им от этой клятвы

отказаться… «Вот почему, – говорит Поль Ириб, – у людей еще осталось столько ужасных безделушек, которыми они так дорожат».

Среди других сотрудников «Свидетеля», отобранных его руководителем, были Хуан Грис, Марсель Дюшан и… Саша Гитри; Ириб показал, что умеет окружать себя достойными людьми.

Блестящие качества Ириба привлекли к нему внимание кутюрье Поля Пуаре, который поручил ему сделать рисунки по моделям его коллекции. В 1908 году увидел свет альбом созданных с помощью трафарета работ, называемый «Платья Поля Пуаре глазами Поля Ириба» – очаровательная книга, в которой художник воспроизвел с большей элегантностью и тонкостью предоставленные ему модели. Альбом предназначался для самых видных женщин великосветского Парижа и всех государынь европейских дворов. Авторские рисунки тушью, виртуозное владение пером, изящество виньеток были с восторгом приняты всеми – за исключением английской королевы, которой некоторые рисунки показались легкомысленными… Британский двор вернул книгу назад с просьбой к издателю впредь не посылать «трудов такого рода»… Как бы там ни было, с этого момента Аполлинер вправе был утверждать, не боясь услышать возражения, что «Ириб воцарился в карикатуре благодаря остроумию, а в моде – благодаря изяществу».

Помимо всего прочего, Поль Ириб создает логотип одежды от Пуаре – стилизованную розу, подписанную его именем. Но этого ему было мало – вкус к роскоши побуждает Ириба искать заработка где только возможно. Он сочиняет слоганы для аперитива Дюбонне – «Du Bo… du bon, Dubonnet»[52] и для пятновыводителя от Рола – «Выведет пятна даже у леопарда!»; рисует эмблему Дома Ланвен и его замечательный флакон в виде черной сферы. В 1911 году он женится на актрисе Жанне Дири (для которой Шанель ила шляпы) и создает эскизы платьев, в которых она будет выходить на сцену в водевилях; не забыто им и ювелирное искусство – он делает проекты украшений для Линцелера. Словом, неутомимо работает во всех областях творчества, лишь бы платили! Среди его состоятельной клиентуры – Жак Дусе, Робер де Ротшильд, романист Клод Фаррер, которым он декорирует апартаменты. Логическим продолжением этой деятельности явилось открытие элегантного бутика с бело-золотым фронтоном на рю Фобур-Сент-Оноре. Он выдумывает хрустальную бижутерию для Дома Лалик, ткани-брошки для лионских шелкоткацких мастерских, продвигает новые материалы вроде эбенового дерева из индонезийского

Макасара, изучает возможности применения акульей кожи… Он экспонирует у себя в магазинчике барочную мебель в оригинальном стиле, а также немало предметов современного декоративного искусства – то, что уже называлось словом «дизайн». Во время войны, куда его не взяли из-за диабета, он вместе с Кокто создает иллюстрированную газету «Mot» («Слово»), в которой смешивал с грязью германского врага, кронпринца и кайзера, не впадая притом в шовинизм, как большинство периодических изданий в ту пору.

Он ожидал, что его талант стилиста и изобретателя новых, не виданных дотоле форм и концепций – одним словом, его чувство современности – будет принят на ура по другую сторону Атлантики. В 1919 году он отправляется за океан и между делом разводится со своей супругой Жанной. В Нью-Йорке он открывает новый магазин на Пятой авеню, затем в Лос-Анджелесе; в том же году он женится на Мейбл Хоган – соблазнительной красотке и богатой наследнице, с которой обосновывается в Голливуде. Там он становится художественным консультантом у Сесиля Б. де Милля. Жемчужный наряд, который он создает для Глории Свенсон в картине «Мужчина и женщина», сделал ему имя – и он сотрудничает с постановщиком в дюжине картин. Среди них знаменитый фильм «Десять заповедей», декорации к которому исполнены им одним. Это была гигантская по масштабам задача, но наш герой не знал сомнений. В этом была его сила и слабость. Египетский мир Ириб создает на свой вкус, вполне в духе арт-деко, с обильным использованием лакировки и позолоты. Фильм станет мировым триумфом. Охваченный страстью к кинематографу, он добивается возможности самому поставить три кинокартины (это были комедии, как, например, «Обмен мужьями»), но особенного успеха они не имели. Больше даже, Ириб почувствовал себя неуютно в голливудских кругах. Несмотря на все, в 1926 году ему поручают создание всех декораций к картине «Царь царей». Все было скрупулезно подготовлено: такие вещи не терпят самодеятельности! Христос – точнее говоря, актер Гарри Уорнер, назначенный на эту роль, – согласно контракту, обязан нигде не показываться с сигаретой и не посещать ночных кабаре. Представьте-ка реакцию публики, если бы она увидела в газете фото Иисуса на танцевальной веранде с окурком в зубах! Нет, в Голливуде все просчитывается до мелочей… И что же, буквально накануне съемок сцены на Голгофе де Милль обнаружил, что Ириб не предусмотрел никаких приспособлений, чтобы Уорнер держался на кресте и чтобы у него кровоточили руки! Он был вне себя от ярости… Неужели придется лихорадочно импровизировать во время съемок, в то

время как комедийные актеры, массовка, машинисты и он сам, постановщик, будут терпеливо ждать, пока этот французишка что-нибудь придумает! Между де Миллем и Ирибом вспыхнул вселенский скандал, и «французишка» был незамедлительно выставлен вон – *fired,* как без особой деликатности говорят англичане. Сожалеть о нем никто не стал. Кстати сказать, все те, с кем ему довелось работать, были о нем не особенно высокого мнения. А великолепный костюмер Митчелл Лейзен в свое время и вовсе вынужден был устраниться от дел, так как его отношения с Ирибом подчас доходили до перебранок и даже стычек. Так и быть, возвращенный из опалы Лейзен согласился заменить Ириба.

Несколько недель спустя Поль Ириб явился на пирс Генеральной Трансатлантической компании в Нью-Йорке. Его пришла проводить Мейбл с их маленьким сыном Полем. С борта парохода «Париж», ведомого от причала мощными буксирами, Ириб бросил последний взгляд на небоскребы Манхэттена. Он решил, не питая надежд на возвращение, покинуть Америку, где познал и триумфы, и провалы. Но только наивный мог бы подумать, что такая амбициозная и энергичная персона, как Ириб, могла быть деморализована. Да, конечно, ситуация во Франции была не та, что до войны, когда он чувствовал себя в своей тарелке, но ему удается наладить сотрудничество с журналом «Вог». Его фантазия дает жизнь очаровательному персонажу – юной прелестнице Аннабель, которую он осыпает ценными советами, как одеваться. Вернувшись во Францию, он поселяется в Ницце, где живет на широкую ногу – помимо блестящей открытой автомашины марки «Вуазен», у него яхта «Майская красавица», и, кроме того, он покупает еще сельский дом в Сен-Тропе. Чтобы раздобыть на все это средства, он предлагает свой талант к услугам «Пежо», «Ситроена», винодела Николя, ювелира Мобуссена, фабрикантов различных марок шампанского и крупных судоходных компаний… Его неутомимость обретает единодушное признание. С его помощью заказчик переходит от устаревшей рекламы к современной.

Вполне естественно, его снова приглашают выполнять декор – и не только частных особняков, но и крупных магазинов вроде «Форд-Франс». Он возвращается в Париж.

Около 1930 года завязываются его отношения с Габриель. Они, конечно, знали друг друга и прежде, имея общих друзей – все тот же Жан Кокто, а также Мися Серт. Ириб познакомился с нею, когда служил санитаром-добровольцем и в первые недели 1914 года с фронта на своем огромном «Мерседесе» перевозил раненых в парижские госпитали.

В 1931 году Ириб был элегантно одетым мужчиной довольно

крупного сложения, с густой кудрявой шевелюрой, живым и умным взглядом, сиявшим из-за оправленных в золото очков. Блистательный, полный новых идей, с едким ироничным умом, читавшимся в его глазах. В семнадцатом столетии из такого амбициозного, эффектного кавалера вышел бы отличный образчик придворного аббата.

Как раз в эту пору Габриель было как никогда одиноко. Ее связь с герцогом Вестминстерским закончилась, а Пьер Реверди был слишком поглощен своими проблемами и сомнениями, чтобы на его внимание можно было рассчитывать. Требовался новый любовник, чтобы заполнить пустоту, которую она переносила все с большим трудом. Тем временем и Ириб находил все меньше взаимопонимания с Мейбл – по-прежнему страстно любя мужа, она после долгих лет терпения более не могла выносить его неверность. Ну а Габриель, находившаяся в зените славы, была в глазах Ириба еще очень красивой; к тому же она баснословно богата, что тоже не следует сбрасывать со счетов. Покорение ее сердца будет задачей нетрудной. Он это чувствует. Ему ведомы ее слабые места, он догадывается, какая боль одиночества кроется за ее триумфами. Соблазнение женщин – одна из его специальностей. Множество раз он доказывал себе, что это удается ему так же быстро и непринужденно, как зарисовки человеческих лиц, наброски силуэтов и подписи к карикатурам. Сделать Коко своей любовницей? Отчего же… Он ничего на этом не теряет, а выиграть может все. А что до условностей, так их – в сторону. Еще в начале своей карьеры, двадцати пяти лет, он был блестящим жиголо при некоей мадам L***. Когда Поль Пуаре спросил его, где его можно найти, тот ответил, что не имеет постоянного адреса, но каждое утро завтракает у означенной дамы, которая – случайно ли? – сказочно богата и гораздо старше его. Порою, если он замечал у какой-нибудь из своих подружек особенно драгоценное жемчужное ожерелье, то убеждал ее под предлогом, что оно вышло из моды или выглядит вызывающе, мало-помалу заменить настоящие жемчужины бусинами из куда более дешевого оникса, а жемчужины продать. Если вы думаете, что он когда-нибудь возмещал стоимость проданных ради него жемчужин, то ошибаетесь. Но это все мелочь по сравнению с той ловкостью рук, с которой этот пройдоха *нагло вытягивал состояние у обеих* своих супружниц. Кстати, Мейбл, желая положить этому конец, под давлением семьи решила потребовать развода, прежде чем будет разорена окончательно.

Что могло привлечь внимание Габриель к Ирибу при всех интересных подробностях его биографии – это то, что он был вполне своим в мире искусства. Этого она не могла найти ни в

Дмитрии, ни в герцоге Вестминстерском, ни даже в Реверди. Вот компетентный человек, с которым она может поговорить обо всем, что ее интересует. Добавьте к этому, что ему было не занимать той не поддающейся объяснению субстанции, которая именуется шармом.

Коль скоро он был все еще женат и предпочитал сохранить все в тайне от своей благоверной, Габриель проявила инициативу и приобрела невдалеке от Парижа имение, которое послужит тайным убежищем. Эта усадьба с названием «Ла Жербьер» располагалась на холмах Монфор-л'Амори и была окружена великолепными деревьями. Прежним владельцем ее был Морис Гудекет, муж Колетт, но поскольку супружеская чета оказалась в тисках тяжелой финансовой ситуации – «как штык в заднице», по выражению Колетт, – она вынуждена была продать ее. Сделка состоялась зимой 1931 года.

Не в качестве ли убежища для своих любовных утех с Ирибом Габриель приобретает в том же году близ Листе еще и замок Мениль-Гийом с тремястами пятьюдесятью гектарами земли? В одном из своих номеров за 1931 год журнал «Вог» публикует фотографии этого великолепного жилища времен Людовика XIII с башнями из камня и кирпича: «Только белые, с полосками, шлагбаумы на ответвлении от дороги, которая пересекает полную свежести нормандскую долину, напомнит вам о том, что вдали, за лугами и зеленеющими рощицами, скрывается принадлежащий Шанель замок Мениль-Гийом, отражающий в тихом зеркале своих рвов, заполненных водой, гармоничные профили своих красных и белых башен. В своем чарующем одиночестве он похож на замок из волшебной сказки».

Несмотря на красоты приобретенной резиденции, которую новая хозяйка капитально переоборудовала, она бывала там очень мало. Трудно сказать, стоит ли принимать на веру ее слова: «Я бегу от своих владений, в частности, и от этого – потому что в нем устроили центральное отопление и убрали камины». Может, все дело – в неистребимом стремлении к кочевой жизни, странным образом похожем на то, которое побуждало ее отца колесить по дорогам Франции? Совпадение или наследственная черта?

Заметим мимоходом, что этот замок был не первым, который приобрела Шанель. В 1926 году она купила имение Шато-Пейрос, расположенное в Атлантических Пиренеях в Корбер-Абер близ По, для своего племянника Андре Паласса, которому тогда было двадцать два года.[53] Помимо замка XVIII века с шестнадцатью главными комнатами в имении был также пользовавшийся хорошей репутацией виноградник, на котором изготовлялось

вино мадиран. В противоположность замку Мениль-Гийом Габриель наведывалась сюда часто. Иногда она принимала там герцога Вестминстерского, чаше – Робера Брессона, который приходился Андре Палассу свояком. Здесь она переживет пору исхода французов из Парижа, здесь проведет несколько недель, прежде чем вернуться в Париж через Виши. После развода со своей первой женой в 1946 году ее племянник продал имение.

* * *

Памятно, что Габриель долго колебалась, прежде чем дать положительный ответ на предложение Сэма Голдвина. Представляется весьма вероятным, что ее побудил к этому Ириб. И пусть сам он порядком прогорел в Соединенных Штатах, но это было исключительно по его собственной вине, по причине глупой небрежности с его стороны. И было бы дурным тоном жаловаться на «это кино», которое позволило ему проявить все грани своего таланта. По его мнению, Габриель, обладая куда более ценными козырями, чем он сам, не говоря уже о признанном во всем мире гении высокой моды, имела все основания принять предложения продюсера. К тому же не исключено, что Ириб, никогда не забывавший о своих интересах, рассчитывал кое-что на этом выгадать. Даже если проект Голдвина в действительности окажется химерой, Габриель ничего не потеряет, напротив, останется с миллионом в кармане. Ну а если дело выгорит, не даст ли ему это шанс для творческого возвращения в Голливуд – одним словом, для реванша? Двигаясь в фарватере Шанель, он мог позволять себе какие угодно надежды.

Вспомним, кстати, выставку бриллиантов… Посетители убедились, какую важную роль сыграл в ней Ириб: не он ли решающим образом повлиял на мнение Шанель относительно бижутерии? Итак, совершенно очевидно, что в двух случаях ему удалось оказать сильнейшее воздействие на женщину, которую, во всяком случае, никак нельзя называть податливой. Все его друзья могут это засвидетельствовать. И, хоть она пока не говорит об этом в открытую, она любит Ириба. Доказательства этому пойдут косяком.

Не ему ли поручила она защиту своих интересов перед Обществом производителей духов, дав на то полномочия 12 сентября 1933 года? Прекрасное доказательство доверия с ее стороны… Тем более – в эпоху, когда между нею и Пьером Вертхаймером, с которым она состояла в партнерстве, начала разворачиваться череда тяжб, точнее сказать, самая настоящая

партизанская война с кризисами и примирениями, которая не закончится даже после Второй мировой… Когда Общество производителей духов выбросило на рынок «Очищающий крем», Габриель отреагировала мигом и назначила судебного исполнителя. Она уступила свое имя продуктам парфюмерии, но не продуктам красоты. С другой стороны, в контракте было сказано: «Распространяется на все продукты парфюмерии, румяна, мыла и т. д.». А так как названный продукт, выпущенный обществом на рынок, являлся сортом мыла, предназначенного для снятия макияжа и особенно румян, Габриель оказалась явно неправой. Свой первый процесс она проиграла. Но для дальнейших тяжб она обратилась к молодому адвокату с международной практикой, графу Рене де Шамбрюну, будущему зятю Пьера Лаваля. Ему и карты в руки… Со своей стороны, Рене пытался везде, где только возможно, найти почву для согласия между двумя сторонами, чем давать ход процессу, который в итоге не устроит ни одну из сторон.

* * *

Кстати, вскоре Габриель представляются и другие возможности продемонстрировать Ирибу свою привязанность. Его репутация как стилиста находилась в известном упадке, и Коко прекрасно понимала, каким утешением для ее возлюбленного будет воскрешение «Свидетеля», основанного им четверть века назад. Ее капиталы позволили ей специально по такому случаю основать издательство «Шанель», и начиная с 1933 года «Свидетель» снова появился в киосках. Руководителем издания, равно как и автором большей части иллюстраций был, естественно, Поль Ириб; он же сочинял передовицы. Сатирический талант Поля за четверть века не потерял в силе, но теперь он поставил его на службу пылкому национализму, контрастировавшему с тем скептическим анархизмом, который он исповедовал в юности. Восьмилетнее пребывание за океаном открыло ему, сколько велика его привязанность к родной стране. Но эта привязанность сделалась навязчивой – он постоянно представлял Францию в образе прекрасной Марианны во фригийском колпаке, без конца терзаемой и преследуемой чужеземцами – а то и соотечественниками. Иные из его рисунков показывали Францию изможденной, но трогательной и достойно держащейся перед трибуналом, членами которого были не кто иные, как Муссолини, Рузвельт, Гитлер и тогдашний британский премьер Рэмси Макдональд. На другой карикатуре, названной

«Могильщик», Даладье забрасывает комьями земли тело Марианны, лежащей на дне глубокой ямы…

Чтобы ни для кого не была секретом его связь с Шанель, Ириб, ничуть не колеблясь, придал Марианне ее черты. Он уверенной рукой рисует ее лежащее в могиле обнаженное тело – худощавое, немного мальчишеское, с неразвитой грудью.

Жаждущий бурной деятельности, Ириб стал также во главе «Журнала спорта и мира» («La Revue des sports et du monde»), выпускавшегося конструктором Фордом. Адрес редакции – случайно ли? – дом номер 27 по рю Камбон. В обоих изданиях Коко публикует статьи с изложением идей, на удивление близких идеям стилиста, в частности о необходимости зашиты индустрии роскоши и художественных ремесел.

* * *

Как она впоследствии поведает Полю Морану, Ириб был самым сложным созданием из всех, кого она когда-либо знала. И самым удивительным. Но и он, со своей стороны, упрекает подругу в том, что она непроста.

– Не пойму, – сказал он ей однажды, намекая на особняк на рю Сент-Оноре, – зачем вам столько комнат? Для чего все эти предметы? Одни убытки! И на что вам вся эта домашняя прислуга? Вы кормите всех на убой. Я, пожалуй, пожил бы рядом с вами, если бы вы умели довольствоваться меньшим… Терпеть не могу бесполезных людей, пустых расходов на роскошь и сложных человеческих созданий!

Ее любовь к нему была неподдельной – ибо уже весною 1934 года она отказывается от особняка, где ей так уютно жилось, рассчитывает прислугу – включая Жозефа, верой и правдой прослужившего ей шестнадцать лет, – оставив только горничную. Взамен она находит близ рю Камбон маленький семейный пансион, где нанимает две комнаты. Единственная роскошь – поскольку в этом скромном жилище не было ванной комнаты, она распоряжается ее устроить.

Коко поселяется здесь со своими любимыми книгами, единственной ширмой от Короманделя, двумя каминными стульчиками и несколькими коврами.

– Теперь я живу в пансионе, – ответила она Ирибу. – Это очень удобно, в двух шагах от моего прежнего жилья. Начну вести славную простую жизнь!

– Что же, тебе нравится играть в мидинетку? – спросил он.

Ошарашенная Габриель ответила, что она всего лишь

следовала его советам и также ожидала, что он наймет какую-нибудь скромную комнатенку, раз ему по душе простая жизнь. Но он, судя по всему, не понял ее.

– Неясно, во что вы играете, – ответил он, красный от гнева. – И долго вы собираетесь там оставаться?

– Вам хотелось, *чтобы я* покинула комнаты с лепниной, мрамором и кованым железом, – сказала она ироничным тоном, который вызывал у него раздражение уже с первых нот. – Что же, вот мое новое жилье! Здесь консьержка готовит себе еду прямо на лестнице. Здесь спотыкаешься о пустые молочные бидоны. Ведь вы хотели, чтобы я вела такую жизнь, разве не так? И вы ведь сами хотели вести такую жизнь.

– И вы полагаете, что у меня в обычае жить в таких халупах? – с презрением бросил Ириб.

И вновь, без малейших колебаний, Коко меняет квартиру. На сей раз она поселяется… в отеле «Ритц».

Да, с таким персонажем жить запросто не просто! Тем более что Габриель хоть и любила его всем сердцем, но была отнюдь не той женщиной, которая готова все принять безропотно. Потому-то отношения между ними были страстными и изнурительными. Кроме того, Ириб, по выражению Коко, ревновал ее «как истый испанец». Прежняя жизнь его метрессы была для него пыткой. Он требовал, чтобы она шаг за шагом воскресила в мельчайших подробностях все, что было до него, даже при том, что это причиняло ему страдания. А точнее, именно потому, что это причиняло ему страдания, ибо мазохизм доставлял ему удовольствие!..

Да, он, бесспорно, взял над нею верх! Позже это заставит ее краснеть. Она никогда не простит ему, что проявила перед ним свою слабость…

* * *

В убогом пансионе Габриель прожила недолго – обосновавшись в «Ритце», она заняла там комнаты с видом на Вандомскую площадь. Теперь она могла созерцать из окон ту самую Вандомскую колонну, в разрушении которой полвека назад участвовал отец Ириба. В ту пору из отеля «Ритц» существовал выход на улицу Камбон, что было исключительно удобно для Коко. Апартаменты, которые она выбрала в «Ритце», были весьма элегантно обставлены, но она предпочла меблировать их на свой фасон и поставить несколько своих предметов обстановки, в том числе некоторые из ее любимых лаковых ширм.

Тем временем она почувствовала необходимость в квартире, расположенной непосредственно на месте ее работы. Не для того, чтобы ночевать там, но для того, чтобы иметь там контору, а также завтракать и обедать, не теряя понапрасну времени. С этой целью она занимает почти весь третий этаж дома номер 31 по рю Камбон, на которую выходят шесть огромных окон этого здания XVIII столетия.

Квартира,[54] которую она сама декорировала в 1935 и 1936 годах, начиналась с удивительной прихожей. Вошедшего встречали два вырезанных из дерева в натуральную величину венецианских мавра эпохи Ренессанса, словно приглашая в гостиную. Здесь же, в прихожей, вошедшему открывалось красивое большое кресло XVIII века под покрывалом из белого атласа, а в некоем подобии алькова – китайский столик вишневого цвета. Но что более всего поражало посетителей, так это лаковые ширмы от Короманделя, также XVIII века, роскошно освещенные хрустальными жирандолями. Похожие ширмы стояли в гостиной по обеим сторонам покрытого замшей дивана необъятных размеров. Сохранилось множество фотографий, запечатлевших Коко на этом диване – она так любила отдыхать на нем! Сбоку от нее – подушки, источником вдохновения для которых, похоже, послужили двуслойные куртки конюхов… Перед софой – низенький китайский столик, на котором расположились ее любимые вещицы: коробочка для подаренных Вендором драгоценностей, снаружи красная, а внутри золотая. Верная своей философии, Габриель посвящает больше заботы тому, что не видно. У нее много и других вещиц-фетишей: два хрустальных шара, гадальные карты… Была ли она суеверна? Бог весть… А вокруг, тут и там, фигурки животных, целый зверинец: хрустальная лягушка, которая, по китайским поверьям, приносит счастье, верблюд, две оседланные лошади… Чтобы закрыть тему животных, назовем также довольно большие фигурки оленя и лани из патинированной бронзы, а еще пасущихся повсюду львов – ведь Габриель родилась в августе, и, стало быть, она по гороскопу лев. Гостей приглашали садиться на широкие низкие кресла времен Людовика XV, а паркет был покрыт огромным старинным ковром той же эпохи, поодаль египетская маска, фигурка Будды, русская икона, поднесенная Габриель Стравинским, греческая статуя, украшавшая камин в доме на рю Фобур-Сент-Оноре – она и здесь служила украшением камина, а у подножия ее помещались подставки для дров работы скульптора Липшица – все это подчеркивало сложный характер убранства, в котором искусно сочетались стили и эпохи. «Самое главное, чтобы элементы были красивы», – утверждала хозяйка. Ну, это

она излишне скромничала: ведь нужно еще умение гармонично сочетать их, а здесь не обойтись без тонкого вкуса – иначе собрание даже самых красивых вещей уподобится лавке старьевщика.

Любопытный курьез: картины здесь почти отсутствуют. Ржаной колос, нарисованный Дали, рисунок Фотрье – вот и все. Габриель любила живопись и художников, чему можно было бы привести тьму доказательств, но она не обладала темпераментом коллекционера: владение произведениями искусства как таковое не интересовало ее. Когда же удивленные гости задавали ей вопросы, она отвечала остроумной шуткой: мол, вижу плоховато, мне каждый раз приходилось бы искать очки…

Но кто, скажите, поверил бы в это, взглянув на ее огромную библиотеку? Стены гостиной уставлены сотнями томов в прекрасных переплетах; некоторые из книг подарены ей друзьями, как, например, Реверди и Кокто; но много и сочинений классиков, среди которых Плутарх, Паскаль, Шекспир, «Золотая легенда», полные собрания сочинений Сен-Симона, Теофиля Готье, Мюссе, Гюго – все честь по чести. Но, по словам самой Габриель, она покупала книги, чтобы читать, а не для того, чтобы благодаря им приобрести имидж. По ее собственному выражению, книги – ее лучшие друзья. Чтение было для нее убежищем. Вспомним, как маленькой девочкой она забиралась на раскаленный солнцем чердак в Варение и жадно поглощала романы за четыре су! С той поры художники и писатели, с которыми она дружила – все тот же Кокто, но особенно Реверди, – открыли ей немало любопытного. Сознавая поверхностный характер образования, который она получила – что в Обазине, что в Мулене, – она с еще большей алчностью набрасывалась на книги.

Все комнаты в новом жилище Габриель освещались хрустальными люстрами – отметим среди них светильник, созданный по эскизу Ириба для бюро. Но для того, чтобы их бьющий с потолка свет не казался таким резким, всюду были расставлены напольные светильники, дававшие куда более мягкое освещение. Многочисленные зеркала, усиливающие впечатление от великолепного декора, переносили гостя в феерический мир.

Столовая, в которой гости усаживались за стол эпохи Людовика XIII, была декорирована ширмой, служившей фоном для драгоценного лакированного бюро XVII столетия, многочисленные ящички которого украшали мифологические сцены. С другой стороны находился камин, декорированный зеркалом и бюстом; по бокам от него располагались две покоящиеся на цоколях позолоченные деревянные кариатиды,

каждая из которых поддерживала покрытую черным лаком платформу жирандоли.

Третьей большой комнатой был кабинет Мадемуазель, как ее все называли. Все стены в нем были украшены резьбой по дереву. Габриель ничтоже сумняшеся прорубила в такой панели дверь… Акт вандализма? Возможно… Это тоже было не чуждо ее характеру…

В квартире имелись также ванная комната и кухня, ибо хозяйка чаще всего обедала на рю Камбон, где у нее был камердинер. За стол Коко никогда не садилась одна – за трапезой собирались не только друзья-приятели, но и члены персонала, первые швеи, руководители, манекенщицы… Оказаться в числе приглашенных почиталось высокой честью; о том, чтобы отклонить приглашение той, что стала Людовиком XIV в области высокой моды, не могло быть и речи.

Этот декор будет окружать Шанель всю жизнь – исключая 1944–1950 годы. В этом окружении она проведет немалую часть времени, а остальное она посвятит работе – созданию коллекций – у себя в студии на пятом этаже. Возвращаться в «Ритц» она будет только поздно вечером – чтобы назавтра, ближе к полудню, снова покинуть его.

* * *

Нельзя исключить, что Поль Ириб принял некоторое участие в создании декора этой квартиры, ибо его отношения с Габриель становились все более тесными. Летом 1933 года в Сен-Тропе произошла встреча Колетт (которая приобрела там виллу «Мускатная беседка» и держала магазинчик косметических товаров) с Мисей, которая сообщила ей по секрету:

– Знаешь, она выходит замуж!

– За кого?

– За Ириба. Милая, милая, это неслыханная история! Коко полюбила впервые в жизни…

Конечно, нельзя сбрасывать со счетов бурный темперамент польки, но похоже на то, что Коко серьезно задумывалась о браке со своим новым возлюбленным. Однако требовалось ждать, так как Ириб официально не был разведен, а только «разъехался» со своей супругой, которая возвратилась в Соединенные Штаты. Коротая время в ожидании счастья, Ириб и Шанель любили жить в «Ла Паузе» – Ириб обожал эту удивительную виллу, сочетавшую одновременно черты обители и дворца. В письме к Жозетте Дэ, будущей переводчице «Красавицы и зверя» («La Belle et la Bete»),

отправленном летом 1934 года, Поль Моран запечатлел штрих тогдашней жизни на этой вилле: «Вчера вечером я обедал у Шанель – она была так мила в своей маленькой белой курточке, как у бармена.

Проглотив последний кусок, они – Шанель, Ириб, управляющий французским бюджетом и Констан Сэ – сразу же засели за партию в белот[55] (Ирибу как больному диабетом нельзя было и прикасаться к десерту)».

…И вот счастливая Коко, одетая в панталончики, развлекается тем, что забирается высоковысоко на старую оливу, растущую во дворике. Вспомнила сельское детство? А вообще на кого была внешне похожа Коко летом 1934 года, когда она едва перешагнула полувековой рубеж? Послушаем, как о том вспоминает Колетт: «Если считать, что лицо каждого человека похоже на какое-нибудь животное – с клювом, с мордочкой, с фырчащими ноздрями, с хищной мордой, с хоботом, с гривой, – то мадемуазель Шанель суть маленький черный бычок… по своей упрямой энергии, манере противостоять, слушать, по духу самообороны, который подчас заслоняет ей лицо, Шанель не кто иная, как черный бычок. Темная, курчавая, как у бычка, челочка ниспадает на лоб до самых бровей и танцует при каждом движении головы». Ее глаза – это «два зрачка цвета слюдообразного гранита или цвета горной воды, струящейся из освещенной солнцем расщелины в скале».

В 1934–1935 годах Габриель часто проводила воскресенья вместе с Ирибом у его сестры и племянниц в Барбизоне, где к ним не раз присоединялся Жан Жироду. Ириб, как всегда, занимаясь руководством журналами и оформлением декоров, сочинял также и рекламные слоганы, благо за это хорошо платили. Вот, к примеру, слоган для компании спальных вагонов: «Сон в пути экономит вам время…»

Со своей стороны, Габриель, хоть и нечасто, выезжает в свет, тем не менее участвует в целом фейерверке празднеств, которые охватили высшее французское общество в тридцатые годы. Костюмированные балы и балы-маскарады шли чередой – как, например, «Бал вальсов», организованный в 1934 году князем де Фосиньи-Люсьеном и бароном де Гензбуром. Габриель появилась там в компании Фулько ди Вердура. Но все же это празднество значительно уступило в блеске балу по теме «Великого века», устроенному Этьеном де Бомоном. Серж Лифарь появился в нем в костюме танцовщика Вестриса, а Коко – в костюме «Равнодушного красавца». Однако то, что она не обходила стороною эти мероприятия, объяснялось в значительной мере профессиональными интересами – ведь многие клиенты

обращались к ней за советами по поводу выбора нарядов и, разумеется, доверяли ей заботу о создании новых. В те несколько часов, что длился бал, женщине, словно по мановению волшебной палочки, даровалась другая жизнь, она словно жила жизнью другой женщины… Но для Коко, любившей рано ложиться спать, бал был тоже местом работы, где любой ценой нужно показать себя. И уезжала она оттуда с чувством исполненного долга.

* * *

«Ла Пауза», 21 сентября 1935 года, восемь часов утра. Габриель всего несколько дней как живет в Рокебрюне. Полчаса назад Ириб сошел с «Голубого экспресса» на вокзале в Монако. Был последний день лета, и казалось, погода никогда не была такой солнечной. Уважая сон Коко, Ириб не хотел ее будить. Он направился на террасу дома, откуда открывался несравненный вид. Поднявшись, он окинул взором безграничный горизонт, который чаровал его всякий раз, когда он приезжал в Рокебрюн. Слева от него находилась Ментона, а дальше – Италия; там горы, ступень за ступенью, спускаются к самому побережью. Справа – Монако, а далее, за выступом мыса Кап-Ферра, растворялась в дымке Ницца, омываемая водной гладью залива. Перед ним расстилалось бескрайнее море, гладкое как зеркало в столь ранний час. Горизонт окрасился густосиним цветом с фиолетовым оттенком. Невдалеке от побережья вспыхнули алые паруса нескольких одномачтовых лодок…

– Как хорошо было бы провести остаток жизни здесь, возле Габриель! – сказал он, когда та, проснувшись, с загорелым лицом и в белом, как морская пена, пеньюаре прильнула к нему. Позже, когда утро уже переходило в день, он болтал о чем-то возле теннисного корта со своими партнерами по игре, держа в руках ракетку. Тут появилась Коко, желая присоединиться к компании. Он сделал шаг навстречу ей… И тут страшная боль молниеносно пронзила его грудь, словно стиснула тисками. Он схватился за сердце и растянулся на земле. Все бросились к нему на помощь… Он был без сознания. Попытки привести его в чувство оказались безуспешными. Когда подъехала карета «Скорой помощи» и увезла его в клинику в Ментону, он был уже мертв.

Страдание Габриель было безмерным – столь безмерным, что она лишилась дара речи. Эта мгновенная смерть человека – такого живого среди живых, такого восторженного, пытливого разумом и сверкающего остроумием – была вне человеческого разумения, как немыслимым казалось видеть его безжизненное

тело, так и уло-женное в гроб в безупречно белом теннисном костюме.

В жизни ей уже пришлось познать подобный ужас – той страшной декабрьской ночью 1919 года. И вот снова – на сей раз под ярким солнцем средиземноморского лета во всем блеске, когда этого меньше всего можно было бы ожидать… Что за проклятье преследует мужчин, которых она любит?! За что ей это все?!

Обессиленная, Коко недвижно сидела на стуле с опущенной головой. Глаза ее были сухими, но было ясно, что она беззвучно плачет. Вытянуть из нее хоть слово было невозможно. И тогда было сделано то единственное, что нужно: о случившемся известили по телефону ее близкую подругу. Не она ли спасла ее пятнадцать лет назад, когда не стало Боя? Не она ли с мужем Жозе Марией Сертом увезли ее в Венецию, вырвав из объятий страшного горя? Услышав о том, что с ее подругой снова произошла беда, Мися тут же примчалась, и благодаря ей удалось избежать самого худшего… Что из того? Габриель снова осталась в трагическом одиночестве. Одинока, как никогда…

9
НАЧАЛО КОНЦА

Она больше не могла даже плакать. Что ей теперь оставалось? Многие годы спустя она скажет о том Раймону Массаро, потомственному мастеру-обувщику, одному из тех профессионалов ремесла, к которым она относилась с любовью, уважением и почтением, потому что в этой среде не могли прижиться хитрость, туфта, мошенничество и небрежение. Узнав, что Массаро недавно потерял отца, она пригласила его к себе. Сказав ему слова утешения и пожелав ему в жизни «много любви», она дала ему последний совет: «Не забывайте, Раймон, что если даже вы окажетесь на самом дне горя, если у вас не останется вообще ничего, ни одной живой души вокруг – у вас всегда есть дверь, в которую вы можете постучаться… Это – работа!»

И, конечно же, сразу после погребения Поля Ириба в Барбизоне она погрузилась с головой в работу. В октябре ей нужно было подготовить коллекцию из 70–80 моделей весеннего сезона, показ которой, как и обычно, намечался на январь. И, как она любила говорить, с этим всегда запаздываешь… Представим-ка себе Габриель посреди ее студии на пятом этаже дома номер 31 по рю Камбон – эта огромная комната была по-истине творческой лабораторией, со стенами, обитыми мольтоном, приглушавшим малейший звук. Тут и там протянулись полки, набитые рулонами ткани; на стульях расположились длинные цилиндры белого атласа, развернутые рулоны джерсовой материи, многие и многие метры тюля, муслина, фая… У одной из стен – большое трехстворчатое зеркало, а чуть подальше – кресло, в которое Мадемуазель редко когда усаживалась, проводя на ногах обыкновенно восемь-девять часов кряду…

В эту пору никому другому не удалось, как Колетт, запечатлеть столь же метко портрет Коко, ухватившейся за работу… и за манекенщицу, непосредственно на которой она выстраивала задуманное платье, поскольку она, как известно, никогда не рисовала предварительных эскизов: «Мадемуазель принялась за ваяние ангела шести футов роста.[56] У этого ангела были белокурые с золотом волосы, а сам он был хоть и безличностным, зато красивым, как серафим. (…) Незавершенный ангел порою вздрагивал под действием двух сильных творческих рук, которые нещадно тискали его. Шанель работает десятью пальцами, ногтями, ребром ладони и самой ладонью, булавками,

и ножницами, и самою тканью. Порою она падает на колени перед своим творением – не в знак почтения, но для того, чтобы попробовать немного растянуть тюль… Более всего ценится ею страстная готовность тела покоряться всему, что ей только потребуется! Поясница Шанель напряжена, ноги согнуты – она похожа на коленопреклоненную прачку, которая колотит белье, на тех ревностных домашних хозяек, которые привыкли по двадцать раз на дню вставать на колени, как монашки…»

Вокруг Мадемуазель, все во внимании и почтении – первая швея ателье, один-два портных в белых блузах, заведующая складом, которая подносит ткани, и помощница, готовая в любую минуту поднести подносы с украшениями, среди них Мадемуазель выберет нужные.

На шее у Габриель – длинная лента, к которой прицеплены ножницы. Работая, она не устает говорить своим нарочито сдержанным голосом. По словам Колетт, она говорит, объясняет и поправляет «с неким обостренным терпением». «Я различаю, – заявляет Колетт, – повторяющиеся слова», которые она напевала, точно ведущие музыкальные мотивы: «Я боюсь этих маленьких складок… на ткани, которая держится только на самой себе… Прижмите здесь, отпустите там… Нет, не обуживайте… Я два раза не повторяю…»

Нетрудно догадаться, что в такие минуты ее лучше было не беспокоить. Если же какой-нибудь любопытный посетитель пытался это сделать, она мигом спускалась к выходу, бросала вошедшему: «Не поднимайтесь так быстро, не стоит труда, ведь вам все равно придется спускаться», – и авторитарным жестом указывала на выход.

* * *

Парадокс Шанель? Кутюрье, которая не умеет шить… Точнее говоря, если она чему и научилась – хотя бы все в том же Мулене, – то все давным-давно позабыла. Но с тех пор как она – в Довиле, в Париже – посвятила себя сотворению моды, так ли уж нужно ей было шить самой? Кстати, на это поприще ее толкнуло стремление к независимости: она терпеть не могла шляп и нарядов, которые носили ее современницы. «Я была инструментом Судьбы для проведения необходимой чистки», – скажет она впоследствии. Ее рабочим инструментом были в первую очередь ножницы, которые отсекают все ненужное, и иголки, которые шьют и пришивают все эти ненавистные излишества, «шиши» (chichis), как она их называет. Свое

отношение к ним она выражает меткой формулой: «Есть ли шиши в белой полосе, остающейся после аэроплана? Нет, и в них нет нужды! Я сочиняю свои коллекции, думая об аэропланах».

Заметим мимоходом, что доктрина и практика Шанель в глубинной основе своей – классические. Мольер, Буало и Лабрюйер, говоря о стиле, не имели другого идеала, кроме простоты и строгости, других врагов, кроме сложности и претенциозности. Габриель, получившая более чем скромное образование, инстинктивно потянулась к основным принципам эстетики Великого века – в этом ее разительное отличие от всех других подруг по ремеслу.

* * *

К несчастью, в ту самую эпоху, когда Габриель пыталась найти спасение от свалившегося на нее горя в работе, грянули политические и социальные события 1936 года, нарушившие ее планы. Разумеется, она, как и большинство ее соотечественников, тяжело переживала реоккупацию немецкими войсками левого берега Рейна в марте 1936 года. Президент французского совета Альбер Сарро яростно изобличал это наглое нарушение рейхсканцлером Гитлером Версальского договора, торжественно заявляя: «Но на деле эта угроза не возымела никакого воздействия». Это было первым из долгой череды отступлений, которые, подогревая пыл вождя нацистов, три года спустя привели ко Второй мировой войне.

Со своей стороны, Габриель очень скоро столкнулась с трудностями, которые имели до нее куда более прямое касательство. В мае 1936 года на выборах одержал победу Народный фронт. В Палату депутатов были избраны 146 социалистов и 72 коммуниста. В июне Леон Блюм формирует новое правительство. Но эта победа не только не охладила умы, а, наоборот, разгорячила их. Предоставление оплачиваемых отпусков, 40-часовая рабочая неделя, коллективные договоры и все прочие меры – которые, кстати, уже существовали в других европейских странах – парадоксальным образом привели к возникновению тысяч забастовок во всех секторах экономической деятельности, к незаконному захвату заводов, к тотальной дезорганизации жизни страны…

Волна конфликтов, приобретя характер цунами, не замедлила докатиться и до рю Камбон. В одно прекрасное утро табличка с надписью «Закрыто» появилась и на дверях дома номер 31. Июньским днем у этого дома появился забастовочный

пикет, угрожающе преграждавший путь всякому желающему войти – не только тем, кто намеревался приступить к работе, но и самой Габриель… хотя это был ее дом, который она сама основала благодаря настойчивой работе. Она не понимала этого. Это не укладывалось у нее в голове. Можно представить себе ее состояние, ее смятение, ее гнев в адрес этих девчонок, которым она обеспечила кусок хлеба. Оплачиваемые отпуска, про которые они прожужжали ей все уши, она ввела давным-давно. Больше даже, тех работниц, которые этого требовали, она посылала ежегодно на 15 дней в Мимизан, где специально арендовала несколько домов в сосновом лесу… Там им предоставлялся кров и стол и выплачивались деньги, как за работу. Что вы еще хотите, неблагодарные? (Кстати сказать, эту в буквальном смысле слова «деревню для каникул» Габриель вскоре вынуждена будет прикрыть по категорическому настоянию местного мэра – здешние жительницы жаловались, что швеи Коко соблазняют их мужей…)

Споры между Габриель и ее работницами, разгоревшиеся в июне 1936 года, окажутся очень и очень напряженными. Измученная Коко решила поставить все на карту и предложила следующее: она передает свою фирму в собственность работницам, оставаясь только управляющей на жалованье. В конце концов, разве главный ее интерес не заключался в том, чтобы управлять и творить? Но «делегатки от ателье» отклонили предложение. В конце концов все утряслось и вернулось на круги своя: все остались при своем, и работа возобновилась.

Но, помимо забастовок, у Шанель появились и другие заботы: конкуренция в мире высокой моды – штука беспощадная, и превосходство Шанель уже не было безусловным. Целый ряд имен вокруг обрели почти такую же славу, как и ее собственная. Прежде всего следует назвать Менбоше – этот американский певец, обосновавшийся в Париже, сначала стал главным редактором французского издания журнала «Вог», а затем, в 1929 году, открыл Дом моды. Его предприятие немедленно возымело успех, и среди его клиентуры по ту сторону Атлантики было немало важных особ, как, например, мадам Уоллис Симпсон, будущая герцогиня Виндзорская, для которой он создаст свадебное платье. Он прославился также и тем, что создал в 1934 году первое вечернее платье на корсетных косточках, без бретелек. В течение десятилетий Менбоше станет для богатых американцев воплощением элегантности и изысканности, что не могло не задевать сферы интересов Шанель.

Назовем также Жермен Кребс, будущую мадам Грес, которая сначала работала для дома Аликс и чей талант быстро снискал

славу в театральных и кинематографических кругах. Именно она в 1935 году создала костюмы к фильму Жана Жироду «Троянской войны не будет». Не забудем гения моды – Мадлен Вионне, специалистку по «косым линиям», применявшую в работе оригинальный метод: она брала (что особенно интриговало публику) палисандровую куклу высотой 80 сантиметров, первоначально предназначавшуюся для учащихся Академии художеств, и примеряла на ней ткани, прикидывая, как они будут ниспадать, – и так со всех сторон, поворачивая куклу на цоколе. Успех Мадлен был значителен.

Но главной конкуренткой Шанель была итальянка по имени Элиза Скьяпарелли. По своему социальному происхождению она была полной противоположностью Коко: родилась в 1890 году в Риме, в семье итальянских аристократов, воспитывалась во дворце Корсини. Вышла замуж за графа де Керлора, стала блистать в светском обществе Парижа, Лондона, Нью-Йорка. Разведясь, обосновалась в Париже, где бывала в гостях у Пикабиа, Тристана Тцара и дадаистов. Для заработка рисовала эскизы и изготовляла свитера и юбки в небольшом ателье на рю де ля Сен. Оттуда она перебралась на антресоли дома на улице Мира, где, взяв в попутчики успех, быстро создала наряды для улиц и вечерние туалеты. Наконец, в 1935 году она поселилась в доме номер 21 по Вандомской площади, совсем близко от Габриель, откровенно собираясь вытеснить ее с рынка моды. «Шанель пришел конец!» – объявила она, что, вне всякого сомнения, было несколько преждевременно. Но факт тот, что ей удалось отбить у нее часть клиентуры… Обладая бьющей через край творческой энергией, она черпала вдохновение в значительной мере в эстетике сюрреалистов, используя таланты друзей Коко – таких, как Берар, Кокто и Дали, что вряд ли могло той нравиться. Кстати, Скьяпарелли, к вящей пользе своих творений, смело обратилась к использованию новых материалов вроде родофана (разновидность прозрачной пластмассы) и сочиняла удивительные конфигурации: пуговицы в форме раков, пуделей и лебедей, карманы в виде человеческих губ или омаров, ползущих по юбке, карманы, которые вытягиваются, как ящички буфета, шляпы в виде ботинок… Все эти экстравагантности были, безусловно, забавны и даже соблазняли часть публики, но отдавали, мягко говоря, дурным вкусом. Таково черное платье с двумя нашитыми на груди руками из тафты, вызвавшее сарказм Коко.

Кроме того, с 1934 года Скьяпарелли занялась производством духов с кратким названием «Скьяп», а с 1938 года – духов, именуемых «Шокинг». А так как конкурентка привлекала в

точности тот же тип женщин, что и Шанель, между ними разгорелась самая настоящая война. Она была тем более беспощадной, что пресса, пишущая о моде, систематически подливала масла в огонь, а женское общество со страстью следило за перипетиями борьбы.

Отныне Коко категорически отказывалась даже произносить имя соперницы, называя ее «итальянкой, которая шьет платья» или просто «итальянкой», как будто умолчание могло предотвратить опасность, которую Скьяпарелли представляла для нее.

* * *

Моральное равновесие Габриель, оказавшейся в почти безнадежном отчаянии после внезапной смерти Ириба, было спасено короткой идиллией с Лукино Висконти. Этот уроженец Милана, прямой потомок знаменитого рода гибеллинов, в свои тридцать лет был одним из самых соблазнительных персонажей. Приехав в Париж, он встретился с Шанель, которая произвела на него сильнейшее впечатление – по его собственным словам, он был очарован редкостным сочетанием в ней «женской красоты, мужского ума и фантастической энергии». Приключение было недолгим – тайные мужские предпочтения Висконти были сходны с теми, что и у Кокто, – но оно переросло в глубокую дружбу, которая продлится до самой смерти Габриель. В те два или три года, что последовали за их первой встречей, они совершили множество поездок в Италию – в Милан, где Лукино представил Габриель своему отцу, который тоже был очарован ею; в Венецию, в Рим, на Капри… Добавим, что началом своей кинематографической карьеры Висконти обязан Шанель – ведь именно она, уверенная в его таланте, без колебаний рекомендовала его Жану Ренуару, который, по ее настоятельным просьбам, выбрал его в 1936 году ассистентом для съемок картины «На дне» по пьесе Горького, а в 1937 году – фильма «Дачная прогулка» по повести Мопассана. Дальнейший путь Висконти хорошо известен… Ну как не восхищаться художественным чутьем Габриель в сфере, такой далекой от нее! Именно этого чутья потребует от нее Жан Ренуар, когда закажет ей костюмы для фильма «Правила игры». Он станет снимать весной 1939 года. Этот фильм, в котором следует отметить также элегантные наряды Норы Грегор, сделается классикой кинематографа.

Вклад в зрелищные искусства, сделанный Коко в этот период,

вышеперечисленным не ограничивается. В 1937 году, по предложению Кокто, она выдумает любопытные повязки, которыми будет опоясывать тело Жана Маре. В этом же году она создает костюмы для «Рыцарей Круглого стола». Но и это не все: два года спустя, в 1939 году, она выступает в качестве костюмера в балете «Вакханалия», сценарий и оформление которого принадлежали Сальвадору Дали. Этот спектакль был представлен труппой «Русский балет Монте-Карло».

Желая повсюду заявить о своем присутствии и не сдавать позиций конкурентам, Габриель почувствовала настоятельную необходимость участия во Всемирной выставке 1937 года – там, где был возведен новый дворец Трокадеро и где на берегу Сены, лицом к лицу, встали гигантские павильоны Германии и Советского Союза – свастика против серпа и молота. Открытие состоялось 24 мая. Французские и зарубежные посетители хлынули толпами – как если бы Европа неясно предчувствовала, что это, может быть, ее последний праздник. Разумеется, были предусмотрены и показы высокой моды. Они состоялись в павильоне Элегантности и специально приспособленном для дефиле манекенщиц Клубе птиц с террасой. Модели, созданные на рю Камбон, также заслужили аплодисменты. Кристиан Берар запечатлел для нас эти драгоценные мгновения, сделав серию набросков Коко, одетой в тюлевые платья. Вот еще один способ бросить вызов обстоятельствам и конкурентам!

Наряду со звездами вокала и сцены Шанель принадлежала к тем персонажем, которых больше всего фотографировали в ту эпоху. Во-первых, для того, чтобы публиковать свои творения в изданиях, посвященных моде… А также по той причине, что видела в собственных портретах один из важных элементов достижения успеха у публики. Так, скандинавский фотомастер Хайнинген-Хёне, один из лучших фотографов моды, снимавший ее модели для журнала «Вог», является также автором ее портретов, из которых самым замечательным единодушно признается фото 1935 года, запечатлевшее ее в белом кружевном воротничке, аналогичном тем, что украшали дам в эпоху Ренессанса. Здесь ее лицо особенно прекрасно. Линии четко прочерчены. Под властной дугой длинных черных бровей блестят глубокие черные глаза, будто пронзающие все, на что устремляется их взгляд. Великолепен также портрет работы Хорста – в обрамлении спинки старинного кресла, которое и сейчас стоит в прихожей ее квартиры на рю Камбон. Удивительные портреты Шанель выполнил также официальный фотограф Букингемского дворца сэр Сесил Битон. Да, Коко, королева от кутюр, могла похвастаться целой свитой

приближенных художников – что там европейские коронованные особы с их свитами придворных живописцев!

Наряду с этими портретами, погрудными и в полный рост, назовем более непринужденные снимки других авторов – как, например, Липницкий и особенно Роже Шалль. Вот Коко за ужином в Монте-Карло, между Сальвадором Дали и Жоржем Ориком, рассказывает последнему какую-то забавную историю; вот она, переодетая деревом, на Лесном балу; а здесь Шанель, как всегда, улыбаясь, обедает с Мари Лаурой де Ноай и Стравинским, или же – не наигралась в детстве! – забралась высоко на старую оливу, растущую во внутреннем дворике виллы «Ла Пауза»…

Между тем Габриель прекрасно знала, что окружать себя выдающимися мастерами фотографии и участвовать в светских мероприятиях совершенно недостаточно, чтобы одержать верх над соперниками. Для этого необходимо прежде всего совершенствовать качество творений. Создавая повседневные наряды, Габриель ориентировалась на простоту и строгость, которые до сих пор гарантировали ей успех. Именно в этом стиле ею были задуманы маленькие дневные платья, твидовые и джерсовые дамские костюмы, в которых элегантность так удачно сочеталась с практичностью. Ткани для них выделывались на трикотажной фабрике в Аньере, основанной при помощи высокоталантливого русского инженера по имени Илья Зданович, который создал для нее проекты вязальных машин.

Но сильнее всего неистощимая творческая плодовитость Шанель проявила себя в создании вечерних нарядов, сохранявших чистоту форм и совершенство деталей. «Будьте гусеницей днем и бабочкой вечером, – советовала она в одной из своих статей. – Никому так не комфортно, как гусенице, но ни одно существо не создано для любви так, как бабочка. Нужны платья, в которых „ползают“, как и платья, в которых „летают“. Если перелистать журналы, в которых опубликованы ее вечерние модели 1936–1939 годов, взору предстанет целый фейерверк находок. Но вот что самое парадоксальное – Коко, стяжавшая себе славу тем, что высмеивала моды бель-эпок, теперь решила возродить интерес к ним, введя во вкус дня – но так, как это могла сделать только она, с легкой иронией и яркой остротой ума. Ныне, когда Париж веселился ночи напролет на балах-маскарадах, возродились к жизни прекрасные платья с обнаженными плечами, кринолины с узкой талией, платье с турнюрами, вуали, наброшенные на руки… Преобладающими цветами были черный и зеленый… Помимо этого, она создает для вечерних торжеств длинные прозрачные, воздушные платья из тюля, муслина, кружев, крепа. Другие наряды – из тафты, фая, шелка, расшитого золотом и

серебром, и вообще любых тканей, комбинации которых давали возможность блеснуть виртуозной игрой. При этом мастерица не пренебрегала блестками, но не впадала и в экстравагантность, как Скьяпарелли. Разумеется, к своим нарядам она предлагала и головные уборы, украшенные лентами или петельками из фая, либо усыпанную блестками вуаль, просто наброшенную на волосы и украшенную камелией, розой, гарденией или цветочной диадемой… И ко всему этому – фантазийная бижутерия, серьги-кольца, броши, колье и браслеты, призванные внести заключительные штрихи на представленные модели.

Весною и летом 1939 года – в последние предвоенные сезоны – много говорилось о новых творениях Шанель, в частности, о платьях типа «Гитана» и «Триколор», которые, впрочем, не имели никакого отношения к патриотизму, разве что некоторые оттенки отдаленно напоминали национальный флаг. Как бы там ни было, Габриель показала, что ей по силам отражать атаки конкурентов, алчущих лишить ее первенства. Но каких усилий ей все это стоило!

Вскоре эти маленькие войны, державшие мир моды в напряжении, покажутся ерундой по сравнению с суровыми событиями, угрожавшими Европе. Много было таких, кто предпочел бы ослепнуть перед лицом надвигавшейся реальности.

В сентябре 1938 года, памятном по мюнхенскому сговору, до войны пока не дошло. Но в следующем году вторжение немецких войск в Польшу побудило союзников объявить Германии войну 3 сентября. Однако мобилизация во французскую армию шла со скрипом: на Францию не было совершено нападение, как в 1914 году, и ей не было необходимости ввязываться. Таким образом, в отличие от Первой мировой, две важнейшие мотивации на сей раз отсутствовали. Кому охота была идти воевать только… ради того, чтобы урезонить зарвавшегося диктатора! А главное, стояла такая хорошая погода! Слишком хорошая, чтобы покидать пляжи и облачаться в форму хаки.

В первых числах сентября Габриель решила закрыть свои швейные ателье, оставив открытыми только бутик с парфюмерией и аксессуарами. Решение было принято ею внезапно. Она увольняла две с половиной тысячи работниц. Говорили, будто она делает это по злопамятству, из чувства мести за то, что три года назад они объявили забастовку. Такое маловероятно. «Это было время не для платьев, – объяснит она впоследствии. – У меня сложилось впечатление, что эпоха уходит и что никогда больше не будут шить платьев». Могут возразить: но ведь в 1914 году она повела себя совсем по-другому! Так-то так, но в ту эпоху она была молода и полна надежд. Она начинала создавать свое

предприятие и была отнюдь не той женщиной, чей порыв легко было пресечь. А главное, у нее был Бой, которому она всецело доверяла. Когда в августе четырнадцатого она собиралась прикрыть свой бутик в Довиле, Бой решительно посоветовал ей не делать этого. Теперь все по-другому – ей пятьдесят шесть лет, и даже при том, что ее Дом моделей был у нее в полной собственности, ее будущее лежало позади, и рядом с нею не было никого, кто воодушевил бы ее продолжать работу. К тому же у нее полно конкуренток, которые наступают ей на пятки, не давая покоя. Та же Мадлен Вионне, которая называет ее не иначе как «эта модистка»… Итальянка, которая не устает подтрунивать над нею… Да еще эта необходимость всюду бывать, везде появляться, когда в сто раз приятнее было бы спокойно посидеть дома одной или в компании нескольких избранных друзей!

Вот почему Габриель, как ее ни осуждали за принятое решение, какое бы ни оказывалось на нее давление – особенно со стороны Профсоюзной палаты высокой моды, – решила не отступать. Работницы? Конкурентки будут только счастливы взять их к себе на службу, они ведь опытные специалистки. Клиентура? Тем паче: пусть отправляются к конкуренткам, они только того и ждут. Ее обвиняют в дезертирстве? Смешно, ей-богу! Ей что, одевать французскую армию? Или на нее возложат задачу обеспечивать защиту от немецких самолетов или танков? Или от нее хотят, чтобы она шила одежду для светских дам, которые изъявят желание примерить одежду сестер милосердия? Если память не изменяет, этим занимался Пуаро в 1914 году, и он же скроил оригинальную униформу по эскизам Кокто. Что ж – если другие Дома моды пожелают оставаться открытыми, дай им бог успехов и роста продаж!

…Когда Габриель, перелистывая газеты, находила в рубрике «Моды» последние «писки», то не могла удержаться от смеха. Вот, к примеру, наряд под названием «Ложная тревога» – горностаевое манто-труакар, «надеваемое поверх обеденного платья из марокканского крепа, подчеркнутого синим симили». Или туалет «Наступление», включавший блузку из набивного шелка в сочетании с драповой юбкой того же тона, короткой жакеткой из набивного шелка обратной стороной снаружи и сумкой для противогаза из того же материала.[57] Как она хорошо поступила, что закрыла свой Дом моделей и избавила себя от посмешища, на которое обрекли себя ее соперницы, желавшие прославиться созданием таких фасонов: «Мы тоже воюем за родину!»

– Они не заставят содрогнуться Адольфа Гитлера! – саркастически замечала она.

10
ТАКОЙ ДЛИННЫЙ АНТРАКТ…

…Дом номер 31 по рю Камбон. Конец сентября 1939 года. Ставни второго этажа закрыты. Десятки золоченых стульев, обитых красным бархатом, на которые некогда усаживались клиентки Коко во время показов мод, еще в июле были накрыты обширными серыми чехлами, уже начавшими покрываться серым слоем пыли. Дом Шанели выглядел как дворец Спящей красавицы… Надолго ли? До конца войны? Навсегда?

В один из самых первых дней сентября Жан Кокто[58] со своим другом Жаном Маре, которого только что мобилизовали в армию, пришли на обед к Габриель. Это была весьма грустная трапеза: актер проводил в Париже последний день. В казарме в Версале, куда он был вызван, ему дали увольнительную на несколько часов в столицу. Во время обеда Кокто, который не всегда блистал оптимизмом, высказал – сам не больно веря в это – парадокс, что войны суть нормальное состояние человечества, а мир – всего лишь пауза, некая периодическая рекреация человека, необходимая перед тем, как снова идти в бой…

Но, высказав сию мысль, он добавил, что не верит, будто сейчас на повестке дня стоит затяжной конфликт. Жан Маре – еще более необдуманно – предсказал, что вернется через неделю. Войны попросту не может быть, утверждал он. Это всего лишь огромный блеф. Кстати, всюду только и говорят о том, что немцы мрут с голоду, что бензина у них на донышке, что броня их танков не крепче картонки… Как они смогут сопротивляться «первой армии мира»?

Обладая более трезвым взглядом, Габриель не разделяла эту точку зрения. Она предложила Жанно быть его «фронтовой крестной». Маре был направлен со своей 107-й ротой Воздушной армии в Сомму, что в Мондидье, затем – в Руа. Назначением вышеназванной части было обслуживание возможных самолетов, строительство которых, кстати, так еще и не началось и которые не прилетят никогда… В ожидании самолетов это воинское подразделение получает от Коко, благодаря присутствию Жана Маре, бочонки вина, свитера, шарфы, перчатки, подбитые мехом, шерстяные шлемы и кашне. Посмел бы кто-нибудь здесь, в части, сказать дурное слово о Жане Марс, гордящемся тем, что его рота – «единственная во всей французской армии, одетая от Шанель».

Перед уходом Маре в армию они с Кокто жили вместе в большой квартире по адресу Пляс де ла Мадлен, 9; окна этой

квартиры выходили на левое крыло церкви Св. Магдалины. Кстати, платила за квартиру Габриель, так как сам поэт не располагал для этого средствами. Два ковра он, судя по всему, позаимствовал у матери. Покупка нескольких матрацев окончательно посадила его на мель. Стулья были утащены Жанно из сада Шанз-Элизе и затем перекрашены. Андре де Вильморен, брат Луизы, пожертвовал разорившейся влюбленной паре целую батарею кастрюль.

Теперь же, в начале «странной войны», Кокто, выведенный из равновесия разлукой с Маре и перспективой настоящего конфликта, который повлечет за собою неподдельные смерти, метался как загнанный зверь по своему необъятному жилищу на площади Мадлен, по нескольку раз в день открывая дверь в комнату Маре, как если бы его друг неведомо каким промыслом божьим мог там появиться. Тогда Коко, полная жалости к Кокто, пригласила его пожить несколько месяцев в «Ритце», поближе к ней. Но уже в середине ноября, чувствуя себя неуютно посреди гостиничной роскоши, он покидает «Ритц» и переезжает на принадлежавший его подруге Виолетте Моррис легкой шлюпке «Чайка» в Нейи, где напишет пьесу «Священные чудовища», поставленную в феврале 1940 года в театре «Мишель».

* * *

Октябрь 1939 года. Скромный дом на холмах Клермон-Феррана. Мужчина лет пятидесяти распечатывает почту.

– Вот это да! Письмо от сестрицы! – сказал он вопросительно посмотревшей на него жене. Мужчину зовут Люсьен Шанель.

Что же было в этом письме? «Мне очень неприятно сообщать тебе эту грустную новость. Мой Дом моделей закрыт, я сама на грани нищеты… Ты больше не можешь рассчитывать на меня до тех пор, пока обстоятельства не переменятся».

До сих пор Габриель посылала брату ежемесячное пособие. Лет десять назад она финансировала постройку дома, где он теперь жил, и эти субвенции имели целью побудить его оставить ремесло ярмарочного торговца – прежде он продавал обувь и галоши в Клермоне на рынке, который проходил каждую субботу позади возвышавшегося над городом черного здания собора. Таким образом, благодаря сестре он получал возможность вести жизнь рантье. С какой целью она пошла на это? Может быть, когда герцог Вестминстерский подумывал о женитьбе на ней, ей хотелось иметь более презентабельную родню? Возможно. Но тому нет никаких доказательств. Вот если бы она приобрела для

него какой-нибудь из тех прекрасных средневековых замков, которых немало в Оверни… Но домик из жернового камня со стеклянным навесом над дверью – разве это что-нибудь блестящее?

Другой брат Габриель, Альфонс, благодаря поддержке сестры содержал кафе в Вальроге, в департаменте Гар. Она посылала ему содержание более высокое, чем Люсьену (а именно – равное жалованью префекта), ибо питала к нему слабость. И он постоянно мог рассчитывать на нее, если нужно приобрести новую машину взамен разбитой или покрыть карточный долг. Он вел веселую жизнь – примерно как отец, у которого с ним было немало общих черт. Но и он получил от сестры извещение, что она, по причине закрытия своего дома, более не сможет поддерживать его материально. С тех пор Люсьену оставалось жить только на свои сбережения, а Альфонсу – лишь на выручку от своего заведения в Вальроге.

Как же объяснить такое поведение Габриель? Закрыв свои ателье, она чувствовала, что ей придется если не вовсе положить конец своим щедротам, то значительно уменьшить их бремя, ибо резко уменьшились ее собственные доходы, которые свелись к выручке от продажи духов – да и то в гибельных, по ее мнению, условиях, если иметь в виду тяжбы с обществом в Нейи. Более того, она вступила в тот возраст, когда боязнь обнищания все больше дает о себе знать. Коли так, почему она должна продолжать поддерживать людей, относительно которых она не питала иллюзий и которые помнили о ее существовании только ввиду сугубо материальных соображений? Так рассуждала Габриель и была не так уж неправа. Она нашла бы тому грустное подтверждение, окажись ей доступным письмо Альфонса к жене, в котором он цинично пишет: «Я сообщил Габриель (в письме), что ты панически боишься, как бы она не заболела. Льстить нужно всегда, это ничего не стоит».

А раз так, то зачем вообще поддерживать с братьями связь? С 1939 года она прекращает всякие отношения с ними. Альфонс уйдет из жизни в 1950 году, в пятидесятые годы уйдет из жизни Люсьен, а она так больше не увидит ни их самих, ни их жен, ни детей. Кстати, не было ли дело еще и в том, что братья служили ей напоминанием о безрадостной эпохе печали и нищеты, которую ей хотелось бы напрочь стереть из памяти?

В действительности все было не так просто, как кажется на первый взгляд. Порвав отношения с братьями, Габриель тем не менее сохраняет всю пылкость чувств к племяннику Андре Паласу, сыну ее сестры Джулии, умершей от чахотки в 1915 году. Мы знаем, что по совету Боя она определила его в

шикарный английский колледж в Бомонте, который содержали иезуиты – тот самый, где «выдрессировали» Кэпела, по меткому выражению его тетушки. Там из Андре сделали джентльмена… Наверняка по этой причине она подарила ему замок в Пейросе. Он вполне заслужил его… Столь ярко выраженное предпочтение, выказываемое Габриель Андре Палассу, объясняется легко: он рано потерял мать. Никогда не имевшая детей и, возможно, сожалевшая об этом, думала о том, что в иных обстоятельствах у нее мог бы быть такой сын. Теперь он принадлежал только ей, и никто не мог бы этого оспорить…

Напротив – когда она решила заняться детьми Альфонса, позаботиться об их образовании, чтобы и они были подобающим образом вышколены, то натолкнулась на грубый отказ Альфонса и его жены. Это ее ранило, унизило… Что ж! Коль они, не стесняясь принимать от нее деньги, презирали ее советы, с какой стати она будет продолжать их поддерживать, когда ей самой придется затянуть пояс потуже? Нашли идиотку! Пусть сами позаботятся о себе!

* * *

Единственным связующим звеном между Габриель и ее родней стала отныне добрая Адриенн, которая счастливо проживала день за днем в замке в окрестностях Клермон-Феррана и принимала у себя без всякой дискриминации всех желающих членов семьи Шанель и в частности их детей, которые приезжали туда провести летние каникулы и обожали играть в парке.

* * *

Нужно ли напоминать о том, что всего после восьми месяцев «странной войны», 10 мая 1940 года наступило страшное пробуждение. Французская армия рассыпалась в каких-нибудь несколько дней. Начался поспешный исход миллионов людей на юг. В Париже царствовала атмосфера конца света. Над столицей нависло гигантское облако черного дыма – это горели склады бензина. В полдень было темно, как в полночь. Порою над городом взвывали сирены, и вскоре он превратился в зловещую пустыню, охраняемую несколькими ошеломленными консьержами.

Охваченная всеобщей паникой, Коко также решится бежать. Ее «механик» был мобилизован, и ей пришлось нанять другого

шофера, который, опасаясь выделяться из толпы, отказался от «Роллса», предложив везти Коко на своей машине. Габриель направилась в По, где, как мы помним, она когда-то встретила Кэпела. Оттуда она поехала в Кобер, в замок к своему племяннику, который незадолго до того попал в плен. В окрестностях замка она находит Этьена Бальсана, который в это время находился в фамильном имении Думи. Он был женат и очень состарился. Но хоть он и потерял часть своей шевелюры, зато ни в малой степени не утратил страсти к конному спорту и каждое утро садился на одного из своих многочисленных чистокровных жеребцов, которых держал в обширных конюшнях.

Проведя несколько дней в замке, Габриель решила возвратиться в Париж. 22 июня маршал Петен подписал перемирие. Коко взяла с собою блиставшую остроумием светскую даму Мари Луизу Буске, содержавшую салон в своих великолепных апартаментах на площади Пале-Бурбон. По дороге в Париж проезжали через Виши. Там Габриель и Мари Луиза обедали в ресторане при «Отель дю Парк», где изволил трапезничать сам маршал. Позже Габриель так поведает о сцене в ресторане Марселю Хедриху:

«Вся публика смеялась и пила шампанское. На дамах были преогромные шляпы. „Вот это да, сезон в самом разгаре“, – сказала я. Тут ко мне обратился некий мосье: „Что вы хотели этим сказать, мадам?“ – „Я хочу сказать, что здесь так весело и приятно!“ – ответила я. После этого дама, которую мосье привел в ресторан, стала призывать его к порядку».

Проблем с горючим на обратном пути у Габриель не было: немцы распределяли бензин между возвращавшимися обратно беженцами. Ведь это был французский бензин, в конце концов! Труднее было найти, где пообедать… Но с Коко было не скучно, она весьма остроумно реагировала на события: «В конце концов, не будь такой хорошей погоды, не было бы и массового исхода на юг».

Вернувшись в Париж, она с удивлением обнаружила, что отель «Ритц» реквизирован немцами. Перед входом возник металлический шлагбаум, а с каждой стороны стояло по часовому в каске и при оружии; на крыше здания реял флаг оккупантов – черная свастика в белом круге на красном полотнище. Тут она заметила одного из управляющих и подала ему знак. Коко узнала, что ее мебель и личные вещи были вынесены из занимаемых ею комнат; но какой-то немецкий генерал, увидев в коридоре чемоданы с ее именем, спросил, не та ли это Коко Шанель, которая шьет платья и продает духи. Узнав, что это она самая и есть, он разрешил ей остаться в отеле. Но, увы, дирекция могла

предложить мадемуазель Шанель лишь две небольшие комнаты с ванной, выходящие на рю Камбон, а не на Вандомскую площадь, как те великолепные комнаты, которые она занимала до сих пор. Что ж, придется привыкнуть жить среди немцев. Но ей достаточно будет открыть окно и слегка нагнуться, чтобы следить за своим магазином духов. К тому же «Ритц» имел выход на улицу, где находилось ее коммерческое предприятие, отныне ставшее ее единственным источником средств к существованию, – это удобство тоже не следует сбрасывать со счетов. Правда, площадь ее жилища значительно уменьшилась, но что с того, если она приходит туда только ночевать? Для дневного времени, для приема друзей у нее остается квартира в доме номер 31. В конце концов, у нее такие скромные запросы!

* * *

После закрытия Дома моделей Шанель ведет очень замкнутый образ жизни. Прощайте светские балы, выезды в высшее общество, обеды в роскошных ресторанах! Но все же она бывает время от времени в «Гранд-опера» и аплодирует своему другу Сержу Лифарю. Теперь, когда у нее нет больше причин показываться в свете, она вернулась к той спокойной жизни, которую считала своим идеалом, но которую она до сих пор не могла сочетать со своей профессией.

Впрочем, она отнюдь не была одинока. Приходили проведать ее, отобедать или отужинать Серж Лифарь, проживавший по соседству, в отеле «Кастилия» все на той же рю Камбон и заглядывающий к ней на огонек почти ежедневно, и, конечно же, Кокто, который как раз переезжал в миниатюрную квартирку на улице Пале-Рояль. Изредка преданный Реверди покидал свой маленький домик в Солеме, чтобы повидать Коко. Иногда появлялась Мися, а время от времени Коко навещал и сам Серт. В 1938 году он потерял свою молодую Русси. Заболев туберкулезом и принимая лекарства фунтами, она сделалась неузнаваемой. Мися и тут выказала невероятную преданность. Поскольку Русси, состояние здоровья которой настоятельно требовало лечения в санатории, наотрез отказывалась туда отправляться, Мися поведала ей, что страдает той же хворью, и умолила составить ей компанию в поездке в санаторий «Прангинс» в Швейцарии, где она якобы тоже собиралась пройти курс лечения и не хотела чувствовать себя слишком одинокой. Разыгранная комедия оказалась успешной, но безуспешным оказался курс лечения: спасти молодую женщину от недуга, в то время чрезвычайно

распространенного, не удалось.

Удрученная ее смертью, Мися сама тяжело заболела: с ней случился сердечный приступ, а в результате внутреннего кровоизлияния в одном глазу она перестала им видеть. К тому же она накачивала себя наркотиками, пытаясь уйти от проблем… в том числе и в отношениях с бывшим супругом. Она, как и прежде, водила с Коко бурную дружбу; в свою очередь, Габриель приходила на обед к ней, на рю де Константен, или к Серту, на рю де Риволи, 252, где Мися, за невозможностью лучшего, играла роль хозяйки. У Серта в доме царствовала ошеломляющая роскошь, и, несмотря на продовольственные ограничения военного времени, его стол ломился от яств и был самым изысканным во всем Париже.

Ну а как Габриель проводила время, оставшееся у нее после приема гостей, визитов и управления делами? Прежде всего нужно было одеваться. После того как Шанель закрыла свои ателье, ее лучшие швеи потихоньку разбрелись по другим модельным домам без ущерба для себя: прийти «от Мадемуазель» стоило любых дипломов, любых рекомендаций. Одна из них, мадам Люсия, даже открыла собственное дело на рю Руаяль, куда взяла с собою Манон (мадам Лижур), которая работала у Коко начиная с 13-летнего возраста. Как раз у мадам Люсии и стала теперь одеваться ее бывшая патронесса, и мадам не скрывала гордости за то, что у нее такая клиентка!

Прежде Габриель постоянно жаловалась, что имела возможность почитать только в конце дня; теперь она наверстывала упущенное. Реверди был ее гидом в море книг, а Серж Лифарь, чей голос ей был приятен, читал по ее просьбе вслух отрывки из классических шедевров. Кроме того, она пристрастилась к пению: в глубине души она никак не могла смириться с неудачами, постигшими ее на этом поприще четыре десятилетия назад в Виши. Она проводила целые часы, разучивая самые знаменитые арии для бельканто, среди которых были произведения Верди, Пуччини и Массне. В январе 1941 года Було Ристельхьюбер, сын дипломата и секретарь Миси, записал в своем дневнике: «Приехав к Коко, мы услышали рулады. Меня это удивило. В комнате, помимо хозяйки, были две старые ведьмы с огненно-рыжими гривами – одна сидела за роялем, другая стояла, опершись на его хвостовую часть. Коко прилежно выслушивала их наставления. Это был урок пения. «Невероятно, – сказала мне Мися, когда мы вернулись. – Это в пятьдесят четыре-то года![59] Она решила, что у нее еще может прорезаться голос!» Видно, полька не страдала избытком снисходительности по отношению к подруге.

В течение всего периода оккупации Коко принимала у себя Кокто, о котором она по непонятной причине постоянно дурно отзывалась, что шокировало Було, который ставил это ей в упрек: «Я спорю с Коко по его (Кокто) поводу, – писал он в 1941 году. – Нельзя же без конца шпынять друзей, как это делает она. Это становится тягостным. Знаю, что в глубине души она любит их, но это не мешает ей быть безмерно суровой по отношению к ним, и я считаю необходимым сказать ей об этом». Эта едкость Габриель, которая, может быть, и не была сущностью ее натуры, в любом случае усиливалась при контакте с Мисией, которая сама страшилась жестокости ее формулировок. Словесное уязвление своих друзей поначалу было, должно быть, игрой, которой наслаждались обе подруги; затем игра переросла в некое нездоровое удовольствие, которое требовалось им как воздух. Позже Коко признается Полю Морану: «Обожаю критиковать. В день, когда я перестану критиковать, жизнь для меня кончится…» Безделье, на которое она обрекла себя, повесив замок на дверь Дома моделей, ожесточило ее. Она не могла себе представить, что ничегонеделанье окажется таким жестоким. Работа была для нее как наркотик – и теперь она начинала сознавать это. Да, она, пожалуй, просчиталась, думая, что клиентки разбегутся, и приняв решение о прекращении своего дела. Потому что остальные Дома моделей – Ланвен, Фат, Лелон, Пиге, Пату, Баленсияга – продолжали шить и продавать платья. Они работали, а она… И, главное, позднее могут сказать, что она возобновила работу при немецкой оккупации. Что ж! Так ей и надо! Теперь ей ничего не остается, как расхлебывать последствия своего поспешного решения.

В дневнике, который Кокто вел во время оккупации, сохранилось несколько бегло набросанных словесных портретов Габриель и записи о разговорах, которые она могла вести с поэтом. Коко и Кокто часто вспоминали забавные моменты, которые они пережили вместе, – ну не смешон ли был весь тот шум, который поднялся в прессе в начале 1940 года, когда Габриель поселила поэта в «Ритце»! Дескать, она хочет женить его на себе! Газета «Aux ecoutes» даже заявляла, что, когда Кокто был задан вопрос на сей сюжет, он и не пытался опровергнуть эту новость. «Шанель смеялась, – писал Кокто, – и я смеялся. Но мама сказала мне: „Что же ты не сознался мне в этом, мой мальчик? Почему я узнаю об этом из газет?“

Вот еще запись из дневника Кокто, относящаяся к апрелю 1942 года: поэт повествует о музыкальном утреннике, где он был вместе с Габриель посреди толпы забавных снобов, которых он называет Невозможными и Ужасающими (по аналогии с

Чудесными и Невероятными во времена Директории). Людей этой породы называли словом *зазу* — стиляги; у этих молодых денди куртка доходила до середины бедра, а панталоны – до середины икры. После того как оба друга всласть посмеялись по адресу этих молодых людей, Кокто напомнил Габриель об обеде, который они давали в 1937 году у нее в квартире в «Ритце» в честь Уинстона Черчилля и его сына Рандольфа. В конце трапезы будущий премьер-министр, пьяный вдрызг, оплакивал горючими слезами судьбу Эдуарда VIII, который отрекся от престола, чтобы жениться на разведенной американке Уоллис Симпсон…

Уставшая от безделья Шанель, по воспоминаниям Кокто, соглашается заняться созданием костюмов для его репризы «Антигона» на музыку Онеггера, которая будет поставлена в «Гранд-опера» в январе 1943 года. Вне всякого сомнения, получив шанс временно вернуться к тому, что еще недавно было ее профессией, она еще раз погоревала, что закрыла свои ателье…

* * *

Осенью 1940 года, пребывая в состоянии стерильной бездеятельности и как следствие в почти полном забвении, Габриель встречает человека, который станет ее возлюбленным на доброе десятилетие.

Нам памятно, что ее племянник Андре Паласе был взят в плен немцами в июне 1940 года. Будучи слабым здоровьем, страдая туберкулезом, как и его мать Джулия, он вряд ли выдержал бы лагерный режим – плохо отапливаемые бараки, скудные пайки… И главное, сколько времени продлится этот плен? Он мог там запросто протянуть ноги! Его нужно вызволить оттуда во что бы то ни стало! Но в какую дверь постучаться? Коко была давно знакома с немецким дипломатом Гансом Гюнтером фон Динклаге, родившемся в 1896 году в Ганновере. Мать его была англичанка, он получил прекрасное образование и одинаково блестяще разговаривал на языке Шекспира и на языке Расина. Живой и остроумный, страстный любитель музыки, он к тому же был еще и красавцем: высокий, худощавый, гибкий и стройный блондин с бесцветными голубыми глазами. Он нравился женщинам и не ведал числа своим победам. Будучи не в состоянии долго выносить это, его жена Максимилиенна, урожденная фон Шёнебек, подала в 1935 году на развод. Двумя годами ранее его назначили атташе при посольстве Германии на рю де Лилль, и он занимался связями с прессой. Он нанял прекрасную квартиру на Марсовом поле, в доме номер 41 по

авеню Шарля Флоке и быстро сделался вхожим в самые лучшие парижские гостиные. Галантный дипломат, в котором, помимо других качеств, открылся великолепный танцор, шел нарасхват. Друзья без особой церемонности прозвали его «Шпатц», что по-немецки значит «воробей», за ту легкость, с которой он порхал по жизни и влетал, как пташка, в сердца самых красивых женщин. Не без задних мыслей ведомство министра иностранных дел Иоахима фон Риббентропа держало этого молодца, которого нельзя было воспринимать всерьез, у себя на службе: он, в ряду себе подобных, должен был своим шармом создавать лестный образ своей страны и своим очарованием компенсировать человеконенавистнические заклинания Гитлера. Эта задача как нель-зя лучше подходила бесстрастной личности, жаждавшей одних только удовольствий и, как можно было догадываться, отнюдь не блиставшей страстностью нацистских убеждений. Фактически его главной заботой в эти годы было остаться в обожаемом им Париже.

Слухи об этом плейбое, столь популярном в многонациональном высшем обществе, доходили до Коко еще до войны – она была наслышана о нем как о превосходном игроке в поло, участвовавшем в матчах в Довиле и коллекционировавшем спортивные трофеи-кубки. В дальнейшем ей не раз приходилось встречать его в свете; но пока что отношения между ними были лишь те зыбкие, что возникают у людей, которых случай время от времени сводит на званом обеде или бале.

Вполне естественно, именно к Гансу фон Динклаге обратилась Габриель в попытке вернуть племянника из неволи. Галантный немец пообещал похлопотать. Кстати, он всегда всем обещает… Демарши, подобные тому, что предприняла Коко, не были в ту пору редкостью. Это объясняется очень просто: в немецких лагерях содержались свыше полутора миллиона пленных, и те французы, кто был знаком с оккупантами, пользовавшимися хоть каким-нибудь влиянием, осаждали их с просьбами. Так, Саша Гитри, чья известность свела его с немецкими властями, пользовался этим, чтобы освобождать военнопленных – однажды ему удалось вызволить десятерых за один раз. Ему посчастливилось даже вырвать Тристана Бернара из когтей гестапо…

Но Ганс фон Динклаге не был фигурой настолько влиятельной, чтобы на него можно было положиться. И то сказать, чего вы хотите от *воробышка?* Прошло шесть месяцев после обращения Коко, а Андре Паласс все еще находился за колючей проволокой… Но сама она поддалась чарам красавца-немца. Она приближалась к своему шестидесятилетию – может,

судьба посылает ей последнюю страсть, ей, чувствующей себя такой одинокой! Тем, кто позже станет попрекать ее национальностью возлюбленного, она ответит так: «Когда тебе столько лет и молодой человек оказывает тебе честь ухаживанием, разве станешь требовать у него анкеты?»

Коль скоро сам фон Динклаге не располагал достаточными полномочиями, чтобы освободить Паласса, он представил Коко Теодору Момму, немецкому офицеру, прекрасному кавалеристу, победителю стольких состязаний по конному спорту. Но главное было в другом – он отвечал в оккупационном правительстве за французскую текстильную промышленность. Это была прекрасная инициатива: ввиду прошлых заслуг Габриель можно было бы найти какой-нибудь предлог для освобождения ее племянника. Момму открылось, что Коко, помимо прядильной фабрики в Аньере, владела еще одной – в Маретце, близ Камбре, на севере страны. После 1939 года эта фабрика была закрыта. Так почему бы теперь не открыть ее вновь? Надо, чтобы французы вновь приступили к работе! Разве не так? А если предприятие будет открыто, потребуется компетентный директор. Сказано – сделано! Бывают и посложнее задачи…

Нужно ли говорить, что Коко питала бесконечную благодарность Шпатцу за то, что он представил ее Теодору Момму – ее привязанность к нему от этого только возросла… Очевидно, об их идиллии ведали несколько друзей Коко, но и только. Шпатц, вновь привлеченный к дипломатической службе рейха, естественно, постоянно одетый в гражданское, превосходно говоривший по-французски, был человеком сдержанным. Не следовало ждать, что он станет распространяться о порочащих его связях – начальство тут же пришло бы к выводу, что ему, занятому лишь галантными делами и не блещущему видимой пользой, не место в оккупационной армии. Тогда ему могла грозить отправка на Восточный фронт, – а ведь начиная с конца 1941 года сама мысль об этом приводила немцев в ужас. По подсчетам Аугуста фон Кагенека, начиная с 1943 года средний срок выживания желторотого младшего лейтенанта на русском фронте составлял пятнадцать суток. Направление на Восточный фронт часто служило угрозой, а то и санкцией для тех из личного состава, чей образ мышления или польза не могли быть признаны удовлетворительными…

Идиллия между Шпатцем и Коко развивалась вдали от посторонних глаз. Их не видели ни у «Максима», ни в «Серебряной башне», ни у Друана, ни у Прунье, ни в модном тогда баре «Каррера». Шпатц – по вышеназванным причинам, Коко – просто потому, что любила рано ложиться спать. А вовсе

не потому, что она стыдилась скомпрометировать себя связью с немцем. Она, как и многие в тот период, смотрела на вещи просто: Франция разбита, перемирие подписано, войны больше нет, и приходится все это признать. Ей было достаточно известно мнение Арлетти, которую укоряли в связи с немцем, – она отвечала с обезоруживающей искренностью, которая придавала ее словам особый шарм: «Их просто не надо было сюда пускать». Кстати, в глазах Коко Динклаге был скорее англичанином – по матери, – а с нею он говорил только по-французски. А главное, она не работала для оккупантов, как ее коллеги, чьими клиентками были жены офицеров, промышленников и дипломатов, явившиеся из-за противоположного берега Рейна, как, например, мадам Абетц, супруга посла рейха в Париже. Тем более у нее не было ничего общего с толпой негоциантов, предпринимателей, деловых людей, ремесленников, которые сколачивали состояния, торгуя с немцами.

Чаще всего Коко и Шпатц встречались на третьем этаже дома номер 31 по рю Камбон. Но она приглашала его и на виллу «Ла Пауза», где они подолгу отдыхали, особенно летом. Там в 1942 году архитектор виллы и участник важной сети Сопротивления Роберт Штрейтц просит Габриель замолвить перед Шпатцем слово за профессора физиологии Сергея Воронова, арестованного гестапо. Он будет освобожден. Однако нельзя с уверенностью сказать, сыграло ли в этом решающую роль вмешательство Шпатца или чье-нибудь еще.

Да, Габриель не афишировала своей связи с молодым немцем, но и скрывать ее совсем тоже не собиралась. Когда же друзья рекомендовали ей вести себя поосторожнее, она игнорировала их советы. С ее точки зрения, ничего не могло быть крамольного в тех интимных узах, которые случай завязывает между двумя человеческими существами и которые относятся к сугубо личной сфере. Ей казалось абсурдным, что кто-то мог усмотреть в этих отношениях политический выбор; если уж на то пошло, она отдала бы предпочтение Англии, ее режиму, ее нравам и – в чем мы ранее успели убедиться – ее мужчинам, будь на то ее воля.

Да, но с виду-то все так не кажется, говорили ей. Мало ли что может вообразить людская глупость. Что о ней скажут? Что о ней подумают? Но Габриель только смеялась над этими бреднями…

И была не права.

* * *

Не располагая больше существенными средствами, которые приносила ей продажа платьев, Габриель по-прежнему получала доход, и вовсе не символический, от продажи духов. Кстати сказать, братья Вертхаймер, понимая, что их может ожидать, эмигрировали в Соединенные Штаты, и общество официально перешло в руки одного из их друзей – конструктора самолетов Амьо, который пользовался их особым доверием. Президентом общества стал теперь Робер де Нексон, сводный брат возлюбленного Адриенн Шанель. Но, естественно, этот новый административный совет, состоявший из доверенных лиц, в действительности управлялся из-за океана настоящими владельцами. Следовательно, невзирая на происшедшие перемены и даже несмотря на присутствие в обществе человека, близкого ее родной тетушке, Коко Шанель не могла рассчитывать на пересмотр в свою пользу соглашений от 1924 года. Обладавшей всего лишь десятью процентами акций Габриель оставалось только смириться. Но она готова была взяться за оружие при первой возможности. Ей так не терпелось затеять процесс, что ее верному советнику, мэтру Рене де Шамбрену, приходилось сдерживать ее порывы: он предпочитал мудрый подход к оценке точек зрения. И оказалось, что он был прав.

Тем временем духи Шанель по-прежнему продавались на рю Камбон благодаря Французскому обществу, но самый большой объем продаж приходился на Соединенные Штаты при посредничестве американского филиала. Братьям Вертхаймер удалось наладить производство духов на месте, закупив в Грасе и его окрестностях весь запас жасминовой субстанции и сумев переправить ее за океан. Кроме того, они вложили в рекламу огромные суммы, не сопоставимые с теми, на которые раскошеливались их конкуренты. И эти усилия были вознаграждены сверх всяких ожиданий…

В тягостный период бездействия, начавшийся в 1939 году, Габриель посвятила отрезок времени напряженной тяжбе с Обществом производителей духов. Но в ней бурлила такая жажда деятельности, что начиная с 1943 года она ввязалась в битву совсем иного масштаба – в битву, которая, если бы была выиграна, возможно, изменила бы ход истории.

Известно, что уже в Первую мировую войну, а именно в 1917 году, между противниками имели место секретные переговоры в попытке поставить предел военному кошмару, который день ото дня становился все кровавее. Во время Второй мировой войны те же причины вызвали идентичные последствия. Трудно было вообразить, что перед лицом расширявшегося ужаса в обеих странах не нашлось бы никого, кто мечтал бы остановить

кровавую мясорубку. Не будем вдаваться в подробности всех тайных переговоров, которые велись в ту эпоху, – достаточно вспомнить авантюру Рудольфа Гесса, одного из приближенных Гитлера. В 1941 году Гесс, завладев «Мессершмиттом», бежал из Германии и приземлился в Шотландии. Ему хотелось встретиться с Черчиллем и предложить основы перемирия.[60] Известно, что и заговор против Гитлера 20 июля 1944 года не имел иных целей…

Но кто поверил бы, что в истории всех этих попыток нужно зарезервировать место и для Коко Шанель? В этом убедился в 1971 году адвокат Габриель Рене де Шамбрен, получив письмо от Теодора Момма, который, как и Шамбрен, стал адвокатом международного класса. Как мы помним, Теодор Момм был другом Ганса фон Динклаге и помог выйти на свободу племяннику Коко Андре Палассу. В своем письме Момм поведал Шамбрену о том, что Габриель, будучи одержима мечтой положить конец войне, в ноябре 1943 года хотела встретиться со своим другом Уинстоном Черчиллем, чтобы попытаться убедить его согласиться с принципами секретных англо-германских переговоров. В самом деле, в Великобритании существовала весьма значительная группа населения, не питавшая вражды к такому варианту; в нее входили такие политические деятели, как лорд Рансиман, некоторые аристократы, включая близкого друга Черчилля – знакомого нам герцога Вестминстерского, и родного брата Георга VI – герцога Виндзорского, бывшего Георга VIII. И это не считая многочисленных англичан, считавших германскую опасность чем-то удаленным от них и потому решивших, что настал момент положить конец кровавой бойне. К ним присоединялись те, кто опасался захвата Европы Сталиным. В самой Франции, познавшей ужасы войны не понаслышке, испытавшей на собственной шкуре все тяготы оккупации, массовые депортации евреев и участников Сопротивления, в стране, где с 1940 года полтора миллиона пленных по-прежнему находились за колючей проволокой, где английские бомбардировки наносили ущерб и мирному населению, задумались о сепаратном мире, который положил бы конец всем этим бедствиям. Конечно, Гитлера еще надо склонить к этому, но ведь ему со Сталиным хватит забот! Пусть эти два диктатора грызутся между собою и одновременно ослабеют – демократы только выиграют от этого. Кстати, разве Сталин, подписав с Гитлером пакт в августе 1939 года, не позволил ему развязать войну? И разве не он после взятия Парижа войсками вермахта в 1940 году послал своему союзнику по пакту телеграмму с поздравлением? То-то!

Но если даже Гитлер ставит на карту всё и полон решимости

воевать до конца, то вокруг него так настроены далеко не все. Все большее число немцев отдавало себе отчет в том, что проигрыш войны вполне вероятен и что власть фюрера будет сметена все тем же взмахом метлы. Не лучше ли начать мирные переговоры, не дожидаясь, пока в результате безумного упрямства засидевшегося на престоле диктатора от страны не останется камня на камне? Ведь кровь гражданского населения льется так же без меры, как и кровь воюющих солдат…

Когда Габриель изложила свой проект Теодору Момму, он потерял дар речи. Но она говорила с таким энтузиазмом и убеждением, что он и сам начал задумываться о возможности компромиссного мира в будущем. В конце концов Габриель, пожалуй, сумеет убедить Уинстона Черчилля, что его идея требовать безоговорочной капитуляции, сформулированная в январе 1943 года в ходе конференции в Анфе, в которой участвовал и Рузвельт, решительно не самая лучшая и ее претворение в жизнь повлечет за собою бесчисленные смерти. Не говоря уже об унизительном положении, в которое попадает целый народ, – ведь в результате он лет через двадцать развяжет и третью мировую войну! Неужели позабылись последствия Версальского договора?

Теодор Момм не мог не восхититься своей собеседницей, ее пылом и силой убеждения. Тридцать лет спустя в своем письме к Шамбрену он пишет, ничуть не колеблясь: «Должно быть, в ее жилах течет немного крови Жанны д'Арк», намекая на мужество и одинокий подвиг Орлеанской девы во имя короля Франции.

Нужно ли объяснять, как убежден был бравый наездник в полезности прожекта Коко, если он, взяв свою походную трость, отправился в немецкую столицу, намереваясь заинтересовать высших сановников рейха в его реализации? Шанель было ведомо, что в ноябре 1943 года путь Уинстона Черчилля лежал через Мадрид, и, если бы немецкие власти разрешили ей поехать туда, она могла бы встретиться с ним, например в посольстве Великобритании. Кстати, она прекрасно знала самого посла, сэра Сэмюэля Хоуара, друга герцога Вестминстерского.

В Берлине Теодор Момм, рассчитывавший сперва убедить высокопоставленного чиновника с Вильгельмштрассе, где находилось Министерство иностранных дел рейха, наткнулся на отказ. В дипломатической среде держали себя очень осторожно – кому охота быть обвиненным в предательстве и отправляться в гестапо…

Конечно, он мог бы обратиться к людям абвера, но сейчас же отверг эту идею. Для него не было секретом, что фюрер видел в службе генерала Канариса гнездо заговорщиков. Сам же Канарис,

замешанный в заговоре Штауффенберга 20 июля 1944 года, будет схвачен и казнен.

Теодору Момму оставалось одно – поделиться своими идеями с ведомством, управлявшимся человеком, который был протеже Гиммлера и при этом пользовался доверием Гитлера. Это был не кто иной, как Вальтер Шелленберг. Несмотря на свою молодость – а было ему всего тридцать три года, – он руководил Шестым управлением, контролировавшим службу внешней разведки. Сам шеф СС Гиммлер порою подумывал о поражении Германии и исчезновении фюрера. Он не исключал возможности если не сделаться его преемником, то, во всяком случае, сыграть в этот момент важную роль. В этой перспективе передача союзникам свидетельства доброй воли без ведома Гитлера казалось ему весьма интересной. В конце концов, Черчилля можно было бы соблазнить идеей компромиссного мира, который избавил бы его соотечественников от пролития крови и слез, – что он как раз и пообещал сделать в своей знаменитой речи в июне 1940 года, равно как и от высадки десанта на материк – дела столь рискованного и гибельного. Гиммлер дал карт-бланш Шелленбергу, но так, чтобы самому не быть замешенным. Против ожидания Момма, Шелленберг счел его предложение интересным, и была достигнута договоренность об операции «Модельхут» – «Модная шляпа», с намеком на первую профессию Коко. Впрочем, «операция» – слишком громко сказано: речь шла всего-навсего о том, чтобы разрешить Габриель поездку в Испанию с пропуском, действительным в течение каких-нибудь нескольких дней… Но дело несколько осложнилось тем, что Коко непременно захотелось, чтобы ее сопровождала Вера Бейт. Свое требование новоявленная миротворица объяснила просто: Вера в силу своего чистейшего английского благородного происхождения гораздо ближе к Черчиллю, нежели она сама. Если потребуется, она придет на выручку Коко в попытке убедить премьер-министра. Но ведь еще требуется узнать, где она теперь находится. Несколько лет назад она развелась, затем вышла замуж вторым браком за итальянца – майора Ломбарди, чемпиона по конному спорту – и жила в Риме. Несмотря на письменное приглашение Коко, Вера наотрез отказалась приехать в Париж, мотивируя это тем, что ей не хотелось разлучаться со своим нежно любимым супругом, который к тому же под подозрением у немцев и потому прячется невдалеке от нее – она одна ведает где. Не хочет по-хорошему? Значит, придется уговаривать… Исполнитель поручения явно переусердствовал и заключил Веру в тюрьму… с уголовницами и девицами известного поведения. Затем ее все же повезли во Францию,

оказывая лестные знаки внимания в надежде, что она позабудет те злосчастные пятнадцать суток, проведенных в каталажке. Но в продолжение всего принудительного путешествия она умирала со страху – куда везут и для чего? Неужели и вправду в Париж? Наконец, оказавшись в «Ритце», она облегченно вздохнула, увидев Коко. Последняя, полагая, что момент для введения ее в курс дела еще не настал, повезла ее в Мадрид под тем предлогом, что она хочет открыть там Дом моделей и ей нужна ее помощь. Но когда спутницы достигли испанской столицы, поведение Коко показалось Вере очень странным, и той в конце концов пришлось рассказать подруге всю правду. Но увы, Габриель не довелось свидеться с Черчиллем – пришлось довольствоваться встречей с послом Великобритании сэром Сэмюэлем Хоуаром, которому она в отчаянии вручила послание для передачи премьер-министру. Но отныне она знала, что коль не смогла напрямую встретиться с Черчиллем, то ее миссия провалилась. Что же произошло? Черчилль действительно находился в это время в Мадриде, но был настолько серьезно болен, что его личный врач, доктор Моран, заранее записав его в покойники, запретил ему любые встречи, даже краткие. Ну а будь Черчилль в добром здравии, убедили бы его аргументы Шанель? Пожалуй, стоит усомниться в этом. Старый лев зациклился на идее безоговорочной капитуляции противника, и никто и ничто не могло бы заставить его уступить.

Как бы там ни было, Габриель напрасно слишком скрытничала с Верой. Поведение подруги настолько заинтриговало ее, что она поспешила поделиться своими подозрениями с одним из чиновников посольства своей страны в Мадриде. Как следствие Габриель попала под подозрение и под колпак британских тайных агентств, которыми тогда кишела испанская столица. Но эти слежки быстро прекратились – по всей видимости, Габриель попала в составленный Интеллидженс сервис строго конфиденциальный список французов, которым выказывалось полное доверие и к которым можно было обратиться в случае необходимости. Потому-то не бессмысленным был вопрос, с которым она после войны обращалась к иным своим соотечественникам: «С каким английским полковником вы были связаны?»

Продолжим разговор. Как мы видели, герцог Вестминстерский был горячим сторонником сепаратного мира. Сейчас можно утверждать с высокой степенью уверенности, что инициатива Коко с самого начала тайком поддерживалась Вендором. Мы можем даже позволить себе думать, что сам герцог, безуспешно пытавшийся убедить своего друга Черчилля в

обоснованности своей точки зрения, с отчаяния схватился за соломинку, решив, что крохотные шансы добиться успеха могут быть у Шанель. Он мог попросить ее пуститься в это предприятие, взяв с нее слово держать язык за зубами относительно роли, которую играл в этом сам. Этим и объясняется любопытное выражение «героическое молчание», которым Момм характеризует поведение Коко после ареста в сентябре 1944 года, равно как и фраза, которая вырвалась у нее сквозь слезы: «Все мои друзья были по другую сторону».

Точно так же будет понятнее благосклонный прием, с которым Шелленберг встретил прожект, представленный ему Теодором Моммом. Для него не были секретом ни связи, соединявшие Коко с Вендором, ни идеи последнего о возможности достижения мира путем переговоров; он также знал, что Габриель считалась доброй знакомой Черчилля и сэра Сэмюэля Хоуара и могла быть посредницей из самых серьезных. А главное, он мог подозревать, что операция направляется издалека герцогом Вестминстерским, и это возбуждало в нем еще больший интерес.

Больше даже – в случае поражения Германии он всегда мог бы сказать, что не щадил своих сил в борьбе за достижение мира, и это бы ему зачлось. Будущее подтвердило его правоту, ибо он отделался шестью годами заключения.

* * *

Однако во многих аспектах эта сторона деятельности Габриель остается тайной за семью печатями. Ни документальный фильм Би-би-си «Шанель: частная жизнь» (1995), ни свидетельство агента Стюарта Хэмпшира, допрашивавшего Шелленберга в 1945 году, ни даже доклад Интеллидженс сервис о вышеупомянутом Шелленберге, в котором о самой этой афере рассказывается исключительно кратко, не утоляют нашего любопытства. Всерьез ли думала Габриель, что может преуспеть в своем предприятии? Направлял ли кто-то ее шаги? Какова была роль в этом герцога Вестминстерского? Совершенно очевидно, что ни в каком докладе мы не встретим разъяснений по вышеперечисленным пунктам, а полное молчание, которое хранила по этому поводу сама Габриель, усиливает впечатление, что нам никогда не узнать правды об этой курьезной афере.

Но совершенно ясно, что Габриель вернулась в Париж, удрученная провалом своей миссии. Она из тех женщин, что не любят проигрывать даже в сферах, находящихся вне их

компетенции. Итак, она вернулась в серые будни оккупации, влача то бесцветное существование, которое, несмотря на связь со Шпатцем, слишком разительно контрастировало с предвоенным, наполненным блеском и трудом.

Между тем соперники и соперницы удваивали свои усилия, что только усугубляло ее горечь. Председатель Профсоюзной палаты высокой моды Люсьен Лелонг добился для своей профессии важной льготы – права ввозить роскошные ткани «без стежков»… Конечно, исчезла прежняя аристократическая клиентура, зато появилась новая, далеко не столь знатная – нувориши, нажившиеся на «черном рынке» и всякого рода контрабандной торговле…

Эта клиентура создала успех производству роскошного готового платья, которое уже процветало в Соединенных Штатах, но во Франции до войны оставалось неизвестным. На рю Фобур-Сент-Оноре, затем на рю Дюфур и рю де Севр открылись десятки элегантных бутиков к услугам клиенток, которых отпугивали высокие цены одежды от кутюр, а здесь они могли приобрести по вполне разумной цене изделия почти столь же высокого качества.

Но как бы там ни было, после войны Габриель могла сказать с чистой совестью: я была одной из тех редких представительниц своего ремесла, которые не заработали ни сантима на немецкой клиентуре…[61]

* * *

Париж, 10 сентября 1944 года. Пошла третья неделя со дня освобождения. Вандомская площадь, отель «Ритц». Два молодых человека в холщовых туфлях, с рукавами, закатанными по самые бицепсы, и с огромными револьверами на поясе вышли из подкатившего к отелю черного «Ситроена». Поднявшись в подъезд, они отстранили швейцара в фуражке с галунами и вошли в отель через тамбурную дверь. Они знали, куда идут. Несколько минут спустя они вышли, конвоируя женщину шестидесяти лет в белом дамском костюме; дама держалась с достоинством; лицо ее было бледным, но бесстрастным. Бравые молодцы бесцеремонно заставили ее сесть в машину, которая рванула с места как ураган. Куда везут? Этого дама не знала.

Коко Шанель была арестована, а вернее сказать, похищена. Кем? Это так и осталось загадкой. По приказу «комитета по чистке»? Если да, то какого? Кто был его председателем? Кто входил в его состав? Этого так и не удалось установить, а сами участники затеи предпочли не давать о себе знать…

* * *

Тот же день, дом 31 по рю Камбон. Ставшая свидетельницей ареста своей хозяйки, Жермен, служившая у Габриель горничной и кухаркой, пришла в бутик Шанель вся в слезах.

– Успокойся, – сказали ей. – Мадемуазель уже час как вернулась.

Чтобы прояснить ситуацию с арестом Габриель, сопоставим его с арестом Саша Гитри, случившимся 23 августа 1944 года, – это даст нам возможность лучше понять события. И в том и в другом случае – не раскрытая до сих пор анонимность «комитетов (или псевдокомитетов) по чистке», которые, как считалось, представляли общественное мнение. Они не имели иной легитимности, кроме той, которую самопровозгласили, не имели иного адреса, кроме задней комнаты какого-нибудь бистро или квартиры одного из членов. В обоих случаях мотив был один и тот же: связь с оккупантами, которая a priori вешала ярлык предательства. Ни в том, ни в другом случае не было ни ордеров на арест, ни какого бы то ни было предварительного расследования, призванного установить подлинность фактов, послуживших основанием для обвинения. И в случае с Шанель, и в случае с Гитри имело место самоуправство и полное презрение к какой бы то ни было законности.

Но в отличие от Гитри, который был передан в руки правосудия – кстати, с совершенно пустым досье – и претерпел, помимо оскорблений и побоев, двухмесячное заключение, двухлетний арест банковских счетов, продлившийся на тот же срок запрет на постановку своих пьес и даже лишение права самому выходить на сцену – вплоть до полной реабилитации, – Габриель удалось избежать подобной судьбы.

Отсюда возникает мысль, что ей на выручку пришла мощная протекция. По мнению некоторых, получить свободу через два-три часа в условиях, которых мы не можем себе даже представить, реально было только при вмешательстве герцога Вестминстерского или Уинстона Черчилля. А возможно, и обоих сразу. Вполне вероятно, что и Черчилль, и герцог поочередно нажимали кнопки, чтобы вызволить общую подругу из неприятного положения. Но эта гипотеза предполагает, что Габриель смогла связаться с тем или другим с невероятной быстротой. И это при том, что она попала в лапы молодчиков, в глазах которых была не кем иным, как коллаборационисткой, заслуживающей позорного столба. И, разумеется, фигурируя (в чем нет оснований сомневаться) в неких секретных списках французских спецслужб, не могла иметь какого-либо документа

или тайного номера телефона, способного выручить ее. Как нам представляется, лишь атмосфера смуты и неясности, в которой происходила эта заварушка, объясняет то обстоятельство, что Габриель, в отличие от Саша Гитри, выпуталась из нее удивительно быстро и отделалась малой кровью.

Приведем для сравнения еще одну судьбу: Леони Батиат, она же Арлетти, провела полтора года под подпиской о невыезде в департаменте Сена и Марна за то, что влюбилась в офицера из немецкой авиации, красавца Ганса Зерринга. Кстати, благодаря этой связи она вместе с Саша Гитри добилась во время оккупации освобождения Тристана Бернара. Ну и кто с этим посчитался?..

В течение сентября месяца Габриель, преданная дружбе и исполненная мужества в подобных ситуациях, прятала у себя в квартире на рю Камбон Сержа Лифаря. Танцовщик, как и многие имевшие связи с немцами, получал угрозы. Его обвиняли в том, что, будучи главным балетмейстером парижской «Гранд-опера», имел слишком многочисленные контакты с немецкими коллегами из хореографической среды, приезжавшими давать представление в Париже. Кончилось тем, что он сдался «комитету по чистке танца» (был и такой!), где пытался разъяснить, что, находясь при исполнении служебных обязанностей, не мог вести себя иначе. Да, он видел Геринга, видел доктора Геббельса… Ну и что? Мог ли он запираться в своей конторе, когда обязан был быть на приеме? Он избежал тюрьмы, но был смешен с должности и на год лишен возможности заниматься своим ремеслом…

* * *

Как только появилась возможность, Габриель, съездив сперва в Швейцарию (где у нее размещались основные средства) и взяв некоторую сумму денег, отправилась в Лондон. Там она навестила своих друзей, с которыми ее разлучила война, и не в последнюю очередь герцога Вестминстерского. Нетрудно догадаться, что у них было немало тем для разговоров, среди которых – провал ее прожекта достижения мира путем переговоров. Теперь у друзей было сколько угодно времени для обсуждения этой истории.

11
ОТСТУПЛЕНИЕ ИЛИ ИЗГНАНИЕ?

Осень 1944 года оказалась невеселой для Габриель. Столкнувшись со всеобщей людской неприязнью, она кусала себе губы. С нею больше никто не хотел разговаривать ни о Сопротивлении, ни о «комитетах по чистке», которые хватали без разбору виноватых и правых, ни даже о генерале де Голле, который, конечно же, никогда не допустил бы появления всех этих проходимцев…

Шпатцу удалось покинуть Париж, но Габриель не имела никаких известий о нем. Она снова одинока в по-прежнему угрюмой столице, в стране, жители которой не то что не примирились, но тратили бездну времени на сведение счетов между собою, достав из закоулков памяти самые застарелые обиды. Магистратские «комитеты по чистке» – ведь нужно же им было отличиться! – с еще большей жестокостью карали невиновных, каковыми по большому счету были все, кроме одного человека, принесшего клятву на верность маршалу Петену… Множились самосуды и убийства. Между тем война и не думала кончаться, а молниеносное наступление фон Рунштедта в Арденнах в ноябре 1944 года едва не переломило ситуацию в пользу немцев.

Стареющая – ей вот-вот исполнится 62 года! – разлученная с любимым делом и стоящая на грани депрессии, Габриель отправилась на несколько лет лелеять свою тоску в Швейцарию. Более всего по душе ей приходились Лозанна и берега озера Леман. Неясная тяга к бродяжнической жизни побуждала ее часто менять отели – чаще всего ее приютом становился «Бо-Риваж», но также и «Палас-Бо-Сит», «Централь-Бельвю», «Руаяль» и «Савой». Габриель наезжала и в Женеву, где находился распоряжавшийся ее капиталом банк Феррье-Люллена; впоследствии она *перевела* средства в Цюрих. Зимою она проводила по нескольку недель то в Ангадене, то в Сен-Морице.

Переступая порог своего любимого отеля «Бо-Риваж», Габриель оказывалась в космополитичном мире престарелых миллиардеров, которые зимой уезжали из Швейцарии погреть свои ревматизмы на солнышке в Монте-Карло. Пристанищем им чаще всего служил «Отель де Пари» – тот самый, где много лет назад Коко останавливалась с великим князем Дмитрием. В этом же отеле она жила и в ту пору, когда впервые встретила Вендора.

В Уши при взгляде на безмятежность вод озера Леман,

охваченного кольцом гор в неизменных облачных шапках, Габриель наполнялась чувством защищенности и почти что вечности. Этот самый пейзаж некогда чаровал Руссо, мадам де Сталь, лорда Байрона…

Такими же вечными казались ей клиенты «Бо-Риважа» – пожилые дамы в темных платьях, рассеянно массировавшие морщинистые шеи, едва прикрытые муаровой лентой, или мосье – призраки минувшего, которым трясущаяся в их руках трость едва помогала при ходьбе.

Появления Коко в ресторане отеля, конечно же, не могли оставаться незамеченными в среде подобных постояльцев. Белый твидовый костюм, черная блузка, поверх которой блестели три ряда жемчужин, и соломенное канотье вызывали трепет в публике, в которой фигурировали иные из ее старых клиенток. При виде Коко по залу прокатывался шепот и бормотание, лица людей светлели. Вспоминалось прошлое – предвоенные годы, Лоншан, Довиль, Биарриц. Годы под знаком Шанель… Да, золотое было время!..

Один из лучших друзей Габриель, Мишель Деон, вспоминает, как он однажды приехал в «Бо-Риваж» в компании Коко на своей спортивной машине. Помирая со скуки в своем черном «Кадиллаке», в котором ехала также и ее домашняя прислуга, она покинула импозантное авто, чтобы сесть с ним рядом; на голове у нее была розовая газовая вуаль, какую носили автомобилистки бель-эпок. «Сзади следовал „Кадиллак“, ведомый шофером в ливрее; в нем, на сиденье из серого плюша, ехали две горничные Габриель; одна из них держала в изъеденных моющими средствами руках (…) шкатулку с драгоценностями хозяйки, словно ехала к обитателям „Бо-Риважа“ с неким священным талисманом»,[62] – пишет он в воспоминаниях.

* * *

Уединившейся в Швейцарии Габриель не хотелось бросать на произвол судьбы своего племянника Андре Паласса, состояние здоровья которого по-прежнему оставляло желать лучшего. Его чахотка оставалась неизлеченной, пришлось даже делать пневмоторакс. Чтобы видеться с ним как можно чаще, она сняла для него сперва дом среди виноградников Лаво, потом – квартиру в Шексбре и, наконец, красивую, спрятанную среди деревьев виллу на холмах, возвышавшихся над Лютри. Коко не ограничивалась тем, что наносила ему визиты – она не раз гостила у него. Очевидно, ей хотелось теплотою семейных уз

окрасить свои одиночество и бездеятельность, которые все больше тяготили ее.

После капитуляции Германии 8 мая 1945 года Шпатц приезжает к Габриель в Швейцарию. Он поселяется в Лозанне, и, хоть и не живет с Коко под одной крышей, их часто можно было встретить вместе на базе зимних видов спорта Вильярсюр-Ольон, в кантоне Во. Кое-кто поговаривал об их скорой свадьбе; но и на сей раз семейное счастье обошло Габриель стороной… Как бы там ни было, барон фон Динклаге, испытывавший нужду, стал получать от Габриель солидную денежную помощь, едва пересек границы Швейцарии. Сохранился снимок 1951 года, запечатлевший Шпатца и Коко на фоне заснеженного пейзажа с елями и домиками-шале (это вообще одна из редких фотографий, сохранивших облик барона). Стареющий улыбающийся плейбой, элегантно одетый в плащ превосходного покроя, по-прежнему блещет бравой выправкой… По правде говоря, вокруг этой незаурядной пары стали роиться далеко не безобидные слухи: одни поговаривали, что Шпатц частенько поколачивает Коко, другие – что это она дурно обращается с ним, и, наконец, представители третьей группы утверждали, что между ним и между нею случаются потасовки… К 1952 году барон фон Динклаге покидает Швейцарию, предпочтя ее красотам солнце Ибицы, и здесь предается наслаждениям эротической живописи, благо донжуанских воспоминаний, служивших ему материалом, у него было хоть отбавляй.

Помимо Швейцарии Габриель в эти годы подолгу живет в «Ла-Паузе», куда к ней тем не менее частенько наведывается Шпатц; она проводит много времени и в Париже, но страдает от того, что более не находит там общества, в котором блистала в период между мировыми войнами. В ту эпоху большая часть художественного и литературного авангарда была тесно связана с высшим парижским обществом, в котором было немало меценатов. Это виконтесса де Ноай, и графиня Пастре, и княгиня де Полиньяк, и госпожа Серт, да и сама Коко… Теперь же в интеллектуальной и художественной жизни Парижа доминировали такие лица, как Камю, Сартр и Мальро, которых никак не назовешь светскими особами. Другие, как Пикассо, ушли в изоляцию или углубились в политическую жизнь, как Арагон… Редким, если не единственным, исключением оставался Кокто, а люди из высшего света – например, мастер устраивать костюмированные балы Этьен де Бомонт – шли на большие затраты, пытаясь воскресить атмосферу предвоенных лет, но ввиду тщетности своих усилий отказались от этой затеи. Габриель все больше проникалась удручающим впечатлением, что

она – сколок мира, исчезнувшего навсегда.

Но была еще одна причина, побуждавшая Габриель надолго не задерживаться в Париже. Слишком уж часто ей тыкали в нос без малейшего снисхождения ее связь с немцем во время оккупации. Еще слишком свежи были раны, чтобы стало по-другому. Еще совсем недавно открылись ужасы депортационных лагерей. В этом контексте поведение Габриель будет еще долго бросать тень на ее личность, и хоть и не отдалит от нее самых близких друзей, но часть людей из ее круга, завидев ее на улице, будут переходить на другую сторону, чтобы не здороваться. К несчастью, в ее случае, как в случае с Кокто, тот факт, что она не была приговорена к наказанию, не служил достаточным основанием, чтобы отмести всякие подозрения. Хуже того, случаи, когда забывали о таланте и достижениях художника или писателя, зато не стихали пересуды о его судьбе во время оккупации, не были исключением.

Как мы помним, Габриель отнюдь не была удовлетворена соглашениями, которые связывали ее с Обществом производителей духов. Когда Пьер Вертхаймер вернулся во Францию, она возобновила попытки пересмотреть контракт в свою пользу. Не будем описывать все многочисленные перипетии этой долгой войны, которой, казалось, не будет конца-края. Скажем только, что она завершилась в 1947 году. С этого срока Габриель получала два процента выручки от всех продаваемых в мире духов «Шанель». Теперь она стала одной из самых состоятельных женщин на планете.

– Теперь я богата, – вздохнет она в разговоре с одним из друзей. Да, теперь она была богата, но по-прежнему томилась без дела – особенно после того, как закончились ее тяжбы с Пьером

Вертхаймером. Но, как это ни парадоксально, с тех пор между ним и между нею завязались отношения доверия и дружбы; длительная битва способствовала установлению между, казалось бы, смертельными врагами нерушимых связей. Больше даже, теперь их объединяла искренняя симпатия – Пьер Вертхаймер был очарован тем, что примирился с бывшей радостью – свыше полусотни лет спустя адвокат Коко Рене да Шамбрен с волнением вспоминал о многочисленных бутылках шампанского, откупоренных по сему поводу. Он был, как и прежде, горд за то, что благодаря тонкостям дипломатии ему удалось добиться этого совершенно неожиданного климата мира и согласия…

* * *

В Швейцарии Габриель приобретает, отчасти по фискальным соображениям, виллу на холме, возвышавшемся над городом Совбален. Здесь располагалось одно из излюбленнейших мест ее прогулок. На вершине холма произрастал красивый лес; оттуда, со смотровой площадки, называемой «Ле Синьяль», можно было любоваться не только озером Леман, но и савойскими, водуазскими и фрибурскими Альпами. Зданию с серыми стенами, окруженному садом в пять тысяч квадратных метров, явно недоставало шарма – это была «вилла с окраины», по выражению самой Габриель. Она попыталась сделать ее более приятной, декорировав интерьер с известной степенью роскоши, которую создали, в частности, ее любимые ширмы от Короманделя, а позднее – еще и металлические стулья, созданные Диего Джакометти, братом известного скульптора. Однако вскоре новую хозяйку виллы вновь потянуло в привычные отели, где она чувствовала себя не так одиноко. Здесь, в Швейцарии, она не искала себе клиентуры, зато обрела в этой стране друзей, которых приглашала то в отель, где она обитала, то в один из ресторанов в старой Лозанне, скажем, в «Ла Боссетт» или «Помм де пен» – «Сосновую шишку». Иной раз Коко, не стесняясь, приезжала потанцевать в пивную в Шексбор, находившуюся в нескольких километрах. В друзьях у нее ходили консультировавшие ее врачи, как, например, доктор Тео де Прё или доктор Вайоттон, которого она поселила вместе с его женой у себя в Рокебрюне. Мадам Вайоттон вспоминала, как слушала в исполнении дуэта – Коко и ее подруги Магги ван Зейлен, матери баронессы Ги де Ротшильд – арии из репертуара Ивонны Принтемпс.

Что же представляла собой ее повседневная жизнь в Швейцарии? До завтрака Коко пребывала у себя в комнате, листая журналы мод или только что вышедшие романы. После полудня она садилась в машину и велела своему «механику» везти ее в леса, растущие высоко в холмах. Там она одиноко бродила час или два, и все это время машина тихонько плелась за нею… Порой к ней наезжали друзья – Рене и Жозе де Шамбрен или Поль Моран, бывший посол Франции в Швейцарии, который оказался в Берне без единого су в кармане… Они часто обедали и ужинали вместе, но разговаривала она мало, и всегда, ссылаясь на спешку, уезжала после десерта.

Право, ничего общего с той жизнью, которую она вела когда-то. Ее существование было серым, как воды озера, которые она так любила созерцать. Такое вот неспешное, вялое бытие… Да и отношения со Шпатцем были теперь далеко не теми, что прежде… Что предпринять, чтобы вырваться из этого болота?

И тут ей пришла в голову мысль – одна из тех, что приходят порою на пороге старости, особенно к тем людям, которые сыграли видную роль в жизни общества своей эпохи. А не засесть ли за мемуары? Конечно, этот проект мог показаться претенциозным. Она не задавалась целью убедить читателей в собственной важности, как и в важности высокой моды, – об этом она вовсе не беспокоилась. Ей просто хотелось *существовать* в собственных глазах, ибо чувствовала, что ее личность сходит в тень безвестности в условиях той маргинальной, бесцветной жизни, которую она влачит. Нейтральной, как та страна, где текут ее дни – слишком однообразные для жен-шины с душой борца, которым она никогда не переставала быть. А что сказать о безмятежном – и снискавшем славу такового – климате на берегах озера Леман? Он как ничто другое способствовал той медленной смерти, на которую она себя обрекала своей бездеятельностью.

Напротив – воскрешение эпизодов минувшей жизни, воссоздание в памяти ее перипетий, радостей и горестей явится для нее возрождением.

Конечно, она слишком трезво оценивала свой литературный талант, чтобы самой браться за перо. Правда, она являлась автором нескольких десятков мини-эссе, но тут ей очень помог Реверди… Так, а почему бы снова не обратиться к нему за помощью? Увы, это все будет для него слишком животрепещущим… К тому же, сколько она его знает, он непременно начнет своеволь-ничать и вносить свои коррективы в ее манеру видения. В итоге это будут совсем не ее мемуары.

И вот Габриель решает призвать на помощь Поля Морана. Это случилось зимою 1946 года в Сен-Морице, в знаменитом «Бадрютте» – большом отеле в стиле fin de siecle,[63] расположенном в самом центре городка. Вечера напролет Габриель и Моран вели разговор в уютном салоне; остальные постояльцы мало-помалу разбредались по своим номерам, а беседа кутюрье и писателя затягивалась допоздна. Впрочем, слово «беседа» здесь не совсем уместно, ибо говорила одна Габриель. Говорила без устали своим хрипловатым голосом, стремясь, точно Пруст, разыскать время, которое для нее никогда не было утраченным. Никогда прежде глаза Коко так не сыпали искрами из-под дуг ее подведенных карандашом бровей, похожих на своды из черной лавы, столь часто встречающиеся в стране вулканов. Возвращаясь к себе в номер, очарованный Моран записывал по горячим следам меткие замечания и молниеносно брошенные формулировки, переводил на бумагу портреты друзей собеседницы – впрочем, по манере исполнения это скорее травленные кислотой офорты, до того они кажутся едкими! Но

ждала ли Габриель в действительности, что Моран запишет ее воспоминания? Просила ли его об этом? Или просто излила душу своему давнему другу, автору «Левиса и Ирены»?[64] Трудно сейчас установить, как было на самом деле.

Но вот шесть месяцев спустя случай послал ей ту, кого она искала. Летом 1947 года в Венеции она познакомилась с писательницей Луизой де Вильморен, создавшей ряд романов, в том числе «Постель с колоннами». Обе женщины прониклись симпатией друг к другу, и Габриель, поведав новой подруге о своем проекте, встретилась с нею в Париже в начале сентября. Изложив Луизе свое прошлое, Коко поручила облечь ее рассказ в такую форму, которая увлекла бы читающую публику. Луиза согласилась тем охотнее, что в тот момент сидела на мели. «Я всего лишь бедная пташка», – пожаловалась она. Габриель обещала разделить с нею авторские права на будущее произведение, что позволит «бедной пташке» хоть на время погрузиться в роскошное существование, которого она, вне всякого сомнения, была достойна. Рабочие сеансы затянулись на три-четыре месяца, встретив осложнения из-за сентиментальной жизни Луизы (она была метрессой британского посла Даффа Купера, получившего от нее каламбурное прозвище «Кокилье» – «ракушка»). Но самым парадоксальным было то, что эта связь существовала с благословения леди Купер – законной супруги дипломата, которая сама испытывала привязанность к Луизе… Удивительным было согласие во взаимоотношениях этих трех персонажей, которые, согласно хорошо известной формуле, считали брак столь тяжелой цепью, что требуются трое, чтоб ее нести.

Как бы то ни было, фасон, по которому Габриель кроила свои мемуары, был весьма специфичен. Демонстрация своей верности правде, которая, по словам ее друга Кокто, «чересчур уж нага, чего доброго, станет возбуждать мужчин», – и не входила в ее намерения. Легенда о Коко стала частью ее личности – не такая уж она дура, чтобы разрушать ее неподобающими признаниями! Итак, для начала следует скрыть неудобную правду о печальном начале своего существования. Условимся о том, что родители Шанель – зажиточные крестьяне, которые владели несколькими фермами и ездили исключительно в хороших экипажах. Ее отец… говорил по-английски… Оставил семью? Пусть так… Но ни слова о том, что сдал родных дочурок в сиротский приют! Монахини, которые воспитывали Габриель, превратились в ее воображении в суровых теток, никогда не поступавшихся принципами. Ни слова о том, что она начинала свою карьеру продавщицей готового платья и уж тем более – статисткой в муленском кафешантане,

посещавшемся гарнизонными офицерами! Теперь ответим на вопрос: почему же все-таки ее называли Коко? Если кто ожидает от нее признания, что она исполняла песенку «Кто видел Коко в Трокадеро», не дождется! Она предпочитает ответить по-другому: это оттого, что папаша ласково называл ее «крошка Коко»! В том же духе выдержан и весь остальной рассказ: он обрывается на 1914 годе, когда Габриель утверждается как заправская кутюрье. «А мне тогда едва исполнилось девятнадцать», – уточняет она. Вот те раз! Мемуаристка одним махом скостила себе десять лет! Что, кстати, позволяет ей разом перескочить к периоду, о котором она гораздо охотнее желала бы поведать.

Но если вчитаться в ее рассказ повнимательнее, нетрудно заметить, что в нем есть и совершенно правдивые замечания: «Вранье не требовало от меня никаких усилий. Я не только сама по себе была вруньей, но к тому же мое воображение, питавшееся всякого рода низкопробными романами, способствовало украшению моего вранья, оживляя его патетическими эпизодами…»

А как не поверить в искренность ее исповеди: «Детство, лишенное любви, вызывало во мне безумную жажду быть любимой?» И сколь трогательно ее заявление, относящееся к эпохе обретенной славы: «Мне хотелось верить – любя то, что я создавала, любили и меня. Меня любили благодаря моим творениям!» Какое отчаяние прорывается в этом признании!

Если верно, что Габриель надеялась благодаря своему рассказу обрести сознание своего существования, то при всем том она не упускала из виду и свои материальные интересы. Она рассчитывала продать за хорошую цену свои мемуары какому-нибудь американскому издателю, а также права на их экранизацию. Не дождавшись окончания редактирования, она схватила рукописи – и в самолет. В феврале 1948 года она вылетела в Нью-Йорк на новейшей машине «Констеллейшн» авиакампании «Локхид», достигавшей цели за двенадцать часов и предоставлявшей пассажирам роскошные индивидуальные каюты. Конечно, она тут же понесла издателям первую часть рукописи в качестве образчика. Но вопреки надеждам – а Габриель была уверена, что материал у нее с руками оторвут! – она вернулась несолоно хлебавши. Так отчего же ее рассказ показался издателям неинтересным? Без сомнения, ее первой ошибкой было умолчание о фактах, которые ей хотелось бы забыть. В результате история не только сделалась пресной, но и лишилась элемента правдивости, который как раз и вызвал бы симпатию читателя. Поведав без прикрас о лишениях, понесенных в юные годы, она оттенила бы свои успехи и триумфы последующих лет. И тогда

история ее необычайного восхождения восхитила бы американцев, которые обожают все, что воспевает энергию индивидуума.

Так или иначе, Габриель вернулась из Штатов мрачнее тучи. Всю ответственность за фиаско она свалила на Луизу, мысленно упрекая ее, что та, мол, не сумела изложить ее воспоминания в более привлекательной манере. Но при всем том Габриель, которой не откажешь в умении обрушить на правого и виноватого громы и молнии, не осмелилась даже сообщить своей помощнице о провале предприятия, на которое та возлагала такие надежды. Только молчание Коко сказало ей обо всем. Видя, как улетали тысячи долларов, разочарованная и травмированная Луиза написала Габриель ироничное письмо – мол, заканчивай свой труд сама! Ни у кого другого лучше не получится. Инцидент сильно охладил дружбу между двумя женщинами, однако же не убил ее совсем.

* * *

Париж, авеню Монтень. 12 февраля 1947 года. Десять тридцать утра. У дверей частного особняка под номером 30 под великолепным навесом из жемчужно-серого атласа, несмотря на морозец – все-таки шесть градусов! – теснятся элегантные посетители. Один протягивает портье белую карточку, на которой значится: «Кристиан Диор просит мадам имярек (или мосье имярек) оказать ему честь и пожаловать на презентацию его первой коллекции».

В ту пору месье Диор был почти никому не известен… за исключением разве что клиентов кутюрье Люсьена Лелона, для которого этот бывший торговец картинами трудился в качестве модельера. У него было всего лишь несколько лет опыта работы. Но самые шикарные заказчики дома Лелона обратили внимание на исключительный талант Диора. Узнав о нем, самый крупный текстильный промышленник той эпохи Марсель Буссак назначил ему встречу и, мгновенно попав под его обаяние, решил открыть Дом моделей его имени, выделил в качестве первоначального капитала 60 миллионов франков.[65]

На эту презентацию – а ей предшествовали упорные слухи о том, что она станет событием года – съехался весь блестящий Париж. Эта толпа людей состояла, по большей части, из завсегдатаев рю Камбон до 1939 года. Там были Кристиан Берар, Мария Лаура де Ноай, Этьен де Бомонт, который – о чем Габриель узнала с ужасом – создал для нового кутюрье эскизы бижутерии,

и Мария Луиза Буске, хозяйка салона, собиравшегося по четвергам в ее великолепных апартаментах на площади Пале-Бурбон. Ну и, конечно, явился целый батальон журналистов, пишущих о моде, среди которых – соперничающие команды «Вог» и «Харперс»…

Два часа спустя было известно, что Кристиан Диор – бесспорно, один из величайших кутюрье эпохи. Собратья Кристиана Диора по профессии разом бросились его поздравлять, целовать… «Давно не видела ничего столь прекрасного!» – записала себе одна пожилая дама, которую приветствовали с большим почтением. Это была не кто иная, как Мадлен Вионне, стяжавшая прозвище «Колдунья» за те чудеса в области кройки и шитья, которыми она славилась до 1939 года. Но среди высказанных мнений выделим одно, которому следует придать особую важность. Оно принадлежит великой жрице американской моды Кармен Сноу, знаменитой директрисе «Харперс». Исполненная энтузиазма, она написала так: «Dear Christian, your dresses are wonderful, they have such a new look!» (Дорогой Кристиан, ваши платья чудесны, им присущ новый взгляд!) Это высказывание обошло весь мир.

Но что же в действительности представляет собою *«новый взгляд»,* который так внезапно возник? Почему он явился как революция? А то, что он знаменует собою полный разрыв с модой 1940-х годов: закончилось время толстых каблуков и неестественных, набитых ватой плечиков. О практичных нарядах, вроде тех, что носили в период оккупации, речь больше не шла. На повестке дня – тема возврата к самой существенной функции высокой моды: делать женское тело еще прекраснее! У женщины, сотворенной Кристианом Диором, – узкая талия, высокая и пышная грудь, покатые плечи, а широкие юбки ниспадали почти до земли. Но с вечерними платьями эта мода требовала ношения нижних юбок, осиных талий, китового уса… В общем, всей арматуры, забытой с двадцатых годов.

Нетрудно представить себе реакцию Габриель перед лицом этого «нового взгляда», который являл полную противоположность тому, что проповедовала она, и мог называться «новым» только в качестве хорошо забытого старого. Вот какой формулировкой она охарактеризовала автора «нового взгляда»: «Диор? Он не одевает женщин, он обивает их обоями!» Но чем больше Диор становился притчей во языцех, тем более смягчаются суждения Шанель в ее мемуарах. Кстати, с той поры, как она показывала свою последнюю коллекцию, миновало уже девять лет. Это было еще до войны. Итак…

Несмотря на все и ничуть о том не сожалея, она убеждена,

что новая мода, какой бы талант ни демонстрировал Кристиан Диор, несет в самой своей концепции зародыши своего истощения. Его сегодняшний триумф объясняется просто: после периода лишений, обусловленных войной, женщины жаждали роскоши. Но уже недалеко было время, думала Габриель, когда клиентки Диора насытятся по горло всеми этими тяжеловесными конструкциями, этими юбками-кринолинами, требовавшими многих и многих метров тюля или органди.[66] Может быть, в этом проявлялась ее ревность, но имела место и прозорливость – будущее покажет, как она была права. Но пока еще восторг по поводу «нового взгляда» – «new look» – был всеобщим. Особенно в Соединенных Штатах, где одна журналистка из Эн-би-си ничтоже сумняшеся заявила: «Диор сделал для французского кутюрье то, что парижские такси сделали для Франции перед битвой при Марне».

А что касается оппозиции, то она обрекла себя. Например, «Лига женщин» ополчилась на «непотребное обнажение бесстыдных грудей», чем Диор соблазняет американок и которое рискует опустить «и без того низкий уровень общественной морали». А вот что писал Диору честный американец со Среднего Запада г-н Эпплбай: «Моя супруга стала невыносимой: стремясь во что бы то ни стало обрести вашу хваленую осиную талию, съедает десяток чернослив в день, и больше ни крошки! Ваш Дом моделей – сущий ад. Ступайте к черту!»

Не отставала и Франция – в Париже, в XVIII аррондисмане, на рю Лепик, домашние хозяйки в гневе набросились на двух юных прелестниц – поклонниц новой моды: порвали им одежды, и бедняжкам пришлось садиться в такси полураздетыми…

Но все эти возмущения, о которых без устали трубила пресса, только подчеркивали триумф Диора. Благодаря ему французская высокая мода – которая прозябала, несмотря на деятельность таких домов, как Баленсияга, Роша, Пиге, Фат и некоторые другие, – подняла голову. Текстильные фабриканты потирали руки.

* * *

1947, 1948, 1949, 1950-й… Годы текли – монотонные, тусклые, бесконечные для Габриель в своей угрюмой похожести. Лозанна, Париж, Рокебрюн… В Швейцарии, кроме визитов нескольких друзей, львиную долю ее дней составляли привычные прогулки. Во второй половине дня она мерила шагами любезную ее сердцу водуазскую землю. Одна из излюбленнейших прогулок

уводила Коко туда, где на прогалине леса, неподалеку от Лозанны, располагалось шале «Бонзанфан», устроенное на старой ферме. Здесь на по-деревенски безыскусные столы, источавшие приятный смоляной запах, ставились черничные пироги с молоком. Иной раз прогулка уводила ее и дальше – карабкаясь по горным тропам, она доходила до елового леса Юры, чтобы оттуда еще дальше вглядываться в склоны, по которым взбираются истосковавшиеся по золотому весеннему солнцу виноградники… Этот здоровый образ жизни с каждодневной физической активностью поддерживали в ее теле энергию и крепость, которые не оставят ее до самой смерти.

Храня верность Швейцарии, Габриель тем не менее все дольше и дольше задерживается в Париже. В июле 1949 года она приняла, по рекомендации Лукино Висконти, молодого кинематографиста Франко Дзеффирелли, которому тогда было 26 лет. Она стала его гидом по столице, организовала ему встречи с разными людьми, в том числе с еще неизвестным тогда Роже Вадимом и Кристианом Бераром, осыпала подарками. Опубликованные им воспоминания свидетельствуют о том, что Габриель умела доказывать свою щедрость. Не ведя светской жизни в собственном смысле слова, она стала появляться в «Гранд-опера», в других театральных залах. И хоть ей так и не удалось по-настоящему забыть колоссальное унижение, пережитое ею в сентябре 1944 года, она мало-помалу втянулась в парижскую жизнь. Но лето она проводила в «Ла Паузе», где так любила морские горизонты, старые оливы и ароматы лаванды. Ей хорошо было там отдыхать, потому что мягкий климат продолжался до последних дней октября. Она приглашала туда друзей – Сержа Лифаря, Андре Френьо, Мишеля Деона или Жана Кокто, который вскоре станет ее соседом, поселившись у Франсины Вейсвайлер на мысе Ферра.

Несмотря на это, Габриель все тяжелее переносила свою бездеятельность. Это ее состояние усугублялось смертями близких ей людей: в 1942 году уходит из жизни великий князь Дмитрий, в 1947 году – Жозе Мария Серт, не успев завершить роспись собора в Више, в Каталонии. В 1953 году покинул этот мир герцог Вестминстерский. Но ни одна смерть не явилась для нее таким ударом, как смерть польской подруги. Хотя они никогда не переставали ревновать, а порою им случалось и ненавидеть друг друга, Мися и Габриель никогда не теряли друг друга из виду, не могли распроститься друг с другом, и ничто не связывало их так, как то, что их разделяло. Коко продолжала называть ее «мадам Вердурински» (что было правдиво до жестокости), а словесный портрет, который сохранил для нас

Поль Моран, остается одной из богатейших коллекций ядовитых стрел, когда-либо составленных ею:

«Она щедра: когда кто-нибудь страдает, она готова отдать все – отдать все, чтобы он продолжал страдать.

Когда она ссорит меня с Пикассо, то говорит: «Я тебя спасла от него».

Она жаждет великого – она любит соприкасаться с ним, обнюхивать его, покорять его, низводить до малого.

Мне случается кусать моих друзей, но Мися глотает их».

Но нетрудно представить себе, что подруга, которая некогда была способна крикнуть Коко перед кругом друзей «Заткнись, идиотка!», знала, чем себя защищать.

По правде сказать, тех, кто в ту пору бывал у Миси, не удивило известие о ее смерти. От нее осталась одна тень, а почти за десять лет до того она сделалась практически слепою. Уход Серта, уход Русси нанесли ей мучительные удары… и она стала искать убежища в наркотиках. Мися часто наезжала в Швейцарию не только затем, чтобы повидаться с Коко, но и для того, чтобы достать морфию, без которого она уже не могла обойтись, вплоть до того, что ничуть не стеснялась вкалывать себе очередную дозу прямо сквозь юбку под столом во время обеда в ресторане; иногда, впрочем, она забывала и о самом обеде, а порою одевалась бог знает как.

Фотография, снятая Хорстом в Венеции в 1947 году, запечатлела удручающий силуэт этой женщины. Белая одеревенелая фигура, призрак – вот все, что осталось от некогда молодой, цветущей, сияющей прелестницы, которая когда-то вызывала восхищение у Ренуара и Боннара.

…15 октября 1950 года во второй половине дня Габриель, извещенная о том, в каком состоянии ее подруга, помчалась на улицу Риволи в бывшую квартиру Серта. Мися, не вставшая с постели на протяжении целого месяца, была крайне слаба, на пороге смерти… Но по-прежнему не утратила ясности ума. Она только что приняла таинство соборования. Узнав о прибытии Шанель, Мися, слишком изнуренная, чтобы вынести все эти словесные соболезнования, вздохнула и, повернувшись лицом к стене, простонала: «Коко! Ах… Она меня убьет!»

Одновременно с Габриель съехались несколько друзей умирающей, в том числе Клодель и Кокто. Мися тихо угасла глубокой ночью.

Едва забрезжил новый день, Габриель, исполненная решительности и хладнокровия деревенской женщины перед лицом смерти, взяла дело в свои руки. Она велит перенести усопшую на большую кровать под балдахином, где некогда спал

Жозе Мария… Затем, запершись в комнате с покойницей, принялась обряжать ее в последний раз. Когда час спустя она наконец открыла дверь и позволила друзьям взглянуть на новопреставленную, тем осталось только констатировать чудо: покоившаяся на убранном белыми цветами смертном одре, вся в белом, с бледной розой на груди, украшенной лентой того же *оттенка,* тщательно причесанная и нарумяненная, Мисия вернула себе прежний блеск.

Это была последняя дань, которую Коко принесла подруге. Мися обрела вечный покой на маленьком кладбище Вальвен, омываемом плавным течением Сены, неподалеку от могилы ее давнего поклонника – Стефана Малларме. Теперь земля соединила их…

* * *

Полтора года спустя Габриель, которую не покидала навязчивая мысль написать свою биографию, обратилась на сей раз к молодому журналисту Мишелю Деону, который к тому времени уже был автором романа «Я не хочу его забыть никогда». Деон принял предложение. Больше года Шанель и Деон пытались привести мемуары в надлежащий вид. Но поскольку Габриель по-прежнему цеплялась за легенду о самой себе, желая поведать читателям ее вместо правдивого рассказа о своей жизни, затея и на этот раз была обречена на провал. То, что в ее изустном рассказе могло сойти за правду, звучало фальшиво, будучи переложенным черным по белому на бумагу. И она прекрасно отдала себе в этом отчет, получив 300-страничную рукопись из рук Деона. Мемуаристка оказалась в той же ситуации, что и с Луизой де Вильморен. «В этих трехстах страницах, – скажет она одному из своих друзей, Эрве Миллю, который передаст ее слова Деону, – нет ни одной фразы, которая была бы не моей, но я думаю, что американцы ждали бы не этого».

Безусловно, Габриель всерьез мечтала о заокеанских читателях – ведь пыталась же она продать созданную совместно с Луизой де Вильморен рукопись нью-йоркским издателям. Но в словах, сказанных Эрве Миллю, таится болезненное для нее признание: она выбрала не тот путь, посчитав жизнеспособным литературный жанр, являющий собою нечто среднее между биографией и волшебной сказкой. Что нереально, то нереально. Да и французские читатели едва ли оценили бы фальшивые воспоминания Коко Шанель…

Но как бы все-таки заявить о себе? Нет ли других способов

известить, что она по-прежнему существует?

12
ВОЗВРАЩЕНИЕ МАДЕМУАЗЕЛЬ

19 августа 1953 года Габриель вступила в свой семьдесят первый год. Четырнадцать лет назад она повесила замок на двери своего престижнейшего Дома мод. Жила в одиночестве, в разочаровании, потеряв многих своих друзей. Для нового поколения имя Шанель не значило ничего, кроме знаменитых духов. И вот на закате своего существования, в том возрасте, когда большинство людей уходит из активной жизни, она бросила миру дерзновенный вызов: решила вновь открыть свой Дом моделей… И не затем, чтобы он довольствовался маргинальной ролью, не с целью найти занятие своим старым годам, а затем, чтобы явить его во всем предвоенном блеске, вернуть международный престиж…

Что побудило Габриель пуститься в такую явно рискованную авантюру? Для этого существовала целая связка мотиваций, наслаивавшихся друг на друга, точно черепица. Во-первых, что бы она о себе ни говорила, она давно уже стала дальновидной деловой женщиной – братья Вертхаймер имели прекрасную возможность в этом убедиться. Кроме того, теперь источником ее доходов стали исключительно проценты с выручки от продажи духов. Сумма доходов могла вырасти лишь в случае роста объемов продаж. Но, несмотря даже на фантастическую рекламу, невольно созданную этим духам знаменитым признанием Мерилин Монро – которая, по ее собственным словам, «надевала на ночь лишь несколько капель „Шанели № 5“, и больше ничего» – и не говоря уже о том, что этот парфюм оставался самым знаменитым в мире, продажи, по мнению Габриель, росли не так быстро, как ей хотелось бы. Не то чтобы она боялась оказаться в нищете, но ведь известно – кто в делах не добивается существенного движения вперед, тот откатывается назад. «Вперед и только вперед!» – это правило абсолютно для всех.

Итак, что же предпринять? Габриель назначает Пьеру Вертхаймеру деловую встречу в Швейцарии. Встреча состоялась в Уши, на террасе отеля «Бо-Риваж». Разговор был дружеским и столь же умиротворенным, какою в это время была расстилавшаяся перед их глазами совершенно гладкая поверхность озера.

– Пьер, а не запустить ли нам на рынок новый парфюм? – ласково предложила Коко.

Она думала, что предлагает превосходное средство увеличить

показатели деловой активности общества.

– Боюсь, что это не самая превосходная идея, – с улыбкой сказал Вертхаймер.

И объяснил: предложение рынку нового продукта потребует бешеных расходов на рекламу, которые, еще неизвестно, оправдают ли себя. Больше того, новый парфюм только повредит испытанной, хорошо продающейся «Шанели № 5» – американцы хотят только ее, и ничего больше.

Кстати, предложенные рынку после «Шанели» «Гардения» и «Cuir de Russie»,[67] несмотря на все свои достоинства, никогда не достигли тех же результатов.

Габриель это убедило, и она вынуждена была согласиться. Ничего страшного, наверняка найдется чем заняться! – решила она и поклялась не выходить из игры.

* * *

К тому времени *«новый взгляд»* существовал уже пять-шесть лет и явил из праха почти все, что ей было так ненавистно в бель-эпок. Она на дух не принимала «нового взгляда» даже при том, что его первоначальные перегибы успели исчезнуть. Годы ни на йоту не убавили в ней остроумия – несладко приходилось всем этим любителям мучить женское тело корсетами, осиными талиями, китовыми усами, когда они попадались ей на язык! Как быть несчастным модницам, чтобы исхитриться нагнуться или сесть в авто и не поломать при этом конструкции своих нарядов? Гротеск, да и только! «Кутюрье забыли, что внутри их платьев находятся-таки женщины!» Или вот еще: «Как вам нравятся эти дамы, закутанные в парчу? Ведь стоит им только сесть, как они становятся похожими на старые кресла Людовика XIV!» Статьи журналистов, пишущих о моде, а еще в большей степени указы[68] ее собратьев по ремеслу возбуждали в ней иронию. «В этом году в моде маленькая голова», – с насмешкой читает она, а потом, взбесясь, швыряет журнал на пол и вскрикивает: «А если у меня большая голова, что ж мне, кидаться в Сену, чтобы доставить удовольствие этим мосье?» Кстати, мало кто из них заслуживал симпатию в ее глазах, за исключением Кристобаля Баленсияги, который работал в стиле, в корне противоположном «новому взгляду», и за которым она признавала огромный талант. Остальные же собратья по ремеслу, по ее мнению, бесчестили французскую высокую моду. Шанель считала, что национальный стиль от кутюр находится в глубоком кризисе, движется ощупью и тщетно ищет свой стиль. По прихоти эпох и капризов кутюрье

талия то опускается, то поднимается, то снова опускается. А юбка, порою тяготея к земле, удлиняется до безобразия, словно повинуясь некоему таинственному повелению…

Заметим, что Габриель скорбела по поводу вмешательства мужчин в профессию. В предвоенные годы в мире моды доминировали женщины – Мадлен Вионне, Эльза Скьяпарелли, мадам Гре, не говоря уже о ней самой… Теперь же, по мнению Коко, мужчины берут на себя смелость указывать женщинам, как им следует одеваться. И одевают их плохо, потому что презирают их или в лучшем случае не любят… Приглядитесь к нравам большинства из них, настаивает она, и вы все решительно поймете. Вместо того, чтобы одевать женщин, их расфуфыривают, им предлагают наряды, в которых нельзя ни ходить, ни бегать, зато можно отлично кривляться, как обезьяна. Вот почему американки, которым не откажешь в практическом смысле, бойкотируют французскую продукцию…

* * *

В том же 1953 году Габриель собралась на несколько недель в Нью-Йорк в гости к своей подруге Магги ван Зейлен. Ее дочь Мария Елена (которая позже выйдет замуж за Ги де Ротшильда) была приглашена на престижный бал дебютанток с участием самых богатых наследниц Америки и по этому случаю сшила себе великолепное платье. Исполненная гордости за свое приобретение, она кинулась к Шанель и, румяная от удовольствия, вертелась перед ней волчком: полюбуйтесь!

– Какой ужас! – воскликнула Коко и скорчила такую гримасу, которая не оставляла никаких сомнений в искренности ее реакции.

Мария Елена готова была разрыдаться. Что делать? Полная угрызений совести, Габриель тем не менее не могла обещать, что несколько стежков смогут превратить «ужас» в элегантное платье…

И тут Коко, увидев большую занавеску из красивой шелковой тафты, принялась ее щупать, гладить, растирать между пальцами, измерять и наконец велела отцепить:

– Вот этого будет достаточно, – сказала она двум остолбенелым женщинам.

…Через несколько часов Габриель сымпровизировала такое чудесное бальное платье, что все подруги Марии Елены стали наперебой выспрашивать у нее адрес портнихи…

Впоследствии баронесса де Ротшильд заявит о том, что

именно этот эпизод и подтолкнул Габриель к принятию решения о том, чтобы вновь открыть свой Дом моделей. Мы не обязаны принимать ее слова на веру, но можно сказать с уверенностью, что этот случай сыграл в этом решении свою роль.

Нам представляется, что более важным оказалось другое обстоятельство: она прекрасно понимала, что триумфальное возвращение в от-кутюр будет эквивалентом вложения в рекламу «Шанели» миллиона долларов. Оно невероятным образом воздействует на рост продаж, а значит, возрастут и цифры отчислений в ее пользу.

Разумеется, не стоит забывать о том, что в послевоенную эпоху число клиентов, способных покупать одежду от кутюр, катастрофически упало. Многие Дома моделей рассчитывали как на источник процветания только на продажу духов со своим именем. Эти парфюмы благотворно влияли на престиж кутюрье и на успех их коллекций. И, наоборот, успех коллекций одежды подстегивал продажу духов. В этой перспективе расчеты Габриель были вполне разумны, что показала и последняя цепочка событий.

И, наконец, для Габриель вновь открыть свой Дом моделей означало воскреснуть. Это не слишком большое преувеличение: ведь Шанель постоянно утверждала, что в работе заключается вся ее жизнь. По большому счету она была никем после сентября 1939 года… Несколько лет спустя, начиная с 1946 года, ей снова захотелось существовать – об этом свидетельствуют ее неоднократные попытки публикации приукрашенного повествования о своей жизни. Убедившись к 1953 году в невозможности данного предприятия, она поняла: чтобы не сгинуть во тьме безвестности, ей остается только сражаться на почве, где ее компетенция более всего очевидна: на почве высокой моды. Что ж! Она – «старушка», как ее любовно, но бесцеремонно называли товарищи по ремеслу, – на семьдесят втором году жизни покажет им, что у нее есть еще порох в пороховницах!..

Приняв летом 1953 года решение, Габриель приступила к делу. Прежде всего ей требовались колоссальные капиталы, и она продает «Ла Паузу» литературному агенту Черчилля Эмери Ривсу. И то сказать, зачем ей был теперь этот дом для отдыха, когда она собиралась с головой погрузиться в работу? Далее, при посредничестве Кармел Сноу она заключает контракт с одним крупным американским предпринимателем, который изготовит десятками тысяч практичные и элегантные платья из ее будущих коллекций. И сама она не останется в обиде, получая условленные отчисления.

Новость об этом шаге Коко быстро распространилась.

Обратим также внимание на намерение Коко открыть свой Дом моделей при финансовой поддержке братьев Вертхаймер. Но нужно было еще спросить, согласны ли они. Да, конечно, они предпочли бы, чтобы операция проводилась с их участием – в противном случае бог знает что могло бы статься с этой непредсказуемой Коко! Но интересы двух объединенных общим делом сторон были слишком тесно взаимосвязаны, чтобы отказываться от поиска согласия в этой области. Триумф Шанель в области моды станет и триумфом ее партнеров, но и провал Шанель обернулся бы провалом и для них. Значит, дело связано с риском – что ж, Пьеру Вертхаймеру не впервой пускаться в авантюры в поисках удачи! Ему удалось убедить своих компаньонов.

В результате было подписано соглашение: Общество из Нейи оплачивает половину расходов на шитье. Эти суммы пойдут по графе «расходы на рекламу», способствующую продаже духов. Вполне логично.

Эту первую битву Коко выиграла.

Но решающей битвой станет демонстрация коллекции, которую она намеревалась показать в феврале 1954 года. Какой прием ее ждет?

Она решила представить сто тридцать моделей. Наняла около 70 человек: портных, закройщиц, продавщиц… Вполне естественно, отдала предпочтение тем, кто трудился с ней до войны. Так, она пригласила на работу Люсию Буте – бывшую модистку с улицы Камбон, которая с 1939 года открыла собственный Дом моделей на рю Руаяль, 13. С нею вместе она пригласила мадам Лижур, прозванную Манон, которая управляла ателье Люсии, а до того дебютировала у Шанель еще в возрасте тринадцати лет. До самой своей смерти Коко одевалась исключительно у нее.

Для начала Габриель открывает на рю Камбон, 31, два ателье, приблизительно по 25 работниц в каждом, и готова принанять новых, если ее задумка увенчается успехом. В любом случае она полна веры в себя… В декабре 1953 года она проведет одно из воскресений в Миллила-Форе у Кокто вместе с Марией Луизой Буске и Мишелем Деоном. Разговор продолжался с часу дня до десяти вечера, и ни о ком не было сказано ни единого дурного слова, записал Кокто в своем дневнике. В присутствии Габриель случай исключительный. Поэт отмечает у нее «удивитель-ное снижение напряжения», которое объясняет возобновлением активности.

Она верит в себя, но умеет оставаться скромной и

здравомыслящей: «Почему я вернулась? – признается она некой журналистке. – Мне было скучно, и потребовалось пятнадцать лет, чтобы осознать это. Сегодня я скорее предпочла бы потерпеть провал, чем оставаться в небытии».

Конкуренты, бесспорно, боялись ее возвращения в высокую моду, тем более что она не спешила открывать, что же такое она им готовит. Они вспомнили, что сказал о ней в далеком 1920 году великий Пуаре: «Этот мальчишка (sic) еще обставит нас во всех мастях». Его предсказание сбылось, а самому ему пришлось умереть в нищете.

* * *

Сказать, что день 5 февраля 1954 года ожидался с нетерпением, значит ничего не сказать. Более двух тысяч человек тщетно пытались раздобыть билет на дефиле… Тем не менее весь блистательный Париж был там, рассевшись в золоченых креслах; там были и покупатели, и вся критика, пишущая о моде, а лучшие места занимали редактрисы из «Харперс» и трех редакций «Вог» – американской, английской и французской. Иные стояли, взобравшись на стулья, иные – на ступенях знаменитой зеркальной лестницы, тогда как Габриель, невидимая для публики, скрывалась высоко, почти на уровне второго этажа; ее рука нервно тянулась к сигарете…

Несмотря на то что в угоду суеверию для показа коллекции было выбрано пятое число месяца, он обернулся катастрофой – по крайней мере в глазах английских и французских журналистов. Платья и ансамбли, представленные Шанель на суд почтеннейшей публики, показались почитателям Диора и «нового взгляда» призраками минувшего, реликтами 20 – 30-х годов… В лучшем случае они видели в этих коллекциях меланхолическую перспективу, в худшем – нудную череду совершенно вышедших из моды туалетов. Дефиле происходило в атмосфере леденящего холода, лишь изредка нарушаемого жиденькими аплодисментами. Позже Дзеффирелли заявит, что это было одно из самых трудных испытаний, когда-либо пережитых им. Пресса явила «весь ужас презрения и злобы», напишет Мишель Деон. Иные статьи были заготовлены заранее, прежде чем их авторы увидели хоть одну модель. Вот, например, заголовок из журнала «Комба»: «У Коко Шанель в Фуйилез-уа в 1930 году»…

По завершении этой первой презентации К˚ко не показывалась на глаза друзьям – ей хотелось пощадить их, да и самой уберечься от созерцания их смущения. На взгляд Шанель

была словно мраморная: в таких ситуациях и проявляется закалка личности! Мадам Манон, которая по-прежнему находилась рядом с нею, вспоминала, что очень боялась «реакции Мадемуазель назавтра после фиаско». Право же, она слишком недооценила Мадемуазель, явившую характер «железной дамы»! «Я им еще покажу, – просто сказала Габриель, – мы начнем все сначала»… И тут же с новой силой взялась за работу. Надо ли говорить, что после такого фиаско ни одна клиентка не переступила порог дома 31 по рю Камбон, и огромные примерочные залы на втором этаже оставались пустынными… «Что ж! Тем лучше, – сказала она. – Тем спокойнее мне будет готовить следующую коллекцию в моем маленьком кабинете на третьем этаже». Вот с какими словами она обратилась к своим сподвижникам на рю Камбон, чтобы вселить в них уверенность и воодушевить.

Ее подлинная сила заключалась в абсолютной уверенности в своей правоте. Вместо того чтобы сражаться с конкурентами на их территории, она собиралась изменить ситуацию и показать соперникам, что вышли из моды как раз они. «Они действуют, как старина Пуаре, – объяснила она, – они ищут, как бы сильнее эпатировать клиенток экстравагантностями своих нарядов, вместо того чтобы беспокоиться о самих женщинах с учетом реальности, в которой они живут. Они забывают о самой элементарной истине: нужно, чтобы женщины нравились мужчинам, чтобы они восклицали не „Какое у вас красивое платье!“, а „Какая вы красивая!“. А коли так, то Габриель уверена, что женщины поймут ее в конце концов.

Удивительнее всего в этой истории даже не столько сила воли Шанель, сколько ее умение тонко анализировать. Видимо, она догадывалась, что встретит понимание не во Франции и в Англии, а в Соединенных Штатах. А уж Америка потянет за собой Европу, которая, в свою очередь, устроит ей триумф.

Уже начиная с 5 февраля представители американских магазинов предметов роскоши с Пятой авеню, как, например, Лорд и Тейлор или Б.Альтман, приобрели у нее несколько моделей. Редактор журнала «Вог» Бетти на Баллард так заинтересовалась коллекцией Шанель, что опубликовала в своем журнале три страницы фотографий. С фронтисписа смотрела новая манекенщица Габриель, очаровательная Мари Элен Арно, небрежно опершись о стену, руки в карманы. Она одета в джерсовый костюм цвета морской волны, из-под которого показывается блузка из белого льна, с пристегнутым к юбке бантом из черного атласа. Восхитительную игривость придавала ей соломенная шляпка-канотье с ниспадавшими назад лентами.

Беттина была в восторге от этого наряда, придававшего

любой его обладательнице вид юной девушки. Она тут же приобрела его для себя и надела перед полутора тысячами американских светил из мира моды, собравшихся на Манхэттене на выставке ввезенных из Франции моделей. Многие из этих господ никогда не видели ни одного наряда от Шанель… и для них это было откровением; другие заново открывали для себя ее дарование. Беттина разъяснила им, в каком духе работает Шанель: она стремится пропагандировать моду, целью которой является удобство и красота женщины, а не удовлетворение личных амбиций отдельных эстетов от высокой моды. Аудитория оказалась очень восприимчивой к этим предложениям, которые отвечали американскому прагматизму. И, наконец, в запасе у Беттины был еще один аргумент, оказавшийся козырным тузом: если модели «нового взгляда» невозможно было ставить на поток из-за их сложности, то строгая простота моделей Шанель давала технологически возможность копирования и, следовательно, массового коммерческого распространения. Вот доводы, оказавшиеся главными для покупателей с Седьмой авеню. Они уже потирали руки, предвкушая немалые барыши… Уже в начале 1955 года можно было считать успех непоколебимым. После показа ее третьей коллекции журнал «Лайф», посвятивший ей четыре страницы, подвел итог: «Женщину, скрывающуюся за самым знаменитым в мире парфюмом, возможно, несколько преждевременно потянуло вернуться в высокую моду, но она уже распространила свое влияние на все. В свои семьдесят один год она привнесла больше, чем новую моду, – она совершила революцию».

Габриель столь успешно выиграла пари, что даже самые стойкие приверженцы «нового взгляда» отказались от излишеств, сделали более ровным силуэт и раскрепостили талию.

Нечего греха таить, что на начальном этапе эта рискованная операция обошлась чрезвычайно дорого не только самой Габриель, но и – в особенности – Обществу производителей духов. Пьер Вертхаймер расшибался в лепешку, пытаясь убедить своих запаниковавших компаньонов продолжать инвестировать предприятие на рю Камбон, невзирая даже на самые чудовищные отзывы прессы. Он хранил веру в Шанель и не раз наносил ей визиты, стараясь утешить. Однажды он обнаружил ее изнуренной. Ее руки, разбитые кризисом артроза, причиняли ей ужасающие страдания. К тому же ей приходилось носить черные очки – она более не могла выдерживать яркого света, направляемого на манекенщицу, которую она одевала. Булавки не слушались ее неловких рук, и ей не раз случалось нечаянно колоть бедняжку. Ладно, на сегодня довольно! – решил Вертхаймер и проводил ее

до «Ритца». Она шла тихо, с опушенной головой. Но перед тем как скрыться за дверью отеля, она сказала своему ошеломленному партнеру слова, которые не часто можно было услышать из ее уст: «Спасибо за все, Пьер».

Он знал, что она продолжит дело.

* * *

24 мая 1954 года между Габриель и Обществом производителей духов было достигнуто соглашение, позволявшее Шанель, ни о чем не беспокоясь, углубиться в работу, которая была смыслом ее жизни. Она продает свой Дом моделей, свое общество недвижимости и все прочие общества, носящие ее имя. Разумеется, за ней остаются два процента выручки от продажи духов – она ведь тоже внесла вклад в их создание! При этом она остается на рю Камбон, руководя всеми делами, относящимися непосредственно к кутюр: подбор сотрудников, коллекции, модели и т. п., за исключением финансовых вопросов. Таким образом, за ней закрепляется уютное кресло директрисы, в то время как общество берет на себя управление всеми ее расходами, включая плату за квартиру в «Ритце», уплату налогов на территории Франции, секретарей, домашнюю прислугу, питание, «Кадиллак», шофера, телефон и так далее, вплоть до почтовых марок. Такая вот шикарная пожизненная рента, которая продлится… 17 лет. Более роскошных условий трудно себе и представить.

Отныне она могла трудиться в полном спокойствии, чтобы вновь занять свое место в от-кутюр. Какое? Конечно же, первое.

* * *

Если есть такой наряд, который Шанель смогла в глазах всего мира безусловно ассоциировать со своим именем, то это ее знаменитый дамский костюм с тесьмой, дополнивший ее знаменитое маленькое черное платье 1926 года. Конечно, не она придумала дамский костюм, но она радикально обновила его концепцию. Этот костюм был сочинен в конце XIX века, *чтобы* удовлетворить потребность женщины в свободе движений; его силуэт облегал тело, однако его излишние драпировки, равно как и неэластичная жесткая подкладка все еще стесняли движения. Габриель упразднила подкладку, стала систематически использовать тонкие ткани со сложной структурой, как,

например, джерси, нередко с отделкой металлической нитью. Ей также удалось соединить строгость и функциональность с гибкостью и легкостью, что соответствовало желанному имиджу активной женщины. Этот костюм, родившийся в январе 1955 года вместе с третьей коллекцией, с первого взгляда покорил клиентуру, а два-три года спустя стал основой женских гардеробов. К тому же он был защищен от столь раздражающих сезонных вариаций, и носить его можно было годы. Юбка, длина которой была постоянна, скрывала колени; и, будь она широкой или узкой, позволяла ходить вполне свободно. Жакет обычно бывал коротким, не слишком стеснял, был украшен карманами, застегивался в один ряд на золоченые пуговицы и украшался узорной тесьмой по краю. Кроме джерси, использовались шантун, а также твиды – белый или цвета морской волны.

Таков наряд, который Габриель будет продавать тысячам клиенток. С другой стороны, она уступит права на репродукцию крупным американским предпринимателям, которые пошьют их сотнями тысяч и будут продавать по разным ценам – в зависимости от качества и стоимости ткани. К тому же, вполне естественно, этот наряд будет запросто копироваться в разных частях света без всяких разрешений, с разной степенью успеха…

Мнение Габриель о копировании достаточно известно; оно было прямо противоположно суждению ее собратьев по ремеслу. «Находки делаются для того, чтобы снова быть потерянными», – утверждала она. Кстати, в ее глазах плагиат не то что не был воровством, но являлся одним из самых чудесных выражений почтения: «Копия суть любви», – говорила она. Эта позиция стоила ей напряженных полемик с Профсоюзной палатой парижской высокой моды, председателю которой она адресовала письмо от 25 июля 1958 года, – мы не можем отказать себе в удовольствии процитировать здесь истинную Шанель, явившую себя без прикрас и без всякой бравады:

> «Господин Председатель,
>
> Имею честь вручить Вам (…) отставку, которой Вы пожелали, но о которой, ввиду щепетильности, за которую я благодарна Вам, Вы стеснялись просить меня.
>
> Таким образом я считаю исчерпанным конфликт, который противопоставлял меня Вашей Профсоюзной палате.
>
> *Шанель».*

Но это не мешало Габриель регулярно вносить свой существенный членский взнос. Это был красивый жест: ей не

хотелось, чтобы ее считали мелочной.

* * *

Успех, который стяжал знаменитый костюм, не должен скрывать огромное разнообразие творений Шанель. Сам костюм представлен в сотне различных вариаций, среди которых не найдется двух похожих. С другой стороны, Габриель создавала роскошные вечерние платья, а также наряды для коктейлей или вечеринок в саду из шелкового муслина или из органди; многочисленные платья-туники, платья-болеро, как подогнанные и строгие, так и мягкие и воздушные. Начиная с 1964 года она стала создавать также брючки для интимных вечеров (продолжая отвергать их ношение в любых других обстоятельствах). В выборе рисунков и оттенков она не стеснялась обращаться к восточным искусствам – тибетским, китайским. Наконец, вспоминая о своем крестьянском детстве, она широко использует природные цвета: золотой цвет солнца, алый цвет крови, не говоря уже о многочисленных оттенках зеленого: ведь как разнообразен мир растений!

…Как-то в шестидесятые годы осенним днем один из друзей Коко, прогуливаясь в лесу в Шантильи, увидел стоящий на краю оврага огромный черный «Кадиллак» Габриель с шофером за рулем. Чуть дальше он увидел на прогалине и саму хозяйку, которая сидела спиной к нему на корточках на ковре опавших листьев. Опасаясь побеспокоить ее, он попытался осторожно ретироваться, как вдруг она выпрямилась с необычайной грацией, держа в руке три-четыре буковых листа нежных оттенков.

– Вот это именно то, что я искала, – объяснила она, сияя от радости, которую доставила ей находка.

Оказывается, она только что ездила посмотреть картины Клуэ в музее Шантильи и на обратном пути решила выяснить, не вознаградят ли ее местные пейзажи каким-нибудь новым источником вдохновения. Назавтра она помчится к одному из своих текстильных фабрикантов и распорядится воспроизвести колорит выбранных ею листьев.

Неудивительно, что уже вскоре после своего возвращения в высокую моду, а именно в 1957 году, непостижимая художница получила приз Неймана Маркуса, явившийся наградой «самой влиятельной в XX веке создательнице моды». Этот щедрый меценат был собственником самого крупного в Далласе магазина моды. А так как Габриель души не чаяла в Америке, она приняла предложение туда приехать – в компании Жоржа Кесселя, брата

знаменитого журналиста и романиста. На три недели пребывания в Техасе она привезла с собою два десятка костюмов и платьев. Счастливая, что встречает такой радушный прием, она с добрым юмором отвечала на не всегда скромные вопросы журналистов:

– Что вы едите?

– Одну гардению утром, одну розу вечером.

– Сколько вам лет? (!)

– Сто.

– А точнее?

– Это зависит от случая.

– Что у вас за запонки?

– О! Их мне давным-давно подарил Стравинский.

– По какому поводу?

– Разумеется, в знак преклонения… О! Я хотела сказать – он мне подарил их за то, что я преклоняюсь перед ним. А вы думали?

Все находили ее прельстительной и на удивление молодой и веселой. Журналисты, бравшие у нее интервью, были очарованы ее естественностью и остроумием, заставлявшим их хохотать от чистого сердца. Например, если слышали из ее уст: «Когда я вижу иные наряды, как будто „вдохновленные Шанель“, я заявляю яростный протест: ни одного мешка из-под картошки среди моих творений нет!»[69]

Живость этой «пожилой леди», энергия, которую ей удалось сохранить, и непринужденность ее ответов покорили все сердца. Но что более всего изумило американцев, так это ее триумфальный come-back (возвращение), который в их глазах был сравним разве что с возвращением в большой спорт боксера по имени Рэй Шугар Робинсон. Сложив с себя звание чемпионки мира в 1939 году, Коко (так ее любовно называли и за океаном) триумфально возвратила его себе пятнадцать лет спустя! «Коко сделала это, как Шугар Рэй!» – гласил аршинными буквами заголовок в самой крупной далласской газете.

* * *

Еще в предвоенные годы Габриель пришла к мысли, что бижутерия столь же важна для женщины, как и наряды, которые она носит. Отсюда ее интерес к «фантазийным» украшениям, которые благодаря своей невысокой стоимости позволяют с большей элегантностью сочетаться с прихотью моделей.

Она не изменилась во мнении, когда вновь открывала свой дом. После Этьена де Бомонта и Фулько ди Вердуры с 1953 года

для Габриель трудились Гриппуа и Робер Гуссенс, создавая для ее манекенщиц крестики, броши, изысканные пуговицы, браслеты, серьги, подвески и колье, которые благодаря изобретательности и вкусу становились маленькими шедеврами. В глазах всего мира ожерелье в шесть рядов жемчужин, которое часто надевала и сама Коко, составляло неотъемлемую часть Chanel look – «облика Шанель» – на равных правах с ее знаменитым костюмом.

Робер Гуссенс вспоминает о том исключительном внимании, которое Габриель уделяла концепции исполнения этих украшений, о ее безжалостных требованиях, но и об очевидном уважении, которое Коко питала к профессионалам искусства и ремесла. Что более всего поражало персонал с улицы Камбон, так это изысканность вкуса, которую демонстрировала Шанель при подборе бижутерии, которую ей подносили ассистентки на больших подносах. Устремляя свой острый взгляд на лежащие вперемешку изделия, она разом выбирала веши, которые более всего соответствовали только что законченному наряду. Представлялось, что и в этой области, как и в других сферах от кутюр, она была наделена даром непогрешимости.

Ту же страсть к совершенству Габриель продемонстрирует и в выборе обуви для своих моделей. Над ее заказами трудился, в частности, потомственный обувщик Раймон Массаро,[70] чей дедушка был постановщиком двора махараджи Карпуталаха. Отец Раймона, Лазар, обувал саму Габриель с 1938 года. Вполне естественно, когда Габриель вновь открыла свой дом, то обратилась к династии Массаро с заказами для своих коллекций. Раймон Массаро донес до нас несколько воспоминаний об этом, не лишенных пикантности: в той степени, в какой она хотела иметь деловые отношения исключительно с Массаро-отцом, в той же мере она предпочитала только Массаро-сына, которому тогда было двадцать пять. Это обстоятельство стало темой семейной шутки и даже предметом забавного пари… А как быть, если бы капризница Коко не захотела общаться ни с тем, ни с другим? Плакать по этому поводу не будем, улыбнулся Робер. Мой дядюшка – тоже обувщик, будем иметь его в резерве; в случае чего отошлем ее к нему. К счастью, такой случай так и не представился. Сотрудничество семьи Массаро и Шанель оказалось плодотворным – так, оно привело к изобретению знаменитых бежевых босоножек с черным мысом, и на день, и на вечер; у босоножек имелась эластичная стяжка, охватывавшая пятку, благодаря чему отпала необходимость в уродливой металлической пряжке. Эта модель, представленная в ряде вариантов, достигла пика своей популярности после 1958 года – года ее создания. Ее главные преимущества – которых и

добивалась Габриель – заключались в следующем: во-первых, ступня казалась меньше (благодаря двум цветам), зато нога – длиннее; во-вторых, становилась изящной сама стопа, что было отнюдь не безразлично для нее самой… В ходе долгой совместной работы по шлифовке модели Массаро не раз мог восхититься заботой о строгости и совершенстве, проявленной его знаменитой клиенткой.

Наряду с этим Габриель могла вести себя эгоистично и тиранически. Накануне 15 августа, прекрасно зная, что Массаро отправляется на отдых, она требует от него сшить ей пару сапожек (это летом-то!). К счастью, у него нашлись готовые, как раз ей по ноге. Но хитрый мастер вручил их заказчице только назавтра – мол, смотри, старался всю ночь! И что же, Коко приняла все за истину. В другой раз, когда Массаро принимал одну из самых ценных для него клиенток, раздался телефонный звонок – это Коко требовала немедленно явиться на рю Камбон и снять мерку у одной из ее манекенщиц. Понятно, что сорваться с места он никак не мог. Освободившись, он немедленно собрался мчаться к ней в студию, как вдруг раздается новый звонок: мол, можете не ехать, манекенщица «загуляла»… И смех и грех!.. Что ж, в его ремесле и не такое видели, удивляться тут не приходится. Вот, например, Барбара Хьюттон,[71] которая в отеле «Ритц» засовывала два пальца в рот и созывала горничных свистом, как какой-нибудь хулиган из Бельвилля скликает окрестную шпану. Или герцогиня Виндзорская – бывшая Уоллис Симпсон, которая требовала титуловать ее исключительно «ваша светлость» и ни разу не соблаговолила заплатить хоть за одно заказанное ею платье… Несмотря на все капризы, прихоти, эгоцентризм, вспышки гнева, злословие, громадное большинство людей, работавших с Габриель, по-видимому, сохранили в своей памяти симпатию к ней, а при воспоминании о ее энергичной личности у них начинали блестеть глаза.

* * *

Среди тех, кто в наши дни может поведать самые ценные свидетельства о легендарной кутюрье, следует назвать в первую очередь лиц, соприкасавшихся с нею в общей повседневной работе. Такова мадам Манон, ставшая первой швеей самого важного ателье Дома Шанель. Сколько раз на ее глазах Габриель рвала пройму, которая, как ей казалось, недостаточно освобождала движение рук, уничтожая в одну секунду плод многих часов терпеливого труда. «В радости ничего не сотворишь,

только в гневе, – кричала она. – В радости разве только куры хорошо несутся!» И сколько раз Манон, валясь от усталости, захлебывалась от рыданий и клялась навсегда оставить Мадемуазель, но это для нее было невозможно. Мадам Манон признается: она чувствовала, что принадлежит ей. Кстати, Коко остроумно утешила свою жертву:

– Вот это да! Манон уже оплакивает нашу коллекцию… Не рановато ли, а? А впрочем, это добрый знак: будет триумф!

Впрочем, не так уж редки были случаи, когда Габриель переступала порог студии в добром настроении. В ту пору на верхней доске камина высился бюст какого-то английского духовного лица, и у хозяйки студии был «пунктик» лобызать его, оставляя алые следы губной помады на его устах…

– Видите ли, он был сегодня не в лучшем настроении. Надеюсь, теперь он благословит нашу работу!..

Мы уже рассказывали о манере работы Коко, которая никогда не делала предварительных рисунков моделей, а жестами давала указания первым швеям, на которых была возложена задача «выстраивать» модели в общих чертах. После этого, вооруженная знаменитыми ножницами, она пускала свое грозное орудие в ход, отсекая лишнее и добиваясь окончательной строгости, примерно так же, как орудует своим резцом скульптор, отсекая все лишнее от каменной глыбы.

– Никто не умеет рвать так, как Мадемуазель, – говорили вокруг. В этих словах смешивались уважение и комплимент.

Сознавая, сколько зрелищности в этом ее методе работы, Коко в конце концов создала своеобразный номер, который исполняла перед журналистами или Пьером Вертхаймером. Когда объявили о прибытии мосье Пьера, последний, который был отнюдь не простофиля, сообщнически подмигивал мадам Манон; его забавляло, как хрустят с сухим продолжительным шумом наряды, растягиваемые бодрыми руками его старинной подруги.

Хотя манекенщицы проводили на рю Камбон меньше часов, чем швеи, у них тоже была возможность наблюдать Мадемуазель в ее повседневной жизни. Начиная с 1958 года и в продолжение пяти-шести лет «кабина» Шанель[72] могла посоперничать с адрес-календарем французского дворянства: Шанель пригласила на работу Жаклин де Мериндаль, Мими д'Арканг, Клод де Лёсс, Одиль де Круа… Однако цель, которую она преследовала, приглашая к себе на службу представительниц света, отличалась от той, что ставилась ею в двадцатые годы. Если тогда это объяснялось ее желанием социального реванша, то теперь, по словам Клод де Лёсс, она сочла логичным демонстрировать модели на представительницах того сословия, которое будет их

покупать. Но, несмотря на все, четыре-пять лет спустя она посчитала, что профессиональные манекенщицы дадут лучшее представление о ценности ее туалетов. А раз так – рассчитать всех этих баронесс и графинь, – возможно, не без некоего самоудовлетворения… Нужно ли говорить, что и к этим молодым аристократкам она подходила с той же крайностью требований, что и к остальному персоналу: так, Клод де Лёсс принуждена была расстаться со своей пышной шевелюрой, так как она скрывала затылок и шею, которые, как считает Габриель, суть «самые прекрасные веши, какие только может показать женщина». Но и это не все – Клод приходилось придавливать при помощи китового уса или бандажа грудь, которая казалась слишком пышной модельерше, творившей наряды лишь под свое мальчишеское сложение.

Ее авторитаризм проявлялся и в приглашениях, которые она имела обыкновение посылать неожиданно и вдруг. И солоно приходилось той, которая имела неосторожность быть занятой в назначенный срок: Габриель начинала на нее дуться, и порою это продолжалось неделями. Часто то или иное лицо приглашалось три-четыре раза подряд, а затем забывалось надолго… В ходе этих застолий Габриель, пользуясь поводом лишний раз блеснуть остроумием, обожала критиковать то одних, то других, взяв со своих сотрапезников клятву не разглашать услышанного за пределами столовой… Среди ее излюбленных мишеней фигурировали собратья по ремеслу, которых она с гримасой презрения титуловала *портняжками*… К таковым относились Пьер Карден и Курреж, о которых она сочиняла саркастические анекдоты. Только для двоих-троих она милостиво сделала исключение, в частности для Ива Сен-Лорана, о котором говорила так: «Этот малыш пойдет далеко – кстати, он меня копирует; это доказывает, что у него есть вкус». Пополз слух, что он тайком принимает ее…

Другими мишенями ее ядовитых стрел становились критикессы моды. Лиана Вигюэ, служившая манекенщицей на рю Камбон все последние годы, воспроизводит ее слова, услышанные из первых уст: «Они (критикессы) являются целыми табунами на каждый показ коллекций – дурно одетые, дурно причесанные, лишенные малейших признаков женственности; а порою, что решительно всех возмущает, от них еще скверно пахнет. Толстые, некрасивые, они полны зависти к тонким талиям моих манекенщиц и к женщинам, способным платить за модели от кутюр. Но более всего я ставлю им в упрек дурную критику. Не хочу сказать, что они способны одно дурное видеть – у каждого своя точка зрения, – но они попросту не умеют анализировать.

Это вполне естественно, когда не знаешь предмета, о котором ведешь речь».

Но чаще всего ее жертвами становились, как обычно, лучшие друзья, в частности, Жан Кокто; в ее устах он «маленький бесталанный буржуа, безнадежно пытающийся воровать идеи у своих собратьев». Коко еще добавляет к этому следующее: «Сколько ж он творит шуму… Меня тошнит от этих людей, которые шуршат вокруг меня шелковой бумагой и уверяют, будто это гром». На самом деле она упрекает его в том, что ему удалось снискать неизмеримо большую славу, нежели тому, перед кем она будет преклоняться всю жизнь: Реверди. Поэт скончался в Солеме в 1960 году. «Только никого не извещать», – потребовал он. На кладбище его проводили жена и две монахини из аббатства. О его смерти она узнала из газет. Теперь она действительно осталась одинока. Она пытается утешить себя: «Он не умер. Знаете, поэты не такие, как мы. Они вовсе не умирают».

Упрекала ли она Кокто в том, что он все еще был среди живых? Во всяком случае, она решила, чтобы он поискал себе другого мецената. И впрямь, с 1959 года его связала нежнейшая дружба с богатейшей Франсис Вайсвайлер, которая предоставила ему постоянный кров на своей роскошной вилле Санто-Соспир на мысе Ферра. Шанель тяжело переносила эту ситуацию, но не перестала дружески принимать Кокто у себя…

А что касается манекенщиц, то, как бы Габриель ни вела себя по отношению к ним, она обожала их присутствие. Десяток юных прелестниц, окружавших ее, согревали сердце почтенной дамы своей молодостью и веселостью. Порою казалось, что она относится к ним как к своим дочерям – наставляя, давала советы, если те сталкивались с проблемами в семейной или сердечной жизни. Конечно же, у нее были и свои любимицы… особенно писаная красавица Мари Элен Арно, которой Коко давала самые ответственные поручения. Поговаривали, что Мари Элен станет преемницей Шанель, но пошли и далеко не безобидные слухи об их отношениях… Эти пересуды вызывали раздражение Габриель, вплоть до того, что она поведала о наболевшем одному из своих адвокатов, но тот воспринял эту историю с юмором: «Забавно попасть в лапы к старой развратнице!»

Несмотря на всю жесткость, которую Габриель выказывала по отношению к другим людям (а сколь сурова она была к себе самой!), большинство работавших с нею манекенщиц сохранили о ней самые доброжелательные воспоминания. «За зарплату вдвое большую, чем предлагал мне Диор, я должна была присутствовать всего два часа в день, – вспоминала Лиана Вигюэ. – Конечно, Коко не любила, когда ей сопротивлялись, – объясняла она. – В

противном случае она принималась огрызаться. Но для тех, которые действительно стремились понять, чего она от них хочет, работать бок о бок с нею было истинным удовольствием». Сама Клод де Лёсс не говорила о том по-другому…

Нам памятно, что в предвоенные годы Габриель часто поручали костюмы актрис театра и кино – ее имя и талант были гарантией качества и дополнительным шансом на успех. Кокто посоветовал ей тогда начать с Сэма Голдвина.

Когда Дом Шанель вновь распахнул свои двери, тут же посыпались новые предложения. Она была в такой моде, что к ней – старой даме! – стали обращаться с заказами представители «новой волны» в кинематографе. Так, в 1958 году Луи Малль поручает ей создание платьев для Жанны Моро в кинофильме «Влюбленные». Три месяца спустя Габриель сотворила для Дельфины Сейриг туалеты для фильма-сновидения «Последний год в Мариенбаде», поставленного Аленом Рене. В том же году Висконти поручает ей двойную задачу: не только одеть Роми Шнайдер, которая снималась в картине «Боккаччо-70», но и поделиться с нею секретами элегантности. Она сделала это с тем большей охотой, что питала большую симпатию к юной талантливой актрисе, в свои двадцать три года уже снискавшей известность благодаря сериалу «Сисси». Коко, не колеблясь, давала ей советы и в сердечных делах – впрочем, та отнюдь не всегда к ним прислушивалась…

13
ДО КОНЦА…

Лозанна, осень 1965 года. Габриель Шанель пишет твердой рукой, несмотря на свои восемьдесят два года. Вот несколько из самых важных строк, вышедших из-под ее пера:

«Вот мое завещание.

Я провозглашаю моим единственным наследником и всеобщим правопреемником фонд КОГА, Вадуц.

Одиннадцатого октября тысяча девятьсот шестьдесят пятого года

Габриель Шанель».

Что же это за таинственный фонд КОГА? Он был учрежден в 1962 году по требованию Габриель ее адвокатом Рене де Шамбреном и одним из швейцарских друзей последнего – доктором Гутштейном. Этот фонд, странное название которого образовано просто путем сложения двух первых слогов – «Ко» (ко) и «Га» (бриель)», являлся обществом-холдингом, финансировавшимся самой Габриель. Он имел целью удовлетворение многочисленных волеизъявлений Шанель, которые у нее ясно определились за годы жизни: это – продолжение выплаты пособий большому числу лиц (наследникам Паласса, старым слугам, служащим, друзьям, находящимся в нужде), помощь молодым художникам, страдающим людям. Позже Габриель даст своим душеприказчикам более четкие разъяснения на сей предмет. Местопребыванием вышеупомянутого фонда стала столица княжества Лихтенштейн – город Вадуц, который Габриель избрала по причине налоговых льгот.

Отметим при этом, что общество, отчислявшее Габриель деньги с выручки от продажи духов, являлось швейцарским, и местопребывание находилось в Лозанне. Напомним также, что налоги с ее жалованья директрисы Дома Шанель регулярно выплачивали братья Вертхаймер.

Очевидно, что Габриель терпеть не могла жертвовать что бы то ни было в государственную казну, но зато во множестве других случаев демонстрировала редкостную широту души – вот только не выносила, чтобы у нее клянчили. Так, например, она – в обстановке строжайшей секретности – нанесла визит в Обазин и

пожертвовала крупную сумму денег сиротскому приюту, под крышей которого росла в отроческие годы, и это притом, что с этим заведением у нее были связаны не одни только счастливые воспоминания. Назовем еще один щедрый жест среди сотен прочих: когда Жак Шазо залюбовался ее большим восьмигранным кольцом с сапфирами, оправленными в платину, она сказала:

– Вам нравится? Держите, оно ваше.

И тактично добавила, чтобы не смущать собеседника:

– Я как раз собиралась подарить его вам ко дню рождения.

Напротив, ее разочаровывало поведение Луизы де Вильморен. Когда они отправлялись вместе в какой-нибудь ресторан, Коко было не в редкость слышать от Луизы в момент выставления счета:

– Одолжи деньжат… Я бумажник забыла.

– Да у тебя там и так ничего нет! – с иронией отвечала Коко.

Когда же Луиза приходила навестить свою подругу на рю Камбон, то после, когда они выходили вместе, она непременно старалась пройти через бутик. Там, разглядывая выставленные вещи, как-то: пояса, украшения, флаконы духов, – она активно выбирала приглянувшиеся, сопровождая свой набег радостными восклицаниями: «О, какой очаровательный платочек! А эта сумочка… Какое чудо, боже мой!» Единственное, куда она забывала заглянуть, так это в кассу, предпочитая выражать свою благодарность горячими объятиями: «До скорой встречи, моя душечка!» или «Милости прошу ко мне в Веррьер!»

Когда Луиза наконец усаживалась в такси, разнесчастный персонал дома на рю Камбон оставался с чувством жуткой неловкости, а настроение у Мадемуазель бывало испорчено на весь остаток дня.

* * *

Все последние годы своей жизни она не снижала активности. Вопрос о «заслуженном отдыхе», «уступке дороги молодым» и прочей ерунде даже не ставился. «Меня ничто так не утомляет, как отдых», – заявляла она не раз. В 1954 году ее друзьям бросилось в глаза, что она физически и морально помолодела на десять лет. Она будет держаться до конца. В дни, предшествующие показу коллекции, она была способна держаться на ногах девять-десять часов подряд, тогда как сменявшие друг друга манекенщицы едва не падали в обморок от изнурения. Во время этих сеансов она не имела во рту маковой росинки (где взять время на обед!), только делала несколько глотков воды: у

нее не было ни секунды паузы!..

– Вы что это на меня так смотрите?! – возмущалась она по адресу тех, кто изумлялся, видя, как стойко она держится.

…К трем или четырем часам утра ее сопровождали обратно в «Ритц», где она, наконец, снимала канотье, которое было на ней весь день… а назавтра она, совершенно свежая, готова была возобновить свои изнурительные сеансы. За несколько дней ей нужно было пересмотреть примерно восемь десятков моделей…

Значило ли это, что у нее было превосходное здоровье? Отнюдь нет… На склоне лет, чтобы заснуть, ей требовался укол морфинического средства – седола, который ей вводила горничная Селин. Появился сомнамбулизм, и бедную Коко приходилось привязывать ремнями к ее медной кровати. В 1970 году у нее случился паралич руки, продолжавшийся два месяца. Этот случай дал ей понять, что не стоит таскаться в Нью-Йорк на премьеру музыкальной комедии «Коко», повествующей о ее жизни; в главной роли была занята Кэтрин Хэпберн. Ей не следовало забывать, что ей шел восемьдесят седьмой год…

Конечно, она по-прежнему считала необходимым заботиться о своей внешности. Последние три года жизни она приглашала к себе в «Ритц» каждый день к 9.00 (случись ему прийти минутой позже, он выставлялся вон) Жака Клеманта[73] делать ей макияж; мастер работал до 9.45, после чего он направлялся к следующей клиентке – герцогине Виндзорской. Поначалу Клемант, тогда еще совсем молодой, робел от перспективы делать макияж гранд-даме с улицы Камбон. Тем более что во время первого сеанса она ни словом не обмолвилась, что хочет от него, – она просто наблюдала за ним. Экзамен выдержан, он принят! Трудность заключалась не в том, чтобы заставить сиять ее взгляд – черные глаза Коко блестели ярче антрацита, – а в том, чтобы приглушить его. Что делать, такова вечная проблема слишком жгучих брюнеток! Доверие, установившееся между Жаком и Коко, словно открыло клапаны, выпустившие потоки слов – начались бесконечные монологи, благодаря которым Клемант все узнал о Коко… Поначалу он дважды или трижды пытался предлагать ей свои советы, но вскоре понял, что их у него не спрашивали. Но молодому двадцатилетнему мастеру грех было жаловаться – за годы общения с одной из самых замечательных женщин своего века он накопил богатейший опыт работы по специальности.

* * *

Однако же, несмотря на преклонные годы, она по-прежнему

оставалась острой на язык:

– Сколько лет вы дадите графине де Б"""? – спросила она Шазо.

– Думаю, она на пятом десятке!

– Разве? Я так не думаю… А впрочем… Да, на пятом десятке… До Рождества Христова…

Ее глаза светились от удовольствия, как у мальчугана, совершившего ловкую проделку. Любо-дорого было послушать ее суждения о некоторых новых течениях, в частности, о мини-юбках, которые она изрекала надтреснутым голосом крестьянки:

– Ныне молодые женщины одеваются не то как клоуны, не то как совсем маленькие девочки… Они не правы. Мужчины не любят маленьких десятилетних девочек, а если и полюбят, то потом задушат…

* * *

При всем при том одиночество оставалось для нее большой проблемой. Кто любит ее? Кто думает о ней после смерти ее друга-поэта? Большинства ее друзей нет в живых. Она была обречена разделить страшную судьбу чересчур богатых людей, которые не могут поверить в то, что они безразличны тем, кто их окружает… в том числе собственной семье… Однажды в студии секретарша сказала ей:

– Мадам, ваш племянник спрашивает, может ли он повидать вас… Он будет очень счастлив…

– Извините, это не нужно. Скажите ему, что он может пройти в кассу, как обычно.

Однажды, впав в меланхолию, она заговорила со своей внучатой племянницей Тини Лябруни и, обратив к ней взор маленького грустного фавна, поведала ей о сокровенном:

– По существу, права ты, Тини. У тебя муж, дети, а я одинока. У меня жизнь не удалась.

К счастью, она по-прежнему была окружена людьми, которые помогали ей и восхищались ею. С 1954 года она дала ответственные поручения по ведению своего Дома моделей Лилу Маркан – сестре актера Кристиана Маркана и супруге журналиста газеты «Экспресс» Филиппа Прумбаха. Вплоть до 1971 года Лилу играла столь важную роль в ее повседневном существовании, что рисковала этим поставить под удар гармонию своих отношений с супругом. Со своей стороны, психоаналитик и писатель Клод Дале одарил Габриель в последние десять лет ее жизни своей неусыпной дружбой.

Тем не менее каждый вечер, едва спускались сумерки, Коко охватывал приступ тоски – груз одиночества становился для нее совершенно невыносимым. Тогда она стала затягивать рабочий день допоздна – к большому огорчению персонала Дома Шанель. Мысль об обеде в одиночестве приводила ее в ужас.

– А ваши друзья?

– А что друзья! У женщин нет друзей. Их либо любят, либо нет.

* * *

Все же она продолжала по вечерам наносить визиты – то к Лазаревым, то к Эрве Миллю, на рю де Варенн. Как-то она отправилась в сопровождении Эрве Милля в «Гранд-опера»; с ними в компании был также критик Матье Гале, который пометил в своем дневнике: «Удивительным шармом обладает эта престарелая дама, еще почти желанная под своими румянами. Взгляд у нее остается живым, улыбка ироничной и требовательной (…), а походка величавой».

Тем не менее она предпочитала принимать гостей сама; Лилу Маркан брала на себя хлопоты об обедах. Но, страшась остаться одной после ухода гостей, она старалась затянуть общение до неурочного часа, а прощаясь, продолжала разговоры на лестничной площадке… и до самых дверей «Ритца».

Этот страх привел к тому, что она прониклась пристрастием к своему камердинеру Франсуа Мирон не и часто просила его снять белые перчатки и посидеть с нею за одним столом. Одни говорили, что ее покорило отдаленное сходство Мирон не с Вендором, другие думали, что с Реверди. Посчитав, что для такого мужчины, как он, унизительны обязанности камердинера, она поручила ему заботу о своих украшениях. Можно только догадываться, какой ужас охватил ее, когда Мирон не, не осмелившись известить о своих намерениях заранее, отлучился на несколько дней, чтобы отпраздновать собственную свадьбу. Она чувствовала себя как никогда покинутой.

С коммерческой точки зрения Дом Шанель процветал. С 1954 года была создана дюжина дополнительных ателье; на предприятии трудились триста пятьдесят человек. Но Габриель видела, как сокращается число ее друзей: она утомляла их бесконечными монологами, воспоминаниями о прошлом и любимыми темами. Теперь, помимо Лилу Маркан и Клода Деле, рядом с нею остались только Серж Лифарь, Жак Шазо, который навещал ее ежедневно, и Андре Дюбуа.

Смерть настигла ее 11 января 1971 года в мансарде «Ритца» в воскресенье. Она ненавидела этот день недели, свободный от работы, которая была единственным смыслом ее жизни. В этот день ее часто можно было видеть одиноко сидяшей на железном стуле в садах Пале-Рояль под окнами, за которыми она, казалось, еще надеялась увидеть силуэты своих друзей – Колетт и Кокто, которые съехали отсюда уже много лет назад.

…В этот январский вечер, вернувшись с прогулки со скачек в Лошане, она почувствовала себя плохо. Она догадалась, что конец близок. Коко легла на свою медную кровать; руки ее дрожали, ампула с лекарством ни за что не хотела разбиваться, и сделать укол не удалось. «Вот так умирают», – пробормотала она. Страшные в своей ясности слова. Так говорили римляне в великую эпоху…

Согласно желанию покойной, ее похоронили на кладбище в Лозанне. В могиле она покоится одна.

Но… Разве она не была вот так же одинока начиная с того мартовского дня 1895 года, когда отец оставил ее за холодными серыми стенами Обазина?

notes

Примечания

1

Об этом городке см. ценный труд, изданный муниципалитетом: Courpiere, porte du Livradois-Forez (1998). (Здесь и далее примечания автора.)

2

К северу эта река впадает в реку Алье, неподалеку от Виши и вблизи Шательдона.

3

Закон Наке, разрешающий развод, провозглашен двумя годами позже.

4

Бранденбуры – узорные петлицы, выполненные шелковым шнуром.

5

Этот дом был приобретен в 1880 г. и находится на рю де Миним (в настоящее время Виктор-Шамерла). Но более известна эта улица под именем Коко Шанель.

6

Цистерцианцы (бернардинцы) – члены католического монашеского ордена, основанного в 1098 году в местечке Цистерциум монахами-бенедиктинцами, чьим духовным лидером впоследствии стал аббат Клервоский. (Примеч. ред.)

7

По-французски пишется: «Coco». (Примеч. пер.)

8

Рене де Пон – Жест (1830–1904) – бывший офицер, романист, хроникер газеты «Фигаро».

9

Полер (настоящее имя Эмиль Мари Бушо, род. в 1877 г.) – знаменитая в ту эпоху певица. Ее талия имела в обхвате всего 42 сантиметра. Снискала большую славу в роли Клодины (персонаж пьесы Вилли «Клодина в школе», 1906 г.).

10

Буквально – «рохля, недотепа», в переносном смысле – «разболтанный, свободный».(Прим. пер.)

11

Редингот – дамское приталенное пальто. (Примеч. пер.).

12

Как у мушкетеров. (Примеч. пер.)

13

Мансар, Франсуа (1598–1666) – французский архитектор, представитель классицизма.

14

Улица Мучеников в Париже, ведущая к бульвару Клиши и располагавшимся там «веселым» кварталам. (Примеч. пер.)

15

Ныне авеню Фош.

16

Длинное суконное платье для верховой езды, укороченное с одного боку и застегиваемое на пуговицы до самой шеи. В ту эпоху носилось с головными уборами, о которых ниже упоминает Габриель. (Примеч. пер.)

17

Генеральный регистр чистопородных лошадей, в котором отмечены все, начиная с XVII века, потомки трех арабских эталонных жеребцов, выращенных в Англии.

18

«Реалистический балет», созданный 18 мая 1917 г. в театре «Шатле» для «Русских сезонов». Сюжет Ж. Кокто, музыка Эрика Сати, костюмы Пабло Пикассо.

19

Аррондисман (округ) – административно-территориальная единица в Париже, в черте бывших городских укреплений. (Примеч. пер.)

20

Улица Мира, одна из самых шикарных в Париже. (Примеч. пер.)

21

Эти ширмы и сейчас еще можно видеть в ее квартире на рю Камбон.

22

Paul Morand. L'Allure de Chanel, 1976.

23

Настоящее имя – Габриель Сигрист-Моббер (1886–1979). Упоминается у Гитри и у Кокто; блистала как в кинематографе, так и на театральных подмостках.

24

Дункан Айседора (1878–1927) – американская танцовщица, идеи и импровизации которой реформировали классический балет.

25

Настоящее имя – Жорж Гурса; родился в Периге в 1863 г. умер в Париже в 1934 г.

26

Сэр Джон Френч (1852–1925) – граф Ипрский, прославившийся в англо-бурской войне. Маршал с 1913 г. Был назначен командиром Британского экспедиционного корпуса, направленного во Францию в 1914 г.

27

Ныне изготовление шляп играло в ее предприятии лишь побочную роль.

28

В интервью от 1916 г. драматург Федо высказывает радость по поводу исчезновения этих зауженных книзу юбок: «При старой моде было невозможно волочиться за женщинами на улице. Три шага – и ты обгоняешь ее. Зато теперь…» (Feydeau H.Gidel. Flammarion. 1991.)

29

На галльский манер. (Примеч. пер.)

30

На французском арго: солдат-окопник. (Примеч. пер.)

31

«Литературные приложения к газете „Таймс“. (Примеч. пер.)

Дворянства. (Примеч. пер.)

33

См.: Gold Arthur, Fizdale Robert. Misia, la vie de Maria Sert. Gallimard, 1981; Misia par Misia. Gallimard, 1952.

Вид шелковой ткани. (Примеч. пер.)

35

Bernstein – Gruber Georges et Maurin Gilbert, Bernstein le magnifique. (J.-C. Lattes, 1988).

Сладкий крем с вишневым ликером. (Примеч. пер.)

37

Полтора миллиона франков на сегодняшние деньги.

38

Так называлась организованная для особ высшей русской аристократии в начале XX в. «экскурсия» по злачным местам Парижа; разумеется, в роли разбойников-апашей и прочих представителей парижского «дна» выступали специально нанятые актеры. (Примеч. пер.)

39

Мидинетка – молодая парижская швея, выходящая в полдень (midi) на обеденный перерыв, – отсюда название. (Примеч. пер.)

В ноябре 1812 года. (Примеч. пер.)

41

В оригинале латинскими буквами по-русски. (Примеч. пер.)

42

По данным журнала «Тайм» от 25 января 1971 года, после смерти Габриель осталось 15 миллионов долларов, что в пересчете на нынешние деньги примерно равняется 260 миллионам.

43

Антуан (настоящее имя Антак, 1884–1977 гг.) – уроженец Польши, создатель прически a la garcon. Изобрел совместно с Эженом Шюллером красящие шампуни.

Впоследствии – театр «Эберто».

45

Около 90 тысяч франков на теперешние деньги.

46

Смесь французского с английским: «Лазурь с золотым изгибом и простой серебряной каймой». (Примеч. пер.)

47

Война между Британской империей и бурскими республиканцами на юге Африки в 1899–1902 гг.

Эти суммы соответствуют примерно 5 миллионам 400 тысячам и 18 миллионам сегодняшних франков.

49

Буквально: «пряденые дома». Эти ткани и в самом деле первоначально изготовлялись ремесленниками в домашних условиях.

На теперешние деньги – 170 тысяч франков в месяц. И так несколько месяцев подряд!

M a u r i e s Patrick. Les Bijoux de Chanel, 1993; Baudot Frangois. Chanel, joaillerie. 1998.

52

Игра слов: du bon – значит (желаю) хорошенького… (Примеч. пер.)

53

Переговоры по этой сделке вел лично Этьен Бальсан, владевший по соседству замком Думи.

54

Эта квартира, фотофиксацию которой позже выполнил Дуано, в настоящее время тщательно сохраняется со всею мебелью и декором.

Белот – род карточной игры. (Примеч. пер.)

Свыше 180 см. (Примеч. пер.)

Эти противогазы начали выдавать населению крупных городов начиная с зимы 1938/1939 гг. По иронии судьбы большую часть их Франция заказала в Чехословакии.

58

Об этой эпохе и о Кокто см.: Gidel Henry. Cocteau. Flammarion, Goll. Grandes Biographies, 1998.

59

В действительности в январе 1941 года Габриель было уже 57 лет. Она просто скрывала это от подруги.

Тем не менее он был приговорен Нюрнбергским судом к пожизненному заключению. От виселицы его спасло только тяжелое состояние психики.

61

Отметим мимоходом, что Мадлен Вионне тоже закрыла свое заведение в 1940 г.

62

Deon Michel. Bagages pour Vancouver. La Table Ronde, 1985.

Буквально: конца (девятнадцатого) века. (Примеч. пер.)

Только три десятилетия спустя Моран опубликует свои заметки в «L'Allure de Chanel». Editions Hermann, 1976.

Соответствует 17 миллионам франков наших дней.

Тюль жесткой выделки. (Примеч. пер.)

Буквально: «Русская кожа» (юфть). (Примеч. пер.)

В оригинале: oukazes. (Примеч. пер.)

69

Намек на «платье-сак» строго прямой формы, появившееся в 1957 г. (Игра слов: по-французски sac – это прежде всего сумка, мешок.) (Примеч. пер.)

70

Интервью 22 июля 1999 г.

71

Одна из самых богатых наследниц той эпохи.

72

Так называлась комната, где одевались манекенщицы Дома моделей.

73

Жак Клемант – мастер макияжа сначала в области моды, затем кино; среди его клиенток – Элизабет Тэйлор Софи Лорен, Катрин Денёв…